

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

ПЕРЕКРЕСТКИ

Annotation

Ветер, поднятый крыльями ворона, закручивается в воронку хаоса. И втягивает в себя людей, дороги, меняет судьбы.

Кто бы сказал Лоренцо Феретти, что он будет рисковать свободой, жизнью и рассудком – ради работорговца?

Кто бы намекнул Адриенне, что ей придется проводить древние ритуалы, хладнокровно осуждать людей на смерть?

Кто бы шепнул Мие, что она убьет самого своего близкого человека?

Дороги сплетаются в невообразимый клубок, дороги меняют людей – и люди выбирают новые пути.

Или это уже не люди? Они еще разберутся.

- [Галина Гончарова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

Галина Гончарова

Ветер и крылья. Перекрестки

Колдовские миры

© Гончарова Г.Д., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо 2023

Глава 1

Лоренцо

Гладиаторы бывают разные. И школы, в которых мужчин обучают убивать друг друга всеми возможными способами, – тоже^[1]. Люди могут сражаться один на один. Могут сражаться один против нескольких людей или группами. Могут сражаться с животными. Могут даже не сражаться, а просто убивать. Расстреливать, словно мишени.

От типа зрелищ и боев отталкивается основная классификация.

Еще многое зависит от типа оружия, которым сражается гладиатор.

Копье, дротики, меч, сабля, сеть, трезубец или вообще боец-двоеручник, который мог одинаково ловко работать обеими руками.

Конный или пеший. В кольчуге или без.

Это основное деление. А дальше начинаются разные тонкости, в которых Энцо еще не разобрался. Впрочем, пока он и не мог этого сделать.

Хотя бы потому, что отвратительно знал арайский язык.

Он старался, он учился, он запоминал слова и звуки, воспроизводил их, выворачивая свой язык, старался говорить точно так же, как местные, изо всех сил вслушивался в гортанную жесткую речь.

Зачем?

А затем!

Даже если он завтра погибнет на арене, он умрет не смирившись. Он учит язык врага, чтобы рано или поздно проложить себе дорогу к свободе. Пусть на него смотрят как на дурака. Пусть качают головой, пусть думают, что все зря, что таких было много, очень много...

Не важно!

Плевать на все и на всех.

На сотоварищей по несчастью, на рабов, которых арайцы обильно закупают в разных странах, на слуг, даже на ланисту Зеки-фрая, которого Энцо ненавидел. Хоз-с-с-с-сяин!

Удавил бы мразь, но приходится терпеть.

Ничего, Энцо прошел хорошую школу в лавке. Ах, дядя, единственное, что сейчас может Лоренцо Феретти, это молиться за вас, а выберется – тогда и на колени встанет, не побрезгует.

Дан.

Перед купцом.

За самое важное, что есть в жизни. За уроки мудрости.

Купец – это не просто купи-продай. Есть и такие, но выше торговцев вразнос они не поднимаются. Или держат лотки на рынке... один, ну два. Не больше.

Потому что купец – это информация, связи, подход к людям, знание человеческой натуры, умение разглядеть выгоду и для себя, и для партнера по торговле, объяснить, уговорить, убедить...

Данам этого делать не приходится.

Дан приказал – и ему повинуются. Ему не нужно изворачиваться ужом, чтобы выжить. Конечно, так происходит далеко не всегда, но очень и очень часто. Даны над этим не задумываются вообще.

Останься Энцо обычным даном – погиб бы в школе гладиаторов в первые несколько дней. Или был бы продан евнухам со всеми последствиями. И тогда уж...

Энцо предпочел бы покончить с собой, но не возвращаться домой – изуродованным, опозоренным... в таком случае самоубийство не смертный грех, а доблесть. Еще и врагов бы с собой прихватил побольше.

Постарался бы. Клинком, ядом... да хоть зубами и ногтями! Не важно!

Энцо был племянником купца. И за два года Лаццо сумели многое в него вложить.

Школа гладиаторов.

Что в ней ценится?

Что можно продать арайцам?

Да понятно что! Красивую игру! Красивое сражение!

Яркое, непредсказуемое, интересное... Энцо и так хорош собой, и так умеет обращаться с оружием. Если его немножко подучить, можно ставить на бои. И да.

Ставки.

Тотализатор, который был всегда и всюду.

Об этом говорили гладиаторы, об этом знали слуги. В этом разбирался Энцо благодаря Паскуале. Да, и о таком в семье заходил разговор, правда, применительно к скачкам, собачьим боям или петушиным... вот не думал Энцо сам оказаться в роли собаки. Нет, не думал, не хотел...

Но попал и знал, что именно надо делать.

Ценятся не только те псы, которые приносят победу.

Но и те, которые делают это на определенной минуте, к примеру. Ставки бывают разные. На количество ран, на время, на оружие, на... да на что только не поставишь...

А вот чтобы Энцо мог их оправдать – нужно его учить.

Правда, для этого ему уже пришлось убить человека. Меньше месяца назад.

* * *

Начиналось это так.

Школа гладиаторов представляла собой большое трехэтажное здание.

Внутри – двор. Арена. Большая, окруженная рядом скамеек для простонародья и трибунами для важных данов. Для самых важных, буде те соизволят посетить бои, даже ложи предусмотрены.

Как рассказали Энцо, особым шиком считалось выкупить такую ложу для себя и только для себя. На сезон, на год, на два... Но дорого. Зато потом можно с важным видом вручать друзьям ключ от ложи. Или бросить так небрежно в разговоре: да, арендовал. Могу себе позволить.

В Эвроне это были, к примеру, кареты с позолоченными колесами или арайские жеребцы... ничего-то от века не меняется.

Когда на арене не проходили сражения, на ней проходили тренировки.

На первом этаже находились казармы гладиаторов. Хотя казармы – это громко сказано. Скорее, помещение на десять – двадцать человек. У каждого койка, под койкой сундучок с кое-какими вещами, хотя бы с той же набедренной повязкой... Больше им на первой ступени ничего не полагается.

Лучшим гладиаторам отводят отдельную комнату. Имущества у них тоже больше. А самых лучших, говорят, даже в город иногда выпускают.

Энцо без устали расспрашивал слугу, нещадно коверкая слова, и запоминал, запоминал...

Что ж.

Это его шанс – стать лучшим. Чтобы получить свободный... относительно свободный выход в город. Энцо сразу же отметил для себя эту возможность.

Понятно, что все предусмотрено, что он такой не первый умный. Но что ему могут еще предложить? Какая есть альтернатива? Смириться с происходящим? Подохнуть в первом же бою?

Перебьетесь.

Еще на первом этаже содержали животных. В клетках. С животными тоже требовалось сражаться, а иногда и вовсе их расстреливать. Это называлось венацио, и Энцо решительно не понравилось^[2]. Ладно еще – убивать людей.

Человек такая тварь, что и с собой что угодно сделает, и с другими. А животных за что?

Просто – за что?!

За то, что волку или кабану не повезло попасться в руки охотнику или в волчью яму? С-сволочи...

Слуга, заметив отвращение Энцо, махнул рукой и сообщил, что бои с животными достаточно редкие. Если попадется серьезный зверь, вот тогда... А просто так?

Не слишком-то это интересно. Так, толпу разогреть, крови налить... животные стоят дорого. Их надо где-то содержать, кормить, убирать за ними, это все затраты, к тому же нет гарантии, что их поймают к определенной дате или что они до этой даты доживут. Могут ведь и просто лечь и сдохнуть в неволе. Всем назло.

Не кормить же льва через высушенное утиное горлышко?

В основном на арене оказываются быки, коровы, буйволы... легко достать, легко содержать. Ну, еще собаки.

Энцо это комментировать не стал. Гадко.

На втором этаже жил ланиста, то есть Зеки-фрай. Жили тренеры, которые натаскивали гладиаторов. Жили массажисты, повара... обслуга школы.

Третий этаж был отведен под господские покои. Ну или для визита важных гостей.

На памяти слуги такое случалось два раза.

Хозяин гладиаторской школы предпочитал жить в столице, приезжая или присылая управляющего раз в квартал, чтобы забрать прибыль. А гости...

Ну да, два раза.

Арей-бей и Судат-бей.

Оба этих имени слуга произносил так, словно сюда лично небожители спускались. В обращениях Энцо тоже разобрался.

Фрай – уважаемый. Фрая – уважаемая. Своего рода ньоры. Не аристократия.

Бей – что-то вроде дана. К его женам или дочкам никакого особенного обращения нет. По очень простой причине.

Негодник, который осмелится обратиться... да что там! Просто неуважительно поднять взгляд на местных высокородных дам – поплатится содранной шкурой.

Энцо такое и рядом не надо было. Перебьется...

Да и омерзение у него вызывали местные жители. Польститься на кого-то из арайских женщин?

Лучше уж с козой...

Впрочем, эротические представления на арене тоже давали. Раз в десять дней арена открывала свои двери для всех. И были бои, ставки...

Был окровавленный песок, который засыпали свежим, и тела, которые увлакивали с арены крюками... потом их сбрасывали в море.

А что, хоронить, что ли?

Вот еще не хватало! Пусть рыба подкормится.

Были совокупления женщин с ослами, быками, конями... как правило, они кончались смертью женщины, но для этого дела выбирали или рабынь, которых не жалко, которые провинились, или проституток... последних, конечно, реже.

Отношение к неверным у арайцев было, как к животным. Даже хуже – скотину холят и лелеют, она должна пользу приносить. А неверные...

Этих – не жалко.

Пять дней он просто отъедался и отсыпался. Осматривался и учился.

На шестой день его подняли на рассвете, вместе со всеми. И – началось.

Гладиатор – это не бока пролеживать. Это тренировка и тренировка, это бег вокруг арены, и попробуй полениться – сразу тебя кнутом! Это поднимать тяжести, это растяжка, это упражнения с мечом...

Все то, что Энцо проделывал давно и упорно вместе с Чезаре и Леоне.

Спасибо вам, учителя. Выберусь – в ножки поклонюсь!

Подготовка Энцо слегка удивила ланисту, который ожидал худшего. Зеки-фрай подозвал к себе дана и принялся расспрашивать.

Энцо отвечал, по возможности честно.

Да, учился.

Да, сражался. С пиратами, с разбойниками... доводилось убивать. Так что ничего нового ему тут не предложат. Вот тогда и...

Зеки-фрай подумал несколько минут, потом приказал увести Энцо с арены к массажисту, накормить, а потом... вечером...

Вечером Энцо снова вернули на арену.

Не одного.

На арене было сложено оружие.

На арене находился Зеки-фрай. И рядом с ним стояли две клетки.

В одной из них грыз прутья волк.

В другой молча сидел мужчина, посверкивая глазами из густых зарослей.

– Ты понимаешь меня, неверный. – Ланиста говорил на арайском. Медленно, отчетливо проговаривая слова. Так Лоренцо действительно его понимал. А вот говорить пока было сложно, пришлось ограничиться коротким:

– Да, Зеки-фрай.

– Выбери себе противника. Бой до смерти.

– Противника? – Наверное, Энцо выглядел глупо.

– Здесь две клетки. С кем ты будешь драться – со зверем или с человеком?

Энцо даже не задумался.

– С человеком.

Дело было не в его отношении, или в жажде крови, или...

Все предельно просто.

Энцо учили драться с людьми. Не с дикими животными. Не с волками. Там наверняка другой подход, другие движения... этому тоже надо учиться. С человеком у Энцо есть хорошая возможность избежать ран. Если он будет драться всерьез, конечно.

А волк?

Хватанет когтями или зубами цапнет...

Понятно, что ран Лоренцо не боялся. И боли тоже. Если он останется в школе гладиаторов, будет и то, и другое. Но... не здесь и не сейчас. Он должен стать достаточно ценным имуществом, чтобы его предпочли лечить, а не добивать. Вот и весь расчет.

Придется для этого убить человека?

Хорошо, он это сделает. Можно подумать, раньше с ним такого не бывало!

– Человек. Твое оружие?

– Чем будет вооружен он?

– Он выберет. Потом.

Энцо задумался еще ненадолго. Потом остановил свой выбор на паре «короткий меч – кинжал». Выбрал, взвесил...

Да, таким его сражаться учили.

Тоже своего рода проверка. Что выберет новичок, как он умеет этим драться... Щит или кольчуга Энцо, видимо, не полагались. Их на арене не было.

То есть любой пропущенный удар – это ранение.

Плохо, очень плохо...

Пока Энцо размышлял, его противник уже вышел из клетки, расправил плечи, потянулся...

Черт побери! В этого монстра можно двоих Энцо уложить. А то и троих... плохой противник. Массивный, квадратный, длиннорукий... вооружение?

Копье.

И владеет он им весьма неплохо, Энцо это видел.

Его собираются здесь убить? Шансов нет?

Или...

А, нет! Шансы у него есть.

Энцо увидел, что у здоровяка серьезная рана на левом бедре. Считай, он будет медленнее двигаться, он более уязвим с левой стороны... почему его выгнали сражаться с раной? Он провинился в чем-то, или он не ранен, или...

Ладно. Пока Энцо настолько не разбирается в местных тонкостях. Но к Зеки-фраю он повернулся и поклонился еще раз.

– Достопочтенный Зеки-фрай...

– Что тебе, неверный?

– Бой до смерти?

– Да. Один из вас не покинет эту арену сегодня.

– Наказания за смерть противника не будет?

Энцо с трудом подбирал слова, путался, но Зеки-фрай понял.

– Тебя не накажут. Этот сын свиньи не победил в бою...

Дальше Лоренцо можно было не объяснять. Ставки, деньги... проигрыш – считай, потеря и убытки. Вот и расплачивается бородач.

Но ему, Лоренцо Феретти, от этого легче не будет. Придется выложиться, иначе ему не уцелеть.

Зеки-фрай сделал шаг назад – и хлопнул в ладоши.

– Бой!

От первого удара копья Энцо едва увернулся. И тут же копьё вернулось, подсекло его под колени...

Ага, попробовало!

Нашли дурака – подставлять родные ноги! Леоне кнутом его давно от такой доверчивости отучил!

Энцо взвился в воздух, пропуская под собой копьё. И не приземлился на него, вот еще пошлости! Это рассказывать хорошо, мол, подпрыгнул я, и всей тяжестью упал на оружие противника, и выбил его. В реальности такие игры кончатся сломанными ногами. Лоренцо перекатился, разрывая дистанцию. Осторожно закружил вокруг противника, нащупывая другие слабые места...

Нет, только нога.

В остальном – ему бы у этого бородача поучиться. Хороший боец, сразу видно.

Долго Энцо не простоять. Он все же после морского путешествия, он давно не тренировался, а бородач жил в хороших условиях...

Жало копья снова прянуло ядовитой змеей. Энцо увернулся, отвел его клинком, перекатился по песку – но уже ближе к врагу. Не разрывая, а сокращая дистанцию.

Неудобно, так что поделаться?

Надолго это врага не задержало, но Энцо не собирался драться честно. Кинжал он выбрал не просто так – его еще и метать можно.

Понятно, от кинжала гладиатор увернулся. А вот от подлого удара ногами по щиколоткам – уже нет. Энцо попросту упал на спину, ну и как дотянулся, так и дотянулся. Получилось неплохо.

Гладиатор свалился, словно подкошенный, Энцо взлетел с песка – и выбил у противника копье.

Приставил клинок к груди, туда, где бешено вздымались ребра, густо поросшие курчавой черной шерстью. Оглянулся на ланисту.

– Достопочтенный?

Если противник думал, что сможет в это время уйти из-под клинка, – зря. Стоило бородачу шевельнуться, как Энцо тут же пнул его по ране, без всякой жалости. Мужчина глухо простонал, но Энцо заставил себя об этом не думать.

Кукла. Это просто кукла.

Не человек. Ступенька к свободе.

Зеки-фрай медленно показал большим пальцем вниз.

– Убей его, неверный.

Энцо замешкался лишь на секунду. Даже меньше – на долю секунды.

Этот человек ни в чем не виноват лично перед ним. Он такой же невольник.

Но...

Прости, брат. Я бы хотел смерти на твоём месте.

Клинок резко пошел вниз.

Тело противника выгнулось – и опало.

– Точно в сердце, – кивнул Зеки-фрай. – Ты хорошо дерешься и не боишься смерти.

Энцо склонил голову. Потом медленно положил на песок меч, как бы подчеркивая, что его работа – выполнена. Все, оружие больше ему не нужно...

Зеки-фрай довольно кивнул. Хороший раб, выгодный. Сразу видно. По первому разу многие боятся убивать. Приходится давить,

настаивать... этот не колебался. Видно, что думал, но не колебался.

– Ты не хотел убивать?

– Мне все равно, – коротко ответил Энцо. – Но это был ценный воин.

– Не ценный. Плохой характер, – кратко объяснил Зеки-фрай.

Энцо молча принял объяснения. Что ж, плохой так плохой. Бывает...

– Почему ты не выбрал волка? Почему человек?

Энцо мог бы сказать многое. Обошелся коротким:

– Волк здоров.

Зеки-фрай расхохотался.

– Ты выбрал добычу полегче? Маленький хитрец... – И снова стал серьезным. – Смотри не обмани сам себя.

Энцо молча поклонился.

Он постарается.

Его ждут дома. А сколько человек ему придется ради этого убить... сколько надо – столько и убьет. Жаль, не тех, кого хочется.

* * *

После первого убийства жизнь Энцо сильно не переменилась.

Он так же тренировался, он так же питался вместе со всеми, он так же учил язык. Получалось плохо, но юноша старался.

И после первого месяца обучения Зеки-фрай сообщил Энцо, что завтра его ждет первый бой.

– Да, Зеки-фрай.

Другого ответа у Лоренцо не было. Даже когда тебе сообщают, что завтра ты первый раз выйдешь на арену... Хочется не хочется, а собственного мнения и желаний у раба не предусмотрено. Увы.

В гладиаторской школе Ваффы Энцо жил уже почти месяц. Обычно здесь новичков столько не держали. Дней десять, пятнадцать – и пожалуйста на арену.

Но...

Зеки-фрай решил, что на Энцо можно хорошо заработать.

А почему нет?

Красивый. Тонкий, стройный, светлокожий, с золотыми волосами...

И при этом отлично сражается! На этом можно сделать деньги, а деньги Зеки-фрай любил, искренне и нежно.

– Ты сегодня будешь драться с провокатором.

Энцо кивнул еще раз.

Провокатор. Плохо...

Провокатором назывался преступник, который был осужден на смерть. Но в отдельных случаях таких не казнили – зачем расходовать материал? Их выставляли на арену, и ценой боя для них была жизнь.

Вооружение?

Средний меч и щит. Больше ничего им не полагалось, никакой защиты.

– Чем я буду драться, достопочтенный?

– Тем, чем привык, – махнул рукой Зеки-фрай. – Кинжал, меч. Доспехов на вас не будет. На нем – нагрудная пластина. На тебе поножи и наручи.

Энцо кивнул.

Ничего, что могло бы его как следует защитить.

Ничего, что будет сильно отягощать или стеснять движения.

Плохо другое. Ему нельзя метить в корпус. А вот противнику все равно, куда бить. И у противника будет щит...

Метательное оружие сразу отменяется.

Плохо...

А никто и не говорил, что будет легко и приятно! Энцо медленно поклонился.

– По вашему слову, достопочтенный.

Зеки-фрай довольно улыбнулся.

Хороший раб. И бой будет интересный. Он посмотрит с удовольствием...

– Как ты хочешь, чтобы тебя назвали? Прозвище?

Энцо удивленно посмотрел на ланисту. Ему уже было известно: прозвище дает толпа, что он и сказал. Зрители... Зеки-фрай хмыкнул.

– Это потом. Но в первый раз тебя надо как-то объявить.

– Просто именем?

– Нельзя. Неинтересно.

– Назовите сами, Зеки-фрай. Вы лучше знаете, что может понравиться людям, – решил Энцо.

И получил довольную улыбку в ответ.

Зеки-фрай действительно это знал. Золотоволосый юноша станет Ангелом. А для кого-то Ангелом Смерти. Что ж, приятно, когда дилетанты не лезут в твою работу. А то начинается...

Великолепный Лев!

Самум Пустыни!

Дикий Вепрь!

ТЬфу, пошлятина. А вот у Энцо может быть большое будущее. Он может принести хорошие деньги, так что...

Зеки-фрай собирался лично проследить за первым боем юного гладиатора.

* * *

– Дistinguished зрители! Сегодня на арене...

Энцо не вслушивался.

Без него бой все равно не начнется.

Своего противника он не видел. Он с одной стороны арены, противник – с другой. На арену есть несколько выходов, и перед боем тех, кто будет драться, разводят по разным концам. Чтобы не сговорились или не нанесли друг другу каких повреждений заранее...

Энцо ждал.

Пока ему приходило в голову только одно. Если его не выкупят... а выкупят ли? И когда?

Значит, ему нужно стать любимцем публики. Лучшим гладиатором. Чтобы его отпускали в город.

Выучить арайский, найти себе помощников, может, договориться с контрабандистами... или лучше не договариваться...

Вот ведь!

Почему Энцо не научился ходить на лодке? Не думал, что пригодится, а зря. Один он бы мог уплыть, но ведь не умеет! Ни с парусом управляться, ни с веслами... да-да, грести тоже не так просто, и откренивать лодку, кажется, надо, и в ветрах разбираться, и в течениях...

Иначе над тобой вся Арайя смеяться будет. Пытался уплыть, а утонул. Или вообще – к берегу прибило. Греб два дня, а оказался на том же месте. В Эвроне Лоренцо слышал о незадачливых рыбаках, но не считал, что это и к нему может относиться. А вот...

Энцо не думал, что пригодится, а оно вот как случилось. А умения-то и нет. А доверяться хоть кому из арайцев...

Есть гарантия, что его не опоят, не оглушат, не свяжут, не продадут еще раз? Нет? То-то и оно... Энцо для них неверный, с ним можно что угодно сделать. Хоть шкуру содрать на виду у всех, никто не возразит. Со своим имуществом хозяин что захочет – то и сделает.

– ...Ангел!!!

Слуга толкнул Энцо в плечо.

Не сильно, но чувствительно. Долю секунды гладиатор размышлял, а потом кивнул и встал.

Пора...

Вот и арена. И солнце над головой.

И противник идет навстречу.

Энцо даже не замедлил шага.

Он не знал этого человека, он раньше его не видел. И потому было чуточку легче.

Они оба сражались без шлемов. Без серьезной защиты – зрители пришли увидеть кровь. Увидеть игру, бой, смерть, убийство...

Энцо краем сознания подумал, как легко броситься к трибуне, взлететь на нее одним прыжком и начать убивать.

Даже не убивать – давить всю эту мразь, словно клопов... только вот нельзя. Вон и арбалетчики... да, гладиаторов справедливо опасались. И не слишком им доверяли. Бывали случаи, когда бой с арены переходил на трибуны.

Еще шаг. И еще...

Противник выглядит достаточно неприятно. Кто-то, видимо, Зекифрай, придумал нацепить на него медвежью шкуру, и со спины он защищен. Ее ведь не вдруг прорежешь. Она толстая, она защищает.

И впереди пластина...

Значит, надо бить в ноги, подсекать их, ну и двигаться, конечно... противник слишком увесист, он не сможет танцевать долго.

Только вот и он это понимает. И потому напал первым, перехватывая инициативу, стараясь навязать рисунок боя.

Несколько шагов провокатор почти пролетел. Ударил щитом, тут же рубанул мечом, уже видя перед собой разваленного пополам мальчишку... такого легкого, тонкого, с рассыпанными по плечам золотыми волосами...

Неудобно, хорошо хоть разрешили на лбу перехватить их. Принесли откуда-то обруч с камнем, словно он баба с диадемой. Но сейчас Энцо было не до таких тонкостей.

Чертовы патлы лезли в рот, неприятно липли к потной коже...

Конечно, никаких ударов он не допустил. Отскочил назад, разрывая дистанцию, закружил рядом с противником, стараясь не подставляться, прощупывая... черт!

Его клинок короче!

И руки у него короче, придется сближаться...

Здесь метнуть кинжал не выйдет. Противник защищен, и прекрасно об этом знает. Вот, ухмыляется...

– Порву, мальчишка!

И снова удар.

Энцо спустил его по сильной стороне клинка, до гарды. Получилось жестко, рука слегка онемела. Что ж, выбора нет.

И снова удар.

И еще один.

Все время убежать Энцо не сможет, зрители потеряют интерес. Им надо, чтобы бой, чтобы клинки звенели, чтобы...

Противник попытался ударить щитом в лицо.

Энцо извернулся, поднырнул под сцепленные руки, благо он легкий и гибкий, ударил сам...

Есть!

Первая кровь!

По руке провокатора побежала царапина, расплзлась, закапала алым на белый песок...

Противники переглянулись. Это кажется несерьезно. А на самом деле в бою пустячных царапин не бывает. Это кровопотеря, это боль... тело реагирует само, где-то замедлит движения, где-то оступится... теперь у провокатора нет возможности тянуть. Ему надо закончить побыстрее...

Еще удар!

Просто массой... Энцо сбивают с ног, он катится по песку, но именно туда, куда надо. И снова – удар. Кинжалом...

И еще одна царапина пролегает по ноге провокатора, на этот раз изнутри. Энцо ужом проскальзывает за его спину, хватая за шкуру, тянет, что есть сил... Провокатор опрокидывается назад, сейчас он перекатится, сейчас...

В его глаза летит горсть песка.

Ровно секунда нужна, чтобы бросить клинок и зачерпнуть горсть песка с арены.

А чтобы проморгаться, надо хотя бы пару секунд, лучше три или четыре...

Только их никто не даст. Энцо точно не станет делать таких глупостей... удар! Мечом, плашмя, по голове... так тебя! Не убить, но оглушить, это уж точно...

И оглянуться.

Убивать?

– УБЕЙ!!!

Кто закричал первым?

Кто подхватил?

Энцо нашел глазами Зеки-фрая, тот сидел на своем излюбленном месте, там же, где и на тренировках. Убить? Эффектно?

Ответом стало согласное движение руки.

И Энцо резко всадил клинок в живот провокатора.

Хотите крови, твари? Боли?! Смерти?!

Смотрите!!! И не говорите, что вы – люди!!!

Несколько минут он дал подонкам насладиться чужой агонией. А потом вздернул врага на колени, прямо так, за шкуру.

И эффектно полоснул его ножом по горлу.

Почему алая кровь чернеет на белом песке?

– Ан-гел, Ан-гел, АНГЕЛ!!!

Толпа ревела. С арены уходил юноша, который сегодня получил свое первое прозвище. Пока короткое – Ангел.

Слуги тащили труп, зацепив его крюками, посыпали кровавые пятна свежим песком...

Зеки-фрай довольно улыбался.

Что ж. Парень оправдал его надежды. Был и красивый бой, и эффектное убийство... и прозвище в самый раз пришлось.

Ангел.
Ангел Смерти...

* * *

Вечером Энцо сидел на своей койке. Смотрел в стену.

Угрызения совести?

Тоска? Боль? Сожаление?

В том-то и дело, что ничего подобного он не испытывал. И даже знал, когда это началось. Когда Адриенна... Когда он провел ночь в ледяной воде, а она была рядом. Поддерживала его, шептала что-то успокоительное и умоляла, заклинала об одном.

Ты вернись. Ты только выживи и вернись...

Остальное не важно.

Остальное потом, потом, потом...

Ты придешь, и я вложу свои ладони в твои, и мы отпустим прошлое на свободу. А пока – живи! Вопреки всему!

И Энцо обещал ей.

Рядом уселся кто-то...

Энцо посмотрел без всякого уважения.

Ромео Барбадо. Один из гладиаторов, старше Энцо лет на десять, в школу попал несколько лет назад и пока еще жив. На хорошем счету, несколько раз был ранен, но его лечили. Не из первых, из крепких середнячков. Неглупый, серьезный, старающийся поддерживать со всеми хорошие отношения. Хотя в среде гладиаторов это и не слишком принято: сложно дружить с тем, кого завтра могут выставить против тебя.

Койка прогнулась. Вон какое пузо наел...

Если кто считает гладиаторов этакими мускулистыми, стройными и с подтянутыми животами... ой зря! Слой подкожного жира у каждого гладиатора был вполне приличным. И на животе в том числе.

Ячмень, бобы, хлеб, масло – обычный рацион. Кстати, не из дорогих, но все сытное, свежее и достаточно вкусное.

Питались гладиаторы очень хорошо. Тренировались тоже на совесть, но жир – это ведь нужно! И раны тогда не такие болезненные,

и, опять же, в такое пузо кинжалом тыкать долго придется, лучше сразу мечом бить.

– Вино будешь?

– Нет.

– А то смотри, у меня есть...

Энцо еще раз качнул головой.

– Нет, сказал же...

– Ты хорошо после боя держишься.

Лоренцо промолчал. Ага, вот он идиот, правда? Ромео в город выходить нельзя. А вино откуда?

А оттуда...

У рабов нет друзей. Потому что сидящий рядом человек – такой же раб. Даже хуже... Энцо хотя бы хозяину не нашептывает, а Ромео наверняка. И согласись сейчас Лоренцо выпить...

Или стоит согласиться?

Нет.

Пороки есть разные, и Энцо для себя уже выбрал. Тот, который будет более безопасен. Вино понижает внимание, расслабляет. У Энцо будет другая слабость, совсем другая...

– Точно не хочешь? – Ромео приложился к кувшинчику.

– Иди отсюда подобра-поздорову, – огрызнулся Энцо. – Сказано же, не хочу!

– И бой у тебя получился хорошим, – не сдался Ромео. – Кто тебя дома учил?

Энцо молчал, смотрел в стену.

Обойдетесь без таких знаний, сволочи. Это – мое...

Через пятнадцать минут Ромео надоело молчание, и он ушел восвояси. Энцо хмуро оскалился и завалился на койку. Сегодня он сделал еще один шаг к своей свободе.

Сегодня он убил еще одного человека. Для зрителей – провокатора, которого все равно приговорили к смерти. А для него – самого обычного бойца, такого же, как и Лоренцо.

И ему на все наплевать. И так будет впредь.

Мия прошла этот путь медленнее. Энцо превращался в чудовище намного быстрее.

Адриенна

– Нет.

– Неужели я так много прошу? – Эданна Сусанна топнула маленькой ножкой. – Мой сын женится!

Дан Рокко положил на стол толстенную амбарную книгу. Причем с видом: «Вот я бы вас ею и треснул!»

Ага, как же... треснуть-то и нельзя. А без этого воздействие какое-то не такое. Неполноценное.

Остановить эданну Сусанну какой-то кро-охотной книжечкой? С тем же успехом можно было останавливать ею землетрясение или извержение вулкана.

– Эданна Сусанна, в январе вы потратили двенадцать лоринов на плащ...

– Я не могу ходить, словно нищенка!

Плащ темно-зеленого бархата с куньим мехом действительно выглядел потрясающе. Стоил соответственно.

Адриенна, кстати, себе такого не позволяла. У нее был старый суконный плащ с волчьим мехом, вот его она и носила. А перед кем тут шиковать? В провинции?

К тому же... плащ должен быть добротным, теплым и уютным. Что она и получала за свои деньги, и была довольна.

Дан Рокко методично перечислял траты.

Эданна Сусанна постукивала ножкой по полу, дожидаясь его молчания. Наконец дан Рокко выдохся, и эданна подвела итог:

– Найдите еще деньги!

Скрипнула дверь. В кабинет вошла дана СибЛевран.

– Что случилось, эданна?

За это время Адриенна сильно вытянулась, повзрослела... что-то и в ней та ночь поменяла. И месяц болезни. Еще месяц после она ходила как привидение, а потом рванулась в рост.

Развернулись плечи, проклюнулась маленькая, но вполне отчетливая грудь... четырнадцать лет. В другой семье ее бы и замуж уже отдали.

Лицо стало более взрослым, резко выделились скулы, подбородок, взметнулись черными дугами к вискам тонкие брови...

Адриенна становилась копией Сибеллинов. И – хорошела.

Классической красотой это назвать было никак нельзя, сейчас в моде светлые или рыжие волосы, брови в ниточку, высокий лоб...

Но каждый, кто видел ее, поневоле замирал.

Восхищался?

Опасался?

Так, наверное, человек глядит на полосу синеватой булатной стали. Опасное, хищное, умное совершенство.

Впрочем, будь ты хоть каким совершенством, а денег дай! Эданна Сусанна считала совершенно искренне, что Адриенна должна. Вот должна – и все! Причем должна именно все. Деньги, люди... да не важно, что именно! Что эданне Сусанне нужно, то Адриенна и должна ей дать! И окажись перед ней Моргана... да хоть все Сибеллины разом, эданна своего мнения не поменяла бы!

– Свадьба, – вздохнул дан Рокко.

Адриенна посмотрела глазами измученной кошки. Очень выразительно, жаль, безрезультатно.

– Эданна Сусанна, у нас нет денег...

– Адриенна. – Сусанна уперла руки в бока. – Ты не понимаешь! Свадьбу мы провести в СибЛевране не можем! Значит, нужно ехать в Маньи! Ехать не абы в чем! Нужна новая карета, нужны кони, и не твои тяжеловозы, а хорошие, нужен новый гардероб, причем и мне, и Леонардо, и Марку, да и тебе тоже...

– Мне?

– Ты тоже едешь!

– Нет, – коротко ответила Адриенна.

Лицо у эданны Сусанны стало вовсе уж злым.

– Ты хочешь сорвать свадьбу моего сына?!

Адриенна аж дернулась от такого жуткого предположения. Вот уж не дай бог! Заберите его отсюда, пожалуйста! И побыстрее!

– Не хочу.

– Тогда мы все едем в Маньи!

– Но я... у меня дела!

– Дан Рокко прекрасно с ними справится.

– Он хотел поехать к родным, – защищалась Адриенна.

Ага, переспорить эданну Сусанну? Не в этом возрасте! Ой не в этом!

– Осенью поедет! Попозже! Как раз к рождению внука успеет!

Ну да. Выйдя замуж, Джас тут же и забеременела. А чего откладывать? Теперь все трое – она, Антонио и Анжело ждали

ребенка. Ну и дан Рокко – тоже.

Это ведь замечательно! Род прибавляется!

– И я просто...

– Так и скажи, что боишься, – припечатала эданна Сусанна.

– Не боюсь, – огрызнулась Адриенна. – Просто не хочу...

– Вот и отлично. Едем все вместе. Семей, – надавила эданна. –

Итак. Карета, кони, гардероб, подарки... да и свою долю внести надо, пир хоть и будет в Маньи, но... вот как дан Каттанео...

Адриенна что есть сил треснула амбарной книгой по столу. Столбом взвилась пыль.

– Эданна Сусанна!

Бесполезно.

Пришлось торговаться.

* * *

– Кошмар какой-то. Вот где деньги брать? – возмущалась Адриенна. Она бы эданну Сусанну с сыночком вообще выгнала с огромным удовольствием, но – нельзя. Законы. Мачеха. Поэтому придется вкладываться в свадьбу.

– Ну... Леонардо мы спихиваем в Маньи, – философски заметил дан Рокко. – Все экономия.

– Небольшая. На свадьбу больше потратить придется. Часть припасов привезем, понятно... но ведь тоже – деньги! Ладно еще рыба, она хорошо плодится. Ну, зерно у нас осталось, специально больше закупали. Дичь можно самим добыть, леса у нас хорошие! Но всякие разносолы? Фрукты? Дан Рокко, ну за что?! А тряпки?! Казалось бы, возьми да пошей, раз тебе новое платье нужно! Так нет же! Модистка! Портниха! А сколько это стоит?! Сами бы и десятью лоринами обошлись, а модистка все пятьдесят запросит! За одно платье! А надо минимум пять! И Леонардо, и отец...

– И вы, дана.

– НЕ ХОЧУ!!!

– Дана Адриенна, а придется. Деньги у нас есть...

Адриенна вздохнула.

Ну есть. Ладно уж...

Его высочество не был ни полным дураком, ни абсолютной сволочью. Да, ему не хотелось жениться, ему не нравилась Адриенна, он вообще любил другую. Но что с того?

В романах тоже любят одних, женятся на других, спят с третьими, и, заметим, практически все герои при этом довольны. Механизм давно отработан.

А потому...

Не придумал он, что подарить невесте. И по-простому прислал ей кошель с лоринами и вежливое письмо, смысл которого заключался в простых словах: мол, сама купишь, что надо и что пожелаешь.

Но ведь принц! На любовницу меньше тысячи тратить зазорно. А на невесту?

Так что у Адриенны было две тысячи лоринов. Которые она пока и не потратила. Громадная же сумма! Если вот так, сразу...

Если подумать, те же Лаццо за год тысяч двадцать – тридцать зарабатывают. Но у них и налоги, и расходы, и в дело вкладывать. А ей вот просто так дали. И она хотела эти деньги вложить!

Вло-жить!

Не растренькивать на эданну и ее сыночка, век бы того не видеть...

Хорошо еще, с каретой и лошадьми сошлись. Адриенна рывкнула даже, в запале, что она поедет как есть. А если эданну что-то не устраивает... вот пусть сама повозки и тянет!

Но минимум тысяча лоринов на все это улетит!

Это хорошо еще, есть подарок принца! А если бы пришлось самой деньги из бюджета выкраивать? Да Адриенна за год на себя и пятидесяти лоринов не тратила!

За год!!!

А тут зараз и предлагается в пять раз больше потратить! На барахло!!! А она еще растет!!!

Выброшенные деньги! И все этим сказано!

– Эданна, пошить тоже можно по-разному, – предложил дан Рокко. – Так, чтобы потом можно было... там, не знаю... рукава и подолы подлиннее сделать – да подшить, платье со шнуровкой, чтобы потом распускать... Я тогда столько не зарабатывал, а девочек одевать нужно было. Супруга моя и заботилась... что-то такое я помню.

Хотите – Джачинте напишу? Она подскажет, она во всем этом лучше разбирается...

Адриенна кивнула.

– Ладно, дан Рокко. Я поговорю с портнихой. Но подарки...

– Дана Адриенна, у меня есть одна идея...

– Идея?

– Конечно. Лошадь – чудесный подарок, – улыбнулся дан Рокко. Только масть подберите для невесты. Для нее белую, для него, скажем, вороную, и преотлично будет. СибЛевран, считайте, хорошо отдарится...

– А...

– А сбрую и седло закажем у местного шорника. Я ему дам вот то, которое вам Тоньо подарил, пусть посмотрит и под него сработает.

Адриенна почесала кончик носа.

– Он так сможет? Там же тонкая работа...

– Дана Риен, да кто там на тонкости смотреть будет? Выделим ему серебро и бархат, и пусть ляпает, лишь бы пороскошнее...

Адриенна подумала пару минут и кивнула. Пожалуй, что... и дорого выйдет, и роскошно, и отговориться можно всегда.

– Давайте так и сделаем, дан Рокко.

– Уже расходов и поменьше?

Адриенна скрипнула зубами.

– А я еще и так скажу. Мы когда в Альмонте были, я поговорил кое с кем... знаю лавочку, в которой вам хорошие ткани продадут подешевле. Так что платью не в пятьдесят лоринов выйдет, а, скажем, в тридцать, может, и того меньше...

Адриенна едва дану Рокко на шею не кинулась.

– Ох, дан! Что бы я без вас делала?

– А что бы делала без вас моя дочь? Мой внук? Да и меня уже не было бы, – резонно ответил дан Рокко. – Вы не переживайте, дана. Справимся, не та это беда, чтобы горевать, а та, чтобы горе избывать.

Адриенна и спорить не стала.

Избывать?

Вот работой его избывать и будем. И попробуйте только кто сказать, что дане не подобает! Утоплю!

В родном пруду!!!

Мия

На скамейке в храме скорчилась, съежилась грустная фигурка. И столько в ней было боли, столько отчаяния...

Падре Норберто Ваккаро провел службу как должно и людей принял как положено.

А Мия все сидела и сидела... она долго не могла решиться прийти сюда. Очень долго. Сил не было ни на что. От девочек она вообще не отходила.

И Джакомо ее не трогал. Давал время пережить горе. Ладно, у него так не было, когда он про Пьетро узнал. Но то другое. А вот когда мама умерла... мать Джакомо любил. Одну, из всей семьи...

Пусть Мия переживет свое отчаяние, пусть переболеет этим, как чумой, а потом уж можно будет и новое задание ей давать.

Мия и «болела».

Каждую ночь она видела Энцо во сне. И ощущение-то было... все у него в порядке! Все хорошо! А просыпалась и вспоминала... и вот этот конфликт рвал ее душу и разум на части. Она и в храм-то сообразила прийти далеко не сразу, была уверена, что Господь ее не услышит. Но потом вспомнила про падре Ваккаро.

Подумала...

Ладно – она. А за Энцо попросить?

Это же другое! И Мия отправилась в церковь.

Кажется, она даже времени не ощущала. Сидела и молчала, погруженная в свое горе, свою боль, свое отчаяние. Наконец падре смог подойти и присесть рядом с ней на скамеечку.

– Здравствуйте, дана.

– Здравствуйте, падре... – тихо ответила Мия.

– У вас горе.

Падре даже не спрашивал – утверждал.

А чего тут думать? И синяя лента в волосах, и тоскливые глаза, и само... ощущение, что ли? Когда столько лет в храме... поневоле научишься людей понимать. Они ведь сюда все несут.

Горести, радости, проблемы, решения...

– Горе, – тихо отозвалась Мия. – Мой брат... я не знаю, погиб он или нет. Он пропал без вести, в море... тела не нашли, но и выжить, говорят, он не мог. Никак не мог...

Падре взял ледяную руку, сжал...

– Молитесь, дана. Молитесь за него как за живого.

– Вы думаете, падре?

Мия и сама говорила себе, что не верит, что он жив, жив, ЖИВ!!!
Но когда рядом с тобой это кто-то произносит, становится легче.

– Надежда остается всегда. Даже там, где нет ни тьмы, ни света, есть надежда.

По бледным щекам Мии побежали слезы. Впервые.

Не крик, не вой, не стон... она впервые смогла заплакать.

– Я иногда думаю, что это мое наказание, падре. Я была плохой... я и осталась плохой. Я нарушаю заповеди и буду нарушать их впредь. И Энцо умер.

Падре только вздохнул.

Вот вроде и умные люди... а все равно – такие дети!

– И что вы делать собираетесь, дана?

Мия независимо дернула плечом.

– Я не знаю.

Пальцы у падре Норберто были теплые. А у нее – ледяные. И она постепенно отогревалась рядом с ним. Только вот боль не уходила. Сидела под сердцем тупым гвоздем, свербела...

– Вы теперь грешить не будете? – ласково уточнил падре.

– Буду. – Мия даже не сомневалась в своем ответе. Дядя не поймет, реши она страдать и плакать. Тем более отказываться от заказа. Какое-то время ей отдохнуть дали, но девушка даже не сомневалась – недолгое. На земле живем, не на небе.

Да ей и самой деньги нужны были.

Ремонт домика на Приречной-поперечной проделал в ее финансах определенные... дыры. Это ж и рабочие, и материалы, и все проплатить надо, а тридцать процентов еще и на воровство скинуть. Может, и чуточку поменьше, но все равно – своруют! Хоть ты с топором над ними стой! Хоть как!

– Вот видите. Вы всерьез считаете, что за ваши грехи вас Бог наказал, отняв вашего брата?

Мия хлюпнула носом.

Как-то это неправильно звучало...

– Вот-вот, дана. Наказывали бы вас, коли уж грехи – ваши.

– Мне ведь и больно?

– А когда б вы заболели, или скрючило бы вас, или искалечило... Бог ведь всемогущ, нашлась бы и на вас подходящая болезнь, – предположил падре.

– Ну... не знаю.

– Все мы думаем, что мы-то и есть самый центр мира, дана. И без нас ничего не будет, ни солнца, ни звезд...

– Может, и будут, – буркнула Мия. – Я их уже не увижу.

– Будут, дана. Вы мне поверьте, ваши грехи – они ваши и есть. Никто их у вас не отберет. И на другого человека не навесит, чай, не ручная кладь, чтобы с одного осла на другого переваливать.

Мия представила себя и Энцо в виде двух осликов и улыбнулась. Пока еще краешками губ.

– А...

– А ваш брат – другой человек, и дорога у него своя, и грехи свои, и дела тоже свои. Если послано ему испытание, так оно ему и послано. Не обольщайтесь, ваше у вас еще впереди.

– А почему мне больно уже сейчас? Если испытание впереди?

– Потому что вы – живая, дана.

Мия невольно фыркнула.

– Была б я мертвая, не пришла бы.

Падре Ваккаро улыбнулся. Ну все, шутить начала дана, улыбаться... отгад! Никуда не денется...

Когда с нашими близкими случается беда, мы ведь воспринимаем это иначе. Мы спрашиваем, в чем виноваты МЫ! Потому что больно НАМ, потому что своя рана тяжелее, сильнее свербит...

Чужую боль мы воспринимаем через призму своего эгоизма. Вот и весь ответ...

А если еще мы чувствуем за кого-то ответственность, думаем, что не уберегли, не защитили, не позаботились... вот так с Мией и произошло.

Это падре и попробовал объяснить Мие, понимая, что совет «молиться и все пройдет» ей ни к чему. Слишком деятельная натура. Слишком умная...

Мия внимательно слушала. А потом подвела итог:

– Падре, вы можете помолиться за моего брата?

– Могу, дана. И вы приходите... помолимся вместе.

– А можно...

– Можно и сейчас.

Падре взял Мию за руку и подвел к иконе. Первый опустился перед ней на колени.

– Господь милосердный...

Мия сложила руки, посмотрела на икону.

Как молиться? Какие слова найти, когда привычные не дарят облегчения? Когда молитвы кажутся громоздкими, тяжеловесными, неудобными...

Мия не могла найти слов. А падре нашел их. И все было правильно, потому что она просила...

Она просила для себя. А падре молился за человека, которого даже ни разу не видел. Не для Мии, а просто – для Энцо.

Пусть смилуется Господь, пусть Лоренцо Феретти останется жив, пусть все будет хорошо...

И Мие казалось, что Господь его слышит. Ее, наверное, нет, она не заслужила. А вот падре – обязательно слышит.

И на душе становилось чуточку легче.

* * *

Домой Мия хоть и не летела, но шла вполне спокойно. Даже улыбалась...

Энцо жив. Она это всем своим существом чувствует. Он пока не может дать о себе знать, но братик жив, жив, ЖИВ!!! А падре Ваккаро за него помолится. Больше Мия пока сделать не может ничего.

Джакомо придирчиво осмотрел племянницу.

– Мия, я смотрю, тебе полегче?

– Да, дядя.

– Отлично. У нас есть заказ. На выезде. Пройдем в мой кабинет?

– Конечно, дядя.

Мия понимала, что так лучше. Поедет она, развеется немного.

В кабинете Джакомо устроился в кресле, кивнул Мие на второе.

– Ты сможешь сейчас... работать?

Мия прислушалась к себе. Джакомо спрашивал о другом. Сможет ли она контролировать себя, сможет ли превращаться... все же

метаморф сильно зависит от своих эмоций. А она вся была никакая... просто – никакая.

– Да, дядя. Я смогу.

– Это хорошо, – кивнул Джакомо. – У нас есть заказ на эданну Фабиану Маньи.

– Так? А подробности? Что за эданна, что требуется от нас?

– Эданна Фабиана Маньи, возраст... нет, не помню, лет двадцать пять, может, чуть побольше, – пожал плечами Джакомо. – Ситуация там простая. Ее супруг, дан Маньи, оставил двоих детей и вдову несколько лет назад. А еще наследство. Наследство там состоит из двух частей. Собственно поместье Маньи – достаточно большое, хорошее, способное приносить доход. Оно отошло к сыну дана Маньи.

– И?

– И деньги. Вторая часть наследства – деньги, Мия. Эданна собирается замуж за молодого парня, естественно, тратить деньги она будет на него и на себя.

– А на кого надо? – неприязненно уточнила Мия.

– По мнению ее свекрови – на поместье и на детей.

– Хм...

С этим спорить было сложно. Мия думала примерно так же.

– Эданна Маньи считает, что если... то есть когда Фабиана выйдет замуж, ни монетки никто не увидит. Кроме того, молодой муж выразил горячее желание забрать детей у бабушки.

– Та-ак...

– Да. Она тоже подозревает, что, это неспроста. Более того, подано королевское прошение, и дан Леонардо Манчини желает взять фамилию Маньи.

– Манчини...

Мия задумалась. На ум ничего не приходило...

– Ты не в курсе истории, и я не стану ее рассказывать полностью, – отмахнулся Джакомо. – Просто мать у дана Леонардо – записная шлюха. И фамилию... вряд ли даже она знает, от кого ее сын. Старый Манчини дураком не был, и его семья мальчишку тоже не признала.

– Ага...

Смысл Мия поняла.

Если семья мальчишку не признала, а фамилию он носит... издеваться над ним, конечно, не будут. В глаза. А вот за глаза шепоток идет, его не заткнешь и не уймешь. И желание поменять фамилию у него, понятно, есть. Чтобы не видеть глумливой ухмылочки на лицах людей.

Важно ведь и как посмотрят, и как улыбнутся... и за взгляд не вызовешь на дуэль. Это просто взгляд.

– Я знаю, такие решения должен согласовывать его величество... это долго.

– Не в данном случае. Эданна Манчини, мамаша дана Леонардо, является подругой эданны Вилецци. А эданна Вилецци...

– Активно греет постель его высочества, – кивнула Мия. – Я помню.

– Ну, в последнее время у нее появилась конкурентка, – хмыкнул дядя. – Между прочим, дана Алессандра Карелла очень похожа на тебя. На ту, которую видел принц.

Мия пожала плечами.

Похожа – и что же? Она совершенно не собиралась являться в гости к его высочеству. Было и прошло. Ей даже в бордель наведаться не хотелось. Вообще не хотелось иметь дела с мужчинами.

Зачем?

Каких-то невероятных чувств она не испытала, просто знала, на что способно ее тело. И достаточно.

Джакомо кивнул то ли Мие, то ли своим мыслям. Все же он не ошибся, когда предложил девушке такое решение. А то юные девицы или начинают романтизировать сношения, или, наоборот, – шарахаются от каждого мужчины. А тут...

Было, попробовала, теперь относится ко всему спокойно. Приятно смотреть.

Идеальное оружие растет. Просто идеальное.

– Так вот. Прощение удовлетворят быстро. Свадьба состоится осенью. Точнее, в конце лета...

Мия кивнула.

– А нам когда надо поработать?

– Нам уже надо выезжать в Маньи.

– Зачем? – удивилась Мия. – Если до свадьбы еще месяц?

– Дело в том, что нам заказали несчастный случай ДО свадьбы. И очень просили не привлекать к нему внимания.

Мия задумчиво кивнула. В принципе понятно. Если эданна помрет после свадьбы, муж все равно будет наследником. В этом ничего хорошего нет. Деньги из семьи уйдут.

А вот если ДО свадьбы...

Бывает, горе-то какое... сердце не выдержало, печень отказала... тут надо смотреть, что именно у эданны не в порядке.

– Хорошо, дядя. Я только вещи соберу... Когда нам выезжать?

– Хоть завтра. Я готов.

Мия кивнула. И отправилась собирать вещи.

* * *

Сестренки проскользнули в дверь, когда она укладывала в сундук несессер с ядами.

Да, Мия начала собирать свою коллекцию. Что-то дарил ей Джакомо, что-то она покупала самостоятельно, на что-то расщедрился Комар.

После того как его величество изволил употребить Осьминога самолично, Комар подгрёб под себя примерно пятую часть его наследства. И собирался увеличить долю.

Мия к этому, конечно, никакого отношения не имела, ходили слухи, что Осьминог (вот полудурок-то!) полез в политику. А туда никому нормальному не надо, это уж точно.

Грабь, режь, убивай... но стоит тебе влезть в придворные интриги – и все. Конец.

Но если Осьминог об этом не знал, кто ему лекарь?

Комар же, лишившись соперника и приобретя деньги, был благодушен и щедр на премии. Особенно за удачно выполненную работу.

– Мия, ты уезжаешь?

Серена, как старшая, начала первой. Джулия просто смотрела.

– Да, сестрички. Я ненадолго, может, на месяц.

– Не в море?

– Нет, – тут же успокоила их Мия. – И я собираюсь вернуться.

– Энцо тоже собирался, – хлюпнула носом Джулия. – Мия... это обязательно? Уехать?

Мия только головой покачала.

– Серена, Джулия, вы уже взрослые, – начала она, аккуратно подбирая слова.

– Да, – похвасталась Серена. – Дядя говорит, что года через два-три меня и замуж выдавать можно.

Мия пожала плечами.

В принципе, четырнадцать лет... кого и раньше выдавали. Но это мы еще подумаем и абы кому сестру не отдадим.

– Вот. А приданым кому-то из вас станет Феретти...

– А тебе, Миечка?

Мия качнула головой.

– Я не уверена, что выйду замуж. Но не в этом дело. Нам с дядей надо съездить в Феретти, посмотреть, как там идут дела.

– Там же управляющий? – удивилась Джулия.

Мия потрепала младшую сестренку по темным волосам.

– Запомни, солнышко, никогда не доверяй управляющему. Всегда все проверяй.

– Хорошо. А дяде?

– Никому.

Джулия серьезно кивнула. Интересно, запомнит, нет? А, не важно. Мия будет рядом и присмотрит. И за сестренками, и за их мужьями... никуда они не денутся.

Жаль, что про зеркало мастера Сальвадори пока узнать ничего не удастся. Но это терпит. Она еще найдет время...

И Мия принялась укладывать в сундук бархатную пелерину.

О том, что Энцо тоже не планировал ни исчезать, ни пропадать, она старалась не думать. Ни к чему. Она точно не исчезнет.

Нет у нее такого права. Девочки и так лишились отца, матери, брата... даже нянька вышла замуж! Мия обязана остаться в их жизни. До замужества – обязательно. А потом у них и поважнее дела найдутся. Стоит только на Марию поглядеть – и сразу ясно. Семья не оставит времени ни на что другое. Еще и суток маловато окажется.

Адриенна

Дни до отъезда!

Минуты, секунды...

Адриенна хоть что готова была считать! Сил не было никаких!

Маньи, черти б его побрали со всеми обитателями! Гр-р-р-р-р!!!

Ладно, не со всеми. Сын и дочь эданны Фабианы, Адриано и Анунциата, были вполне очаровательны. Милые, умные, воспитанные дети, поговорить с которыми было Адриенне только в радость.

Старая эданна Маньи тоже нравилась дане СибЛевран. Она не лезла в личную жизнь невестки, не оплакивала мужа и сына... она просто занималась воспитанием внука и внучки.

Девушка это одобряла. Было в таком подходе нечто... правильное.

Эданна Диана не могла изменить происходящее, не могла вернуть тех, кто ушел. Но ее забота и любовь были нужны тем, кто остался. И она щедро уделяла их внукам.

На Леонардо и СибЛевранов она смотрела как на компанию особо жирных глистов, которые заползли в ее дом. Адриенну это злило, но что, что она могла сделать?!

Бегать и орать, что она не такая? А поверят?

Вот для всего мира она именно такая. Как Сусанна, как ее сыночек, как... та же Фабиана. Это дан Марк ничего не замечает, глядя на выдающийся бюст своей женушки. А она видит. И Адриенне жутко неприятно подобное к ней отношение.

Вроде как кто-то воровал, а ты рядом постояла, вот на тебя подозрение упало. И не отмоешься...

Само поместье Маньи было достаточно роскошным и богатым. Не королевский дворец, конечно, но и не СибЛевран. Ковры на полу, бархатные портьеры...

Уже на второй день Адриенна достаточно близко подружилась со слугами, которые и рассказали ей, что эданна Фабиана... так-то она человек неплохой, и свое приданое у нее было. Но после смерти мужа она вовсе уж распустилась. Старой эданне это не по нутру, но денег у нее нет, Фабиана ее терпит, пока эданна Диана ее детьми занимается, а если что не так – отправит свекровь во вдовый дом. Без разговора...

Адриенна подумала, что это жестоко. Но не ей чужую жизнь обсуждать, со своей бы разобраться. И старалась особенно никуда не лезть.

Зачем?

Ей и так было неплохо. Тишина, покой, библиотека, которая в Маньи была намного лучше, чем в СибЛевране... даже библиотекарь был. Адриенна договорилась с ним насчет списков с некоторых книг. Старых, еще сто – сто пятьдесят лет тому назад написанных...

Дорого?

И так потратились! Чего уж по волосам плакать, когда головы лишился?

Пока одно, пока второе... считай, полторы тысячи лоринов как корова языком слизнула. Она бы и больше пролизала, но повезло. О королевских подарках никто, кроме Адриенны и дана Рокко, не знал. Не то чтобы специально скрывали, а так получилось.

Прибыл гонец, привез пакет для даны СибЛевран...

Тут даже дан Марк посчитал, что пакет Адриенна должна открывать сама и в своей комнате. А девушка, когда увидела деньги, решила посоветоваться с даном Рокко.

Прилично ли принимать такие подарки?

Подобает ли дане?

Оказалось, что не особенно, но после помолвки – можно. Помолвка – это, считай, как свадьба, вы уже почти муж и жена, только еще не... не подтвердили брак. Поэтому муж может давать деньги супруге, ничего страшного в этом нет.

Но если супруга умна, она не будет всем подряд о них рассказывать.

Адриенна и спорить не стала. Зачем?

Она промолчит, а потом что-то полезное в хозяйстве купит. Или еще один пруд зарыбит. Или с ньором Лаццо поговорит... тоже дело!

Что-то на ярмарке купить подешевле, а в столице продать подороже. Вот и будет хорошо.

Теперь уже и советоваться смысла нет. Ни к чему. Пятьсот лоринов – хорошие деньги, но могут и еще траты быть.

Одни платья чего стоили!

Хотя выглядела Адриенна отлично. Пастельные тона, которые подобает носить юным данам, ей решительно не шли, и она заказала платья из тканей насыщенных, ярких цветов. Темно-синий, черный, белый, темно-зеленый, вишневый...

Даже эданна Сусанна признала, что Адриенна выглядит в них красавицей. Она тоже не осталась без обновок, но это понятно.

А вот кто сильно беспокоил девушку – это Леонардо.

Казалось бы – тебе чего? Ты своего добился, вот богатая невеста, обхаживай ее, женись и радуйся. Но... то ли они наконец оказались в постели. То ли Леонардо начал понимать, что его ждет...

Адриенна не знала ответа.

Но дан Манчини словно бы раздвоился. Днем он был очарователен и великолепен, он старался обаять всех, включая детей и эданну Диану, он улыбался и играл на лютне, он танцевал и рассыпал комплименты.

А вот когда его не видели...

* * *

Адриенна тоже ничего бы не заподозрила. Все получилось само собой.

Она сидела в беседке, в саду. Беседка эта ей нравилась тем, что была живой. То есть несколько скамеек и прутья, обильно перевитые виноградной лозой. А лозы можно раздвинуть, можно выйти из беседки в любую сторону, а можно и просто сорвать гроздь винограда и жевать в свое удовольствие. И читать книгу.

Адриенна так и делала.

С тех пор как она приняла свое наследие, ей было в таких местах хорошо и спокойно. Тянуло на природу, на воздух, на волю... и, наоборот, раздражали каменные стены. СибЛевран – другое, там дом. А вот что она в королевском дворце делать будет?

Адриенна старалась пока об этом не думать. Можно отдохнуть здесь и сейчас?

Делаем!

Когда на дорожке закрипел гравий, ей даже не надо было выглядывать. Отодвинула виноградный лист – и вот он! Леонардо, во всей красе, идет к беседке.

Один.

Встретаться с даном ей совершенно не хотелось, так что Адриенна встала на четвереньки (совсем неподобающим образом) – и юркнула под скамью, не забыв прихватить с собой книгу. Там

раздвинула лозы – и выскользнула из западни. Сейчас Леонардо усядется, а она отползет подальше и удерет.

Так делать нельзя?

Может быть. Но и встречаться лишний раз с человеком, который вызывает у тебя отвращение, тоже не хочется. Да и о чем с ним разговаривать? Портить хороший вечер формальными гладкими фразами? Лицемерить? Терпеть гадкое существо, когда хочется посидеть в тишине и почитать?

Лучше уж спрятаться и переждать, как непогоду.

Ее увидят?

А вот и нет, ничего не увидят... Адриенна погладила виноградную лозу по корням, быстро шепнула первое, что пришло в голову:

– Скрой меня...

И даже не удивилась, когда налетел легкий ветерок, шевельнул ветки, растопырил кустарник... благо она была удачно одета, в темно-зеленое. То ли девушка, то ли трава проросла... не понять! И не отличить.

Адриенна знала: если она захочет удалиться, Леонардо ее не увидит. Если не выглянет из беседки в эту конкретную минуту.

А может, он сам уйдет?

Ладно, она немного подождет. Сейчас ее точно не заметят, если не двигаться.

Леонардо вошел в беседку, огляделся, помолчал пару минут, а потом вдруг принялся ругаться. Да так грязно и гадко, что Адриенна штук десять новых слов узнала. И отползти потихоньку не получалось: мужчина топал ногами, бесился, даже несколько раз скамейку и столбы беседки пнул, хотя они точно ни в чем не виноваты...

И с чего это он? Почему его так разобрало?

Уже потом, спустя минут двадцать, когда Леонардо таки отвел душеньку и вышел из беседки, Адриенна смогла выползти наружу. Еще и порадовалась.

Кого-то другого могли бы заметить. А ее... ее – нет. Она же СибЛевран... плоть от плоти этой земли, суть от сути.

Отвод глаз?

Нет. Просто она попросила помощи. Как смогла, как сумела. И трава, деревья, кусты – помогли. Скрыли девушку от чужих глаз.

Приятно.

Кто его знает, что так разозлило Леонардо. Но ей бы он точно гадостей наговорил и настроение испортил надолго...

Нет уж!

Адриенна без такого обойдется!

И выяснять, что с ним не слава богу, она тоже не будет. Пусть эданна Сусанна бегают, это ее сын... шепнуть ей пару слов? Адриенна подумала над этим, но потом решила не лезть и промолчать.

Ни к чему.

Ее сын, ее дело. Не Адриенны, не СибЛеврана. Сами, пусть все – сами! Адриенны тут и рядом не было. Вообще. Точка.

Глава 2

Лоренцо

Энцо не считал дни, которые провел в плену.

Зачем?

Если начать их считать, получится вовсе уж страшное число. Каждый день несвободы идет за год. А то и за два.

Это день, в который ты смотришь утром на небо и понимаешь, что ты – вещь. Вот как плащ или сапоги... И сделать с тобой можно что угодно. Что хозяину изволится...

Впрочем, Энцо уже был ценным плащом. Или сапогами. Полезное имущество, нужное.

На арену он выходил стабильно – три раза в месяц. Исключение было сделано только один раз, когда на тренировке Энцо не успел увернуться, и получил трезубцем по ребрам.

Сильно.

Он еще не привык сражаться с ретиариями. Леоне обучал его против кнута, а вот против сети... приходилось узнавать многое.

Энцо усиленно тренировался, выкладывался до доньшка, но... опыт!

Учителя школы натаскивали его не просто на поединок – на эффектный поединок. С человеком, который вооружен любым видом оружия. Раньше-то у Энцо такого не было!

Ну, меч, кинжал, щит, кнут... метательные ножи...

Но не все подряд!

И не поединок! Очень большая разница подходов. И Цезаре, и Леоне учили его, как убить врага эффективно и быстро. А на арене требовалось убивать эффективно и медленно. Считай – все заново, переучиваться.

А еще на арене был громадный разброс вариантов для поединка. Ты не знаешь, кого против тебя выставят, но должен быть готов ко всему. Есть, конечно, стандартные пары, к примеру, того же ретиария часто выставляли против секутора, мурмиллона против фракийца...

[3] Но это – не обязательство.

Это просто возможность. Фракийца могут выставить против мурмиллона, а могут и против гопломаха.

Эквиты (на конях) сражаются между собой? Конечно. Но если есть провокатор, то могут и на него поохотиться. Так, к примеру. А провокаторы вообще могут быть вооружены чем угодно, в зависимости от желания ланисты.

Тем не менее к Зеки-фраю у Лоренцо претензий не было.

Самое забавное, что именно так. Сначала Энцо бесился, просто убить мечтал покупателя. А потом пригляделся внимательнее. И изменил свое отношение. Зеки-фрай не был дураком, а Лоренцо уважал умных людей.

Как только ланиста понял, что ему в руки попал алмаз, которому просто требуется огранка, он переменял свое отношение к Энцо.

Хороший воин – большая редкость.

Ну да, кто-то из гладиаторов сражается по найму, и они неплохи в своем деле, кто-то сражается, потому что он раб... и среди них тоже таланты встречаются. Но Энцо...

Ланиста впервые видел такое идеальное сочетание.

Отличная физическая подготовка, привыкание к любому виду оружия, ну вот практически – сразу! Да что там!

Чтобы овладеть той же сетью, людям по несколько лет требуется!

Кто-то думает, что так все просто? Да гладиатора год готовят! А то и больше, прежде чем выпустить на арену.

Кстати, во многом это определяет питание. Ладно еще рыба – в приморском городе она не слишком дорога. А вот вдалеке от моря...

Да, злаки, овощи, фрукты – их много, они дешевы, их легко купить, привезти, сохранить... вот и составляют они основу рациона гладиаторов. Другие причины тоже есть, но основная – эта. Хозяин кормит гладиатора год, даже больше. А будет ли отдача? Или этот человек окажется негодным в первом же бою?

Кстати, такое тоже бывает.

Кто-то не может убить. Кто-то боится смотреть на клинок... то есть человека атакуют, а он шарахается, глаза закрывает... К идеальному гладиатору много требований.

И Лоренцо Феретти отвечал им идеально. Он был эталоном бойца.

Спокойный, хладнокровный, безжалостный, рассудительный – и в отличной физической форме. Конечно, Зеки-фрай не смог пройти мимо!

Сколько лет он бойцов тренирует? Сколько уже видел... всякого?

Он проверял Лоренцо, для начала на пробных, более легких поединках. Потом он будет усложнять и усложнять. Но уже сейчас...

Ему в руки попало сокровище.

За таким и из столицы пришлют, не побрезгуют... а вот хочется ли Зеки-фраю отдавать своего Ангела? Особенно за «спасибо» и слово доброе?

Хозяин ведь не заплатит...

Если бы Зеки-фрай выкупал юного гладиатора за свои деньги, дело другое. А он-то за счет школы... и теперь не перепишешь историю. Не скажешь, что ценный раб сбежал, не присвоишь его себе.

Ангел УЖЕ известен, он уже вышел на арену, и спрятать его... какой тогда смысл?

Гладиаторский мир достаточно узок.

Тут слово, здесь слух... нет, не спрячешь и ничего не переделаешь. Остается выжимать свою выгоду. Впрочем, Энцо это тоже понимал.

Зеки-фрай нарадоваться на него не мог.

Правда, проявлялась эта радость пока в куске мяса, прибавленном к пище.

В отдельной комнате.

В женщине...

Да, Лоренцо Феретти, отлично понимая, что у каждого человека должен быть порок, придумал его себе сам.

Вино? Пьянице на арене не место, а мало пить при таком пороке не получится.

Азартные игры? Да то же самое. Это можно где в другом месте разыгрывать, а в бою хорошо видно, кто азартен, кто спокоен... Лоренцо понимал, что у него вообще азарта нет. Никакого.

И как он его изобразит?

Кстати, он и игр-то никаких не знает. Купцы к ним вообще относятся с отвращением, а охранники научить не успели. Тренировками были заняты.

Табак? Энцо вообще в нем ничего хорошего не находил. Хоть ты трубку кури, хоть кальян – гадость вонючая. И тошнит потом, фу...

Оставались женщины.

Лоренцо безумно не хотелось изменять Адриенне. Но... разве у него был выбор?

Если у человека нет порока, к нему будут относиться настороженно. А тут все ясно – бабник! В борделе Энцо бывал, что делают с женщинами, вполне представлял. И когда Зеки-фрай предложил ему награду в виде девки...

Энцо разве что сделал вид: боюсь!

А вдруг? Она чистенькая или нет? Кому ж охота от срамной болезни сгнить?

Вот это Зеки-фрай преотлично понял. И поскольку при школе жили несколько лекарей, успокоил парня. Все приходящие девки проверены.

Во-первых, они все присылаются из одного и того же борделя.

Во-вторых, они проверяются в борделе. Это не дешевка какая для портовых матросов и прочей швали, это дорогое заведение, элита...

В-третьих, они дополнительно проверяются уже в школе гладиаторов. А то как же?

Сколько вложено в мужчин... чтобы какая-то шлюха всех и разом... того? Перезаразила?

Вот еще не хватало!

Первый раз Энцо постарался подольше не выпускать девку. Потом уже просил об этом, как о награде. Ланиста не возражал.

Школа гладиаторов.

Здоровые молодые мужики. Которым нужны бабы. Или будут процветать совсем другие отношения. Ладно, в Араие они не под запретом, но ведь этим мужикам на арену выходить! Друг против друга сражаться!

И как? Если они друг друга... того? Любят? Или ненавидят? Зрители бои приходят посмотреть, а не бабские разборки, это-то у них и дома, на кухне имеется.

Так что...

Хотите девочек – вызовем девочек. Хотите мальчиков – вызовем мальчиков, бордели и на них зарабатывают. Но сначала заслужите.

Будете себя хорошо вести, будете побеждать – будет и своя комната, и девка на всю ночь.

Нет? Ну... разрядка какая-то нужна, но выглядеть это будет совершенно иначе. В общей очереди, с одной бабой на всех, к примеру, по пять-семь минут на человека.

Сделал дело?

Свободен!

Конечно, Лоренцо быстро стал предметом зависти многих гладиаторов. Но обвинить в этом Зеки-фраю он не мог. Любой на его месте оказался бы в том же положении.

Зеки-фрай всего лишь делал свою работу. И делал ее хорошо.

Собаку надо кормить, учить, хвалить, награждать – тогда она и работать будет идеально. Наказывать тоже, но Энцо пока еще не наказывали. Он старался не давать повода. Он тоже делал свою работу.

Усыплял подозрения. И сохранял себя целым, невредимым и живым. Он должен вернуться домой.

Остальное?

Даже несмотря на ровное отношение к Зеки-фраю... если бы Энцо сказали, что завтра надо его лично убить, содрав шкуру, он бы это сделал. Только бы попасть домой.

Сейчас Энцо ждал своего поединка.

Впрочем, сегодня на арену пришли не только за этим...

Таможенник...

Да, и такое бывало. Ладно бы воровал! Все воруют! Но этот... не Керем-фрай, точно, кто-то другой, Энцо просто выкинул из головы имя несчастного. Он не просто проворовался!

Он еще и не поделился с начальством! А это грех вовсе уж непростительный!

Вот и стоял сейчас несчастный таможенник посреди арены.

И ему зачитывали приговор. Энцо поглядывал краем глаза. Интересно, с кем будет сражаться этот пузан? Он же разве что упадет, покатится – и собой кого задавит! Вообще туша тушей...

Арайский Энцо выучил отлично, но улавливал лишь обрывки слов.

За преступление...

Наказание...

Выпустить диких зверей...

До смерти одной из сторон...

Несчастный таможенник потел, краснел, бледнел... и кажется, уже попрощался с жизнью, когда на арену выпустили...

О, это были очень, очень дикие... шесть зайцев!

Публика грохнула смехом.

Энцо хмыкнул. Вообще-то те, кто считает заек милыми и добрыми лапочками, сильно заблуждаются. Наверное, ни разу не видели, как милый пушистик может ударом задних лап волку брюхо вспороть^[4]. Но ведь не львы, не волки, не медведи... перелови – и свободен!

Таможенник тоже порадовался. Сначала...

Но ловил он их по арене битый час. Пыхтел, потел, носился за зайцами... кстати – вполне ревностно носился. Понял и оценил, видимо.

Ладно, на посмешище выставили? А если бы просто прибили? Его бы любой гладиатор в три минуты на составляющие разделал, что ту колбасу...

Дураком таможенник не был... или не круглым дураком хотя бы, а потому и старался. И вышел наконец победителем. Хотя и извалялся от души, и синяков насажал, и ссадин получил...

Но это были уже мелочи.

Энцо тоже потешался от души над толстяком. И уже внимательно смотрел на следующий поединок.

И еще на один.

А потом пришло и его время... его бой.

* * *

Сегодня Энцо был вооружен коротким мечом и щитом. Противник – копьём и длинным кинжалом. Радовало хотя бы то, что на руках и ногах обмотки. Но и у Энцо, и у его противника.

Значит, бить надо в корпус.

Плохо, что у противника в руках копьё. Энцо уже приходилось так драться, но провокатор хуже владел оружием.

С другой стороны, тут у него есть щит...

Противники начали медленно сходитьсь.

Энцо ждал.

Первым потерял терпение его противник. Удар... копьё змеиным жалом понеслось к юноше.

Энцо отпрянул, ударил по копьё щитом, сбивая направление удара.

И снова – круги друг напротив друга.

И снова – удар.

Перерубить копьё? Смахнуть наконечник? Ага-ага, мечом, коротким и достаточно легким, при воинах такое не скажите – смеха будет на месяц...

Почему мечом не рубят дрова для костра? Да потому, что не получится. Меч не перерубит древко копьё, можно разве что затупить клинок, выщербить... а если...

Опять удар, в шею... с-сволочь! В живот, теперь подсесть ноги – копьё дает преимущество... что ж ты такой здоровый-то!

Противник вроде как и вовсе не притомился, вертит древко, словно веточку! Попробовать подставиться? Нет, лучше не рисковать. Но и долго затягивать не стоит.

Кружение затягивалось. Энцо принял решение и бросился вперед.

Шаг, второй, удар щитом по копьё – сбить в сторону. Удар щитом в лицо Энцо – отбить мечом с такой силой, что у самого немеет запястье. Но противнику наверняка еще веселее. И теперь уже Энцо бьет противника щитом в лицо.

Жестко, сильно, безжалостно...

Хрустит сломанный нос, запрокидывается голова.

На арену льется потоками кровь.

Нет, это не убийство. Но даже если ладонью рубануть по кончику носа снизу вверх, человеку будет ну очень плохо. А если щитом, да с дури...

Не убил.

И шею не сломал. Но врагу легче от этого не стало. Гладиатор упал на песок, поднял три пальца в знак поражения...

Зрители не возражали. Крови они увидели уже достаточно. Пусть поживет... милуем?

Милуем!

И Энцо отправился в раздевалку. На сегодня он свое отработал. Можно отдыхать. Из минусов – несколько синяков, а рука еще пару

дней нить будет. Но противнику точно хуже... интересно, он курносый до конца дней своих не останется? Но это уж точно не дело Лоренцо Феретти.

* * *

Вечером к Энцо опять зашел Ромео. Лоренцо только зубами скрипнул.

– Чего тебе надо? Отдохнуть не даешь!

– Вино будешь? Хорошее...

Энцо пожал плечами, сделал пару глотков из кувшина. И не отказался, и не напился. Так... сделал вид.

– Спасибо.

– Не стоит.

– Ну раз не стоит... тебе ланиста, что ли, поручил за мной приглядывать?

– Конечно. Мало ли что, сейчас вздумаешь голову о стену разбить, а ты ж ценное имущество...

– Ага. Или сбежать.

– Вот видишь, ты и сам все понимаешь. – Ромео смотрел откровенно насмешливо.

– Понимаю. И никуда не собираюсь.

Во всяком случае – пока.

– А раз понимаешь... тебе оно надо? Ну, меня выгонишь, так кто другой придет. Все равно ж не избавишься...

Лоренцо только вздохнул – и откинулся на стену.

– Ладно... ты поговоришь или тебе о чем-то рассказать?

– Да хотя бы и мне. Расскажи, что там... дома?

Дома...

Лоренцо вспомнил дядюшек, сестер, учителей... и заговорил совсем о другом.

– Дома... правит его величество Филиппо Третий.

– Он и раньше правил. Когда я сюда попал. Сын у него по-прежнему один? Не женился король?

– Нет. Эпидемия у нас была...

– Расскажешь?

Энцо послушно пересказывал события в Эрвине за последние лет пять. Расспрашивал сам.

Ромео оказался самым обычным парнем, сыном наемника... перекасти-поле – оно и есть перекасти-поле. Ни дома, ни близких, отец всю жизнь мечом торговал и сына к тому приучил. Мать Ромео старался не вспоминать. Так-то он с ней жил лет до двенадцати, потом подросток... младших поднимать надо, старший может себе денег заработать сам, ну и уехал с отцом. В плен попал по глупости... мальчишка ж! Лет семнадцать ему было, пошел к девке, там и опоили. И продали по сходной цене, сначала на корабль, потом, с кораблем, попал сюда, в Арайю, сбежал, прибил к школе гладиаторов, сражаться-то парень умел.

Ну и втянулся постепенно.

Что-то был школе должен за обучение, за снаряжение, потом отдал постепенно, но ничего себе покупать не стал, живет здесь...

Зеки-фрай?

Да он не хозяин! Хозяин арены – совсем другой человек, некто Кемаль-бей. У него такие арены в нескольких городах есть, в столице в том числе. На них и поднялся.

Если так-то поглядеть...

Нет, Кемаль-бей – по рождению не из знати. Тут другое... только история эта... одним словом – тсс! Услышат, что рассказываешь, – могут и того... ноги переломать.

Энцо пообещал никому не пересказывать, и внимательно слушал.

Хозяином арены был Кемаль-бей.

Но беем он стал лет двадцать тому назад. Так получилось...

Султан Ферхад, да продлит Аллах его дни, был шестым сыном предыдущего султана, и, конечно, никто не рассчитывал, что он унаследует трон. Так что жил мальчик в сельской глуши, кстати – ему повезло. Жил даже вместе с матерью, с дедом... его матерью оказалась девушка из местной знати, которую из каких-то соображений – Ромео точно не знал – взяли в гарем. А потом... а что потом?

Пару раз она на ложе к султану попала, сына родила, ну и... так-то из гарема выхода нет, но в этот раз султан смиростивился. Разрешил ей жить с сыном и за городом, пока сыну не исполнится четырнадцать. Ну и с отцом, понятно...

Вообще, такое здесь редко случается, но, наверное, были причины. Ромео их не знал, он знал, что султан долго жил в глуши, а Кемаль... то ли его отец припасы привозил, то ли что другое... Рода он достаточно подлого, но стал товарищем по играм для молодого принца.

В четырнадцать лет султан Ферхад уехал к отцу. Кемаль же...

Или друг его не забыл, или еще что... через пару лет юный Кемаль-фрай выкупил захолустную арену, которая погибала, и начал лично режиссировать представления. Внес «новую струю», добавил сексуальный элемент, предложил преступников отдавать ему, на арену... не всех, конечно. Тех, кто заслужил мучительную смерть или от кого не будет никакой пользы.

Опять же, если хозяева хотят от рабов избавиться...

Постепенно, не сразу, но дело у него пошло.

Кемаль умел угадывать вкусы толпы. Прикупил вторую арену, уже в другом городе, потом третью...

Время шло, в результате серьезной борьбы Ферхад стал султаном, но друга не забыл.

Просто так беем он бы его не сделал, не с чего. Но в юного Кемаля по уши влюбилась сестра султана. Младшая.

Влюбилась она еще в то время, когда мальчишки играли друг с другом, а девочка смотрела на них в окошко, а иногда ей и поговорить с братом разрешали... ну что там такого? Мальчишки на десять лет ее старше... малышка! А потом любовь вспыхнула с новой силой...

То ли Кемаль кинулся в ноги султану, то ли сестра умолила...

Но за обычного человека отдавать принцессу было нельзя. Пришлось жаловать титул другу детства. А там уж Кемаль-бей развернулся.

И столичную арену под себя подгрел, и богатство начал наращивать...

Сейчас он был... ну, не в первой десятке самых богатых арайцев, но в первой сотне так уж точно.

Такая вот история.

Энцо слушал, кивал, поддакивал... что он еще мог сказать? Что мог сделать?

Ничего. Только слушать и собирать информацию. Рано или поздно он вырвется на свободу из этого ада! И знания ему в этом помогут!

В столице

– Да будет его воля! – Жрец был величественным и внушающим. Правда, лица его видно не было, мешала маска в виде козлиной головы. Но это точно был король всех козлов!

Такие рога!

Такая шерсть!

Такие налитые кровью глаза... человеческие? А, все равно – козел козлом! Даже воняло похоже!

Но кто из паствы замечает такие мелочи? Жреца обнюхивать не принято, а то копытом в лоб.

– Да... будет... его воля...

Паства откликнулась тихо, но отчетливо. Особенно стоящая впереди женщина, в маске и капюшоне. В этот раз эданна Франческа приняла во внимание замечание Осьминога. То самое, про родинку, и лицо с шеей закрыла, и мушек наклеила побольше – мало ли что?

– Да пребудет его сила!

– Да... пребудет...

– Властью господина! Кровью заклявшей, волосом заклятого! – торжественно произнося заклинание, жрец добавлял все вышеперечисленное в зелье, которое кипело перед ним на алтаре.

Зелье послушно принимало компоненты и даже цвета меняло.

С зеленого на синий, потом опять на зеленый...

– Прими нашу жертву!

Жертвой оказался молодой козленок.

Трое подручных затащили его на алтарь, рядом с кипевшим зельем, двое держали за передние и за задние ноги, третий запрокинул голову.

Жрец в козлиной маске одним ударом перерезал горло животному.

Кровь хлынула, заливая алтарь, поднимая облако вонючего пара... а когда пар рассеялся, то и зелье кипеть перестало.

Так, слабо опалесцировало в котле.

Эданна Ческа посмотрела на жреца, и тот качнул головой.

Как же!

Дай тебе все сразу! И уйдешь? А поговорить? А пожертвовать? Нет-нет, так дело не пойдет.

Пришлось стоять до конца «богослужения». Или правильно говорить «дьяволослужения»?

Франческа над такими вещами не задумывалась. Если Бог не помогает, так дьявол поможет, если с дьяволом проблемы, так мы и древних богов раскопаем...

Его высочество – ее собственность!

А не этой... Кареллы!

Ладно, принц и возвращался к эданне Франческе, и подарки дарил, и любил, и прислушивался. Но ведь и с теми он тоже...

Он же и эту Алессандру тоже...

И как такое пережить?!

К чужой любви, хорошая она или плохая, привыкаешь очень быстро. Франческа готова была на все, чтобы ее удержать. В том числе и...

– Ваше золото.

Мешочек с монетами привычно лег на пол.

Старая ведьма кивнула, передавая Ческе зелье. Вот она его, сейчас, при ней, в кувшин и перелила.

– По три капли. Чем чаще, тем лучше... он от тебя отлипнуть не будет, не то что отходить.

– Вы так говорите, – надула губы Франческа, – а он все равно... ну... не слишком...

Старая ведьма вздохнула.

– Эданна, а что ты хочешь? Если козел... так его ненадолго и хватает. Настоящие жертвы – человеческие.

– Даже не смейте мне о таком говорить! – топнула ногой эданна Франческа. Схватила кувшин – и вихрем за дверь вылетела.

Старуха проводила ее насмешливым взглядом, фыркнула.

Жрец вышел из-за шторы.

– Какое благородство души!

Иронии в его голосе было столько, что хоть лопатой отгребай. Старуха опять фыркнула.

Козлиную голову мужчина снял, а вот тонкую шелковую маску под ней – оставил. Хотя она и так преотлично знала, с кем имеет дело.

– Она же не убивает. Она просто привораживает...

– А ты этого никак сделать не можешь. – Мужчина уселся в кресло и вытянул ноги. – Плохо работаешь.

Старуха хмыкнула.

– Эданна Кавалли работала хорошо. И где сейчас она?

Даже под маской было видно, что мужчина сдвинул брови.

– Не слишком ли ты много на себя берешь, старуха?

– В самый раз. Года не пройдет, эта дуреха и на жертвоприношения согласится, и сама кого угодно прирежет. Вам же это было надо?

Судя по невольному кивку головы – да.

– Вот, вы своего добились. А как Илария я не хочу, мне столько не заплатить...

– С тебя столько и не возьмут, – хмыкнул мужчина. – Ладно, приberi деньги, твое все же. Заработала...

Старая ведьма послушно спрятала кошелек куда-то в складки шали.

– Следующее представление когда?

– Давай дней через двадцать, – распорядился мужчина. – Посмотрим, как все будет складываться.

– Как скажете, господин.

– Да уж, скажу...

Мужчина гибко поднялся из кресла и вышел вон. Старуха уселась на его место.

– Мальчишка. Щенок. Играть он вздумал...

Пальцы ее нервно потербели кисти на шали, перебрали нитки бахромы. С губ старухи сорвался хриплый смешок.

– Каждый, каждый щенок, который только что научился задираТЬ лапку, мнит себя Цербером. И каждого ждет разочарование... а некоторых – живодерня. Э-эх, Ларька, тебя бы сюда! Ты бы сейчас развернулась, ты бы смогла... а я только и того, что слабенькие заговоры делать и дураков морочить.

Эданна Илария Кавалли по понятным причинам не отвечала.

Старуха еще раз вздохнула и отправилась в глубину дома. Прятать честно заработанное. Переодеваться. Уничтожать следы жертвоприношения.

Как?

Кровь – тряпкой, чего тут удивительного или нового?

А козленка сегодня вечером... тушеное мясо – уммм! Прелесть! И никаких следов, так-то...

А эти...

Кто-то служит богу, кто-то Сатане, но в итоге все работают сами на себя. И ведьма собиралась получить с каждого по высшей ставке.

* * *

– Болит, зараза...

Его величество потер бок. Правое подреберье ныло нещадно. Он посмотрел на стол, где стопками виселись пергаменты, – и решительно тряхнул колокольчик.

– Лекаря позови, – распорядился испуганному секретарю.

Долго ждать не пришлось, придворный лекарь, дан Виталис, прибыл почти мгновенно.

– Ваше величество?

– Мое, мое... есть у тебя что-нибудь от боли в боку? Мне еще работать надо...

– Ваше величество, вам бы сейчас полежать, отдохнуть...

– Бонифаций, я у тебя что спросил? – повысил голос Филиппо.

Увы. Иногда медик становился ну совершенно непонятливым человеком. Вот как сейчас, например.

– Ваше величество, вы с меня хоть шкуру дерите... я вам что говорил? Желтуху нельзя на ногах переносить! Вот и результат!

Филиппо поморщился.

Ну говорил... и что? Попугаи в клетках вон тоже говорят. А желтуха... подумаешь, переболел? С каждым бывало!

Ну потошнило, ну голова покружилась... что в этом такого страшного? Дело-то житейское! ^[5]– Что ты предлагаешь?

– Ваше величество, я вам лекарство дам, конечно. Но сейчас я настаиваю, что вам надо отдохнуть. И кстати говоря, вино вам нельзя. И жирное мясо тоже...

– Жить мне тоже нельзя – помру, – огрызнулся король. – Иди отсюда... за лекарством!

Лекарь послушно кивнул и отправился к себе. Сейчас он и лекарство принесет, и короля заставит отдохнуть.

Только вот...

Не нравились ему эти боли. Вот не нравились, как и любому хорошему лекарю. Дан Виталис преотлично знал, какие бывают осложнения после желтухи. И в том числе «печеночный червь»...

А если это – ОНО?!

Если...

Нет, лучше не думать. Но порошки, которые помогают именно от этой напасти, он его величеству даст. И проследит, чтобы король соблюдал диету... хоть как, но соблюдал!

Господи, помоги королю!

Но в глубине души... да, там, куда и сам боялся заглядывать, лекарь подозревал, что помогать тут уже поздно. Молись не молись... все равно – дело плохо.

Мия

Маньи.

Поместье как поместье. Видывала Мия виды и поинтереснее.

А вот людей...

– СибЛевран? Дядя, вы серьезно?

Джакомо только плечами пожал. Ну, СибЛевран... это важно? Или интересно?

– Конечно! – утвердила Мия. – И важно, и интересно... дядя, это те самые СибЛевран, с которыми договаривался дядя Паскуале!

Джакомо так себя по лбу треснул, что аж звон пошел по всей округе.

– Точно! Я-то и не сообразил сначала!

Мия тоже могла бы не вспомнить.

Но – Лоренцо.

И его рассказы про Адриенну СибЛевран, про ее красоту, ум... Мие безумно захотелось увидеть эту загадочную дану. Посмотреть, что в ней нашел брат.

И она в нем? Что она нашла в нем?

Если подарила брату подвеску в виде ворона? Если брат подарил ей тот самый крестик, который Мия получила от падре Ваккаро?

И в то же время...

– Мне не хотелось бы, чтобы Лаццо знали о нашем путешествии, – нахмурился Джакомо. – Для всех мы сейчас находимся в Феретти...

Мие этого тоже решительно не хотелось. Но какие были еще варианты? Если попробовать вариант с престарелой эданной, вот как они сделали это в поместье эданной Вакка, Джакомо придется назвать себя, и СибЛевраны потом скажут о нем. При встрече с тем же Паскуале на предзимней ярмарке.

Возникнет вопрос, что за эданну сопровождал Джакомо, где в это время была Мия...

Джакомо думал сосредоточенно.

– Мия, скажи, ты умеешь копать в земле?

– В земле?

– У меня есть одна идея... я могу пристроить тебя в Маньи, ненадолго. Но надолго и не надо.

Мия кивнула.

– Хоть на пару дней. Мне хватит...

– Уверена?

Мия пожала плечами.

Уверена не уверена... у нее сбоев никогда не было. И не будет. Она умная, она сможет правильно рассчитать ситуацию, она не попадется.

Она – метаморф.

Интересно, почему прабабка предпочла службу королеве – вольной жизни? Ведь могла бы зарабатывать жуткие деньги! А вместо этого – что?

Нельзя сказать, что Фьора была бедна как церковная мышь, но ее приданого хватило разве что на несколько лет. А Мия сейчас уже отложила на счет в банке больше, чем Лаццо торговлей за год заработают. Но они-то торгуют, трудятся, переживают, а Мие надо только пару раз... прогуляться. Несопоставимый труд.

Прабабка за всю жизнь могла столько заработать, что Мия на золоте и спала бы, и ела. И еще ее правнукам хватило бы.

Нет. Не заработала.

Но почему? Непонятно...

Рассказывать об этом дяде Мия не стала. Зачем?

– Уверена. Что у вас за идея, дядя?

– Будешь сорняки драть. И гирлянды потом поможешь вешать...
Садовник смотрел на «мальчишку» без всякой симпатии.

Деньги нужны, оно понятно. Дан Маньи больше платил, а требовал меньше. А эданна Фабиана может и оштрафовать, и недоплатить, и требует при этом...

То у нее какие-то редкостные лилии не приживаются, то тюльпаны гибнут...

Оно понятно! Если арайские цветы выписывать, к ним и подход нужен особенный. А у нас в Эрвине то дождь, то снег, то заморозки, то вредитель какой выползет... вот и гибнут нежные цветочки. Но разве эданна слушать будет? Завизжит, ногами затопает, деньги урежет...

Может еще пару пощечин отвесить.

Раньше еще могла приказать пороть, но тут уж эданна Диана вмешалась. Все ж Маньи – наследство молодого дана, эданна Фабиана в нем распоряжается, но с оглядкой. Так что порок никаких нет.

И ради эданной Дианы, честно-то говоря, и старается садовник.

А тут – свадьба!

Леонардо слуги видели. И определили его породу точно – жиголо и приживал, паразит и подхалим. Эданне, понятно, поделом. Но свадьба ж!

Расходов прибавилось, дел прибавилось, а помощники? Садовник уж просил эданну разрешить ему привести с собой сына или двух, для помощи. Но там же платить надо, хоть по сольди в день, а это эданне не по душе.

Женишку своему, поди, перстень с таким алмазом подарила, что хоть дерись им! А пару сольди жалеет!

Бабы!

Разрешение садовник получил, но при условии, что дети будут ему помогать бесплатно. И еще пусть спасибо скажет, где бы они могли такой опыт получить?

Только вот забесплатно они и мамке по дому помогут. А эданне...

Перебьется.

Садовник был хмур и невесел, когда в его дом постучался дан Джакомо. И с ходу предложил ему десять лоринов за помощь.

А что?

Вы, ньор, берете с собой этого мальчишку, он вам помогает до свадьбы, потом уходит восвояси. А вы говорите всем, что это ваш сын. По рукам?

Как же!

Идиотом ньор Чиприано Кокко ни разу не был. Так что Джакомо пришлось повысить сумму до пятидесяти лоринов – и половина вперед. Зато ньор согласился. И пообещал Мию прикрывать как сможет.

В деревне на пятьдесят лоринов семья три года жить может. В городе поменьше – года полтора. Отказываться от таких денег ради эданны Фабианы?

Да вот еще!

Тем более, Мия была весьма и весьма похожа сейчас на его сына, Эудженио. Тот же вздернутый нос с веснушками, те же карие глаза, только у Мии они посветлее, а у Джено – темные, словно шоколад. Те же невнятно-темные волосы, которые «Джено» тут же, при нем, убрал под соломенную шляпу.

А округлостей и выпуклостей у Мии и так было не слишком много. Где подложить, где замаскировать – и получается вполне себе неплохо. Парень как парень.

– Буду, ньор... то есть отец. Где прикажете, – кивнула Мия.

Чиприано посмотрел на нее долгим взглядом.

– Мне точно от тебя беды не будет?

– Уверен, – спокойно сказала Мия.

– Смотри, парень...

Мия кивнула еще раз.

За этим она и здесь. Смотреть. На деревья или цветы она не посягает, а вот сорняки ей под силу. Ну и дальше будет видно. Посмотрим, что и как.

* * *

Ньор Чиприано на помощника нарадоваться не мог.

Неприхотливый, молчаливый, делает, что сказано, разговаривать не лезет...

Прелесть!

Непонятно, что ему нужно в Маньи, но вот это ньора Чиприано как раз и не волновало. Парень старается, в дом, считай, не заходит, разве на кухню. И там – выпьет молока, сжует кусок хлеба – и обратно, в сад. Тут уж и кухарки довольны, хвалят, мол, какой у вас, ньор, сынок хороший! Папке помогает, да и на кухне помочь не отказывается!

Вот недавно мы его попросили лук почистить, так ведь мигом и перечистил, и нарезать кольцами помог... и зеленушки какой с огорода принесет, и помоем, не откажется...

Золото, а не парень, повезет кому-то с таким мужем.

Ньор Чиприано помалкивал и кивал головой. Старший сынок у него так и так в садовники подаваться не хотел, у него руки к другому ремеслу лежали, он рыбаком стать хотел. Так что лишний раз он в поместье и не придет. А там и позабудется...

А Мия действительно старалась не высовываться. И – наблюдала.

Вот хотела она быстренько подсыпать яд эданне Фабиане или уколоть ту какой иглой – и удрать. Но... задержалась. И не в последнюю очередь из-за даны СибЛевран.

Если бы Адриенна обратила внимание на садовника, она бы поняла, что стоит ей выйти в сад или устроиться в беседке, как рядом оказывается помощник ньора Кокко.

И наблюдает.

Внимательно так, серьезно...

Мия не могла составить своего мнения об Адриенне. Вроде бы ее сверстница. Вроде бы обычная дана, которой ничего не надо.

Но...

На шее у Адриенны был надет простой медный крестик. И Мия узнала бы его из тысячи! Из сотни тысяч других.

Она сама взяла его у падре Ваккаро, она сама подарила его Энцо, и он подарил крестик. И Адриенна СибЛевран регулярно касается его пальцами, гладит, перебирает цепочку. Смотрит куда-то вдаль, улыбается...

Энцо...

Для нее Лоренцо жив.

Она о нем думает как о живом, она ждет встречи, она...

Мия не могла заставить себя уйти просто так. Не поговорив с Адриенной. И в то же время – боялась. Очень боялась, сама не зная

чего. Что она расскажет Адриенне о смерти Энцо – и та снимет крестик? Что Лоренцо и правда умер? Что? Мия не могла ответить на эти вопросы. И разобраться в себе тоже не могла.

Лоренцо полюбил эту девушку.

Почему? Чем она заслужила эту любовь? Или в ней есть нечто такое... говорят, что любят вопреки всему. Но ведь любят и за что-то? Такое тоже случается? За красоту, за ум... Вот дану... как там ее? Которую она в церкви на Рождество убила... Армандо полюбил ее просто за внешность. Но Лоренцо явно был умнее. А за что тогда?

Чутьем метаморфа Мия ощущала в Адриенне некую неправильность. Чуждость. И это завораживало. Заставляло приглядеться, задуматься... может быть, именно это привлекло к ней Лоренцо? А теперь притягивает и Мию?

Может, перед ней еще одна часть головоломки? Как с зеркалом мастера Сальвадори?

На этот вопрос Мия пока не могла ответить. Как говорится, проживем – увидим. А пока понаблюдаем.

Вот и затягивала она выполнение задания.

Джакомо не нервничал. В этом отношении он уже полностью доверял племяннице. Если Мия говорит, что ей так надо...

Пусть побудет еще немного в Маньи. Ничего страшного.

Адриенна

Скорее бы послезавтра!

Даже не так!

Скорее! Бы! Послезавтра!!!

А там свадьба, и домой можно будет уехать! Счастье-то какое!!!

ДОМОЙ!!!

Как же Адриенне тут осточертело! Не знай она о своем происхождении, в Маньи всё на день пути вокруг бы вымерло. Нервы, нервы...

Она с трудом справлялась с собой, и потому регулярно случалась ветреная погода, а по ночам налетали то дожди, то холода. Садовник ворчал, и Адриенне было его искренне жалко.

Но как же ей все это... обрыдло! И слова-то другого подобрать нельзя!

Вот и сегодня...

Наконец-то закончились разговоры, наконец-то прекратился этот гадкий шум, который у Адриенны уже стоял в ушах, словно пробки...

Девушка махнула рукой на отвратительную погоду, сумерки и позднее время и решила пройтись по саду. Ну хотя бы ненадолго. Хоть чуточку проветриться. Сил на этот змеиный клубок никаких нет! И ведь шипят и шипят, лицемерят и лицемерят...

Да чтоб вам пропасть два раза!

НЕНАВИЖУ!!!

Так... не надо. Вот этого – не надо. Вдох и выдох, вдох и выдох... ты спокойна, Адриенна СибЛевран. Или уж сразу – Адриенна Сибеллин?

Ты ни на кого не злишься, ты принимаешь людей как они есть. С их достоинствами и недостатками, с их проблемами и бедами. Пусть они сволочи. Но ты-то должна быть умнее. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть, и ты вернешься домой, в СибЛевран, и вы с даном Рокко поедете на предзимнюю ярмарку.

И ты увидишь Лоренцо!

Пальцы коснулись медного крестика, ласково погладили его.

Адриенна обязательно расспросит, что такого произошло с Энцо этой весной. Почему ему было так плохо? Что случилось?

Сейчас она его чувствует, но это другое. Сейчас Лоренцо не больно, не страшно... это как разница между стрелой на тетиве – и стрелой, которую извлекают из раны. Первая... она и страшная, и опасная, а все же не так. А вот вторая...

Когда кровь, и боль, и страх, и кромсается живое тело... брр!

Ничего. Она поговорит с Лоренцо, и это отпустит.

Так, за размышлениями, Адриенна и дошла до виноградной беседки. Устроилась на вышитой подушке, прислонилась щекой к деревянной опоре.

Жаль, нельзя здесь заночевать. Ей бы понравилось спать в этой беседке, но уже холодно...

– Я так и знал, что найду тебя здесь.

Леонардо стоял в дверях.

Стоял вроде твердо, и не шатался, и слова выговаривал вполне отчетливо, но запах вина вокруг него тоже витал. И не радовал.

Есть среди стадий опьянения и такая, в которую тянет на подвиги. Нет, не подвигать мебель, хотя и так бывает. Но редко. Обычно на

мелочи «герой» не разменивается и идет двигать мир. Или хотя бы потрясать его своим героизмом, статью, удачью и доблестью.

Вы их не заметили? Не оценили?

Тогда мы идем к вам!

Вот и Леонардо пришел. А что с ним дальше-то делать? Как останавливать человека в таком состоянии, Адриенна знала. Чисто теоретически. А вот на практике – беда.

Ни сковородки, ни скалки – ничего.

А может, и останавливать не придется? Иногда героям в таком состоянии хватает уважения – и добавки к уже выпитому. Тоже вариант...

– Добрый вечер, – попробовала прощупать почву Адриенна.

– Д-добрый?

Адриенна посмотрела с невинным видом. Да, наверное, добрый.

А какие проблемы?

– Стерва! – выдохнул Леонардо убежденным тоном. – Гадина!!!

– Я?! – возмутилась Адриенна.

– А кто?! Это ты во всем виновата, ты!!!

– Да в чем?! – искренне удивилась девушка. – В чем я провинилась?!

– А кто виноват, что я женюсь?

Адриенне осталось только глазами захлопать.

– Я думала... твоя мама?

– Мама... – Из рта Леонардо прямо-таки поток грязи полился.

Эданна Сусанна многого не знала о своем происхождении и своей беспутной жизни.

Адриенна молчала.

А что она – спорить будет?

Она про эданну и похуже думает, если на то пошло! Редкостно мерзкое существо, в которое, словно в это самое, вляпался ее отец. И ведь не отмоешь...

Так что Адриенна молчала. И зря. Выговорившись, Леонардо вспомнил о ней.

– Она дрянь! И ты дрянь!!!

– Я-то почему?! Потому что ты женишься?!

– А ты могла бы оставить мне СибЛевран! И я бы не женился!

Адриенна аж рот открыла от такой интересной логики.

– Погоди-погоди. – Забыты были все хорошие манеры и все показное дружелюбие. – Ты мне хочешь сказать, я виновата в том, что не пожертвовала тебе СибЛевран?

– Да!

В состоянии алкогольного героизма Лоренцо и более ядовитой иронии не заметил бы. Куда уж там о тонкой?

– Ага... то есть вы пришли в мой дом, испортили мне жизнь, нагадили, где могли, и я должна отдать вам все, а потом еще и поблагодарить? Так, что ли?

Теперь до Леонардо дошло. Парень насупился.

– Ты...

– Я, – вовсе уж окрысилась Адриенна. А сколько, простите, можно испытывать ее терпение. – Ты всерьез, что ли, считал, что можно клюнуть на твои ужимки?! Букетики, конфетки, песенки? Это для Фабианы, и то она тебя насквозь видит! А мне зачем было навлекать на себя гнев короля?! Чтобы ты себя умным почувствовал? Чтобы вы с мамашей на моей шее жирели?! Перебьешься, пиявка гадкая!

Леонардо вовсе уж побагровел.

А потом сделал шаг вперед, дернул на себя Адриенну... и девушка с ужасом почувствовала на своей шее слюнявые губы.

– Пусти, мразь!

– Ужимки, говоришь? Так я тебя сейчас с ними познакомлю...

Возбужденная плоть упиралась девушке в бедро. И... у негодя могло получиться. Выпил он достаточно, чтобы море ему было по это самое место. Но недостаточно для отсутствия реакции или состояния «мордой в салат».

– Пусти!!! Король тебя...

– Я ему скажу, что это ты меня соблазнила. С-сестренка!

– Сука!!!

– Зато ты сейчас будешь подо мной скулить!

Адриенна попробовала полоснуть негодя когтями, но куда там! Не вырвешься, не отобьешься... сволочь такая!.. Она забилась вовсе уж отчаянно.

А потом хватка ослабла.

Леонардо дернулся вправо, влево – и осел к ее ногам.

Адриенна тоже дернулась, отскочила назад, вырываясь из мерзких рук, стянула на груди порванное платье... и когда только успел, гадина такая?! И только потом обратила внимание на подростка, который стоял в дверях.

– Джено?

– Ага, дана Адриенна.

Подростка Адриенна видела пару раз, он помогал отцу. Так-то она внимания не обращала, но рукой ему махала и здоровалась при случае. Близо парень не подходил, ну и не надо.

– С-спасибо.

– Да не за что. Вы платье только получше запахните, ага?

Адриенна кивнула. Потрясла головой – и решила спросить о главном. Не о платье.

– А с ним... что?

Мия хмыкнула.

– Сдох.

А как она еще могла остановить здорового парня? Только слегка придушив гарротой... можно подумать, у нее был выбор?

Из оружия у нее при себе только яд, и тот в порошке, не предложишь же проглотить?

Нож?

Вот нож и был. И пришелся весьма удачно, в почку. После такого удара помирают быстро, а что не кричат... так от болевого шока. Куда там кричать, тут, считай, – все. Душа отлетела...

И не жалко, честно-то говоря. Гадкая была душонка, туда ей и дорога.

Меньше грязи – чище воздух.

Адриенна еще крепче стянула платье. И обнаружила...

– Ах ты, гадина!

Куда и что девалось? И переживания, и расстройство, и страх, и опасения. Все это было ничтожно перед случившейся бедой.

Леонардо, эта мерзкая тварь, сорвал с ее шеи цепочку с крестиком! Подарок Лоренцо!!!

Да ты, дрянь, дешевле стоишь! Сдох? Туда тебе и дорога...

– Джено, посмотри на полу! Тут где-то должна быть цепочка с крестиком. Медным... пожалуйста.

Мия опустила на колени.

– Она важна, дана?

– Это подарок самого лучшего человека на земле, – просто сказала Адриенна. И так это прозвучало...

Мия пригляделась.

Цепочка свисала из руки Леонардо. Видимо, сорвал, а когда она его ударила, руку и свело...

Она разжала пока еще теплые пальцы и протянула цепочку Адриенне.

– Вот.

– Спасибо! – Адриенна сначала завязала цепочку на шее, потом проверила надежность, а потом только сообразила: – Ты сказал... сдох?

Мия посмотрела Адриенне прямо в глаза.

Сейчас, вот именно сейчас...

– И что?

– Тебе надо бежать! Пойдем, я тебе денег дам! У меня лоринов пятьсот есть...

Все.

Мия даже и не сомневалась, что Адриенна действительно дала бы ей денег. И бежать помогла. И промолчала о ней даже на исповеди...

Лоренцо, братик, ты выбрал подходящую девушку.

Мия подняла руку вверх.

– Подожди, Адриенна. Нам торопиться некуда.

– А...

– Человек, который подарил тебе крестик, – мой брат. Лоренцо Феретти.

Адриенна замотала головой. Потом потерла лоб.

– Нет, погоди... я уже не соображаю.

Мия вздохнула.

– Лоренцо?

– Ну да.

– А откуда ты его знаешь? Джено?

– Я отвернусь на секунду. – Мия решила не менять лицо на глазах у Адриенны. – Подожди, ты сейчас поймешь.

И сделала вид, словно елозит по лицу рукавом рубахи. Вернулась к своей внешности, кроме волос, конечно, и улыбнулась.

– Мое имя – Мия Феретти. Дана Мия Феретти, к вашим услугам, дана СибЛевран.

– Ничего не понимаю, – вздохнула Адриенна. – Вообще ничего...

И покосилась на Леонардо.

Мия развела руками.

– Тебя не слишком смущает это соседство?

– Разве что противно, – честно сказала Адриенна. – А так... гадкая тварь. И изнасиловать он меня хотел.

– Это верно. Я о тебе слышала от брата. Ты подарила Лоренцо Феретти подвеску в виде ворона, он тебе медный крестик. Этот самый.

Адриенна кивнула. И расслабилась.

Если это сестра Энцо... Сестра. Лоренцо.

Откуда здесь взялась Адриенна, она явно знает, а вот Адриенна о ней не знает ничего. Так, может, Мия Феретти и расскажет?

Леонардо?

Да его гораздо раньше убить надо было! В идеале – вообще не делать! И можно подумать, первый раз она трупы видит...

Адриенна махнула на все рукой, отвлеклась от тела, которое сейчас и трупом-то не смотрелось, так, неаккуратной кучей на полу, и посмотрела на Мию.

– Ты мне можешь объяснить, что все это значит?

Мия

Ничего такого, убийственного, по отношению к Леонардо Мия не планировала.

Ей платят за эданну Фабиану. За несчастный случай. Вот его девушка и будет имитировать. А убивать посторонних – это непрофессионально.

Но... так получилось.

За Адриенной она последовала из интереса. А когда заметила Леонардо, когда эта сволочь...

Когда он начал рвать на девушке платье, Мия решила вмешаться. А что – смотреть, что ли? Вот еще не хватало!

Удар в почку вышел точным и уверенным. С ее-то практикой...

А Адриенна порадовалась.

Не кричит, не визжит, не бежит, готова слушать и слышать. Это немаловажно.

А еще крестик, который ей подарил Лоренцо. Крестик, который так важен для нее, что Адриенна готова даже про смерть негодяя Леонардо забыть, лишь бы его найти!

И Лоренцо.

Самый лучший человек на земле. Не важно, что сейчас его нет рядом, Мия думала точно так же. А потому...

– Адриенна, это достаточно долгая история. Нам лучше побеседовать там, где нас никто не увидит и не услышит.

– Тогда здесь будет лучше всего, – развела руками Адриенна. – В доме и у стен есть уши. И нам надо будет решить, что сделать с телом... он точно мертв?

– Точно, – заверила Мия. – Ты хочешь его спрятать?

– Нам придется что-то придумать, – кивнула Адриенна. – Ты мне сейчас расскажешь, что и как, а потом разберемся, хорошо?

Мия только улыбнулась.

У нее будет отличная невестка. Если... нет! КОГДА Лоренцо вернется.

Хотя откровенничать Мия и сейчас не собиралась. Она уселась напротив Адриенны и непринужденно улыбнулась.

– Мой брат ни о чем таком не знает и не догадывается. Я... я хотела на тебя посмотреть.

Адриенна нахмурилась.

– Не ври мне.

– Я правда хотела на тебя посмотреть.

– И ради этого благородная дана приехала невесть за сколько земель? Не ври, Мия Феретти. Если это твое настоящее имя, конечно.

– А откуда бы я узнала про ворона? Про твой подарок?

– Только от Лоренцо, – согласилась Адриенна. – Ладно, допустим. Но врать все равно нехорошо. Ты в одежде садовника и умело владеешь ножом. Кто ты, Мия Феретти? И зачем ты сюда приехала?

Мия подумала, что Адриенна ее уже не так устраивает в качестве невестки.

Это что за новости такие? Уже и не соврешь? Вот Энцо она сколько врала! И ничего! Даже и не подумал ее разоблачать! А тут сразу – и попалась?

Вам не кажется, что это как-то несправедливо? Но врать больше не стала, решила попробовать сказать правду.

– Я зарабатываю себе и сестрам на приданое. Мне платят за убийства людей.

И с интересом посмотрела на лицо Адриенны. Как она отреагирует?

Мия была откровенно разочарована.

После Морганы, после Сибеллинов, после своих интересных особенностей, которыми Адриенна и пользоваться уже начала... Убийство за деньги – это так понятно, так просто, так обыденно и буднично! Просто чудесно звучит, разве нет? Так что никакой особенной реакции слова Мии не вызвали. Только вопрос.

– Лоренцо знает?

– Нет, – качнула головой Мия. – Я бы предпочла, чтобы он и не знал. Обещаешь молчать?

– Мое слово, – четко сказала Адриенна. – Клянусь своей матерью – да изольется ее чрево, клянусь своим родом – да пресечется он навеки, клянусь своим чревом – да будет оно вовеки бесплодным, клянусь своим сердцем – да остановится оно в тот же миг. Я никому и ничего о тебе не расскажу, если молчание не станет угрозой мне или моим близким.

Мия кивнула.

Такую клятву она от Адриенны не требовала. Но раз уж та соизволила ее дать, хотя и с оговоркой... можно говорить спокойнее.

– Лоренцо не говорил тебе? Наша семья бедна, как крысы в храме.

Адриенна качнула головой.

– Нет. Меня это не интересовало, кстати говоря. Я знаю, что он дан, что он племянник купца, что у него есть сестры, что его семья не слишком богата... Все. У нас было не так много времени для разговоров.

– Наша семья чуть ли не нищая. Отец умер, потом умерла мать, а что до родственников... ты хочешь полностью зависеть от своей семьи?

Адриенна не хотела. И головой замотала очень активно.

– Вот и я тоже. У меня оказались способности. Вот такие, что ж теперь делать?

– Понятно. И ты начала убивать людей за деньги.

Мия кивнула. Посмотрела на Леонардо.

– За этого мне не платили.

– Я могу заплатить, – тут же заметила Адриенна самым невинным тоном.

Мия фыркнула.

– Будем считать, что это тренировка. Я не ожидала тебя здесь встретить. – Девушки как-то очень быстро перешли на вольную форму общения, да и сам разговор чуточку отдавал безумием. Но какое им было дело до чужого мнения? – Я приехала ради эданной Фабианы.

– Она... Ее...

– Да.

– Из-за ее брака с Леонардо? – догадалась Адриенна. Да и тяжело ли было догадаться? Считай, пустяки!

– Да. Твой сводный брат – та еще мразь. Он бы попробовал избавиться от маленьких Маньи и подсунуть в наследники своих детей. Наверняка.

Адриенна кивнула.

– Это было бы в его духе. Но теперь бояться этого не стоит. Разве что эданна найдет себе еще одну такую дрянь?

– Не найдет. Мне за нее заплатили.

Адриенна кивнула.

Задавать глупых вопросов вроде «Может, откажешься?» или «Если тебе дать денег, ты ее не станешь убивать?» она не собиралась. Все просто и понятно. Мие заплатили за смерть эданной, эданна умрет. Кто заплатил? А какая Адриенне разница? Этот вопрос она тем более задавать не будет!

Она должна пресекать преступления?

Ну, знаете...

Она еще не ее величество, так что перебьетесь. И за одно конкретное преступление она бы Мии Феретти вообще медаль дала. Она Адриенне практически жизнь спасла, а теперь ее надо выдать?

Чтобы Леонардо пожалели, а негодяйку казнили?

Чтобы эданна Фабиана во что-то новое вляпалась? Таких, как Леонардо, – граблями грести можно, не один, так другой, найдет она себе дюжину жиголо.

Да плевать Адриенне на них три раза! Вот!!!

– То есть эданну Фабиану ты убьешь, – задумчиво кивнула Адриенна. – Помощь нужна?

– Не откажусь, – кивнула Мия, которая уже набросала примерный план убийства. – Заодно и этот труп пристроим.

Адриенна кивнула.

– Лоренцо действительно ничего о тебе не знает?

– Ничего.

– Тогда... давай, наверное, сначала разберемся с трупами, а потом поговорим?

Мия тряхнула головой и улыбнулась. Отличное знакомство! Такое даже дядя Джакомо одобрит! Замечательная девушка Адриенна Сиблевран... даже и не знаешь, как ей про Лоренцо сказать. Ну... как-нибудь. Потом, позднее.

– Уже стемнело. Это хорошо. Если ты мне поможешь, мы его оттащим куда надо, а там... Я кое-что придумала насчет эданны Фабианы.

– Тебе помочь?

– Нет. Прости, но я предпочитаю работать сама.

Адриенна и не настаивала. Сама – так сама. Можно подумать, ей хочется кого-то убивать.

Вовсе даже не хочется! Человек должен заниматься тем, что у него лучше всего получается. И у нее это вовсе даже не убийства.

– Тогда... как мы его понесем?

Мия наклонилась над телом, выдернула из него нож...

– Отлично. Кровь течь перестала, можно тащить. Пока он еще теплый... вот так!

Обнимать труп и закидывать его руку себе на шею было откровенно противно. А тащить его под окна эданны Фабианы еще и неприятно. Но – куда деваться? Если надо?

* * *

Эданна Фабиана как раз готовилась ко сну.

Уже ушли служанки, уже протерли ей кожу лица и груди миндальным молочком, уже облачили ее в роскошный пеньюар... Леонардо сегодня не придет, он сам сказал, но разве это повод распускаться?

Молодой муж – это так тонизирует! Просто невероятно!

Да, скоро она опять будет замужем.

Ах, Леонардо... такой милый мальчик и такой пылкий... просто прелесть...

Стук в дверь заставил ее дернуться на кровати.

– Кто там?

И снова – стук. Робкий такой, словно ее стараются не скомпрометировать. Действительно, что это она? Шуметь в коридоре?

Наверняка это Леонардо. И он точно не станет отзывать.

Фабиана встала и открыла дверь.

Сама.

Служанок-то она отослала...

Охнуть она еще успела. А больше – и ничего. Мия ударила прямым в горло, заставляя эданну упасть на колени...

Такой удар, если слишком сильный, может и убить. Но Мие требовалось только оглушить. Убивать она будет чуточку позднее... так что добавим кулаком в висок.

Слабый кулачок?

А мы в нем самодельный кастет зажмем. Дело-то нехитрое... даже не надо в кармане свинчатку носить. Хватит монет и носового платка.

Монеты были взяты половина из своих карманов, половина у Адриенны, из кошелька с мелочью, платок тоже у Адриенны – и готов импровизированный кастет.

И не таких с ног собьет! ^[6]Мия вошла в комнату и прикрыла за собой дверь. Вот так. Засов – и упаковываем эданну.

Аккуратно, чтобы следов не оставалось, она нам нужна неповрежденная... Связать правильно – целая наука. Клиент должен быть связан прочно, так, чтобы не вырвался, но ни рубцов, ни ссадин оставлять нельзя. А если начнет дергаться, они легко могут образоваться...

Вот так.

Петельку на шею – и эданна увязана на совесть. А попробует дернуться, так сама себя и придушит. И кляп. Чтобы не орала.

Остается Леонардо. Как две девушки могут поднять в окно второго этажа мужское тело, используя веревку, честно украденную Мией в сарае?

Теоретически – никак.

Практически – запросто. Еще Архимед знал о силе блока. Только не стесняйся и применяй правильно^[7]. Где взять этот загадочный блок?

Физику учить надо! Ладно-ладно, Мия таких слов не знала, но устроить самодельный блок, используя крюк для люстры и ножку кровати – дело несложное^[8]. Нельзя сказать, что Мие было легко или приятно. Но она справилась.

А какие еще были варианты?

Тащить тушку Леонардо через весь дом? Точно их увидят, или девочки на шумят... а тут так удачно! Сад, никого живого, кустики декоративные... которые отлично все прикрывают от постороннего взгляда. Что еще надо для счастья?

Ничего.

Адриенна проследила, как тело Леонардо скрылось в окне, а потом повернулась и пошла в дом. Самое забавное, что ее ни угрызания совести не мучили, ни какие-то сомнения...

Откуда?

Все хорошо, все правильно, все так, как и должно быть.

Разве нет? Определенно да...

* * *

Мия уже закончила выстраивать сцену и деловито перетаскивала эданну Фабиану поближе к кровати. Адриенна поскреблась в дверь и Мия тут же впустила ее внутрь. Даже не спрашивая.

Вот знала она, что за дверью стоит Адриенна. Точно знала.

– Все в порядке?

– Да. А тебя никто не видел?

– Никто, – улыбнулась Мия.

За те несколько дней, которые она провела в Маньи, она узнала и где замки, и где какие лестницы, и где кладовки, и как лучше пройти по дому, чтобы данам на глаза не попасться... На кухне всё знают. И это стоит перечищенного лука и принесенной из сада зелени.

Адриенна выдохнула.

– Хорошо. А с этими что будет?

– Эданна Фабиана в порыве ревности убьет своего любовника, – спокойно сообщила Мия. – И повесится.

И внимательно посмотрела на Адриенну.

Странно, но в присутствии даны Риен Мию тянуло на откровенность. Казалось, что скрывать от нее ничего нельзя. Или хотя бы не стоит?

Ни к чему.

Адриенна оправдала ожидания Мии.

– Тебе нужна помощь? Она ведь тоже тяжелая...

Было видно, что ей это неприятно, что убивать Адриенна не умеет, что...

Но самого страшного в синих глазах Мия и не увидела. Она знала, как отреагировал бы Энцо. Ужас, отвращение, негодование...

Она знала, как поступила бы мама, как негодовал бы отец... даже сестрички были бы в шоке и отреклись от нее. Наверняка.

А вот Адриенна просто смотрит. И ничего такого нет в синих глазах, только... понимание?

Странно.

Но с этим потом можно будет разобраться.

Мия покачала головой.

– Нет. Ты можешь сейчас пойти в свои покои, а я потом приду к тебе. Обещаю.

На этот раз головой качнула уже Адриенна.

– Нет.

– Нет?

– Я... если ты не возражаешь, я подожду тебя здесь. К примеру, в комнате для рукоделия.

В покоях эданны Фабианы была и такая. Мия подумала пару секунд и кивнула.

– Хорошо. Если ты так хочешь...

– Хочу.

– Я постараюсь управиться побыстрее, – пообещала Мия. И лично прикрыла за Адриенной дверь комнаты.

Почему-то дану Сиблевран хотелось поберечь. Не ее это дело – убийства. Не ее. И не должна она ими заниматься. А вот Мия...

Эданна Фабиана уже пришла в себя и с вытаращенными глазами наблюдала, как Мия от души тыкает ножом в тело Леонардо. Спереди, сзади, в бока...

Из мертвого тела кровь уже так не текла, но ран Мия наставила много, и простыни умудрилась перемазать.

Вот так.

Это тоже бывает... убила с первого-второго удара, а потом тыкала и кромсала в припадке ярости. А какой тут удар был первым?

Простите, кто тут разбираться-то будет? Просто – кто?!

Расследованиями убийств занимаются конкретные даны, в своих владениях. В этом конкретном случае расследованием будет заниматься дан Адриано. То есть его бабушка – эданна Диана, которая и постарается замять это дело^[9]. Так что не стоит думать о разлете брызг, тем более что Мия все равно надела пеньюар эданны Фабианы. А потом подошла к эданне.

Та замычала, попробовала отползти подальше, но Мия показала ей окровавленный нож. Потом основательно испачкала руки эданны, добавила крови ей на лицо. Так, пару мазков... слишком много – ни к чему.

Вот она кромсает тело любовника.

Вот приходит в себя... Боже, что же я наделала...

И начинает ладить петлю. Вот и крюк от люстры пригодился, не зря ее Мия снимала.

Эданна мычала и дергалась. Мия покачала головой.

– Я знаю, что вы хотите сказать. Предложить денег?

Кивок.

– Нет. Мне от вас ничего не нужно. Только ваша жизнь. Можете помолиться... недолго.

В этом доме Мия и так ничего не возьмет. Заплатили ей хорошо, а воровать по мелочи... глупо! Эданна Диана наверняка знает, сколько и чего было у ее невестки. Вот с эданной Вакка все прошло, и с другими тоже, а здесь – ни к чему.

Пятнадцать минут Мия дала эданне. Пока готовила петлю, растрепанную, не особо качественную (она же эданна и в расстроенных чувствах), пока прикидывала, как эданна правильно повесится... вот стул, вот закрепила веревку, положила в художественном беспорядке пантофли^[10]...

Кажется, Фабиана так и не помолилась. Но Мие это было безразлично.

Она придушила эданну, чтобы та потеряла сознание, нацепила на нее обратно пеньюар, только уже потрепанный и окровавленный, кое-как затащила на кровать и засунула в петлю.

И потянула.

Блоки, ах эти чудесные блоки!

Что бы делали без них несчастные наемные убийцы?

Пусть Мия и была сильнее, чем многие девушки ее возраста, но тягать такую лошадь мосластую! Это с ума сойдешь!

Примерно через час все было кончено.

Мия взглядом художника разглядывала получившийся натюрморт с трупами.

На кровати, бледный и холодный, лежал Леонардо. Простыни были в крови, хотя и не слишком сильно. Кровь была на полу, на подушках... на ноже, который красноречиво валялся рядом.

Кровь была по всей комнате – эданна, поняв, что натворила, в ужасе металась по спальне.

А потом решила.

Разорвала простыню, кстати, слегка окровавленную, да и совершила смертный грех.

Осталось убрать за собой веревку и прочее и покинуть комнату. Что Мия и сделала.

Адриенна ждала ее в комнате для рукоделия. Лениво перебирала шелковые нитки в корзинке.

– Не люблю вышивать, – честно сказала она, увидев Мию. – Вот рисовать мне нравится, и читать тоже, а вышивать скучно. Всё?

– Да.

– Идем...

Мия кивнула, потом приложила палец к губам, поманила Адриенну за собой, и две девичьи фигурки выскользнули в коридор.

Никто их так и не заметил по дороге в покои Адриенны.

Глава 3

Адриенна

Адриенна преотлично понимала, что именно происходит сейчас в соседней комнате.

Убийство.

Расчетливое и хладнокровное, циничное и жестокое. И таких эпитетов можно найти еще прорву. Что она должна делать?

Бежать и орать, причем бежать быстро, а орать громко. Чтобы кто-то услышал, обратил внимание, предотвратил этот... кошмар?

А вот не бежалось.

И не оралось.

С того момента, как Адриенна взглянула в карие глаза Мии, она и не собиралась никуда бежать. Зачем?

У нее глаза, как у Лоренцо. Один в один. И другой мысли у Адриенны не было.

Ясные, чистые... больше всего они похожи на лесной ручей. Вот когда на песчаное дно падают осенние листья, золотистые, коричневые, алые, и все это перемешивается, и сверху бежит вода...

У Лоренцо были именно такие глаза.

И у Мии.

Именно поэтому Адриенна сразу поверила девушке. И про подвеску она знала, и про все остальное – как? Только от Лоренцо.

Адриенна понимала, что это неправильно, что так нельзя, что падре Санто кондрашкахватила бы, узнай он о происходящем, что отец упал бы в обморок...

И ничего не могла с собой поделаться. И не хотела. А зачем?

На душе было так хорошо и спокойно, словно... она даже сравнения подобрать не могла. Наверное, именно так уютно бывает только детям на руках у матери. Ладно... для Адриенны – на руках у кормилицы, в самом раннем детстве.

О том, что ей могут причинить какой-то вред, Адриенна и вовсе не думала.

Мия просто не могла этого сделать.

Вот никак не могла. А что – есть сомнения?

У нее не было. Ни единого. Это Мия Феретти, она своя, она хорошая... она убийца?

Ну... справедливости ради, а если бы Леонардо ее сейчас... это? Он бы смог, справился. Сил у парня хватало, а ей – много ли надо? Один хороший удар... это просто он не успел.

А так бы...

Считай – все.

Жизнь кончена. Король никогда не простил бы.

А если бы еще и ребенок? От Манчини?! Адриенну даже затошнило от такой перспективы. Понятно, что малыш ни в чем не виноват. Но какая судьба его ждала бы?

Нет-нет, за то, что Леонардо собирался сделать, Адриенна его сама бы убила. С огромным удовольствием! А эданна Фабиана...

Будем считать – побочно получилось. И тоже не слишком-то жалко.

Адриенна вспомнила, как эданна жила в СибЛевране, как она там всех извела, как разговаривала с ней... детство? И пусть! А все равно пожалеть ее не получается!

Детьми эданны занималась и занимается их бабушка, а Фабиана что делает? Устраивает личную жизнь? Вот и прекрасно. То есть домашним тоже будет без нее лучше... наверное.

Жалко, но не особенно. Так Адриенне было бы жалко любого постороннего человека. Вообще любого. И она коротала время, перебирая нитки. И ни о чем не думала.

Что будет – то и будет.

Когда к ней поскреблась Мия, Адриенна только обрадовалась.

– Всё?

– Да.

– Идем...

И девушки выскользнули в коридор.

* * *

В своих покоях Адриенна упала на кровать – и кивнула Мие:

– Располагайся.

– Благодарствую, дана, – чопорно ответила Мия, и опустилась в кресло с такой грацией, что Адриенна поверила ей еще больше. Действительно дана.

– Все... готово?

– Да. Тебе завтра лучше поспать подольше, пусть их найдет кто-то другой. И вся суматоха пройдет без тебя.

– Хорошо. А в остальном?

– А что такого? У тебя разболелась голова, ты спала, ты ничего не знаешь. А потом – ой, какой ужас. Кошмар-кошмар, я такого от эданны не ожидала.

– Хорошо, – согласилась Адриенна. – Мия, как там дела у Лоренцо?

Мия ждала этого вопроса. И мгновенно помрачнела, словно солнышко за тучами скрылось. Но ответила честно:

– Адриенна, я не знаю.

– Почему?

– Потому что весной Лоренцо смыло в море. Он плыл на корабле на Девальс, начался шторм, и...

– И?

– Его не нашли. И тела тоже.

Адриенна коснулась крестика. Почему-то новость ее не оглушила. Вообще не тронула, может, потому, что она помнила...

Она преотлично помнила свое состояние. И болезнь. И... Лоренцо!

– Он жив. Я уверена. Мия, когда это примерно было?

Мия задумалась.

– Может быть, конец марта, начало апреля...

Адриенна потеряла кончик носа. Подумала, что Мия сочтет ее сумасшедшей, но... если о таком промолчать, то вообще себя человеком считать не будешь.

Так, дрянь мелкая...

И словно в воду шагнула.

– Мия, мне в это время снился сон. Страшный... я тонула в ледяной воде, вокруг был шторм. И я видела Лоренцо... он держался за какую-то деревяшку, и я держалась вместе с ним.

Карие глаза Мии вспыхнули радостью.

– Я знала! Я верила!

– Последнее, что я помню, – его вытаскивают из воды. И все...

Мия резко выдохнула.

– Но почему, почему Лоренцо не дает о себе знать?!

Адриенна развела руками. Да почему угодно! Причин могут быть сотни, тысячи...

– Я не знаю, – тихо сказала она. – Но чувствую, он не болен, не в опасности...

Может, Мия и не поверила бы. Но она – метаморф. Почему Адриенна, в присутствии которой ей тепло и уютно, не может ощущать состояние ее брата?

– Ладно, – вздохнула она. – Обстоятельства бывают самые разные. Да и письмо могло не дойти. В брата я верю, он обязательно выживет и вернется.

Адриенна кивнула.

– Он сможет.

Девушки переглянулись.

– Ты будешь его ждать? – прямо спросила Мия.

Адриенна опустила глаза.

– Я помолвлена. Прости, я не могу сказать с кем, и разорвать помолвку у меня не получится. Но любить Лоренцо я буду всегда... наверное, до самой смерти.

– Я знаю, что он тебя любит. Он так говорил мне. А ты его – почему?

Мия спрашивала немного неуверенно, но какой у нее был выбор?

Да никакого! Или здесь и сейчас они будут разговаривать откровенно, или все полетит в тартарары. Времени у них – час, может, два, потом Мие надо уходить. А в письмах всего не напишешь. Да и трети необходимого не напишешь... они обе это понимали.

Адриенна развела руками.

– Я... я не знаю. Первый раз я на него даже внимания не обратила. Я его почти не помню... в тот год. А в прошлом году он стал другим. Совсем другим...

Мия медленно кивнула.

Да.

Лоренцо позапрошлого и прошлого годов – это два разных Лоренцо. Кровь в нем проснулась, кровь! Та самая, древняя, метаморфов!

А вот что за кровь в Адриенне СибЛевран? Мия не знала, но рядом с ней чувствовала себя... да, как с девочками.

Адриенну хотелось оберегать, защищать, не давать в обиду. В крайнем случае – уничтожить ее обидчика. Жестоко и медленно. Кажется, то же самое чувствовал и Лоренцо?

– Я знаю, что на вас напали...

– Он защищал меня, – просто ответила Адриенна. – Но это не потому... я просто не знаю. Возникло ощущение, что это мой мужчина, меня к нему потянуло – и этим все сказано. Он может быть на другом конце земли, он может жениться на ком угодно... Мия, я буду счастлива уже тем, что он – есть! Пусть он будет! Пусть у него все будет хорошо!

И столько страсти было в этих простых словах, столько горечи...

Мия невольно качнула головой.

– Ты все равно выйдешь замуж?

Адриенна прикусила губу.

А вот как тут рассказать про все? Про Моргану, Сибеллинов, проклятие... если только намеком.

– Мои предки оставили эту помолвку... это долг. И его надо отдать. Любой ценой.

Мия хмыкнула.

Она кое-что скрывала. Она видела, что Адриенна тоже что-то скрывает. Но...

Она не выкладывает все свои тайны. Почему кто-то должен ей так доверять?

Может, потом?

И Мия решила.

– Адриенна, если я попробую попроситься с дядей? На предзимнюю ярмарку?

– Я буду рада.

– И напишу тебе? В СибЛевран?

– Я знаю, что ньюр Паскуале переписывается с некоторыми трактирщиками. Может быть, кто-то из них...

Мия решительно кивнула.

– Хорошо. Я поговорю с ним и узнаю точнее. И буду писать, и приезжать... Адриенна, я понимаю, мы странно встретились...

Адриенна потрянула головой.

– Лоренцо спас мне жизнь. Ты спасла мне жизнь... Просто есть вещи, о которых я не имею права говорить... – И, видя, как потупилась Мия, кивнула. – Ты тоже, верно?

– Верно. В моей жизни есть то, о чем я даже Лоренцо сказать не смогу.

Да, наверное, сложно сказать брату, что ты убиваешь людей. А каково сказать отцу, что ты проклята уже потому, что родилась?

Адриенна кивнула.

– Я... я буду рада.

Мия смотрела в синие глаза. И понимала – она тоже будет рада.

Что-то связывает их с Адриенной. Она пока не понимает, что именно, но...

Адриенна единственная, кто верит в возвращение Лоренцо.

Единственная, кто сказал, что брат жив.

Только ради того, чтобы это услышать, Мия готова была... да на что угодно! Лоренцо жив, жив, ЖИВ!!!

Она это подозревала, а теперь точно знает.

Они с Адриенной еще поговорят об этом. И не только об этом. Но потом, все потом...

А сейчас...

Мия гибко поднялась с кровати.

– Мне пора уходить.

– Риен. Близкие называют меня – Риен. Я буду рада, если ты тоже... – чуточку смутилась Адриенна.

– А я – Мия. Так и зови, – улыбнулась в ответ девушка.

– Хорошо... Мия.

– Я пойду, Риен. Обещаю, я напишу, я приеду... я постараюсь приехать. Если меня отпустят.

Адриенна тряхнула головой.

– Я буду ждать, Мия.

– До встречи, Риен.

И вышла.

Была – и нет. И только вторая вмятина на кровати напоминает о ее присутствии. Адриенна тряхнула головой.

Как это странно!

Вчера, в это же время, она ни о чем не подозревала, а сегодня – сегодня у нее есть новости об Энцо. И Мия.

Мия – кто?

Подруга? Нет, это не дружба. Сестра? Тоже нет... они не родственники.

Но кто для нее Мия?

Адриенна не знала ответа. Или... догадывалась?

В любом случае и Мии, и Лоренцо она бы доверила прикрывать свою спину. Или просто – доверилась бы?

Нет ответа...

Мия

– Дядя, все готово!

Джакомо совершенно не удивился и не испугался, когда в ночь-полночь обнаружил в своей комнате племянницу. Подумаешь, новости!

Даже то, что она влезла через окно, его не смутило.

Не выстрелил ведь? Уже отлично!

А мог бы, маленький арбалет со взведенной тетивой так и лежал на полу рядом с его кроватью. Только навести на цель осталось.

– Все – что?

– В Маньи завтра будет большое горе. Эданна Фабиана в припадке ревности убила любовника, а потом повесилась.

Джакомо горестно вздохнул и перекрестился.

– Упокой Господь ее грешную душу.

– Полагаю, – хихикнула Мия, – заказчица будет довольна?

– Безусловно. Оплату мы уже получили, можем уезжать.

Мия опустила глаза.

– Дядя, мне надо вам признаться...

– Что случилось, Мия? – насторожился Джакомо.

К тому, что эданна Фабиана убила любовника, он отнесся вполне лояльно. Если Мие изволится, пусть хоть весь Маньи перебьет. Все равно уже оплата получена. А вот что она еще могла такого страшного сделать?

Убивать заказчика точно нельзя. И попадаться кому-то постороннему на глаза нежелательно бы...

– Я встретила в Маньи Адриенну СибЛевран.

К чести Джакомо, сообразил он достаточно быстро.

– СибЛевран... погоди! Это та самая? Любовь Лоренцо?

– Да.

– И откуда она там взялась?

– Оказалась родственницей того самого жениха, – потупилась Мия, как добропорядочная девочка, которая впервые в жизни украла конфеты из буфета.

Джакомо только плечами пожал.

Мир тесен, могло быть и такое. Ничего страшного.

– Дядя, она мне понравилась.

И тоже ничего удивительного. Бывает... иногда даже невестки свекровям нравятся! Вот ведь какие чудеса случаются!

– Я бы хотела съездить с дядей Паскуале на предзимнюю ярмарку. Получше познакомиться с даной СибЛевран.

– Да?

– У нее на шее крестик, который ей подарил Лоренцо, – тихо сказала Мия. – она его не сняла. И в руках вертит... это что-то для нее дорогое.

Джакомо замолчал.

Лоренцо Феретти... да, больная тема. Они все, от Фредо до малышки Кати, понимали – Мия не верит в смерть брата. Наверное, только она одна в нее и не верит!

Любит, ждет, надеется...

И увидеть другого человека, который так же любит, ждет и верит, для нее важно. Так что...

– Я поговорю с Паскуале, – решил мужчина. – Если ты захочешь, конечно, съезди.

– Спасибо, дядя! Я вас обожаю!

Мия спрыгнула с подоконника и поцеловала Джакомо в щеку.

– Вот и прекрасно, – проворчал мужчина. – А на обратном пути предлагаю заехать в Феретти, проверить, что там и как.

Мия кивнула и отправилась в свою комнату.

Там лежали ее вещи, там можно было стереть кровь, переодеться...

Завтра они с дядей уедут.

Хоть бы у Адриенны все обошлось...

Мия привычными движениями смывала кровь, причесывала волосы – и думала, думала об Адриенне СибЛевран.

Мие надо уезжать.

Адриенна остается без защиты.

Но почему Мие это так не нравится? Почему?!

Лоренцо

– Лежишь?

– Чем могу быть полезен, Зеки-фрай?

Лоренцо мигом оказался на ногах, еще и поклонился...

Устал он сегодня, конечно, как собака. Сегодня был бой, ему бы сейчас отлеживаться и отсыпаться, но почему-то не получается...

Другим гладиаторам проще, наверное...

После боя им выдается вино, которое они в обычные дни не получают.

После боя приглашают несколько проституток...

Только вот Лоренцо это не нужно. Даже и не интересно, и не нравится... есть в этом нечто гадкое. Вот и приходится после боя просто лежать у себя.

Он знает, гладиаторы его не слишком любят, считают выскочкой, могут подстроить пакость...

Наплевать!

У Лоренцо Феретти есть цель – свобода. И он собирается к ней идти.

Зеки-фрай оглядел гладиатора даже с улыбкой. Он не прогадал, это уж точно. А сейчас станет ясно и кое-что еще...

– Лоренцо, сегодня ты едешь со мной.

– Зеки-фрай?

– Я не обязан объяснять тебе свои поступки, но тут многое зависит и от тебя. Я знаю, в ваших землях женщины более свободны...

– Да, Зеки-фрай.

– Ты помнишь сегодняшней бой?

– Да, Зеки-фрай.

– Ты смотрел на трибуны?

– Нет, Зеки-фрай.

Действительно, когда бы и зачем гладиатору на них смотреть? Дело Энцо – оценить противника, а потом показать собравшимся красивый бой. И самому при этом не пострадать.

Пока везло – у него были только синяки, ссадины... так, пара порезов, которые лекарь зашил, и они зажили буквально за десять –

двенадцать дней. Хотя в климате Ваффы часто начинали гноиться даже маленькие царапины.

– Сегодня там была Бема-фрайя.

– Бема-фрайя?

– Жена богатого человека, очень влиятельная в Ваффе женщина.

– Простите, Зеки-фрай, – искренне удивился Энцо. – Женщина?

Влиятельная?

В Ваффе?

Вы же варвары, дикари, вы женщин укутываете с ног до головы, никакой воли им не даете, тем паче – власти... и вдруг речь о влиянии?

Невероятно!

Зеки-фрай поморщился.

– Ты не так давно живешь в Араие и не знаешь многого. Твой мир ограничен нашей школой. Мы уважаем наших женщин и оберегаем их...

Энцо внимательно слушал.

Бема-фрайя оказалась женой богатого купца.

Корабли, торговля... это понятно. А вот любовь и ласка? С ними как?

Оказалось – плохо.

Купец своей жене внимания уделять не может, вот она и ищет его на стороне. В частности, у нее есть договор с Зеки-фраем. Она ходит на представления, не на все, но на многие, ну и...

У нее случаются любовники из гладиаторов.

Обычно это делается проще.

Гладиатора везут с завязанными глазами, Бема-фрайя наслаждается им, а потом отпускает восвояси. Но Лоренцо не глуп. И Зеки-фрай решил поговорить с ним.

Если Бема-фрайя будет довольна, то и школе будет хорошо. И Зеки-фраю тоже... и Лоренцо.

Но для этого нужно делать все, что пожелает Бема-фрайя. Вот увидела она юношу на арене – и захотела! И щедро платит...

Энцо прикусил губу.

Да, шлюхой он еще не был.

С другой стороны...

Он – раб. И его все равно заставят. А вот согласившись добровольно, он может кое-что получить для себя. Пусть небольшие

преференции, но к чему ими пренебрегать?

Но надо поломаться.

– Зеки-фрай, она... очень страшная?

– Она женщина в возрасте, – чуточку неохотно ответил распорядитель. – Если ты сомневаешься в себе... есть зелье. Но я не хотел бы его тебе давать.

Энцо кивнул. Ему бы тоже не хотелось...

– Я... попробую.

О том, что хотелось бы получить ему, Лоренцо пока говорить не стал.

К чему?

Зеки-фрай умен и понимает, что перед носом осла надо и морковку вешать, а не только скотинку кнутом охаживать.

* * *

Завязанных глаз Лоренцо все же не избежал.

Его везли в паланкине, потом вели по двору – он чувствовал прохладу, – потом вели по дому...

Потом он почувствовал сильный аромат благовоний.

А потом ощутил, что остался один. Стоять посреди комнаты.

Впрочем, ненадолго.

Послышались тихие шаги. К Лоренцо Феретти приближался человек. Женщина, судя по аромату благовоний.

Шаг, другой...

Энцо чуточку напрягся.

Нервировала собственная... нет, не беспомощность.

У него не связаны руки, он может в любой момент снять повязку. Но Зеки-фрай простыми словами объяснил, что дама должна быть довольна.

Ну что ж...

Если ей хочется поиграть? Почему бы нет?

Энцо понимал, что любит другую, что это в какой-то мере предательство, что...

Адриенна никогда об этом не узнает. А ему надо выжить и вернуться. И если для этого придется воспользоваться какой-то

местной бабой... что ж!

Пусть так и будет!

– Какой красивый мальчик, – голос был мягким, томным, интонации мурлыкающими.

Энцо молчал.

– И такой отважный... Ангел. Почему бы тебе не побыть моим личным ангелом?

Молчание.

– Ты немой?

– Нет, эданна.

– Тогда почему ты не отвечаешь на мой вопрос?

– О вашем Ангеле? – уточнил Энцо.

– Да.

– Потому что школа меня не продаст, – спокойно отозвался Лоренцо, хотя стоять неподвижно становилось все сложнее и сложнее. Наглые пальцы закружили по груди, спустились к животу... царапнули, изучая...

– Хм-м... ты не слишком романтичен, мальчик.

– Моя работа – убивать и умирать.

– А любить?

Пальцы спустились еще ниже, проверили «боевую готовность». Тело послушно отреагировало. Что ж, в возрасте Лоренцо оно готово отозваться на кого угодно. Это не измена. Это просто инстинкты самца. Чистая похоть.

Даже не желание, и тем более не любовь. Просто кобель почуял самку – вот и все. Случка.

– Если на то будет ваше желание, эданна.

– А твое?

– Разве у раба есть свои желания?

Энцо добавил в голос легкой иронии, прощупывая партнершу. И получил в ответ не пощечину с указанием знать свое место, о нет! В ответ прилетел смешок, а напряженную плоть сжали умелые пальцы.

– Безусловно... они есть. Оно есть.

– Это еще не желание, эданна, – говорить спокойно становилось все сложнее. Партнерша была умелой и опытной. Она знала, чего желает, и Энцо начинал хотеть того же.

– А чего же ты желаешь, мальчик?

Лоренцо понял, что снимать повязку нельзя. Пока...

И ловко перехватил руку женщины. А потом притянул ее к себе, прижал к телу, которое сейчас уже больше походило на тело шестнадцатилетнего юноши, нежели четырнадцатилетнего мальчишки, после тренировок и прочего... и положил руку на затылок женщине, путаясь в густых волосах.

– Вот этого...

Чтобы найти губами ее губы, много ума не требовалось.

Она была невысокой и пышнотелой, с большой грудью и округлым задом. И пока одна рука Энцо удерживала женщину за затылок, вторая вольно путешествовала по холмам и долинам.

– И этого...

В борделе Энцо кое-чему научили, и он надеялся не разочаровать партнершу. Получилось вроде бы неплохо, женщина застонала в его руках и выгнулась.

– И вот этого... – Энцо отпустил губы женщины, и начал медленно спускаться по ее телу, лаская и целуя. Благо для этого глаза тоже не требовались, только руки и губы.

Первый раз был быстрым и жестким.

Энцо не щадил себя и не щадил партнершу. Но, судя по крикам, ей понравилось. Второй – уже медленнее и спокойнее. Но царапин на спине Лоренцо прибавилось. Когти у женщины были острые... ей-ей, он на арене меньше шкуры оставил, чем сейчас, на ложе любви, хм...

И лежал, поглаживая пригревшуюся на его плече женщину.

Нельзя сказать, что она была красавицей. Лет сорока – сорока пяти, черные волосы явно крашены, потому что корни кое-где видно, и они белые... седые...

Лицо достаточно гладкое, как и у многих полных женщин.

Глаза темные, большие, губы яркие, брови насурьмлены... нет, не красавица. Но женщина интересная. И при дворе она бы пользовалась успехом.

Энцо молчал. Ждал реакции партнерши, и та последовала достаточно быстро.

И почему так?

Вот кто бы объяснил? Но лично Лоренцо Феретти сейчас хотелось жрать. Нет, не кушать, не принимать пищу... он бы сейчас именно что сожрал большой кусок мяса. И запил хорошим вином.

А женщинам хочется разговаривать. И слушать, какие они самые-самые замечательные.

То есть – не покормят. А жаль...

Долго молчать женщина, понятно, не смогла.

– Ты старался, Ангел.

– Я старался, – подтвердил Энцо.

– Зеки-фрай не солгал мне. Он сказал, что ты умен и образован.

Но не сказал, что ты хорош и в постели.

– Его не интересовал этот мой талант, эданна.

– Эданна... женщина, которая замужем?

– Благородная госпожа. Замужняя. Не замужем – дана.

Женщина улыбнулась. Кому бы не понравилось, что ее называют благородной?

– Тебе было хорошо со мной, мальчик?

– Эданна, женщины могут подделывать... удовольствие, – Энцо знал, о чем говорил. В борделе просветили. – Но у мужчины реакция или есть – или нет.

– Сейчас ее нет, – намекнула Бема-фрайя.

– Даже самому заинтересованному мужчине нужно время для восстановления, – парировал Энцо.

Бема-фрайя погладила его по плечу.

– Мне было хорошо с тобой, мальчик. Ты хочешь прийти ко мне еще раз?

– Мне тоже было хорошо с вами, эданна, – не соврал Лоренцо. – Вы красивая женщина и очень страстная... я хотел бы прийти. Но...

– Но?

– Предпочел бы видеть вас – с самого начала.

Губы женщины чуть дрогнули, изогнулись в горькой гримаске.

– Я для тебя слишком старая.

– Десять лет разницы, конечно, много, – пожал плечами Энцо. –

Но вы, эданна, так роскошно выглядите, что я готов закрыть на это глаза.

Бема-фрайя не обиделась.

Десять лет...

Милый мальчик, тут все двадцать пять, а то и побольше! Ты мне даже не в сыновья – во внуки годишься! Но как приятно, когда тебя считают столь молодой! И так искренне...

Так что Энцо не досталось за дерзость.

– Вот сегодня у тебя глаза и были завязаны.

– Смею заметить, эданна, если бы я видел все с самого начала... я бы получил еще больше удовольствия.

– Ты должен думать о моем удовольствии, – надменно сдвинула брови женщина. Но не зло, нет. Глаза ее скорее смеялись. Когда ты раб, такие нюансы начинаешь чувствовать очень остро.

И что партнерше начинает опять хотеться – тоже.

Хорошо, что Энцо тоже чувствовал в себе... вдохновение. Не сию секунду, безусловно, но он скоро будет готов к подвигам. А пока...

– И что доставит удовольствие моей хозяйке? Повелевайте, о прекраснейшая, я готов подчиняться...

Темные глаза женщины заблестели. Игра ей явно понравилась. Но...

– Что мне понравится... что же мне понравится...

На этот раз Бема-фрайя решила взять на себя инициативу.

Ей определенно понравилось. Но и Лоренцо тоже. Кое-чего он и в борделе не видывал, и слыхом не слыхивал... но приятно. Было очень и очень приятно.

* * *

Утром Зеки-фрай критически осмотрел гладиатора, приказал раздеться, хмыкнул...

– Изодрала всего... кошка паршивая.

Что было, то было. Следы когтей виднелись у Лоренцо на спине, на бедрах... да везде!

Оправдываться было глупо, но Лоренцо и не стал.

– Раб должен повиноваться приказам хозяйки, чтобы она осталась довольна.

– О, она осталась, – махнул рукой Зеки-фрай. – И просила присылать тебя еще.

Энцо чуть склонил голову, пряча усмешку. Но Зеки-фрай ее увидел. И намек преотлично понял.

– Что ты хочешь?

– Немного, – отозвался Энцо. – Совсем немного. Узнать больше про Арайю. Может быть, посмотреть? К примеру, если мой господин куда-то пойдет, я мог бы его сопровождать?

– И сбежать? – прищурился Зеки-фрай.

Энцо качнул головой.

– Нет. Я хочу на свободу, но я не настолько глуп, чтобы рисковать жизнью. Я знаю, здесь и сейчас мне сбежать не удастся. Мне просто хочется видеть мир за пределами Школы. Да хоть носильщиком у паланкина! Дома я был свободнее... здесь мне тесно в четырех стенах!

Зеки-фрай понял.

Задумчиво кивнул. Что ж. Это логичное желание. И, пожалуй, он может кое-что позволить своему рабу. Ум – это хорошо... очень хорошо.

– Я подумаю, что можно сделать.

Лоренцо медленно поклонился.

Душу ему грел перстень с большим рубином, увязанный в угол набедренной повязки. Он спрячет его подальше... для побега нужны деньги. И это его первый шаг к свободе.

За это и поклониться не жалко. И провести ночь с ненужной ему женщиной.

И даже прийти еще раз...

Ему надо вернуться домой. Он выживет. Он – справится.

Адриенна

Крик был такой, что проснулся бы даже мертвый.

М-да.

Неудачная шутка, мертвые как раз и не проснулись. И не шелохнулись. Хотя орала эданна Сусанна так, что шторы дрожали.

– Леонардо! Мальчик мой!!! НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ!!!

Дикий крик рвался в небо, дрожал под сводами замка, метался, не находя себе выхода.

Эданна честно ждала до обеда, чтобы поговорить с милой Фабианой. А потом...

Фабианы нет, сына нет, но и...

Сколько же можно?!

Слуги, конечно, не пойдут к хозяевам, в гнев эданна Фабиана могла и пощечин надавать, и плетей всыпать... а вот эданне Сусанне

можно.

Она и пошла, как бы отнести кувшин с вином...

Осколки кувшина валялись теперь на полу. Остро пахло дорогим вином, красным... и оно тоже было повсюду.

И вино, и кровь...

Мия была бы довольна. Вино так все хорошо залило, что найти ее следы не сможет никто. А эданна Сусанна продолжала кричать и кричать... и было отчего.

И Леонардо, весь в крови, и нож рядом с ним, и висящая Фабиана, одежды которой игриво раздувал сквозняк, отчего казалось, что эданна жива и шевелится...

Выглядело это откровенно жутко.

После смерти Фабиана не обрела достоинство. Да и вообще удавленники выглядят очень неаппетитно. Посиневшие, с вывалившимися языками... жуть жуткая.

Оказавшийся неподалеку дан Марк застыл изваянием вселенской глупости.

То ли бежать, то ли... а что тут делать-то надо? Не подготовила его жизнь к таким ситуациям...

Адриенна в своих покоях потянулась в кровати и перевернулась на другой бок. Еще и ухо подушкой закрыла.

После ухода Мии она долго не могла уснуть. Ходила по комнате, металась, как раненая рысь... наконец, решила не укладывать себя насильно, опустилась в углу на колени и принялась молиться.

За Мию, за Лоренцо... чтобы Бог сберег их и все было хорошо.

За Леонардо и Фабиану? А вот тут – простите. Не молилась и даже не собиралась. Вот еще не хватало! Пусть Бог прогневаается на нее, но эти двое обойдутся без молитв. Адриенна просто не могла себя заставить.

Снова и снова она переживала тот гадкий момент, когда Леонардо прижал ее к себе, и гадкий запах от него, и алкогольный перегар, и вот это зрелище нечистой рыхлой кожи, и похотливый шепот, казалось, застрявший навсегда в ушах...

Врагов надо прощать?

Пусть так. Но Адриенна сейчас не могла этого сделать. Сил не было. Возможно, потом, когда-нибудь, лет через двадцать...

В чем она виновата перед Леонардо?! В том, что не сделала, как он хотел?! Но почему, почему Адриенна должна отдавать ему Сиблевран? Ее родной и любимый дом, в котором она каждый камень знает, в котором родилась, в который столько труда вкладывает, что кому другому и сказать страшно... и тут приходит кто-то и говорит – хочу!

Да мало ли что ты хочешь?!

Это ее наследство, ее право, в конце концов... отец тоже хотел бы этого? И что?! Почему бы отцу самому не построить свой дом? И не подарить его Леонардо?!

А если уж брать всю картину...

Ладно бы еще дан Марк! Ладно бы его дети! Пусть он нашел бы себе хорошую и добрую женщину, умную и порядочную. Адриенна бы еще и порадовалась за отца! Не такая уж она стерва!

А ЭТО?!

Эданна Сусанна ведь серьезно считает, что у нее есть право сожрать всех, кто слабее. Ей должно быть хорошо, а остальным... да как будет, так и будет! Это уже не ее проблемы! Она и по чужим трупам прошла бы... нет сомнений, что она науськала Леонардо на Адриенну, как потом на эданну Фабиану. Только вот когда бедолага понял, во что ввязывается, из него и полезло... внутреннее содержимое. Такое же, как у матери.

«Я – хочу!»

А что будет там, потом, как это отзовется на других... Это что – важно? Благородный дан об этом еще и думать должен? Вот еще не хватало! Сами родились, сами и разбирайтесь. И с последствиями его поступков в том числе.

Его, черт побери!

Адриенна не просила, чтобы эти люди приходили в ее дом! На ее землю! Чтобы пользовались результатами ее труда! Но если уж пришли... ну кто, кто вам сказал, что все должно лечь вам под ноги?!

Тот же Леонардо... Он был при дворе! Ему кто-то мешал начать служить? Тут или там, приносить пользу... допустим, он не мог хорошо владеть оружием. Хотя это и вранье. Адриенна пару раз видела, как он тренируется, чтобы не терять форму, и понимала: Леонардо может. Если бы он уделял этому достаточное время, мог бы стать мастером клинка.

Но ведь не хотел!

Не изволишь ты своей жизнью рисковать? Но есть казначейство, в котором тоже даны работают. И ты мог бы попробовать себя там. Нет? В любом дворце придворные делятся на балласт – и ценный груз. Если ты ничего не делаешь, чтобы найти себя, свое место, если ты просто прожигаешь жизнь и тянешь ручки за сладким яблочком...

Кто удивится, если тебе в руки влетит нечто совсем другое. К примеру, осиное гнездо?

Не нравится?

А ты-то всем нравишься? Такой хороший и замечательный?

Нет, Адриенне не было жалко Леонардо. Не после попытки изнасилования.

А эданну Сусанну?

Единственный сын... жалко? Сквозь сон, Адриенна подумала, что и эданну ей не жалко тоже. И закрыла ухо плотнее. Чтобы сквозь гусиные перья ни свет не проникал, ни звук. Хватит с нее, она только на рассвете уснула! Пусть хоть орут, хоть визжат, хоть куски друг от друга отгрызают! Ей бы еще часика два поспать. Или три... С половинкой.

Крик еще раз взвился и оборвался.

Адриенна даже выяснять не стала, что произошло. Она тут же утонула в темном мареве сна.

* * *

Произошло то, что и должно было.

На шум прибежала эданна Диана. Сообразила, что именно случилось, и начала с простого – залепила с разворота эданне Сусанне такую затрещину, что та, некрасиво распялив ноги, села на задницу, прямо в лужу вина.

– Молчать!

Командовать полком эданна Маньи могла без особых усилий. Но Сусанна и так замолчала бы – после такой затрещины! Тут глаза бы свести в кучку!

Эданна Диана обратила внимание на слуг.

– Ни у кого дел нет? Я сейчас всем найду работу! Дан Марк, заберите супругу и успокойте ее! Анжело, ты идешь со мной! Надо определить, что случилось, а уж потом орать...

Дворецкий поклонился.

Эданну Диану он знал не особенно давно. Когда умер муж эданной Фабианы, та первым делом уволила старого дворецкого и наняла нового.

Своего человека...

Только вот умный человек – он своим будет для всех. И ньор Анжело, который совершенно не был дураком, умудрялся успешно лавировать между двумя эданнами.

Улыбался и кланялся обеим, помогал эданне Диане не ругаться лишний раз с невесткой, смягчал обстановку в доме...

Эданна Диана подумала, что, пожалуй, она оставит его в той же должности. И бестрепетно шагнула в покои невестки, обойдя винную лужу.

– Что у нас тут такого... смотрите, ньор Анжело...

– Нож, – опознал дворецкий.

– Так... и именно ножом убит этот несчастный юноша, – кивнула эданна. – Но почему его убили?

– И кто? – поддакнул Анжело.

Эданна Диана фыркнула.

– Мне неприятно смотреть на ЭТО, – она указала пальцем на труп невестки. – Но, Анжело, она же вся в крови. И явно не падала на труп. Это брызги... мне кажется, она и убила несчастного. И руки у нее в крови...

Анжело сглотнул, но эданну Фабиану рассмотрел повнимательнее.

– Д-да, пожалуй.

– Так... – начала распоряжаться эданна Диана. – Поскольку несчастная Фабиана умерла... да, наследником является ее сын, мой внук. Он, конечно, несовершеннолетний, но мы поедем ко двору, просить его величество или о моей опеке, или об эмансипации... посмотрим. Адриано может уже справляться, конечно, с моей помощью...

Ага. И с определенной доплатой.

Его величество от денег не откажется, особенно, если ему разъяснить. Поместье-то находилось, считай, под управлением эданной

Дианы. Фабиана была занята, она свою жизнь устраивала, а помещьем управлять надо здесь и сейчас. Посевная не ждет, а растения и вовсе некоторых тонкостей не понимают. Да и скотина тоже.

Неграмотные оне-с...

– Надо позвать падре Бернардо. Пусть прочтет заупокойную... и надо как-то...

Эданна Диана на миг сгорбилась. И Анжело увидел, какая она старая. Не пожилая, нет, а именно старая. Пережить мужа, сына... стараться, растить внуков... а теперь вот еще и невестка... Тут поневоле душой постареешь.

– Анжело, надо будет как-то пресечь лишние слухи.

– Лишние слухи? – не понял мужчина.

– Судя по тому, что я вижу, Фабиана приревновала своего любовника. Убила его, потом поняла, что натворила, – и повесилась.

Анжело задумался.

– А... зачем ей было вешаться?

– Потому что это не ньор. Это дан. И его мать приближена ко двору, если я хорошо помню, она подруга любовницы его высочества.

Анжело сообразил, сглотнул и кивнул.

Ну да... знакомство близкое. Мамаша точно добилась бы и суда, и прочего... а уж сколько бы вони поднялось! Представить страшно!

– Это ж... смертный грех.

– Да. Но мои внуки в этом не виноваты...

– Думаете, падре согласится как-то...

Эданна Диана пожала плечами.

– Анжело, ты постарайся, чтобы это все было как-то потише, и людей сюда отряди надежных. Пусть снимут мою невестку, обмоют, переоденут... все, как положено. И пошли за падре. Похороны завтра с утра.

– А гости?

– Надо узнать. Если его мать пожелает забрать тело сына с собой, пусть забирает. Гроб сколотим, но сейчас жарко, он же может...

Протухнуть.

Анжело прекрасно представлял, что происходит на жаре с трупами, и только сглотнул.

– Слушаюсь, эданна.

– Работайте, Анжело. Трагическая гибель моей невестки – не повод нарушать все... все в поместье.

Эданна Диана моргнула и вышла из комнаты, приложив к глазам край платочка. Не хочет, чтобы ее видели в слезах.

Анжело только головой покачал.

Как держится! Нет, ну как держится! Настоящая аристократия.

* * *

В своих покоях эданна Диана совершила то, за что нещадно бранила и Адриано, и Анунциату. А именно: упала на кровать и поболтала ногами в воздухе.

И плевать на почтенный возраст!

На все наплевать!

Фабиана мертва! Анжело разнесет вести по дому в два-три дня... а если не он, то падре постарается. Или слуги. Или...

Не важно! Такие вещи разносятся быстрее, чем чума.

Не зря она заплатила громадную сумму денег специалистам. Фабиана мертва, ее деньги в равных долях будут поделены между сыном и дочерью, эданна Диана поможет внуку до совершеннолетия, подарок для его величества уже готов...

Осталось только гостей выпроводить, а так все преотлично!

Гости, м-да...

С даном Марком говорить пока бессмысленно. Его супруга не в себе... жаль, конечно. Но Бог дал, Бог взял... м-да. У Дианы хоть внуки остались, а у Сусанны никого нет. Но Диана-то родить уже не сможет, а Сусанна еще молода. Пусть рожает, растит...

Адриенна.

Вот кого не было.

Эданна Диана сдвинула брови и решила, если гостья до обеда не появится, навестить ее. Мало ли что? Ей лишние трупы в доме не нужны.

Но как же хорошо все пока складывается!

А невестке – туда и дорога!!!

* * *

Адриенна проспала почти до обеда, а проснувшись, вместе с тазиком для умывания получила еще и кучу новостей.

И только рот открыла.

Ну да, все, как сказала Мия.

Самоубийство, которое собирается замять эданна Диана. Конечно, не удастся, но...

Ох, несчастный Леонардо! Горе-то какое!

Интересно, с чего его так эданна приревновала? Вы не знаете?

Служанка не знала. Но догадываться могла. Леонардо за время своего пребывания в Маньи героически огулял аж четырех служанок. Может, эданна про какую-то и узнала? Такое тоже могло быть.

Или сказал что-то не то...

В любом случае – горе и ужас. И надо бы поспешить к эданне Сусанне.

Адриенна распорядилась надеть темно-синее платье и достать голубую ленту. Вплетет в волосы, и нормально. Для траура этого хватит.

Пока она причесывалась, в дверь постучали. Служанка метнулась – и тут же вернулась обратно.

– Дана Адриенна, к вам эданна Диана.

– Проси немедленно! – поднялась Адриенна. И поскольку эданна уже входила и преотлично ее слова слышала, приказала служанке: – Выйди вон.

Служанка прикрыла за собой дверь.

Эданна Диана подождала несколько секунд, потом открыла ее, никого не обнаружила и снова закрыла.

– Дана Адриенна, благодарю.

– Эданна Диана, разрешите выразить вам свои соболезнования. Наверное, это безумно... неприятно, когда в твоём доме... вот такое...

Эданна оценила.

Все верно, соболезновать ей по поводу невестки – глупо и нелепо. А так, вроде бы и сочувствуют, но повод... Нет, не тот. Действительно, неприятно, когда такой бардак в твоём доме.

– Дана Адриенна, я решила поговорить с вами, поскольку...

Теперь настала очередь мяться уже эданне Диане. А что тут скажешь?

Адриенна благородно пришла ей на помощь.

– Поскольку больше не с кем. Моя мачеха, скорее всего, в истерике, а отец рядом с ней. Меня вы тоже знаете и понимаете, что со мной можно обговаривать разные вопросы.

Эданна Диана кивнула.

– Для своего возраста вы удивительно умны, дана.

Адриенна улыбнулась.

– Ум и глупость не зависят от возраста, эданна. К примеру, ваши внуки уже сейчас умнее своей матери... простите.

Эданна улыбнулась. Они друг друга преотлично поняли.

– Я не хочу, чтобы эта история с убийством и самоубийством стала широко известна. Это бросит тень на Маньи...

Адриенна кивнула.

– Эданна Диана, я думала уже об этом. Полагаю, Леонардо надо похоронить здесь, в Маньи. Есть же какое-то кладбище...

– Безусловно.

– Завтра же. И тихо. И... в Маньи есть лекарь?

– Конечно, дана.

– Надо бы его пригласить, пусть осмотрит мою мачеху, даст ей капельки или что-то такое... чтобы она спокойно перенесла и похороны, и дорогу...

Эданна Диана кивнула.

– Я приглашу. Вы хотите уехать?

– Чем скорее, тем лучше. Сусанна и так невыносима, а уж в горе станет попросту омерзительна, – резко выразилась Адриенна.

Эданна Диана искренне порадовалась. И за себя, и за девушку... находка! Истинная находка!

Ах, почему ее бестолковый сын не мог жениться на такой девушке? Почему ему попалась эта дура Фабиана? Не повезло...

– Мне ее жаль, конечно. Единственный сын.

– Леонардо не только здесь путался со служанками, – отрезала Адриенна. – В СибЛевране у него есть незаконный сын, может, и в столице тоже есть. Эданна Сусанна может выбрать любого из них.

– Незаконный сын? Я не знала об этом...

– Тем не менее. Я все думаю, может быть, эданна Фабиана о нем узнала? Такой приступ ревности...

Эданна Диана задумчиво кивнула.

Какая замечательная версия! Адриенну стоит поблагодарить!

– Вполне возможно. Дана СибЛевран, тогда я распоряжусь, чтобы накрывали на стол, пообедаем, поговорим...

– Я вам буду весьма признательна, эданна Маньи.

– Что вы, деточка. Просто эданна Диана. И помните, вам в Маньи всегда будут рады.

Адриенна поняла правильно.

И запомнила – правильно.

* * *

Они стояли в часовне.

Падре Бернардо согласился отслужить мессу по обоим. И по эданне Фабиане, и по Леонардо... что уж ему пообещала за это эданна Диана?

Адриенна не знала.

Ей было и не интересно, и не слишком важно. Ей хотелось домой.

На предзимнюю ярмарку хотелось.

Снова увидеть Мию и поговорить с ней о Лоренцо.

А еще... ей было все же немного неприятно.

Эданна Сусанна так сдала за эти несколько часов, что смотреть на нее было страшно.

Вся бледная, несчастная, осунувшаяся... кажется, даже постаревшая лет на двадцать. Дан Марк бережно поддерживал супругу под локоток, но Сусанна его даже не видела.

Стояла, смотрела ввалившимися глазами на гроб с телом Леонардо.

Сын.

Хороший ли, плохой ли, а сын. И она даже похоронить его в Манчини не сможет. Там их просто не примут, откажут... да и везти туда тело через половину королевства...

Леонардо уснет на местном кладбище, рядом с эданной Фабианой, и над ними прорастут колокольчики и полынь. Тут все ими заросло.

Станет ли эданна разговаривать с сыном Леонардо от ньюры Анны? Признает ли его внуком?

Адриенна не знала. Для нее была важна кровь, она бы в жизни от родни не отказалась. А для эданной Сусанны – статус.

Но девушке почему-то казалось, что горюет эданна не о сыне – о себе. Это она осталась одна. Это ей некого продавать, чтобы выгодно пристроиться в жизни. Это у нее неопределенность.

Леонардо – что? Был и умер, его только оплакать, а вот эданне жить дальше. А ведь такие бабы больше всего на свете боятся трех вещей.

Старости, нищеты и одиночества.

Обычно они их так боятся, что себе на голову и накликают. Жизнь, она ведь тоже справедлива. Но что толку философствовать?

Адриенна знала, что после похорон будет поминальная трапеза. А потом, наутро, они погрузятся в кареты и поедут домой.

Вчера, до вечера, она руководила слугами. Собирали вещи – ее, отца, Сусанны...

Вещи Леонардо – плохая примета. Пришлось оставить их в Маньи, так, взять пару безделушек на память, а тряпки эданна Диана передала падре Бернардо. Пусть раздаст бедным.

И домой...

Адриенна не сомневалась, что будет тяжело. Что эданна Сусанна еще доставит ей много неприятных минут. Это сейчас она только осознаёт происходящее, а вот когда осознаёт... вот тогда и начнется много всего неприятного. Но это будет уже потом.

И Адриенна будет готова к новым пакостям.

А сейчас... надо просто выдержать все это, выстоять – и домой. Туда, где по скалам сбегают ручьи, где серебрятся под солнцем озера, где шумят леса Сиблеврана и кричат над башнями черные птицы.

Домой...

Глава 4

Мия

– Дядя, мне хочется поехать.

– Мия, да я и не возражаю.

– Можно?

– Конечно.

Джакомо даже не сомневался в своем ответе. Девочке хочется посмотреть мир, девочке хочется повзрослеть... ничего страшного. Это правильно.

Единственное, что он не предусмотрел...

Ровно через два дня Мия была озадачена новым вопросом.

– Мия, так получилось... ты не могла бы?

На этот вопрос у Мии был только один: свой.

– Сколько?

Джакомо улыбнулся.

Как же приятно оправдывать свои ожидания!

– Мия, тут дело такое... сложное.

– Чем сложное?

– И неприятное. И работать придется быстро, практически уже завтра, и в столице.

Мия потеряла кончик носа.

– Рассказывайте, дядя. Рассказывайте...

История была не из приятных.

Кто в городе не слышал про дана Оттавио Джордани? Да все слышали, и только самое лучшее! Замечательный человек, хлебосольный хозяин, приближенный ко двору, умница и красавец... возраст?

Тоже ерунда. Тридцать лет всего... ну, чуточку больше. Первая жена у него умерла от... от чего?

– По сведениям Комара – грибочками отравилась, – медовым тоном подсказал Джакомо.

– Какими?

– Совершенно безобидными.

– Дядя, вы намекаете на убийство?

Джакомо пожал плечами.

– С одной стороны – не пойман за руку, так и не вор. С другой... Комар уверен. Доказательств у него нет, но за этого типа столько платят! Мия! У меня слов нет!

– А если в цифрах?

– Пятьдесят тысяч.

Мия впечатлилась.

– Дариев?

– Лоринов, племянница, лоринов.

– Он королю дорогу перешел?

– Тогда бы дана попросту казнили, вот и все.

Мия пожала плечами.

– Допустим. Так что там было дальше?

– Дальше было только интереснее. Вторая жена у него умерла во время эпидемии.

– Ничего удивительного.

– Согласен. Тогда многие умерли.

Мия пожала плечами. Ну бывает. И что такого?

– Он может жениться в третий раз.

– Да хоть и в пятый. Срок траура прошел, а если Господу угодно забрать у него жен... сама понимаешь.

– Господу угодно их забрать – или мужчине угодно их спроводить? – ангельским тоном уточнила Мия.

Джакомо хмыкнул.

– Вот в этом-то весь и вопрос. Но сейчас он намерен жениться в третий раз. И заметь – на дочери дана Клаудио Манцони.

– Те самые Манцони?

– Те самые, Мия.

Есть вещи, которые и данам не зазорны. К примеру, торговые перевозки. У Манцони было штук тридцать кораблей... так что состояние там было громадным. И плавали они и на Девальс, и в колонии, и куда только не...

– Понятно, откуда деньги. А вот за что?

– А вот это вторая сторона истории. Уже более грязная. Дан Манцони и дан Джордани хорошие друзья, Мия. Или считали так... кто-то один из них считал. Принимал участие в пирушках и гулянках дана Джордани, развлекался...

– Я так понимаю, что развлечения получились особенно интересными? Если дан отдаст свою дочь... сколько лет девочке?

– Двенадцать.

Мия скрипнула зубами. Почему-то такие ранние помолвки и браки ей не нравились, но виду она постаралась не подать...

– Я не знаю, какой компромат есть у Джордани на Манцони. Но надо полагать, серьезный. Мужик чуть зубами не скрипел и повторял, что не желает отдавать родную дочь такому извращенцу...

– Извращенцу?

– Он так сказал.

Мия задумчиво кивнула. Может и такое быть... извращения – они приятнее в компании. С друзьями, например. А за некоторые...

К примеру, за скотоложство полагается сжечь мерзавца вместе с оскверненным животным, сковав одной цепью. И с ним же похоронить в неосвященной земле.

А если есть свидетели, доказательства...

Ну, это так, к примеру. Церковь вообще ко многому очень негативно относится. Душит прекрасные порывы вместе с их производителями. А нечего тут воздух портить!

– Ладно. Допустим, у Джордани есть какие-то бумаги, документы... ну что-то еще. А что требуется от нас?

– Через три дня должна состояться свадьба. Или он должен умереть за эти три дня, или...

– Или?

– Если он умрет после брачной ночи, сумма увеличится до семидесяти пяти тысяч.

Мия покусала ноготь, задумалась.

– Вдова унаследует имущество Джордани? А дети у него есть?

– Нет. Манцони уверен, что сможет это провернуть...

Двадцать. Пять. Тысяч. Лоринов.

Мия потерла руки.

– Что ж. Можно и во время брачной ночи. И даже после нее...

– Ты согласна?

Мия кивнула и улыбнулась.

– Дядя, я же не торгую собой. Замуж тоже я буду выходить, вы ведь на это намекали?

– Абсолютно точно.

– Ну вот. А с законным мужем – это даже не прелюбодеяние.

Джакомо только головой покачал.

– Мия, ты – чудовище!

– Дядя разве не вы меня такой сделали?

И впервые Джакомо не нашелся, что на это ответить. Да и правда – что тут скажешь? И сделал, и радовался, и кстати – горд собой!

– Дядя, давайте обговорим детали.

* * *

Дан Оттавио Джордани был доволен и счастлив.

И повод был!

Он скоро женится третий раз. Допустим, ему и первые два понравились, но третий будет особенно удачным. Леона Манцони молода, очаровательна... и в руках опытного и умелого мужчины будет податлива, словно глина.

А ее отец станет приятным дополнением.

Ладно.

Основным блюдом.

Знаете, придворная жизнь – дорогая штука. А у него есть потребности, на которые нужны деньги, много денег, еще больше денег... его товар, корабли Клаудио – и все отлично сложится. А что товар чуточку запрещенный...

Почему эти святоши постоянно запрещают все самое нужное?

Опиум, к примеру? Гашиш?

Смертная казнь за это, конечно, положена. Но жить только на доходы с поместья... это, считай, ни о чем. Он точно не сможет.

Клаудио же...

Вот трус несчастный! Пару раз всего поучаствовал, а потом – назад! В кусты! Ну ничего, в его состоянии деловая репутация превыше всего, так что... бумаги у Оттавио есть, все записано и подписано, если они королю на стол лягут, Клаудио не вывернуться.

То-то он и дочку согласился отдать.

А дальше, когда дочка замужем будет...

Он ведь захочет ее видеть. И внуков тоже, и чтобы чадушко благополучно было...

Хотя это все равно ненадолго. Года на два-три, дольше у Оттавио ни на одну супругу терпения не хватило.

Вот и дом Манцони.

Оттавио честь по чести поздоровался и с хозяином, и с хозяйкой, заплаканной толстушкой лет тридцати, подумал, что свою супругу посадит сразу на диету, чтобы та не стала таким бочонком с салом, и попросил разрешения поговорить с невестой.

Свадьба уже послезавтра, ему можно...

Конечно, разрешение он получил. И глаза у Клаудио были... Как же он его ненавидел! Но и вырваться из капкана не мог. И это было так приятно...

Не деньги. Не страсть.

А вот это... это осознание своей власти над жизнью и смертью. Да не просто обычного ньюра, нет! Этих и так хоть травы, хоть дави...

А вот когда дан, равный тебе, а то и сильнее, склоняется перед твоей волей... о, это действительно приятно! Невероятно хорошо!

Вот это и есть настоящий экстаз. И этого никакой гашиш дать не может!

Восхитительно!

* * *

Невеста ждала Оттавио в саду. Сидела, старательно вышивала... что именно?

Классический сюжет: девушка и единорог.

Что ж, вышивание – достойное и подобающее занятие. Когда Оттавио вошел в сад и направился к невесте, она тоже повела себя правильно. Встала, опустила глаза, поклонилась.

Да так и осталась ждать своего будущего супруга и господина. Приятно... может, и бить ее почти не придется.

Так, ради удовольствия...

Оттавио подошел, подцепил девичье личико за подбородок и заставил посмотреть в свои глаза.

– Здравствуй, дорогая невеста.

– Дан Джордани...

– Очень скоро я буду твоим супругом. Ты рада?

А все же симпатичная девочка. Волосы светлые, как это сейчас модно, глаза большие, серые, личико очень миленькое, разве что чуточку пухловата. Но это не страшно. Вытянется, особенно если следить за ее питанием и не допускать излишеств. А он проследит...

– Счастлива, дан Джордани, – спокойно откликнулась девушка. – Такой человек, как вы, соизволил обратить на меня свое внимание...

Оттавио даже брови поднял.

– Дерзишь, малышка?

Серые глаза не отрывались от его лица.

– Дан Джордани, через два дня вы станете моим супругом и повелителем. Неужели я не имею права... даже не надерзить – поговорить с вами чуть более откровенно?

– Хм. – Мужчина многообещающе улыбнулся. – Ты можешь попробовать, малышка. Но учти, что слишком дерзких животных я предпочитаю укрощать плетью.

– Жену тоже? Я тоже буду для вас животным?

– Как ты можешь так подумать, – даже чуточку оскорбился дан. И добил: – Животных я берегу, они дорого стоят. А вот ты... ты просто приложение к союзу с твоим отцом. Не будешь мне полезна и покорна – пеняй на себя.

– Я поняла, дан.

И снова поклон.

Конечно, Оттавио не ушел просто так.

– Поняла? Отлично, покажи мне, как хорошо ты поняла мои слова.

Теперь настала очередь девушки удивляться.

– Что я должна сделать, дан Джордани?

– Для начала поцелуй меня...

И поцелуй действительно был только для начала. И поцелуй, и ласки... разве что под юбки он пока к девочке не полез. Слишком уж та невинна и неопытна, раскричится, еще мать прибежит... нет-нет, некоторые вещи лучше оставить до брачной ночи.

Чтобы уж точно ничего не сорвалось.

Но свое Оттавио получил. И оставил на нежном теле и несколько засосов, и парочку синяков – не сдержался. Уж очень сладкая малышка... года два она с ним точно проживет, пока он не насытится. А за два года много воды утечет...

Но если бы Оттавио видел, какими глазами смотрит ему вслед девушка...

Он бы, ей-ей, вернулся – и удавил ее.

Просто потому, что это были глаза равнодушного и спокойного убийцы. Карие глаза Мии Феретти.

* * *

Оставшись одна, Мия потерла руки, плечи...

Вот ведь... ощущение, что она в грязи извалялась. Дядя, спасибо, что вы меня отвели в бордель. Будь я невинной девочкой, у меня бы на всю жизнь шок был. И истерика.

Вот так в монастырь и уходят, и в кельях замуравываются.

Вот сволочь!

С высоты своего опыта Мия могла оценить происходящее и понимала, что негодяй просто ломает девочку. Потому и кинулся Клаудио стучаться во все двери.

Дочку он любил. А после того, что увидел...

В дом Манцони Мия пришла сегодня утром. Постучалась, показала Клаудио перстень и попросила привести его дочь в кабинет. Долго разглядывала, примеряла облик, а потом отослала девочку и сняла вуаль.

Дан Манцони аж задохнулся.

– Вы...

– Я не ваша незаконная дочь, если вы об этом, дан, – сразу успокоила его Мия. – Но, чтобы выйти замуж за вашего... дана Оттавио... вы же не думаете, что он удовлетворится подделкой?

– Конечно нет.

– Так я и буду выглядеть послезавтра.

– А завтра? Сегодня?

Мия даже головой тряхнула.

– Что вы хотите, дан?

Дан хотел немного – и за отдельную плату. После первой встречи с будущим супругом его дочка вернулась к матери в дикой истерике. Так, может, уважаемая ньора... ах, дана? Отлично, может быть,

уважаемая дана согласится встретиться с женихом еще два раза? А то его девочка...

Пять тысяч лоринов. За каждую встречу.

Может быть, Мия Феретти и была чудовищем. Но потерпеть она согласилась не только за деньги. Надо же посмотреть, что за «сокровище» ей достанется в мужья? Да еще за такую сумму?

И она не была разочарована.

Негодяя стоило убить. Даже Мие было неприятно его ласкать, а уж каково было бы настоящей Леоне...

Да, она его убьет. И весьма этому порадуется!

* * *

Мие, как приглашенному специалисту, выделили отдельную комнату. С крепким засовом изнутри.

Там она и отдыхала, попросив только о двух вещах.

Первая – посмотреть библиотеку дана Клаудио. Она-то вышивать не умеет и не желает, а время занять надо.

Вторая – чтобы ее лишний раз не беспокоили.

Пищу она забирала под вуалью, потом выставляла подносы за дверь. Так первый день и прошел.

Второй оказался интереснее.

Дан Оттавио разыгрался еще больше. Под юбку не лез, но губами Мие его ласкать пришлось. Попробуй отвертись, когда у твоей шеи кинжал, а волосы намотаны на кулак негодяя.

М-да...

В очередной раз Мия подумала, что деньги очень облегчают жизнь. За деньги можно нанять ее, и она убьет негодяя. Хотя тут она бы и из любви к искусству поработала.

Настоящая Леона точно бы в лежку лежала.

А Мия просто пообещала себе убить негодяя не сразу. Сначала помучить.

Хотя так и так придется пользоваться ядом. А еще – проходить освидетельствование у лекаря. Сразу же...

Да, это было частью плана.

Если во время брачной ночи дан Оттавио умрет... понятно же, Мию надо будет осмотреть! И учитывая, что она НЕ девушка... да, у них все было. Да, она может ждать ребенка.

Потом же дана Леони останется у себя дома. Может, ей и ребенка найдут... в этом отношении Мия тоже была спокойна. Ребенок якобы дана Оттавио будет воспитываться... если и не в любви, то в хороших условиях. Его будут кормить, учить... своих детей обычно не от хорошей жизни в чужие руки отдают. Ой не от счастливой, сытной и радостной.

Так что Мия терпела и считала минуты.

И думала, что оплата справедлива. А может...

Нет. Скидку она не сделает. Не обеднеют Манцони, они на все состояние негодяя нацелились. Но работать в этот раз она будет с удовольствием...

* * *

Свадьба!

Мие иногда представлялось, как это будет. Она в белом, кружевном и воздушном, жених в чем-то белом... такой высокий, представительный... и они смотрят друг на друга с любовью. Это же здорово, разве нет?

А потом слова священника, нежный поцелуй у алтаря... брачная ночь.

Ну, если ДО брачной ночи, то практически так оно и сбылось. Было и платье, и поцелуй, и взгляды, полные любви... ладно, со стороны жениха полные похоти, со стороны Мии – страха. А то странно было бы, если бы юная невеста на жениха смотрела с гастрономическим интересом. Прикидывая этак неторопливо, какие части тела у него первыми оторвать?

Хотя... чего тут думать?

Если сверху вниз – там голова, он помрет сразу. Значит, начинать надо снизу вверх. И прижигать, чтобы кровопотери не было.

Да, Мия всегда считала себя образцом доброты. И справедливости.

Вот она сейчас, по-доброму и по справедливости, и раздаст...

Свадебный пир тоже удался. И Мия вовсе не собиралась голодать на нем. Она с удовольствием поела, правда, вина пить не стала, станцевала первый танец с супругом – и удалилась к нему в спальню.

Там ее принялись готовить к первой брачной ночи.

Ванная, волосы расчесать, тонкую рубашку надеть...

Мия послушно принимала заботу служанок. Потом все вышли, и она осталась одна.

Сейчас обо всем скажут ее супругу, и он придет... один или с друзьями. По-хорошему, Мие полагалось лежать в кровати, но... любопытство же! А что это у нас в сундучке рядом с кроватью?

Подарки для невесты?

Браслеты, которые больше всего похожи на наручники, ошейник, цепь, хлыст...

Что тут скажешь?

Грех не отплатить добром за добро, она ведь тоже к супругу с подарками пришла! И заколка с отравленной иглой по-прежнему занимала место в ее волосах.

Оставалось ждать... а, вот уже и шумят!

Мия тут же нырнула под одеяло и притворилась жутко испуганной. Ох, дядя! Еще раз спасибо за бордель! А то бы и правда – боялась.

Ждем...

* * *

Когда в комнату ввалилась толпа пьяных мужчин, Мия пискнула – и полезла под одеяло уже с головой. Чтобы ее оттуда вытащили, практически сразу, наградили шлепком по мягкому месту и торжественно продемонстрировали окружающим:

– Моя жена!

Гордости в этих словах Оттавио было, как будто он лично Леону и родил, и вырастил...

Мия запищала что-то невразумительное и попыталась прикрыться руками.

Ах, с каким удовольствием она бы сейчас устроила тут «Пляску смерти»! Ей бы и оружие свое не понадобилось, вон, у того идиота за

поясом очень подходящий кривой кинжал... как еще он его так носит, не отрезав себе ничего ценного?

Мия бы дорезала с громадным удовольствием!

Нельзя!

Ах, вечно жизнь разочаровывает бедную девушку. Утешение одно – после этой ночи девушка будет на пятьдесят тысяч лоринов богаче.

Грубые руки сорвали с нее рубашку. Потом ее по клочку разберут женщины дома Джордани. На счастье.

Считается, что клочок платья невесты, пришитый к своему, дарует тебе мужа не хуже. А Оттавио Джордани все ж недурная партия.

Дан богат, неглуп... разве что сволочь, но это такой крохотный недостаток по нашим временам!

Мия запищала вовсе уж отчаянно и закрыла руками лицо.

А вдруг кто-то увидит, что краснеет она не от стыда, а со злости? Убила бы!

Вместо этого пришлось выслушать с десятков пошлых шуток про персики и булочки, и наконец гости ушли, оставив Оттавио наедине с девушкой.

– Руки убери.

Оттавио мгновенно перешел на командный тон.

Мия послушно опустила руки.

– Вот так.

Свистнула пощечина. Щека девушки мгновенно вспухла, во рту появился солоноватый привкус.

– За что?! – возмутилась Мия, отлетевшая к кровати.

– За то, что мои друзья видели тебя голой!

– Но вы же сами... – пискнула Мия.

Куда там!

– Ты еще оправдываешься?

Рука мужчины поползла к плети.

Хм...

Если бы эданна Россана Масса не просветила Мию, девушка сейчас была бы в недоумении. Вот что она такого сделала? Или что она сделала не так?

Но...

В борделе всякие клиенты случаются. В том числе и такие. Наука их еще не классифицировала и по банкам не распихала, но жизнь и не

с такими сталкивала.

Вот не в радость им, если по любви. Нужно сломать, подавить, подмять под себя, унижить и растоптать. А иначе у них и не получится ничего. Просто – не смогут.

Мие очень захотелось вырвать у него хлыст – и расписать его как сидорову козу.

Нельзя.

Терпи, детка. За это будет хорошо заплачено. И еще... шкурка заживет, а мертвых воскрешать никто не научился.

Первый удар вышел самым болезненным. Второй, третий...

Мия скулила и рыдала уже непритворно. Больно же!

Другой вопрос, что она намеревалась взять реванш за все хорошее. Но это потом, потом...

О, отлично!

Лопнула кожа, показалась кровь...

Вроде бы и немного, но супругу этого, видимо, хватило. Мию уцепили за длинные волосы, потащили к кровати... бросили на нее лицом вниз.

А потом пальцы полезли уже туда, где им делать было и вовсе нечего. Ладно еще обычное соитие, это бы Мия могла вытерпеть... попробовать стерпеть. Для достоверности, и чтобы время протянуть. Но чтобы еще и это?!

Перебьетесь!

Это даже церковь не одобряет, не то что Мия!

* * *

Оттавио так и не понял, в какую секунду все изменилось. Только что... да, только что под ним билось податливое девичье тело, и он собирался ее...

А в следующую секунду все изменилось.

Словно... словно подмял он под себя человека, а тот...

Мия освободилась одним гибким движением. Может, у нее и не получилось бы, но распаленный страстью Оттавио не ждал ничего подобного. Ну на что там способна нежная домашняя девочка?

Поплакать?

Покричать?

И пусть, таким тварям это только в радость.

А вот гибкого текучего движения, которым Мия выскользнула из-под него, он не ждал.

– Поиграем, супруг?

И хлыста, который лег ему на горло, – тоже. А потом было уже поздно.

* * *

Мия придушила супруга одним ловким движением. Порадовалась, что ей не нужно убивать именно так... следы останутся. А ей надо, чтобы мужчина умер от яда. Так надежнее...

Сколько у нее еще есть времени? Наверное, немного.

По внутренним часам Мии прошло около получаса.

Хватит этого для дефлорации и избиения?

По идее, должно бы хватить... или подождать чуточку?

Мия растерла шею своего супруга, чтобы точно не осталось следов, подумала, что ей как-то сильно не повезло с мужем. Да-да, если подходить буквоедски, женой считается та женщина, которая стояла у алтаря. А как ее при этом называли... ну, перекрестят потом в Леону. Вот и все.

А фамилия у нее и так должна быть – мужа.

Что священник во времена оны там говорил, что от супружеской любви убытков не бывает?

Зря. Очень зря...

Ну ничего, рубцы от хлыста выглядят очень и очень серьезно. А теперь еще...

Конечно, кровь у нее есть, но этого мало... где тут склянка с куриной кровью, которую должна была спрятать подкупленная служанка? Надо вымазать себя как следует... для повитухи. Ага, вот она... под половицей, под кроватью... супруг пока без сознания, и это хорошо.

Девушка плеснула на ладонь крови, растерла по себе, и снаружи, и внутри, потом остатки вылила супругу на то самое место. Ну и на кровать покапала...

Теперь – заколка.

Удобная, она легла в ладонь, кончик смазанной ядом иглы вышел из чехла, и Мия от души царапнула супруга по груди. Потом еще ногтями добавит...

И вдруг...

Вот чего не ожидала Мия, так это того, что Оттавио откроет глаза. То ли маловато придушила, то ли просто замешкалась... мужчина смотрел прямо на нее.

– Ты!

Пальцы Оттавио перехватили руку Мии, вывернули, потянули...

Хрупнула, словно веточка, кость.

Мия закричала от острой боли. Теперь уже непритворно. Мужчина был разъярен не на шутку.

– Что ты со мной сделала, гадина?! Я тебя сейчас...

Девушка, не обращая внимания на сломанную руку, перекатилась по кровати.

Пара минут, всего лишь пара минут... потом яд подействует.

– Убила!

Несколько секунд Оттавио смотрел на нее непонимающими глазами, а потом...

Заколка, царапина...

Мужчина взревел словно бык и одним прыжком кинулся к Мие. Девушка отшатнулась в сторону, закричала так, что стены дрогнули. Благо рука болела нешуточно...

Она была уверена, ее услышат даже внизу. Тем более что криков они и ждут.

И еще вопль! Еще истошнее!

Повод был. Оттавио все же подмял девушку под себя. Так она бы с ним потанцевала, но со сломанной рукой... это было сложно. Да и спальня не так чтобы сильно большая...

И снова крик! Уже полупридушенный, о помощи... пальцы Оттавио сомкнулись на горле Мии. Еще минута...

В глазах темнело, вокруг все плыло... если она рассчитала неправильно, сейчас все закончится...

Но движения Оттавио становились все медленнее, неувереннее... с грохотом слетела с петель дверь... и в проеме первым воздвигся Клаудио Манцони.

– Леона!!!

Он даже не играл.

Просто представил, что на месте этой неизвестной ему девушки должна была оказаться его дочь, – и ужас получился совершенно достоверным.

Его! Дочь!!!

Которую он сам, своими руками мог отдать этому чудовищу!!!

Вот где ужас-то!

Оттавио еще хватило, чтобы повернуться. А потом он осел к ногам ворвавшихся мужчин. И больше не шевелился.

Мия про себя ухмыльнулась.

Картина... хлыст, кровь, разгромленная спальня, полупридушенная невеста,дохлый жених... Красота!

Столицу они сплетнями обеспечили надолго. Но рука-то как болит... сволочь! Хорошо хоть, левая, не правая... а все равно не слишком утешает.

Прошло не меньше часа, прежде чем Клаудио смог вытащить все подробности из бьющейся в истерике «дочери». Пришлось...

И реветь пришлось, и умолять, и... можно подумать, выбор был! Один на один она бы «отцу» все быстренько изложила, а тут народа – как на площади в день казни! И господа понабежали, и слуги...

В интерпретации Мии все выглядело просто.

Когда они с мужем остались одни, тот ее... да, того-этого. Вот, кровь видите? Больно было до ужаса.

Наверное, она что-то сделала не так, потому что муж разозлился, начал ее бить хлыстом, вот рубцы... она кричала, убегала... даже царапнула супруга ногтями...

Она виновата, она не должна была противиться, потому что муж сломал ей руку, а потом повалил на кровать и стал душить. Наверное, она что-то сделала не так... неправильно...

Плакала Мия, кстати, непритворно.

Рука-то болела, а лекаря вызвать не догадались, пока она лично не попросила...

Только тогда Клаудио сообразил и погнал кого-то за лекарем, а остальных попросил выйти. И посмотрел Мие прямо в глаза.

– Как... как вы себя чувствуете?

– Отвратительно.

– А... если еще немного поработать? Сможете?

Шепот был тихим-тихим.

– Что вы хотите сделать?

– Броситься в ноги королю.

Мие этого хватило за глаза. Она подумала пару секунд – и кивнула.

– Хорошо. Но для начала повитуха и одежда.

Клаудио кивнул и принялся командовать. А поскольку характера у него хватало, и вообще... он же тесть Оттавио? Значит, считай, у себя дома, и народ это быстро понял. Так что слуги летали, словно зайчики.

За полчаса Мия была кое-как обмыта во всех местах, вытерта, освидетельствована повитухой и одета в балахон серого цвета. Руку – и ту уложили в лубки и подвязали. И препроводили в добрые отеческие объятия.

Карета несла Клаудио и Мию ко дворцу его величества Филиппо Третьего.

* * *

Беспокоить его величество во время сна?

Вообще-то за такое и казнить могут, приравняв к государственной измене. Но в данном случае Клаудио повезло.

До утра им ждать не пришлось. Король не спал.

Мия, кстати, этому тоже порадовалась.

Она хоть и попросила плащ, и капюшон накинула, но...

Она практически с утра держит этот облик, не меняя его ни в малейшей детали. С утра контролирует себя... ладно, пара минут была, когда ее оставляли одну, но этого мало!

Слишком мало...

Мия чувствовала, что силы утекают.

Да еще и все остальное... и хлыст, и переломы – это совершенно не то, что хочется испытать. Даже сейчас она разрешила хотя бы волосам под капюшоном принять свой природный оттенок – и расслабилась. Ну хоть чуть-чуть...

Им действительно повезло. Филиппо Третий не спал. И принять Клаудио Манцони согласился сразу. Во многом – из любопытства.

Не каждый день такое случается... Про свадьбу Филиппо слышал, правда, посещать ее не собирался, слишком большая честь для каждого дана. И наследник тоже был занят с эданной Ческой. Или еще с кем-то... да не важно! Пусть хоть весь двор переберет!

И вот, в брачную ночь, Манцони здесь, с женщиной...

Филиппо распорядился впустить его и приготовился слушать.

Клаудио вошел в королевский кабинет – и упал на колени.

– Ваше величество! Умоляю о защите и милости!!!

Филиппо искренне удивился.

Клаудио был вполне себе достойным человеком, не пресмыкался без необходимости, а чтобы довести его до такого состояния... ну, тут много чего требовалось.

– Я вас слушаю, дан.

– Ваше величество, я многое стерплю. Но дочь я замуж не ради такого выдавал...

Мужчина почти картинным жестом подошел к едва стоящей на ногах девушке, снял с нее плащ, осторожно, чтобы не потревожить руку в лубках, расстегнул пряжки на платье...

Филиппо только присвистнул.

Рубцы от хлыста, ссадины, синяки, на шее – пятна, явно малышку пытались удушить. На бедрах... кровь смыли, конечно, но, видимо, торопились...

Брачная ночь выдалась... интересная.

– Что случилось, дан Манцони? Эданна Джордани?

Клаудио кивнул Мие.

– Расскажи все его величеству, Леона. Ничего не утаивай.

Мия и не стала. Честно выдала придуманную версию...

– Лекарь осмотрел тело моего несчастного зятя и сказал, что тот скончался от апоплексического удара, – добавил Клаудио. – Такое бывает, если... ну, если...

Филиппо кивнул.

Он и так понимал, с чего такое бывает. Если в постели немножко переусердствовать... а тут вполне могло быть и такое. Ярость, страсть... ну и не выдержало сердце.

Вопрос – чего явились, тут тоже не стоит.

Филиппо задумался.

– Полагаю, брак можно признать состоявшимся. Но будет ли наследник?

Эданна покраснела. Всем телом. Филиппо устыдился и накинул на бедолажку плащ.

– Рука сломана?

– Да, ваше величество...

– Полагаю, вам нужен лекарь...

– Ваше величество, я умоляю, разрешите мне забрать дочку к себе, домой? Если будет ребенок, то через девять месяцев она унаследует состояние Джордани. Если же нет...

Филиппо задумался.

– Что ж. Дочь вы можете забрать домой, это безусловно. В остальном же... состоянию нужен управляющий.

Мужчины переглянулись.

Филиппо намекал на свою выгоду. Клаудио отлично все понял и похлопал наивными-наивными глазами...

– Ваше величество, я не знаю, во что вкладывался мой покойный зять... он говорил мне, что хорошо бы расширить порт... а может, и еще что-то... Я не знаю. Настолько плотно мы эти вопросы не обсуждали.

Филиппо кивнул.

– Полагаю, сейчас это преждевременно. Но я не буду против, если вы заберете дочь домой. И начнете разбираться с делами зятя... надо же определить, что именно пойдет в наследство вдове... а может, и ребенку, если Господь успел благословить этот брак. Я пришлю к вам кого-нибудь из казначейства, чтобы было проще.

Клаудио опустил веки.

Да, ему придется заплатить. И неплохо. Но как минимум половина состояния Джордани – а это громадные деньги – осядет на его счетах. Сейчас ему фактически предложили разобраться с делами и поделить, что и кому.

Дочь останется дома.

Ребенок?

Найдут они ребенка... чай, не старинный клад, крестьянки каждый день рожают!

– Если позволит ваше величество, я отвезу дочку домой... и завтра же... то есть уже сегодня, с утра...

Его величество позволил. И даже простер свою любезность до того, что лично накинул плащ на плечи несчастной девушке. Скотина все же этот Оттавио, остался бы он жив, Филиппо его года на три-четыре в крепость посадил бы. Пока не поумнеет.

Гадина, сволочь, Змеиный Глаз – чего только о короле не говорили, но в одном сходились все. С женщинами Филиппо никогда плохо не обращался. Это-то уж вовсе недостойно короля... и эданну Леону ему было жалко.

Отец ее все равно замуж выдаст, но пусть девочка хоть что-то получит в компенсацию за свои страдания... Вот дрянь! Сломать руку, пытаться убить...

Сдох – и ладно! Туда ему и дорога!

* * *

В карете Мия кое-как пристроила поудобнее руку, накинула капюшон, скрывая под ним все изменения, и откинулась на подушки. Дан Клаудио протянул ей флягу.

– Вино?

– Покрепче.

Мия качнула головой.

– Простите. Нельзя... тошнить будет.

– Хоть глоток сделайте, дана. Вам это после всего необходимо...

– Мне бы лечь и выспаться, – честно сказала Мия. – В безопасности... Что будете делать завтра, дан Манцони?

– Сначала расплачусь с вами и ньором... гхм... Комаром. Потом отправлюсь в дом зятя, буду разбираться с делами. Предварительно его величество подтвердил мои права...

Так что ты успеешь все дела повернуть в свою пользу. Это тоже понятно.

– А ваша дочь?

– Леона до истечения срока траура отправится к моей матери под крылышко. Потом у нее заживет рука, она родит... спасибо вам, дана!

– Вы меня наняли, я работала, – буркнула Мия. – Сплетни, конечно, пойдут, но никто эданну Леону уже никогда не заподозрит.

Особенно если она окажется в тягости, родит, глядишь, еще и ребеночка в честь отца назовет.

– Если бы не вы... я сегодня представил, что на этом месте могла бы сидеть моя дочь, – от души высказался дан. – Она бы сошла с ума, я точно знаю. А жена бы не пережила этого кошмара.

Мия вздохнула.

Действительно, даже ей, при всем ее характере, было неприятно и неуютно. А тихой и милой домашней девочке?

Оттавио Джордани следовало убить. Все правильно.

Сегодня Мия как никогда понимала, что ее работа необходима миру и обществу. Она прикрыла глаза и молча ждала, пока остановится карета. Эту ночь она проведет в доме дана Манцони. А завтра...

Завтра домой.

Вот ведь черт рогатый!

В СибЛевран-то она теперь и не поедет!

С рукой в лубках ее никто и никуда не возьмет... а и ладно! Дядя Паскуале отвезет письмо, а съездить в те края и позднее можно. Зимой, к примеру, или весной...

Может, с дяди стрясти еще немного денег? За расстроенные планы и на оплату лечения?

* * *

Эданна Манцони только ахнула, увидев состояние Мии. И захлопотала вокруг.

Девушку как следует искупали, накормили, переодели – и уложили в кровать. Правда, Мия тут же вылезла, закрыла дверь на засов и только тогда позволила себе расслабиться.

Поползла, словно змеиная кожа, чужая личина... минута – и в комнате стояла уже Мия Феретти. Во всей красе.

Жаль, что перелом и синяки так убрать не получится. Ладно, спать, спать и спать...

И чтобы ни одна зараза ее не беспокоила!

* * *

Из комнаты Мия выползла только к вечеру следующего дня. И то вряд ли бы проснулась, но рука дергала болью, а внутренности намекали, что не резиновые. И пора бы прогуляться до ночной вазы...

До вазы Мия прогулялась, потом предусмотрительно накинула вуаль и выглянула в коридор.

Все верно.

Под дверью сидела служанка. И даже похрапывала в процессе ожидания.

Мия потыкала ее носочком домашней туфельки, дождалась, пока та проснется, и донесла важную информацию:

– Умываться. Кушать.

А зачем перегружать человека лишней информацией? Главное – и так дойдет!

Служанка закивала и умчалась куда-то на кухню. Мия вернулась в комнату.

Рука болела и ныла, вызывая сожаление. Вот если б Оттавио Джордани можно было два раза убить! Или три! Мия бы обязательно...

Первой в комнату заявила эданна Манцони. И с порога обняла девушку.

– Спасибо тебе, родная... Я с мужем еще поговорила... этот негодяй убил бы мою доченьку!

– Наверняка, – не стала скромничать Мия. И коснулась следов на шее.

О том, что она сама была слишком непредусмотрительна, девушка умолчала. И о том, что получит взбучку от дяди, – тоже.

А ведь получит, наверняка!

За глупость, самонадеянность, за то, что недооценила врага и не добила сразу... будет ей радости! Мия даже не сомневалась. Но это объяснять уже и вовсе необязательно никому. Пусть ценят.

Мия кивала, поддакивала и дождалась момента, когда в комнату вошел дан Клаудио. Довольный и чуть ли не светящийся собственным светом.

– Дана, я вам так благодарен, ТАК благодарен!

Благодарность выразилась в виде прибавки к оплате. Мие вручили банковские документы ровно на сто тысяч золотых полновесных

лоринов. Дан Клаудио справедливо рассудил, что так будет лучше. Он безусловно, благодарен девушке, но выразить это лучше материально.

Мия поняла и приняла. Поблагодарила и попросила отвезти ее к Комару. В Грязный квартал.

Дан Манцони согласился и приказал закладывать карету.

Через полчаса Мия была у Комара.

Еще через час – дома, в своей кровати, выслушивала поучения Джакомо. О халтуре, творческой бездарности и самонадеянной соплюхе, которая возомнила себя умнее всех!

И как же это было приятно и хорошо...

Дома, в безопасности...

Еще бы Лоренцо нашелся, и больше вообще ничего не надо!

Адриенна

М-да.

Некоторых дам и рада бы пожалеть – не получается! Эданна Сусанна как раз к этой милой породе и относилась.

Горевала о сыне она ровно два дня. А потом таким потоком пошли придирки, что даже ко всему привычный и надежно загипнотизированный шикарным бюстом супруги дан Марк бежал из кареты.

Адриенна туда и не собиралась возвращаться. Пусть папенька сам расхлебывает...

Сам женился? Ну и в добрый путь!

Правда, до СибЛеврана она минуточки и секундочки считала. Но – доехали...

Сначала до Альмонте. А там и были ошарашены новостью. Трактирщик, к которому они встали на постой, лично и обслуживал благородных данов, и новостями поделился. Особенно когда узнал, что они в СибЛевран.

– Ох, дан, не спешить бы вам!

– Не спешить? Почему?

– Там же в окрестностях волк-людоед завелся!

Адриенна усиленно кусала губы. Но сказать то, что она думала... это был бы такой скандал, что хоть ты к людоеду на свиданку беги.

Или – не стоит? Не иначе, как к эданне Сусанне родня пожаловала? Братик, к примеру?

Так, молчим, и еще раз молчим... и слушаем.

Как оказалось, появился волк не так давно. Людей... сколько он людей убил?

Пока еще не очень много, но это смотря с чем сравнивать. Адриенна уехала в начале июня, сейчас уже дело к сентябрю... вот, за два месяца эта тварь умудрилась загрызть около тридцати человек. Тридцать два.

Причем страдали женщины, дети, старики, подростки... вот как раз те, кто в лес ходят. Мужчины... определенно, зверь был неприхотлив. Два охотника и четыре пастуха тоже были на его счету. Не старики, не мальчишки, здоровые мужчины...

Нападала милая зверушка внезапно, впивалась в шею, в голову, ну а потом... потом изволила кушать. Обычно голову и съедала, ну и тело, внутренности там, еще кое-что...

Адриенну замутило.

Трактирщик, не подозревая о том, что дану сейчас вывернет, упоенно описывал внешность зверя.

Волк?

Или не волк?

Они, конечно, разные бывают, но этот чуть ли не метр в холке. Здоровый, серо-желтый, вроде как с гребнем вдоль спины, или полоса шерсти такая, что ли... Понятно, здоровущая морда, пасть, клыки... вроде как даже хвост с кисточкой.

Откуда такое описание?

Так ведь... напал-то он и на группы людей тоже. Ну и... кто убежать успел, кто не успел.

А одна девушка вот и отбилась...

Тут уж и Адриенна заинтересовалась. Как оказалось, где тот волк, а где прачка?

Тридцатилетняя Анна Марино стирала белье, когда волк на нее и вышел. Если б женщина растерялась, тут ей и конец бы пришел. Но по счастью, вес у дамы был соответствующий, характер боевой... Что ей там волки?!

Когда зверь на нее кинулся, дама попросту швырнула ему в морду все простыни, которые стирала. А пока волк их принялся рвать – пахли-то они человеком, а вдруг? Да и путались неплохо...

Она схватила валеж – и огрела его промеж ушей и по морде, куда пришлось. Да несколько раз... [11] Зверь понял, что еще пара минут – и кусаться ему будет попросту нечем. И отступил.

Правда, это пока единственный успех. Все остальное – сплошные неудачи.

Отряд охотников, направленный мэром, шляется по лесам без толку. Уже штук сорок волков убили, и что?

Зверь как рвал людей, так и рвет...

Народ уже шепчется, что это лупо-маннаро, а то и вовсе демона какой колдун призвал...

Адриенна определенно заинтересовалась. Нет, она не думала, что все вертится вокруг нее, если бы оборотню нужна была именно она, зверь направился бы в СибЛевран, а не шлялся вокруг Альмонте. С другой стороны, даже для бешеной собаки это не крюк. А для волка?

Вот поедут они к себе, а тварь за ними и увяжется?

И что тогда? Эданну Сусанну ему скормить? В надежде, что зверь отравится и подохнет в страшных муках? Адриенна не отказалась бы проверить, но, наверное, дан Марк будет против?

Трактирщик получил за свои ценные сведения серебряную монету, и ушел, благодарный. А дан Марк побарабанил пальцами по столу.

– Наверное, нам и правда придется ждать. Нас не так много... или наемников поискать? Чтобы нас сопровождали в СибЛевран?

Адриенна промолчала.

Ей безумно не хватало совета дана Рокко. А еще... если она хоть что-то скажет... эданна Сусанна будет резко против. Не важно, хороший ли совет даст Адриенна, плохой ли... мачеха просто будет против. Из принципа.

Характер такой...

Так что девушка развела руками и сообщила, что идет спать.

И уже у себя в комнатах принялась размышлять.

Наемники...

Это, конечно, хорошо. Но на идиотскую затею со свадьбой и так потратили уйму денег. Их никто не вернет. Платья останутся, но зачем они в СибЛевране? Перед козами козырять?

А еще... кто сказал, что зверю наемники помешают? Или не наведут разбойников, или не... Нет, наемникам она не доверяла. А еще

ей потом ехать из СибЛеврана на предзимнюю ярмарку. И у нее вообще-то кони... кстати – и люди, и козы, и вообще... на ее земле эта тварь не нужна!

Ни к чему!

Второй вариант – оставаться в Альмонте, пока зверя не поймают. Но – неудобно.

Черт его знает, вдруг его еще триста лет не поймают? Некоторых и по пять лет ловят, и по шесть... думаете, помогает?

Рано или поздно герой находится, только вот рано – или поздно? И опять же, это ради Альмонте и окрестностей мэр расстарается. А ради СибЛеврана? Скажут – разбирайтесь сами... это ж скотина тупая... даже если умная, кто знает, что взбредет в волчью башку? Решит, что ему нужно разнообразить местность или прибавить охотничьих угодий – и откочует в СибЛевран.

Нет-нет, этого тоже допускать нельзя.

Третий вариант.

Сделать так, чтобы волка поймали побыстрее.

Ага, звучит-то замечательно. А осуществлять как будем?

То-то и оно... Адриенна теоретически осознавала, что она – Сибеллин. Что это ее королевство, что это ее земля, что она тут хозяйка... причем в самом простом и жестком смысле. Что ей обязано подчиняться все растущее и живущее, как выразилась в свое время Моргана. Но вдруг об этом не знает волк?

К примеру, он тупой или неграмотный?

Адриенна могла допустить такую возможность. И вообще, как она должна его ловить? Сказать – хорошо. А сделать?

Выйти темной ночью в лес и орать: «Вол-чо-о-о-о-ок! Ме-е-е-е-есто-о-о-о-о-о!»

Не исключено, что волк при таком раскладе сдохнет сам. Со смеху. А до этого сдохнет в корчах мэр Альмонте, которому предложат поучаствовать в охоте.

Это если еще Адриенне дадут реализовать свой план, а не потащат к ближайшему мозгоправу. Она же не станет на весь Альмонте орать, что она – последняя из Сибеллинов?

Хотя тогда ее потащат еще быстрее...

Нет, так дело не пойдет.

А что делать?

Ну, для начала сходить на постоянный двор, на котором в прошлый раз останавливался Паскуале, и написать ему. Хотя бы пару слов. Про оборотня, про опасность...

Если он приедет... и Мия тоже приедет...

Адриенна не хотела бы подвергать друзей опасности.

Друзей?

Да, безусловно. И плевать, что кто-то дана, а кто-то ньор! Это не важно, главное, чтобы человек был хороший. А в остальном...

При Сибеллинах и купцам гербы жаловали, она точно знала. Это сейчас не допросишься, не дозовешься... а тогда – вполне.

И Адриенна уселась писать письмо.

Коротенько, записочка для голубиной почты. Завтра с утра она ее отправит. И вручит письмо побольше, для даны Мии Феретти. Пусть его доставят почтовой каретой...

Это будет дольше, но ничего.

Есть и в Эрвликах хорошие стороны, есть. К примеру, почта. Которая доставляет письма из одного угла страны в другой. Что-то теряет, конечно, дорого стоит, и процесс это не слишком быстрый. Но все же лучше, чем ничего.

Итак...

«Ньор Лаццо, рядом с Альмонте оборотень. Нужна охрана. Подробности письмом.

А. СибЛевран».

А теперь можно и подробнее...

Письмо Адриенна отправила с утра. Еще до завтрака прогулялась.

А за завтраком узнала, что отец договорился с отрядом охотников. И те честь честью проводят их до СибЛеврана. Заодно и те места проверят.

Что ж, не худший выход из положения. А что эданна Сусанна недовольна...

И где эти оборотни бегают, когда они так нужны? Адриенна тоже была очень недовольна – оборотнем. Интересно, если ему приказать, он мачеху сожрет или нет?

Дан Энрико Делука оказался симпатичным моложавым мужчиной лет сорока. Улыбчивым, черноволосым и черноглазым, правда, с небольшим недостатком фигуры. Господь дал ему очень широкие плечи, но при этом короткие и кривоватые ноги.

Сыновья его, Рафаэлло и Эмилио, были копиями отца, только помоложе. Один лет двадцати пяти, второй совсем еще молодой, лет восемнадцати. Вот Эмилио тут же и заинтересовался Адриенной.

Девушка едва не застонала.

Ну кто, кто сказал парням, что они всегда в радость? Вот оставили бы ее в покое... вот это и была бы – Радость! С большой буквы!

Но ведь не доходит...

Всего в отряде было двадцать человек, не считая дана Энрико. Все как на подбор: волосатые, бородатые, мощные... под медведей, что ли, маскируются? Или считают, что волк их испугается?

Или просто – так комары меньше кусают?

Адриенна ответа на вопрос не знала. Но старалась быть вежливой, хотя и до определенного предела. Беседовала с тем же Эмилио, вежливо отвечая, что да, она бывала в столице, нет, дан, про цветы ей не слишком интересно. Стихи?

Жених почитает. А то она помолвлена... причем давно, чуть ли не с колыбели...

Дан Эмилио скис и чуточку успокоился. Видимо, он не прочь был приударить за даной, особенно если она не слишком бедна. Ну не от хорошей ведь жизни дан охотится на зверей? Нет, не от хорошей.

Есть и увлеченные люди, но это не тот случай.

А впрочем, ей с ним не детей крестить. Проводят до СибЛеврана – и пусть убираются.

* * *

Стоянку охотники оборудовали по всем правилам. Даже веревкой с колокольчиками окружить не поленились. Адриенна подумала, что, будь она зверем, в жизни бы сюда не подошла.

Только вот в кустиках уединяться будет сложновато...

Ничего, сделает она все свои дела до ночи...

Самое неприятное состояло в том, что ночевать придется в карете, вместе с эданной Сусанной. Если бы они путешествовали сами по себе, Адриенна с удовольствием бы уснула на лапнике, около костра. И ничего бы не боялась.

Но разве ж кто даст?

Дане не подобает, дана должна, обязана...

Дана зверела, но понимала, что двадцать здоровых и грубых мужиков действительно не то общество, в котором она может чувствовать себя комфортно. Даже наоборот – лучше бы без них.

Ладно, ей надо только несколько дней потерпеть. Авось в СибЛевран они в гости не напроятся...

К утру Адриенна встала разбитой и злой. Эданна Сусанна ворочалась, похрапывала время от времени, сопела (постоянно) и воняла духами. Это – тоже постоянно. Воздух в карете был спертый, окна эданна открыть не разрешила (мухи, комары, волки, мужики... и вообще – назло!), сиденья тоже были не слишком удобные...

Адриенна готова была выть со злости. Но куда деваться?

Завтрак тоже не задался. Может, охотники и умели готовить, но свое умение держали в секрете. А все пережаренное, подгоревшее и жесткое, как подошва... вот как можно сварить жесткую кашу?

Оказывается, для этого тоже талант нужен.

Но предлагать помощь Адриенна не стала просто из вредности. Или не только из вредности.

Опять же, дане не подобает готовить для кучи народа. Хотя кашу она сварить могла бы, и намного вкуснее. И с салом. И мясо можно пожарить куда как вкуснее... его только надо замариновать с утра, чтобы к вечеру оно было мягкое...

Даже дан Марк заметил. Уж на что ее отец был неприхотлив, но тут и он удивился.

– Энрико, неужели вы постоянно так питаетесь? Это же кошмар!

Дан Делука даже смутился.

– Так получилось... наш повар просто попался оборотню на зуб. И сейчас лечит раны... повезло.

– Повезло?

– Жив остался. Но покалечил его этот зверь нещадно...

Как оказалось, повар тоже отбиться смог. С помощью оленьей ноги и головни, выхваченной из костра. Но руки у него оказались

исполосованы в клочья... а то и вообще бы задрал, но на крик прибежали другие охотники, отогнали зверя.

– Вот ей-ей, я в него стрелял, и не раз! – Энрико пучил глаза, показывая, что да! И стрелял, и даже не промазал... такие герои как он – не мажут! Они всегда в сердце стреляют... – Но этот зверь как заговоренный какой...

Адриенна кивала в такт разговору.

– Вы не верите, дана Адриенна? – уличил ее Эмилио.

– Я предпочту не проверять это на своем опыте, – дипломатично отозвалась Адриенна. Хотя очень тянуло сказать, что за столько времени можно было уже сто раз любого волка выловить и пристрелить. Если уж один промахивается, так стреляли бы втроем, к примеру!

Промолчала.

Да, хорошее воспитание – оно такое... обязывает. И с этим дане тоже не повезло. Слишком много обязанностей, слишком мало прав...

* * *

Проведите ночь в карете с эданной Сусанной. Потом день в седле.

Потом опять ночь в карете и снова день в седле... казалось бы: уснешь как убитая. Ан нет!

Какое там – уснешь! Адриенна вертелась, словно ее иголками в пятки кололи. Кололи пальцы рук, пальцы ног...

Адриенна старалась не вертеться. Честно. Смотрела на звезды, думала о Лоренцо...

Что с ним случилось?

Почему он до сих пор не возвращается?

Энцо... ну хоть дал бы о себе знать, но как? Может, и есть письмо, а может, оно и не дошло.

Насчет письма Адриенна, кстати, угадала. Керем-фрай, таможенник, все же отправил письмо Лоренцо со своими знакомыми, но... то ли его употребили не по назначению, то ли еще для чего – письмо так и не дошло до адресата.

Никогда.

Заворочалась эданна Сусанна, открыла глаза.

– Адриенна... ты не спишь?

– Нет, не сплю.

– Проводи меня?

Эданна выглядела чуточку смущенной. Ну да, служанка где-то там... не в карете же ее держать. Искать ее сейчас, в темноте, по ночи? А заодно и обнародовать свои потребности?

Судя по всему, приспичило эданне серьезно.

Опять же, мужчин о таком просить тоже как-то... не очень. Не отвечает образу... пусть не хрупкой нимфы, но эданна определенно, романтичной и с богатым внутренним миром.

Адриенна подумала, что все равно не уснет, и кивнула.

– Хорошо.

Может, хоть воздухом подышит, ей легче станет?

Адриенна легко выпрыгнула из кареты, помогла вылезти эданне Сусанне. Нет, она ее не любила. И не жалела. Но понимала, наверное.

Понимала, почему эданна такая, какая есть. Понимала, почему она всех кусает...

Все она понимала, но это ведь не значит – одобряла, принимала, смирилась... просто здесь и сейчас у двух женщин было перемирие.

И кустики.

– К ручью, – шепнула эданна Сусанна. – Вон туда... я запомнила.

Адриенна кивнула.

Шаг, второй, отвести от лица противную ветку...

Он стоял там.

На другой стороне ручья... черный, неподвижный, вырезанный из мрака, но не сливающийся с ним. И глаза зверя горели почему-то бледно-зеленым огнем.

Но почему?

Если он из ада, они же должны быть алые?

А другой мысли у Адриенны и не возникло. Вообще никакой... ручей этот – даже беременному кролику на одну лапу, только и того, что название. Тут рядом ключик бьет, вот и остановились...

Большой зверь?

У страха глаза велики, но Адриенне волк точно пришелся бы по плечо. А то и покрупнее...

– Адриенна...

Эданна Сусанна невежливо толкнула падчерицу в плечо, заставляя уйти с дороги. Зря...

Волк повернул голову и уставился уже на нее.

– А... э...

Не говоря дурного слова, эданна Сусанна ушла в глубокий обморок. Какой там визг?

Какой бег?

Один взгляд – и прекрасная эданна упала к лапам чудовища. Вот что значит – тонкая душевная организация! Это вам не прачка с ее вальком!

Как ни странно, именно эта мысль придала сил Адриенне. Девушка подхватила с земли первую попавшуюся палку и шагнула вперед. Не от храбрости, нет. Это был единственный выход.

Сусанна лежит.

Защищать ее? Да вот еще не хватало!

Если б Адриенна была уверена, что волк отвлечется на эданну Сусанну, – она бы и не задумалась. Но до ближайшего дерева – метров двадцать, лезть на иву, которыми зарос берег ручья, – просто смешно. А бежать...

Адриенна четко представляла, как волк перепрыгивает эданну Сусанну и вцепляется ей в затылок.

И она вот так погибнет?!

Ну – НЕТ!

Девушка шагнула вперед. Порыв ветра ударил в спину, растрепал ей волосы. И волк...

Адриенна готова была поклясться, на миг он отшатнулся.

Тогда... он почувствовал Сибеллинов? Что ж, это ее единственный шанс. Адриенна снова шагнула вперед. И еще один шаг.

– Не смей, слышишь?! Я буду драться до конца!

Она и сама не знала, что заставило ее произнести эти слова. Но была в них уверена.

Зверь казалось, заколебался. Потом переступил с лапы на лапу. Адриенна пошла бы вперед, но дальше была только полоска воды. Еще не хватало...

– Не смей!

Глаза зверя вспыхнули болотной зеленью. Он напрягся, вздыбил холку, заворчал...

«Сейчас прыгнет, – осознала Адриенна. – Единственный мой шанс – увернуться от него, и палкой, палкой... если один раз получилось, может, и второй раз тоже?»

Хотя она и сама отлично понимала, что разница между девчонкой в весе пера и прачкой в весе слона... она есть. И в силе удара, и во всем остальном...

Только вот выбора другого все равно не было.

Сильная рука схватила Адриенну за плечо, отшвырнула в сторону – и тут же над ухом, почти оглушая, щелкнула в ночи тетива арбалета.

Раз!

И еще один!

И еще...

Волк злобно рявкнул, словно сплюнул или выругался.

Адриенна почти ощутила, как болты ударились в волка. Она могла бы назвать – куда! Могла!

В бок, в плечо, под левую лапу...

Она готова была поклясться, что зверь презрительно рявкнул, словно сплюнул. И прыгнул в сторону, вбок... уходя куда-то в лес. Не потому, что его ранили, нет. Просто... могли ранить? Или он счел, что овчинка не стоит выделки?

Овчинка... это она могла ею стать...

Теперь уже и у Адриенны закружилась голова. Дан Эмилио не дал упасть, подхватил на руки.

– Все-все, дана. Все хорошо, вы молодец, вы не струсили...

Адриенна выдохнула – и на миг, только на миг позволила себе побыть слабой, прислониться к мужскому плечу.

Один миг...

Потом она снова будет сильной, потом она справится с собой... уже почти справилась. Но до лагеря ее донесли честь честью. И у костра усадили, и кружку с вином в руки сунули.

– Залпом!

Адриенна сморщилась, но глотнула, словно горькое лекарство. И еще раз.

– Благодарю.

– Еще глоток, дана. – Дан Энрико смотрел тоже с восхищением. Да и остальные... – Вы молодец. Что вы увидели? Расскажите?

Адриенна потерла лоб.

– Да ничего... эданне Сусанне захотелось по нужде.

– С вашей матушкой все в порядке.

– Эданна Сусанна просто жена моего отца, – оборвала Адриенна кого-то из охотников. – Мне она никто. Я решила выйти с ней, мы дошли до ручья, а волк уже стоял там. Смотрел... у него глаза – зеленым светятся. Как болотные гнилушки.

– Не красным? – резко спросил кто-то, Адриенна не поняла кто.

– Нет. Зеленью... Эданна упала в обморок, а я поняла, что бежать нельзя. Трактирщик рассказывал, как от него прачка отбилась... ну я и решила, что надо драться.

– Вы с ним разговаривали. – Энрико потер лоб. – Мы... караульный услышал голос, разбудил нас...

– А где он был, когда мы отходили? – не удержалась Адриенна.

– Гхм...

Адриенна поняла без перевода и вздохнула. М-да... хорошо пошел ужин, если с него половина отряда кусты атаковала. Доблестно, со спущенными штанами и арбалетами наперевес.

– Что с Сусанной?

Дан Марк, до которого наконец дошло происходящее, пробился через сгрудившихся охотников и тут же был отправлен к своей супруге, которую как раз приводили в чувство.

Адриенна проводила отца тоскливым взглядом, вздохнула...

Иллюзий она и так не питала. Никаких. Просто неприятно было получить еще одно подтверждение. Э-эх... отец-отец...

– Давайте вы еще вина выпейте, дана, – предложил дан Энрико. – И мы вас в карету проводим, и постережем...

Адриенна поняла, что если она вернется к эданне Сусанне, то вполне может доделать за волком... вот ведь! Обратни паршивые!

Даже тут от них пользы нет!

– Дан Энрико... я понимаю, так нельзя... можно я до рассвета тут, у костра подремлю? У живого огня? Пожалуйста...

И кто бы посмел отказать столь мужественной дане? Конечно, ей и лапник предоставили, и несколько плащей... и Адриенна, завернувшись в них, продрыхла до утра. Кое-как ее разбудили уже к завтраку. Хотя... до той поры все охотники старались двигаться по лагерю исключительно тихо и не шуметь.

Оценили.

Они-то знали, как легко закричать, побежать, струсить... дана этого не сделала.

Она молодец. Такой дочерью надо гордиться, и такой невестой тоже, и вообще... сокровище! Что охотники и норовили высказать в тех или иных выражениях дану Марку.

Что ж. Ему было приятно. А вот эданне Сусанне – увы.

Дело в том, что, увидев волка... в обморок она упала. Но при этом, видимо, непроизвольно расслабилась, не дойдя до вожделенных кустиков... Разбуженная служанка отстирывала белье и платье эданны всю ночь, но в карете пока еще ощутимо пахло розового масла и аромата нужника.

И забегая вперед, две оставшиеся ночи Адриенна тоже спала на свежем воздухе. Никто и покоситься в ее сторону не смел. Но комплиментами засыпали так, что даже утомили...

Сама же Адриенна размышляла.

Волк-волк...

Зубами щелк...

* * *

– О чем вы думаете, дана?

Дан Эмилио восхищался больше всех. Адриенна ответила честно, не рассуждая:

– О том волке. Вы в него попадали, я видела.

Дан Эмилио помрачнел.

– Вы... вам не страшно, дана?

Теперь настала очередь Адриенны удивляться.

– Мне? Он сбежал...

– Вспоминать этот кошмар... как подумаю... вы могли погибнуть!

Адриенна едва не фыркнула. Обошлась пожатием плеч.

– Я не думала об этом. Нет. Но мне показалось... вы попадали в него. Почему он не умер? Почему не двигался как раненый?

Эти вопросы равно занимали и Эмилио. А раз так – почему бы и не обсудить?

– Не знаю.

– И как-то... я подозреваю, отогнать эту тварь просто так, вальком для белья... хм. А из какого дерева он был сделан?

Эмилио даже головой потряс.

– Н-не знаю.

– Я вчера видела эту тварь. Ее было бы не остановить палкой. Значит...

– Значит – это нечистая сила? – почти восторженным шепотом закончил Эмилио.

Адриенна посмотрела на него почти благосклонно. Оказывается, он еще и думать умеет?

– Он стоял и смотрел, – медленно произнесла она, еще раз восстанавливая в памяти все случившееся. – И, если бы хотел... я бы его не остановила. Он мог нас убить за пару минут.

– Но не убил.

– Я заговорила. И мне показалось: он слушал.

Эмилио даже головой потряс.

– Он... разумный?

– Может быть, не как человек. Но это существо, кем или чем оно бы ни было, умнее обычных волков. Это уж точно...

– Согласен, дана. – Энрико уже некоторое время внимательно прислушивался к разговору. – Этот волк явно умнее обычных. Но я думал, что он просто смесок с собакой... такое бывает.

Адриенна кивнула.

Бывает. Волкособ, особенно если он вырос среди людей, как раз и бояться не будет, и умнее будет, и опаснее. Кстати говоря...

– Он не похож на волка. И волкособа – тоже. У него какая-то странная морда, и повадки тоже...

– Дана, вы это тоже заметили?

Адриенна кивнула.

Волк бежит... очень характерным шагом. Он словно стелется над травой. А тут... полное ощущение, что шаги какие-то корявые. Не подранок, нет. Но что-то... что-то неестественное в этом существе заметно.

– Не знаю. Не могу определить... а как нечисть вы его не рассматривали?

Дан Энрико чуть по лбу себя не хлопнул.

– Святая вода, благословленные болты...

– Ну да! Хоть окропить или помочить, – согласилась Адриенна. – Может, образок какой привязать или священника позвать... вам же виднее, дан!

Судя по глазам дана, он то ли ее обзывал умницей, то ли себя идиотом. Но сдерживался.

Конечно же!

Они охотились на хищника, на дикого зверя. Не на нечисть. Вот и результат.

А Адриенна думала о другом.

Она голову готова была дать на отсечение, что волк... он узнал ее запах. И заколебался.

Стоит ли нападать? Или не стоит? Он еще ничего не знал, он думал, но... но ее запах явно смутил зверя. Будь она обычной, будь волк обычным...

Хотя нет. Обычный волк вообще не подошел бы к ней. И не напал.

Пора сейчас не та, сейчас зверье сытое и довольное. И, кстати, с точки зрения нормального волка, та же корова или коза куда как полезнее эданны Сусанны. Может, мяса там и меньше, но и визга тоже. И не отравишься...

А этот...

Этот явно собирался их порвать.

Сомневался, думал, но в итоге...

Черт побери! Как же Адриенне не хватало совета! Хоть ты в королевский дворец езжай и там с Морганой разговаривай! А кто еще может что-то знать о таких существах? Просто – кто?!

И нет, голову Адриенна ломала совершенно не из прихоти. Хорошо, если милая зверюшка прониклась и больше не появится на ее пороге. А если нет?

Если волк захочет повторить рандеву и пообщаться плотнее? Так сказать, попробовать более близкий контакт?

Адриенне эта перспектива совсем не нравилась. Не хотела она дружить с посторонними волками. Тем более...

Сначала волк ее узнал. И заколебался.

А потом... Она готова была поклясться чем угодно – в глазах зверя горели огни самой настоящей ненависти. Ненависти – и страха. Она это поняла тем самым чутьем СибЛевранов, которым и лошадей чуяла, и людей... Но за что?!

Что она такого волкам-то сделала? За что ее бояться – тоже непонятно, а ненавидеть почему? Потому что в СибЛевране родилась? Или им тоже помолвка ее не нравится? Или еще что-то?

Гадать можно до бесконечности. Но хотелось бы приятной определенности.

Увы. Самое лучшее, что придумалось Адриенне, – это написать дану Каттанео, может, у него в библиотеке что-то есть. Написать Лаццо – купцы чего только не знают!

И написать его величеству. Что это как есть не волк, а нечистая сила. И разбираться с ним лучше по церковному ведомству, а не охотничьему. И с падре Санто поговорить, кстати.

Может, еще пастбища с молитвой обойти?

Кресты на оградах развешать?

Что у нас вообще отгоняет нечисть? Калина, рябина, липа, осина, береза... тис еще подходит...

Надо, надо посоветоваться. Вот только до дома доедет...

Глава 5

Лоренцо

Лоренцо растянулся на скамье.

Массажистка прогладила его еще раз. Руки были умелыми и опытными, масло приятно пахло, впитывалось в кожу...

Правда, чувственного отклика у Лоренцо это не вызывало. После бурной ночи единственное, на что он был способен, – это лежать в позе морской звезды и наслаждаться тем, как умелые руки перебирают уставшие мышцы.

Тоже в чем-то почти тренировка.

Нагрузки – не меньше, а иногда и побольше получается... на тренировках он тоже выматывается, но тут у него вообще все мышцы ноют.

Вот сейчас он полежит еще чуточку...

– Перевернитесь, дан.

Лоренцо послушно перевернулся на спину, и массажистка принялась разминать его тело уже спереди. Впрочем, так же не вызывая никакого отклика.

Слишком уж она... никакая.

Невыразительно-пыльные волосы, словно каштановый цвет дорожной пылью посыпали, лицо с мелкими чертами, подбородка почти нет, глаза глубоко посажены... цвет – вообще не понять. Лицо то ли крысы, то ли рыбы, только очеловеченной. Но неприятное, да...

Впрочем, ему и не надо смотреть на массажистку. Хватит и того, что свое дело она знает.

– Готово, дан.

Лоренцо открыл глаза. Накинул на себя полотенце.

– Спасибо, красавица.

Массажистка покраснела. Что ж, ему эти слова ничего не стоят, а ей приятно. Кажется, она что-то хотела сказать, но не успела. Вошедший в комнату слуга сообщил, что Ангела ждет паланкин перед домом, и Лоренцо стал быстро одеваться.

Массажистка проводила его холодным взглядом.

Дан. Он действительно дан. И из Эрвлина. Может, это тот случай, который она и ждала? Надо посмотреть и подумать. Она должна шесть раз все отмерить, ведь второго шанса у нее не будет. Фантазия у госпожи богатая, или в песок по шею закопает, или шакалам кинет...

Все надо тщательно обдумать. Очень серьезно...

* * *

Нельзя сказать, что у Энцо внезапно образовались какие-то поблажки. Вовсе нет.

И тренировки шли полным ходом, и на арену он выходил так же, как и остальные. Но...

Бема-фрайя оказалась замечательной любовницей. Умной, умелой, опытной... раз в четыре дня за Энцо присылали паланкин. Дальше все было к обоюдному удовольствию.

Массаж, баня, бассейн, ласковые руки любовника, опытные руки любовницы...

Нельзя сказать, что Лоренцо привязался к ней. О нет! Появись у него шанс удрать – и его не остановит, даже если вся Ваффа под воду уйдет! Но в то же время...

Ему было хорошо.

Он учился дарить и получать удовольствие, учился у опытной и умелой женщины, и... относился к этому, как к тому же борделю. Почему бы нет?

Тем более что Бема-фрайя была достаточно щедра, любовнику она делала подарки, которыми Энцо делился с Зеки-фраем, и ланиста не возражал^[12]. Энцо перешел в его глазах из категории «ценное имущество» в категорию «умное имущество». Да, пока раб. Но раб, который понимает свою выгоду, и если уж он хочет на свободу...

Вот и сейчас, после бурной ночи, Зеки-фрай ждал своего гладиатора в паланкине. И, кстати, получил от Энцо браслет с рубинами.

Взвесил на руке.

– Лоренцо... да, сейчас я обращаюсь к тебе не как к рабу. Ты думал о своем будущем?

Энцо молча кивнул.

Думал, конечно, что ж он – дурак? Это только лопух подзаборный о будущем не думает, а среди живых существ... Даже воробей себе и гнездо устраивает, и супругу ищет. И Энцо не глупее.

– Ты хочешь волю и домой.

И снова Зеки-фрай угадал. Хотя чего там гадать и думать?

– А ты не задумывался, что ждет тебя дома – и что ты можешь получить здесь?

Лоренцо снова кивнул.

– Вы правы, Зеки-фрай. Задумывался. Но там – дом. Родина...

– Где тебя уже похоронили. – Ланиста превосходно умел добивать. И не жалеть. – К тому же, ты сам говорил, там ты был просто бедным даном, одним из множества...

– Допустим.

– А здесь ты можешь достичь намного большего, чем простое поместье в глуши.

– Да неужели?

Зеки-фрай пожал плечами.

– Ты учишь наш язык, ты слышал о наших законах. Ты знаешь, кто такие выкресты?

– Знаю. – И сложно было о таком не знать. – Люди, которые поменяли веру.

Предатели. Подонки. Преступники...

Без очень серьезных причин родину и веру не меняют. И если уж человек решился на такое... это не от хорошей жизни. Энцо в такие ряды не хотел. Обойдется как-нибудь...

– И отлично живут в Араيه.

– Занимают важные посты? Торгуют? Владеют имуществом?

– Всякое случается, – дипломатично развел руками Зеки-фрай. – Ты прекрасно понимаешь, что жизнь не всегда от нас зависит...

Это уж точно. Понимает.

– Вот смотри. Ты хочешь выкупиться на волю? У тебя сейчас есть деньги. И ты можешь делать ставки.

– Раб?

– Я могу делать ставки для тебя... за определенный процент.

– Для раба...

– А еще ты можешь выкупиться на волю. Но это возможно, только если ты сменишь веру, сам понимаешь.

Энцо понимал. Законы он учил... иноверцы в Араие или добыча – или сила. Вот он пока – первое.

А еще...

Зеки-фрай, конечно, для него стараться не будет. И доверять ему нельзя до конца. И... понятно же, что ланиста блюдет свои интересы. А какие?

Если Энцо станет выкрестом, это ведь автоматически не означает, что он станет свободным. А если и станет...

Куда ему идти, где жить, на что жить... бежать в порт и просить, чтобы до дома довели? Он разве что язык пока выучил, а вот все остальное... получается, что самое спокойное и безопасное для него место в Араие – в школе гладиаторов. Во всяком случае – пока.

Да, он выходит на арену. Да, сражается. Но гладиаторов кормят, берегут... до какого-то момента у него будет стабильность в жизни.

Вопрос – до какого именно и что будет потом.

– Зеки-фрай, – тихо сказал он, – я вам очень благодарен. Скажите, я смогу ознакомиться с законами Араии?

– Я принесу свиток.

Зеки-фрай довольно улыбался.

Он действительно заботился о своих интересах, а не о чьих-то еще. Хозяйские?

Да, безусловно. Но... в Лоренцо был большой потенциал. Он мог еще долгие годы сражаться, он мог стать знаменитым, он мог зарабатывать большие деньги...

И если он выкупится... не все же гладиаторы – рабы! Есть и вольнонаемные! И платят им очень много, и известны они всей Араие, и их прославляют на улицах... тысячи и десятки тысяч людей приходят посмотреть на их бои.

Их единицы, да...

Вот у Энцо есть потенциал.

У Зеки-фрая – понимание, что надо делать.

Осталось это соединить и получить выгоду. А еще, в идеале, не попасть под руку хозяину. А то больно будет...

Недолго, правда, но на том свете это Зеки-фрая не утешит. Хозяин добротой не страдает и не наслаждается. А против льва, к примеру, на арене ланисте не выстоять.

Вечером в гости к Лоренцо опять зашел Ромео Барбадо.

– Сидишь? Глядишь?

– И сижу, и гляжу, – достаточно миролюбиво согласился Энцо. – Молоко будешь?

– Буду. Наливай, – вальяжно махнул рукой Ромео. – Как ты – выкупаться не надумал?

– Я бы и не против, но тут еще что хозяин скажет, – вздохнул Энцо. – Не угадаешь ведь...

Ну да.

Рабы разделялись на два вида – те, кто попал в рабство за долги, там-то проще. Долг выплатил, с процентами, конечно, и свободен. И такие, как Лоренцо.

Там неясно, что получится и как. Как хозяин скажет, фактически так и будет. А вот какое настроение будет у Кемаль-бея...

Нет, не предугадаешь.

К тому же Энцо будет должен за обучение... много всего. Сложно просчитать.

– Говорят, хозяин к нам собирается. Он вообще по городам ездит, только не часто и по очереди. Считает, что контролировать надо, не то все разворуют...

– В этом он прав, – согласился Лоренцо. – Жаль только Зеки-фрая будет, если что...

– Это да. И мальчишки у него хорошие.

Мальчишки жили вместе с отцом, на втором этаже, в школе. К гладиаторам он их не пускал, но все и всё знали. Жена у него умерла, была какая-то служанка, бордели он посещал, но еще раз жениться не спешил.

– А к нам – скоро? – поинтересовался Энцо.

– Вроде как по зиме, может, весной...

– Ну, будет еще время подучиться.

– Ты пока лучше денег копи... говорят, у тебя тут баба появилась?

– О бабах – не разговариваю, – отрезал Лоренцо. – Даже и не рассчитывай!

– И не надо. – Ромео уже получил инструкции от ланисты, и понимал, что о некоторых бабах...

Вот не надо, а?

Если хочется жить, причем в полной комплектации... это когда и ноги на месте, и то, что между ногами и животом, и руки с головой присутствуют...

– А о чем тогда? – погрустил Лоренцо. – О родине неохота... о хозяине? К его приезду небось зрелище устроят...

– А то! Зеки-фрай уже носится, насчет животных договаривается. Это ж не так просто, там и пастбища нужны, и корма, и куча всего...

– И это ради того, чтобы убить их за один день.

– За два-три дня. Говорят, Кемаль-бей хороший охотник, кстати...

Лоренцо вздохнул.

– Вряд ли нам это поможет.

– А еще он любит в живых людей стрелять.

– Насмерть?

– Да нет... яблоко, там, на голове или слива в руке... понимаешь?

– Азартен? – заинтересовался Лоренцо.

– Очень азартен, – кивнул Ромео. – Ну... в рамках, конечно, но говорят, его и самого все вот это... на арене затягивало, потому и занялся. И ставки, и бои...

– Вот оно что...

– Конечно. Как на принцессе женился, он себя, конечно, спокойнее ведет, но там – сам понимаешь! Репутация!

Лоренцо кивнул.

– Наверное, его не особенно любят... во всех этих... бейских кругах? Тут двор-то есть?

– А то ж! Не хуже, чем у нас, в Эрвлине, даже чем-то лучше. Тут баб к людям не допускают, но уж интригуют они за чужими спинами... любимые жены, любимые наложницы, матери, матери наследников... тот еще змеиный клубок, не расплеться!

– Это понятно. Ну, по бабской части у него наверняка все в порядке, с принцессой не поспоришь. А вот азарт... это любопытно. А вообще его легко на спор подбить?

– Да кто ж знает? – пожал плечами Ромео. – Может, и легко, сам понимаешь, я в тех кругах не бывал. Но что азартен хозяин, это было. У него, говорят, один раб на спор свою свободу выиграл.

– Это как?

– Вот так... Кемаль-бей стрелять затеялся, ну раб и предложил в него стрелять. Заключили договор... Там раб как-то разговор повел, что с десяти выстрелов хозяин его не уложит... сошлись на пяти. Пять раз он от стрелы увернулся. Вчистую. Кемаль-бей плюнул, да и отпустил его, дело-то на арене происходило, а перед всеми слово нарушать... это плохое дело.

Энцо кивнул. И поспешил перевести разговор, чтобы Ромео ничего не заметил.

– Повезло, значит. Слушай, давай еще о чем-нибудь поговорим, а то о хозяине... тоже как-то неудобно. Донесут еще...

– А о чем тогда? О бабах не стоит, о хозяине тоже... бои и так будут...

– О погоде. О природе. О собаках? – предложил на выбор список тем Лоренцо. – О лошадях, о кораблях, об урожае... ну так, к примеру.

О чем только в лавке не наслушаешься?

– О! А давай о собаках! Я вот себе собираюсь щенка завести...

– Думаешь, стоит?

– Тяжко, когда ни единой родной души рядом нет, – неожиданно серьезно сознался Ромео.

– Так женись, делом займись...

– Да кому я нужен! И там у меня ничего не было, и тут... плохо.

– А мать? Братья-сестры?

– Да уж лет сколько прошло. Они меня небось сто раз похоронили...

– Нет, – уверенно сказал Лоренцо.

– Тебе откуда знать?

– Я точно знаю. И что меня ждать будут... может, и сто лет прошло бы! Будут! И примут хоть каким...

– Это семья твоя?

– И семья. И... и сестра, обязательно, – вовремя вспомнил про Мию Лоренцо.

– Ты про сестру не рассказывал.

– Зря. Она у меня знаешь какая! Красотка! Мало того, умничка, талантливая художница, сама книги переписывает, хоть и дана...

И разговор потихоньку перешел на семьи. Но о Кемаль-бее Лоренцо запомнил.

Азартен.

Только нельзя ли как-то это без стрел использовать? Второй раз он точно не промажет...

Мия

– Какой еще оборотень?!

– Неизвестно. Но Левэрран встревожен. Мэр Альмонте написал в столицу... хорошо, что Адриенна сообщила. Я мог бы не узнать...

Паскуале был встревожен.

Вот хотите – верьте, хотите – не верьте...

В оборотней он верил. И в разное... необъяснимое – тоже. Смешно?

Так ведь двести лет назад и арбалеты казались чудом. А сейчас любой мальчишка может ими пользоваться! Значит, и что-то еще может быть.

Мия размышляла над этим серьезнее всех.

Поехать она, конечно, никуда не сможет, с ее рукой ее просто никуда не возьмут. Но... оборотень...

Настоящий? Или такой, как она?

Мия хорошо помнила свои разговоры с мамой. Хоть и мало их было, но разве такое забудешь?

– *Прабабка предостерегла, но точно я не знаю. Или ты закрепиться в той форме, в которой была...*

– *Брр, – оценила перспективу Мия.*

– *Или приобретешь жажду крови. Вот как волк-людоед.*

А если... если и закрепиться в той же форме, и приобретешь жажду крови? Может ли оборотень получиться именно так?

Если это кто-то... если есть другие?

– А откуда вообще эта тварь взялась? – поинтересовалась Мия.

– Я наведу справки, – пообещал Фредо, который тоже не готов был рисковать сыном и товаром. Если там даже обычный волк-людоед...

Вот ничего в этом хорошего нет, право слово. Спасибо дане СибЛевран, их предупредили. А если бы нет? Если бы эта тварь напала?

Наемники... оно, конечно, хорошо. Но одно дело – сражаться с людьми, другое – с демонами.

Фредо надел шляпу и направился к двери.

– Пойду в магистрат, узнаю, что и как. А то и в канцелярию загляну...

– А я пока напишу дане СибЛевран, поблагодарю.

– Я присоединюсь, ладно? – попросила Мия.

На девушку воззрились все Лаццо, и с немалым удивлением.

– Вы же друг друга не знаете... – не понял Паскуале.

Мия пожала плечами.

– Полагаю, дядя, тогда вы сами скажете ей о Лоренцо?

Ньор закашлялся.

А вот этого ему совершенно не хотелось. Вот совсем-совсем...

Что там за Адриенна такая, он не знал, но, судя по сцене прощания, они друг друга любят – взаимно. И глядеть девушке в глаза и говорить, что ее любимый умер...

Это жестоко.

– Да, Миечка. Так будет лучше. Напиши, пожалуйста, что сможешь, а если она меня спросит, я потом расскажу.

– Я напишу, – пообещала Мия. – Подробно.

И вышла из комнаты. Ей предстоит найти подходящие слова для Адриенны.

Сложно?

Ничуть! Надо только написать два письма, одно она даст прочитать Лаццо, второе вложит в конверт перед самой отправкой. А слова найти несложно. У нее вообще такое ощущение, что Адриенну она сто лет знает. Та все поймет правильно.

А Мия...

Мия отправится в те два места, где ей могут действительно помочь. Первое – к Комару, в Грязный квартал.

Второе – в церковь.

Адриенна

– Здравствуйте, ньора Анна.

– И вам поздорову, дан.

Ньора Анна восхищала. Действительно восхищала и поражала, равно как внешностью, так и габаритами. Стоило представить себе очаровательную женщину, да хоть бы и ту же эданну Франческу, а потом увеличить ее пропорционально – втрое. Или вчетверо.

Вот и получилось бы... то самое.

Дан Энрико почтительно поклонился и вовсе не чувствовал себя униженным. Такой поди не поклонись...

– Ньора, прошу меня простить, но вы одна из немногих, кто выжил после нападения чудовища. И поэтому мне очень нужно с вами поговорить. Мой отряд охотится на него вот уже месяц... и ничего! Один раз мы его подрали, один раз он нам показался – и убежал. И все...

Ньора задумалась.

– Но чем я могу вам помочь, дан? Я белье как раз стирала, а тут эта тварь – я ахнуть не успела, он на меня и кинулся. Я ж знаю, от собаки бежать нельзя, догонит, да и вопьется... кинула ему белье в морду... потом расплачиваться за него пришлось...

Дан Энрико прекрасно понял намек, и за корсаж ньоре скользнул полновесный золотой лорин. Ньора подобрела и даже улыбнулась.

– Валек-то у меня всегда с собой, стирки много выдалось, я одно постирала, повесила, за второе взялась... ну я его вальком и со всего размаху да по морде... по морде!

Судя по размаху...

Не добила. Вовремя удрал, не иначе. А как жаль! Такой женщине много времени и не потребовалось бы, вот разве что шкура маловата, только на воротник и подошла бы...

– А можно ваш валеk поглядеть?

Вторая монета поменяла владельца. Ньора Мартино улыбнулась и повела плечами так, что дан аж сглотнул.

– Разве ж нельзя? Пройдите, посмотрите... или сюда его вынести?

Дан Энрико подумал секунды три.

– Я пройду, посмотрю. А ребята пока по окрестностям проверят, что да как.

Ребята поняли все правильно, и рассеялись по округе. Дан улыбнулся и отправился на осмотр... достопримечательностей.

О вальке он вспомнил только после тщательного исследования местности, причем неоднократного. И все же взвесил его в руке.

Больше всего этот валеk был похож на меч для тренировок. Длинная ручка, примерно в две – две с половиной ладони длиной, сама пластина валька – тоже длинная, пожалуй, что... да. Энрико прикинул его к плечу. Вот, от плеча до запястья длиной. И ширина – ему две ладони положить спокойно.

По женщине и инструмент, кстати говоря.

Вот у даны Адриенны такой за двуручный меч сошел бы, а ньора Анна Мартино им без особых проблем работает.

– Анна-а, милая, а что это за дерево?

– Осина...

Энрико обругал себя дураком. И уточнил, хотя уж и сам все понял.

– А когда ты его огрела первый раз... он не отскакивал?

– Было такое... отскочил, зашипел, словно та змеища, а не волк, – и опять на меня. Я его и встретила со всего размаху...

Вот все понимал Энрико. И что это зверь-людоед, и что тварь та еще, и что жалеть его не стоит...

И все равно. Вот просто представил, как такой штукой да по зубам... и даже зверя жалко стало.

Осина, значит.

Жаль, что им это ничем не поможет. Арбалетные болты из нее не сделаешь, разве что наконечники отлить серебряные? И позаботиться о стрелах?

Но лучников-то у них в отряде и есть всего двое...

Ладно. Все одно поговорить надо. Уже понятно, что эту тварь простым железом не возьмешь. И королю отписать надо.

* * *

– Дана Адриенна, вам письмо от мэра Альмонте.

Адриенна только вздохнула.

– Дан Рокко, ну что, что я ему могу сказать? Я этой твари не наставник и не знаю, что у нее в уме творится!

Зверь продолжал бесчинствовать в несчастной провинции.

Казалось, он издевается над охотниками. Смеется и показывает зубы. Еще и хвостом метет.

Нападала эта тварь едва ли не через день. Кто-то успевал удрать, а кто-то и не успевал. Так что к зиме на счету твари числилось уже тридцать два человека. Из них шестеро детей. Родители хоть и перестали отпускать их в лес, но ведь не устережешь же! Дети!

Им и поиграть охота, и побегать, и всякое остальное...

Волк не дремал.

Его видели в одном конце провинции – и тут же эта тварь появлялась за двадцать километров от прежнего места нападения.

Единственное место, которое он обходил стороной, – СибЛевран. И кто бы мог сказать почему? Уж точно не Адриенна.

Она и так страдала, ее не отпускали на предзимнюю ярмарку.

Какое там!

Дан Марк орал на весь СибЛевран, что пока эта тварь не сдохнет... ни он! Ни его супруга! Ни его дочь!!!

Ни ногой из замка!!!

Разве что рядом и под надежной – восемь человек – охраной, и без нее никуда! Даже в кусты – чтобы сначала их проверили, потом окружили, пристрелялись, а потом можно и по нужде. Заодно арбалетные болты соберешь...

Адриенна только плюнула.

Маразм, что ли, отца атаковал?

Но спорить не получалось. Дан Марк начинал просто истерически орать на каждое ее возражение, и договориться мирно не получалось. А поскольку слуги в этом случае были целиком и полностью на его стороне (предатели!), то и тайком выйти из замка не получилось бы.

Дан Рокко все понимал, но как объяснить это Адриенне? Она умная девочка, добрая, понятливая, но для некоторых вещей, хочешь не хочешь, нужен жизненный опыт.

Для страха за родных и близких, например. В четырнадцать лет хоть и заводят своих детей, но соображение там еще не то. Нет, не то...

Не понять еще малявкам, как это страшно – осознание, что ты можешь потерять близкого человека.

Ладно еще Леонардо! Хотя дан Марк его воспринимал как часть супруги... там, палец на ноге или кончик уха, но и дан Марк к нему тоже привык. Ему-то Леонардо ничего плохого не сделал, не пытался ухаживать, не собирался попользоваться и выбросить, это уж скорее к его матери...

И вот его нет.

И осознаешь лишний раз, как хрупка и непрочна человеческая жизнь. А потом нападение волка на его жену и дочь... и лишиться он мог обеих. Дан Марк знал, если эта тварь нападала на группу людей, она убивала всех. Сначала убивала всех, не давая никому спастись, а потом уж жрала. И уйти от нее удавалось единицам, в основном тем,

кто умудрялся быстренько залезть на дерево. Один ребенок удрал, бросившись в реку и схватившись за какой-то плавун... его течением от зверя и унесло. Но повезет ли Адриенне второй раз?

И Сусанне?

А лишиться близких дан Марк не хотел.

Не мог.

Вот и орал на чем свет стоит, вот и не пускал никуда дочь...

Страшно же! За родных и близких больше, чем за себя боишься...

Увы, разьяснить это доступно дан Рокко не мог. Слова-то он нашел, и сказал как мог, но видно же было, что его просто не понимают. Умом осознают, а до сердца и не доходит... ладно. Повзрослеет – так поумнеет.

И просто убеждал дану СибЛевран, что не надо... вот пожалуйста, не надо так поступать! Все я понимаю, но отца-то пожалейте? И меня, и себя...

Адриенна скрипела зубами, но сидела в СибЛевране. Единственной радостью оставалась переписка с Мией. Еще хотелось бы узнать, почему волк так к ней отнесся, но... у кого?

Ей даже в Альмонте нельзя. Дан Каттанео сообщил, что ничего подобного не знает, но библиотекаря посадил за книги, пусть копается. Как что найдет – так сразу.

Дома ничего нет.

Разве что самого оборотня, которого уже прозвали Леверранское чудовище, отловить и поспрашивать? Но почему-то Адриенне и этого не хотелось.

Она понимала, что искать нужно про оборотней во времена Сибеллинов, про собственно Сибеллинов, но как?! Как ты объяснишь такое людям?

А если нет...

На неверно поставленный вопрос ты получишь неправильный ответ. Вот и все.

Адриенна долго обдумывала этот вопрос, но, похоже, выбора не было.

– Дан Рокко, могу ли я написать его величеству?

– Можете, дана Адриенна.

– Вы хотите знать, о чем?

Дан Рокко задумался.

– Вы считаете, что мне этого знать не нужно. Правильно, дана?
Адриенна кивнула.

– Я могу обойтись и голубиной почтой. А вот ответ... ответ будет, я думаю, серьезным и развернутым...

Дан Рокко медленно кивнул.

– Хорошо, дана Адриенна. Если вы считаете, что мне это ни к чему...

– Вы не обиделись? Дан Рокко?

Мужчина чуть заметно качнул головой и улыбнулся.

– Дана Риен, я не настолько хочу узнать некоторые тайны, чтобы укоротить свою жизнь. Тем более – настолько. Есть вещи, которых его величество мне точно не простит...

Адриенна тряхнула головой.

– Тогда я напишу письмо, а потом мы его отправим. Вместе.

– Я прикажу принести с голубятни птицу, – согласился дан Рокко.

И вышел.

Адриенна подцепила тоненькую полоску пергамента. Прозрачного, почти светящегося. И быстро написала на нем буквально несколько слов. Мелко-мелко, бисерно.

«Государь, что можно узнать про Сибеллинов – и оборотней в ТЕ времена? Служба? Любовь? Ненависть? Почему? А».

А больше ничего и не надо. Она помнила, оборотень сначала ее испугался. Потом посмотрел так, словно она его лично предала. А теперь... теперь он обходит стороной ее земли.

Но только СибЛевран.

Адриенна вздохнула, свернула пергамент трубочкой и распечатала письмо мэра Альмонте.

Примерно так она и думала. Ну ничего нового.

Тварь бесчинствует, ее ловят, охотники загубили уже штук семьдесят волков... ладно, их Адриенне жалко не было, коли на то пошло, она же коней разводит! А эти серые мохнатые сволочи и жеребят задирают, и пастухов, да и коням от них достается...

Это издалека можно восхищаться серыми хищниками. А когда вблизи увидишь – кому бы такое счастье подарить, хоть с доплатой.

Этого не объяснишь, не расскажешь. Это надо видеть, когда напротив тебя желтые глаза равнодушного хищника и пасть с клыками. И именно тебя сейчас рванут...

Сразу всю романтику отшибает. Влет!

В остальном же...

Мэр Альмонте ничем не помог.

Оборотень? Да что вы, дана, все в порядке, обычный волк-людоед, отловим и убьем...

ТЬфу, сволочи чиновные!

Века пройдут и перейдут, люди и страны поменяются, а чиновники все равно будут озабочены одним и тем же.

Нет, не как лучше сделать дело! Вот еще пошлости!

Как сделать так, чтобы выглядеть лучше в глазах начальства и не подставиться под оплеуху! А дело какое-то... может, еще и не воровать прикажете?

ТЬфу! Сразу видно, что вы-то и не чиновники.

Мия

В храм-то прийти можно.

А вот что там сказать или сделать? Вот вопрос!

Впрочем, у Мии был замечательный ключик ко всем вопросам. И звался он падре Норберто Ваккаро.

К нему-то Мия и отправилась, захватив с собой кошелек с сотней лоринов. И не надо думать такие пошлости! Это – не плата за помощь, вовсе нет! Мия даже не сомневалась: падре и монетки не возьмет. Даже медной.

Но наверняка он знает тех, кому помощь требуется.

Милостыньку Мия не подавала принципиально, наглядевшись в Грязном квартале на нищих всех мастей и на то, как они похваляются облапошенными дурачками. Мне вот сегодня шестеро подали... да тьфу там – шестеро, я двадцать дураков на жалость пробил!

Но падре должен знать больше.

Так что Мия сунула кошелек поглубже, поправила лицо и пошла в храм. Ножками, ножками...

Падре Ваккаро был не занят – повезло.

– Здравствуйте, дана Мия.

– Здравствуйте, падре. Я рада вас видеть.

– И я рад, Миечка. О вашем брате пока никаких известий?

– Молитесь за него, падре. Прошу вас. Нам обоим это очень нужно...

Падре кивнул.

– А вот это... пожалуйста, я не хочу вас обидеть. Но уверена: вы найдете этим деньгам неплохое применение.

– Найду, дана, – согласился падре. – Что у вас с рукой?

– Сломала, – вздохнула Мия. – Так нелепо... стыдно даже. Нога соскользнула, вот и... готов перелом.

Падре посмотрел внимательно. Он видел, что девушка недоговаривает, но... не врет же? Это не насилие, она не выглядит жертвой, не боится людей... на нее никто не поднимал руку.

Нет...

А на маленькие секреты имеет право каждый.

Рука, кстати, заживала ничуть не быстрее, чем у обычного человека. И менять ее облик было труднее и больнее. Теперь – точно. Мия понимала, что и у метаморфа, оказывается, есть предел...

Что ж. Главное к нему не подходить слишком близко.

А заработала она столько, что могла бы и тысячу пожертвовать... нет! Не могла!

Ей ремонт дома надо закончить, хорошо бы туда каких надежных людей найти, чтобы жили и приглядывали, а о ней помалкивали.

В Феретти еще вкладывать и вкладывать, прежде чем оливковое масло принесет хоть какой доход. В этом году они с Джакомо тоже туда съездили – и были довольны.

Ньор Маттиа Димартино восстановил помещения, в которых отжималось и отстаивалось масло, закупил саженцы оливы, уже и высадил часть, привел в порядок старые деревья...

Если все будет хорошо...

В этом году он уже планировал получить первые бочки масла – на пробу. А там и дальше пойдём. Но все равно нужно и время, и деньги. И побольше, побольше...

– Безусловно, я найду применение любым деньгам, дана Мия. Но я уверен, вы пришли ко мне не просто так.

Мия развела руками.

– Падре, вам ли не знать человеческую природу? Мы все вспоминаем о людях, когда от них можно что-то получить.

Падре крайне неблагочестиво фыркнул.

– И что же может понадобиться верной дочери святой матери-церкви от старого падре?

Мия посерьезнела.

Шутки кончились, начинался серьезный вопрос.

– Падре, именно церковь может это знать. Вы слышали о Леверранском чудовище?

– Сложно было бы не услышать, дана Мия. Все королевство гудит...

– Моя подруга столкнулась с ним. Она утверждает, что это не простой волк.

– Даже так?

– Он слишком разумен для простого волка. Это или нечисть, или оборотень... В любом случае это должно быть известно нашей матери-церкви. Равно как и методы борьбы с ним.

Падре тут же посерьезнел.

– Откуда это известно, дана?

Мия задумалась.

– Падре, мне не хотелось бы называть имени своей подруги. Скажу так – она одна из чудом уцелевших после нападения. И она клянется, что это не просто животное. Оно разумно. Слишком разумно для простого волка. И выглядит иначе.

– Иначе, дочь моя?

– Я не принесла ее письмо, но переписала то, что она видела.

Падре послушно взял свиток.

«Это животное раза в полтора или даже два крупнее обычного волка. У него широкая грудь, мощные передние и задние лапы. Хвост длинный, слабо опушенный. Шерсть видно было плохо, мне кажется, она грязно-бурая, с пятнами, а по хребту полоса более темной шерсти. Морда у него более крупная и более вытянутая, мне кажется, что пасть у него больше и зубов в ней тоже больше, но, может, это просто страх. Глаза бледно-зеленые, словно болотные гнилушки, светятся в темноте, уши тоже более крупные, чем у обычного волка, и, как мне представляется, необычайно подвижные...»

– Дана, это действительно непохоже на обычного волка.

Мия утвердительно кивнула.

Непохоже! Да это еще мягко сказано! Совершенно непохоже! Ни близко, ни рядом...

– Поэтому, падре, мне хотелось бы знать, что говорит о таких случаях церковь. Может быть, это не первый такой... зверь? Или раньше с ними как-то боролись? Подруга интересовалась временами Сибеллинов, намекала, что ничего подобного давно уже не было, а в архивах мало что сохранилось... но не в церкви же!

– Да, над церковью мирские властители не хозяева, у нас много чего хранится... интересного.

– Вот видите, падре! Нам с подругой хотелось бы или подтвердить это, или опровергнуть... в смысле, я не о властителях, я про оборотня. Вы не можете никому задать этот вопрос? Это ведь не только мое дело, это всех касается, всего королевства.

– Пожалуй что, дана Мия. Но вы тоже хотите получить ответ.

– Конечно! Королевство большое, пока там от столицы до окраины дойдет, а подруга у меня там уже сегодня...

Это падре понимал. И принимал.

Что уж там – природа человеческая. Вот дана Мия пришла не ради всех и сразу, ради своей подруги. Но и так уже неплохо. Падре точно знал: когда кричат о своей любви ко всем, не любят никого. А вот когда небольшой круг...

Тут точно настоящие чувства. И тревога настоящая.

– Я спрошу, дана Мия.

– А... когда?

– Понимаю вашу тревогу, дана. И сегодня же запишусь на аудиенцию к кардиналу Санторо.

– Духовнику его величества? – проявила свои знания Мия. Хотя чего тут знать, это в провинции могут ушами хлопать, а в столице-то все в курсе.

– Абсолютно верно, дана.

– Тогда я найду дня через три, хорошо?

– Я буду ждать, дана.

Мия преотлично знала, что кардинал – создание, обитающее при дворе. То есть – в горних высях, где-то там. И какое ему дело до грешной земли? Тем более до каких-то крестьян, загрызенных волком? Будь он даже трижды оборотнем!

Ему плевать. А вот Мии все это небезразлично. Там Адриенна.
Туда в этом году не поехал дядя Паскуале.

А что будет потом? Мия не собиралась пускать ничего на самотек!
В конце концов, волк сам виноват! Мог бы и в другую сторону
побежать. И подальше, подальше...

А от себя Мия гнала одну из страшных мысль.
А вдруг?!

* * *

Если считать церковь филиалом рая, то Грязный квартал,
безусловно, был филиалом ада. Но Мия не собиралась стесняться ни с
ангелами, ни с чертями. Сами пришли... ладно. Если она к ним
пришла, они сами в этом виноваты!

Так что Мия бестрепетно заявила туда, куда и стражники-то
старались не соваться, и прошла в дом Комара. Преспокойно.

Наивного грабителя, который попробовал выйти к ней из
подворотни, удержали свои же, шепнув, что он милой девочке как раз
на один зуб – она с Удавом работает! Если она не удавит, так ты сам
потом и того...

На проститутку, которая попробовала предложить Мие поработать
вместе, девушка цыкнула уже сама. С теми выражениями, коих дана
знать не должна, увы...

И постучала в дверь знакомого дома.

К Комару ее провели сразу.

– Чем обязан, дана Феретти?

Мия прищурилась.

– Здравствуйте, ньор. А прозвища мне еще не дали?

– Как не дать – дали!

– И какое же? Любопытно ведь...

– Змейка.

– Мне нравится, – порадовалась Мия. А что? В меру ядовито, в
меру элегантно. И не какой-нибудь определенной породы...

Змея Феретти! Это звучит гордо! Ладно-ладно, Змейка, но она
пока еще маленькая. Можно сказать, дракон, только в зачаточном
состоянии...

– Так что вас привело ко мне, дана Змейка? – Комар уже понял, что это не проблемы, не беды, не горести, что это важно для девушки... пусть сама и говорит.

– Ньор, мне очень надо узнать все, что можно, про оборотней.

– Зачем? – искренне удивился Комар.

Мия досадливо махнула рукой.

– Нет, не то, что деревенские бабки внучкам пересказывают! Мол, та нечисть детей из колыбели ворует, через серебряный нож, который в пень воткнут, перекидывается... это все чушь. Леверранское чудовище сейчас бесчинствует в лесах Леверрана, а там живет моя подруга. Поэтому... что это такое, чем с ними бороться, особенно последнее... понимаете, ньор?

Комар понимал.

Пощипал подбородок, подумал...

– Пожалуй, я знаю, кто может вам помочь. Есть тут у нас один такой... за исключительную память держим. Сам по себе – бесполезная тварь, даже кошелек подцепить не сможет или пьяного обнести, даже милостыню просить не годен. Но книг прочитал больше, чем у нас с вами, дана, волос на головах. Мы его Библиотекарем прозвали.

– Он и правда библиотекарь?

– Был. Потом не поделил что-то с герцогом и в бега подался.

– А что не поделил? – поинтересовалась Мия из чистого интереса. Ну и ради налаживания контакта, мало ли что? Так ляпнешь пару слов не в тему, клиент и закроется. А ей-то откровенность нужна, полнейшая...

– Библиотекаршу, – фыркнул Комар. – Его герцогские книжки интересовали, а герцога – его жена. Застал он их в интересной позе, герцога ранил, супругу убил и пустился в бега.

Мия сочувственно кивнула.

Понимала она в этой истории всех. Но иметь дело ей предстояло с несчастным рогоносцем. Впрочем, небезобидным, вон как лихо бодается!

– Есть что-то, о чем с ним не надо говорить? Или... ну, вы понимаете, ньор?

Комар понимал и только плечами пожал.

– Все что хотите, то и говорите. Он знает, что его из милости держим, за знания. Ну и память у человека потрясающая. Один раз прочитанное навсегда запоминает. Мы, если что попадаетея из бумажного хабара, даем ему разбираться.

Мия подумала, что грамотность и знания даже бандиты оценили. И кивнула.

– И что я буду должна, ньор?

– Ничего, – отмахнулся Комар. – Все одно Библиотекарь без дела сидит. А с Удавом у нас вообще свои дела... считай, тебе премия от меня.

– Спасибо, – порадовалась Мия.

Комар фыркнул еще раз.

– Это тебе не за спасибо, ты мне много денег принесла, девочка.

– И впредь постараюсь, – согласилась Мия. А что ж не порадеть и себе, и людям? – Где я могу его найти? Вашего Библиотекаря?

– Я сейчас распоряжусь, тебя проводят, – отмахнулся Комар. – Иди с Богом...

Мия встала и коротко поклонилась.

– Я запомню.

– Вот все вы, даны, ни слова в простоте, – притворно заворчал Комар. Но было видно, что ему приятно. И должок, опять же...

Небольшой, скорее моральный, чем материальный, но он – есть. Он – есть.

И кто его знает, где оно пригодится?

* * *

Библиотекарь... Мия еще лучше стала понимать его супругу. Да уж... загуляешь тут!

Высокий, худой, больше всего похожий на кузнечика, которого по недомыслию переселили в человеческое тело. Внешность... очень на любителя. Костюм тоже... засаленный весь, замызганный. Редкие полуседые волосы спадают на плечи нечесаными прядями, на плечах – перхоть...

– Здравствуйте, – тихо сказала она. – Дан?

– Здравствуйте, – отвлекся мужчина от очередного свитка. – Здесь нет данов или ньоров, милая девушка. Я просто Библиотекарь.

– А я – Змейка, – подстроилась под его речь Мия.

М-да... что уж там было раньше? Но сейчас она понимала, что этот несчастный просто полубезумен. Может, именно отсюда его способности?

– Рад вас видеть, Змейка. Зачем вы приползли ко мне?

А может, и не так безумен? Говорят, сумасшедшие не способны на иронию?

– Разумеется, за знаниями. Без них даже змеям тяжело.

– Какие мои знания нужны змеям?

Мия потерла кончик носа. И в третий раз изложила историю про оборотня и Адриенну, не называя имен и мест.

– ...может быть, вы что-то знаете об этих тварях? Хоть что...

Библиотекарь задумался. Серьезно, словно сейчас в голове у него прокручивались (может, так оно и было?) десятки, сотни и тысячи книг.

Собирались по крупичкам драгоценные знания...

– Мне сложно сказать, что именно из этого правда, а что нет, – честно сознался он. – Многие источники недостоверны, опираются на более ранние, утраченные... когда Филиппо Первый пришел к власти, вы представляете, он приказал заточить книги! Книги!!!

– Книги? – удивилась Мия, которая отродясь таким не интересовалась.

– Представьте себе. У Сибеллинов была богатейшая библиотека, говорят, там были все книги чуть ли не от сотворения мира, они их веками собирали... когда к власти пришли Эрвлины, множество книг было объявлено крамольными. Но уничтожить раритеты не поднялась рука даже у Филиппо Первого. Он приказал сложить книги в громадные сундуки, сделать все, чтобы они не испортились, и где-то замуровать.

Слово, которое вырвалось у Мии, вообще-то тянуло на государственную измену. С казнью и конфискацией.

Библиотекарь дробно захихикал.

– Именно, дражайшая, именно! Так все и думали, но молчали! И книги оказались... если и не утрачены, то Эрвлины никого не пускают в эту сокровищницу разума.

– Жлобье.

– Воистину верно! Знания должны принадлежать всем, только тогда они будут приносить пользу. Но разве можно что-то объяснить этим закоснелым в своем страхе недоумкам?

Учитывая, что недоумки носят королевские титулы? Мия даже и не пыталась бы, зачем? Своя шкура – всегда дороже.

– Так что вы мне расскажете, Библиотекарь?

– Начнем с древних времен.оборотни делились на две категории. Истинные и ложные.

– Не поняла? Одни превращались, а вторые гримировались?

Библиотекарь весело фыркнул.

– Что вы, Змейка! Истинный оборотень – он такой по природе своей, по рождению, если хотите. Он не кровожаден, он оборачивается в любое время дня и ночи, не зависит от фаз луны, не теряет разума... собственно, он превращается в кого угодно, хоть в животное, хоть в человека.

Вот с этого места Мия и стала слушать весьма внимательно. Потому что о таких случаях она знала. Ну, допустим, в мужчину она пока не превращалась, но со временем и это можно попробовать. Почему нет?

А животные лапы с когтями ей и так преотлично удавались. То есть, теоретически, она может и в зверя перекинуться. Просто не знает, как именно.

– Ложный оборотень. Это оборотень, который строго привязан к полнолунию, кровожаден, неуправляем, не может контролировать свои превращения...

– А неизвестно, откуда они взялись?

– Тоже несколько версий. Истинные оборотни... по одной из версий, они пришли сюда с детьми Лилит. С Высоким Родом.

– Высоким Родом? Простите, ради бога, я вас постоянно перебиваю, но я и правда не в курсе...

Библиотекарь только рукой махнул.

– Я же не лекцию читаю! И вообще, плох тот учитель, которого можно сбить с дороги вопросами.

Мия кивнула. Она думала примерно так же, но... люди разные. И отношение у всех разное...

– Говорят, что до Евы женой Адама была Лилит, но потом она взбунтовалась и ушла со своими детьми. Куда? Неизвестно. Говорят, в Холмы... и там, в мире без солнца и луны, она построила свой дом. А поскольку она была первой женой, то для ее детей тоже предусмотрены некоторые поблажки. Они считались старшими, или Высоким Родом... они приходили на землю лечить, учить, помогать, защищать...

– Полагаю, церковь не в курсе дела. Или не признается.

– Полагаю, все, кто в курсе, будут держать курс на костер, – в тон ей откликнулся Библиотекарь. Теперь хихикнули уже оба.

– Тем не менее, – вернулся Библиотекарь к лекции, – люди – твари неблагодарные. Старший там род, младший... им – наплевать! Убивали всех. Тогда дети Лилит и придумали брать с собой истинных оборотней. Идеальную защиту, охрану... говорят, один такой истинный способен был убить тысячу человек и не запыхаться.

Мия вспомнила, как она убила трех человек в поместье эданны Вакка. Своими руками, кстати говоря... ни совесть ее не мучила, ни память. Разве что двигаться надо было побыстрее, вот и все!

– Допустим.

– А мы все лишь допускаем. Правды-то уже никогда не узнаем, – вздохнул Библиотекарь. – Говорят, что Высокий Род завершал свои дела и уходил. А кое-кто и оставался. И оборотни оставались с ними. Кстати, от них пошли и вирканги, если вы помните...

– Берсеркерство?

– Да, нечто близкое к истинным. Конечно, если берсерк себя контролирует.

– Угу... поняла. А ложные?

– Тут тоже вопрос сложный. У истинных оборотней, говорят, был запрет. Они не должны были пробовать человеческой крови. Никогда.

– Даже случайно? Если убьешь тысячу человек, поневоле увазюкаешься... уж простите.

– Может, и был какой-то рецепт – раньше. Но про запрет я читал, это уж точно. Считалось, что истинный, который попробует человеческую кровь, будет медленно, но верно сходить с ума. И первой его целью станут его же родные. Существа его крови.

– Паршиво.

– Тем не менее. Ложные могли получаться из истинных – именно таким способом. Это один из вариантов, остальные все для чистокровных людей. Первый вариант – одержимость. Если человек проводил черные обряды, призывал демонов... они могли вселиться в его тело, ну и наделить оборотничеством. Колдуны могли надеть на себя пояс из звериной шкуры и прочитать заклинание. Тогда они тоже превращались в соответствующих зверей. Могли воткнуть в пень серебряный нож и три раза кувыркнуть через него. Тогда тоже превращались.

– А покусанные оборотнем?

– Помирают от бешенства или от антонова огня, от загнивания ран. Но не превращаются.

– Неприятно. А какие еще варианты для колдунов?

– Я знаю эти три. И поверьте, Змейка, это все – очень черное колдовство.

Мия задумалась.

– При этом все равно получается ложный оборотень?

– Да.

– Тогда какой в этом резон? Себя не контролируешь, проблем огребаешь выше ушей, зачем? Во имя чего?

– У оборотней лучше реакция, слух, нюх, у них сила больше, даже когда они в своем человеческом облике... да и потом, Змейка, каждый ведь как думает – что платить-то ему по счетам и не придется!

– Ага, вот никому не повезло, а ему отломится!

– Неужели вы не видели таких «умников»?

Мия только фыркнула. Да каждый второй, не говоря уж о каждом третьем! Навидалась! До тошноты!

– Хорошо. Допустим, колдун сделал из себя ложного оборотня. Но Леверранское чудовище буйствует и днем, и ночью, и обратно превращаться не спешит. Есть ли вариант, при котором человек теряет человеческий облик – и остается только звериный?

Библиотекарь рассмеялся.

– В корни смотрите, Змейка, в самые корешки, значит... рано или поздно такое со всеми случается. И рожденными, и превращенными.

– Рожденными?

– Которые крови попробовали. Если нет, так живи себе хоть тысячу лет. А если попробовал, так не обессудь. А те, кто ложный...

считай, они сразу превращаются. На том же условии. Стоит оборотню изведать вкус человеческой крови...

– И он уподобляется волку-людоеду.

– С той разницей, что для волка его облик привычен, а вот для оборотня... впрочем, они тоже привыкают очень быстро.

Мия задумалась.

– А чем их можно остановить? Чем с ними вообще можно бороться?

– Оружием. Отсечь голову – и все. Колдовство кончится...

– Другого выхода нет?

– Почему же? Стрелы из осины или тиса, заговоренное серебро... и получим дохлого оборотня. Или хотя бы раненого.

– А если обычным оружием? Подруга написала мне, что в него попали, а он сбежал как ни в чем не бывало...

– Еще бы приманку с ядом попробовали. Неучи!

– Почему нет?

– Потому что тело оборотня отторгает сталь. Если оборотня в звериной форме ранить, заживать будет намного лучше и быстрее.

Да? А по себе Мия этого не сказала бы.

– А в человеческой?

– Человеческая форма – истинная и единственно верная. Любые раны, которые нанесены человеку, будут заживать на человеке долго. Вот волк – другое дело. Или, там, рысь, медведь...

– Ага, поняла... – сообразила Мия. Ну... тоже верно, во время брачной ночи с Джордани она не в волка перекидывалась. А как это было бы... вдохновенно!

Подмял он под себя девушку, глядь, а это волк. Или россомаха. И яда бы не понадобилось, тихо и мирно сдали бы сумасшедшего в дом призрания...

– Яды его тело тоже отторгает?

– Сплюнет, и только.

– А если добычу начинить серебром? К примеру?

Библиотекарь только плечами пожал.

– Теоретически – может сработать. Практически... а вы его уговорите слопать именно этот кусок мяса? Серебро достаточно ценится, чтобы воры и оборотня не побоялись.

С этим Мия вынуждена была согласиться.

Сопрут все. Кто бы сомневался. Да и не наберешь такое количество серебра, волк-то подвижный, тварь такая...

– Скажите, а заговоренное серебро – это как?

– Клинки из серебра. Или посеребренной стали. Тоже неплохо годится...

– А посеребрения хватает? Там же того серебра – считанные граммы, в дари и то больше?

– Тем не менее. Рыцарь Гранди победил оборотня, вонзив ему в грудь посеребренный клинок. Если бы обычный, тварь могла бы соскочить и напасть, а вот серебро, даже в малых дозах, жжет их, оглушает... серебру они противиться не могут.

– Скажите, Библиотекарь, а можно как-то отличить оборотня – от обычного человека?

– Кто ж его знает? К сожалению, Змейка, я не всеведущ. Ходили слухи о зеркалах, которые показывают истинный облик любого существа, но подробностей я не знаю.

Мия напряглась.

Она знала о таких зеркалах. Видела лично...

– Библиотекарь, а о зеркалах мастера Сальвадори вы тоже ничего не знаете?

– Нет, Змейка. Я знаю, что был такой мастер, что отливал зеркала, что его вроде бы унес черт, которого он вызвал... не более того.

А как жаль! До слез жалко! Но и так грех роптать, Мия столько за год поисков не накопила бы!

– Спасибо, ньор. Я многое почерпнула из вашей лекции. Скажите, а о связи оборотней с Сибеллинами ничего не известно?

– Змейка, я же сказал: библиотека была уничтожена. А так бы... безусловно...

Мия только горестно вздохнула. Вот сволочи эти Эрвлины, как есть – сволочи! Их не сожрут, а на людей плевать!

– Спасибо вам, Библиотекарь. Больше вы мне ничего не добавите?

– На эту тему? Нет, Змейка, не добавлю. Это не самая популярная тема, по ней не так много информации. Подозреваю, в церкви знают больше.

– Но вряд ли со мной поделятся. Какое им дело до провинциальных девчонок?

Вот тут-то Мия и заблуждалась.

Как говорится, и хотели бы подгадать, да лучше не получится.

Для начала падре Ваккаро пришел к кардиналу Санторо и подал докладную записку. На тему «Леверранское чудовище – оборотень».

Потом его величество получил письмо с голубиной почтой от Адриенны. И с теми же подозрениями.

Да и сам кардинал...

Можно к Анджело Санторо относиться как угодно. Сволочь он последняя? Так он на звание ангела и не претендовал никогда. Пост у него не тот, чтобы ангельского чина удостоили. Но зато умен. Умен, расчетлив, холоден, властолюбив... для своей должности – идеален. И нюх у него есть.

Не в том смысле, что в родне водились оборотни.

А вот если та тварь и правда... это ж столько выгоды можно поиметь! То ты... нет, вот ты-то как раз финансирования и не получаешь. Волк там какой-то, людоед... при чем тут церковь? Заупокойную отслужить, разве что? А так – охотники за ним гоняются, их и финансируют.

А вот если оно оборотень и темная тварь... о, это совсем другой расклад! Тогда охота становится уже делом богоугодным (то есть церкви дают денег, а та распределяет их, как угодно Богу), да и финансирование тут уже совсем другое, другой порядок сумм. И известность, опять же...

Надо брать!

Пока дают оборотня – надо брать.

Кардинал пролистал докладную записку падре Ваккаро, хмыкнул и отправился в библиотеку.

Там он мило побеседовал со специалистами, попросил их составить докладную уже для его величества – и явился на прием к королю.

Ждать не пришлось.

Последнее время его величество очень благосклонно относился к кардиналу Санторо. И не последнюю роль в его отношении играла Алессандра Карелла.

Уж очень вовремя она его высочеству подвернулась! То он в свою Ческу был влюблен, сидел как пришитый у ее юбки! А теперь... гляди-

ка! Его на двоих хватает! И ни одна не обижена... Молодость! Ах, были мы когда-то рысакими... кем стали, его величество предпочел не уточнять. Это уже не важно...

– Что у тебя? – Его величество не церемонился.

Дан Анджеоло по всей форме подал докладную записку. Его величество прочитал и призадумался. Кардинал молчал, понимая, что его голос тут лишний...

– Значит, оборотень?

– Вполне возможно, государь.

– И ничего ты с ним не сделаешь...

– Почему же? Методика борьбы изложена в докладе, государь.

– Тогда... я выделю средства из казны. Организуй все это. Чем скорее эту тварь прикончат, тем лучше.

– Слушаюсь, ваше величество.

Выходя из королевского кабинета, кардинал не сдержал довольной улыбки. Разве плохо? Известность и внимание, и все за счет казны. Надо только правильно разослать весточки по монастырям. Пусть помогут охотникам... тут и денег больших не понадобится. А молитва... молитва у нас бесплатная. И благодать тоже.

* * *

Когда Мия пришла через пять дней к падре Ваккаро, тот встретил ее ласково.

– Дана Феретти, я рад вас видеть!

– Падре?

– Да, я в тот же день подал докладную записку кардиналу Санторо! И что вы думаете?

– Он ответил?

– Он показал ее королю, и его величество лично приказал уничтожить демонову тварь!

– И как они планируют это сделать? – не преисполнилась радости и оптимизма Мия. – Если до сих пор нет результата?

Судя по растерянным глазам падре... он-то информацию донес. А вот его потом – обнесли.

– Полагаю, соберут отряд охотников?

– Там уже один по округе бегают, пользы от него меньше, чем от банки с вареньем.

Падре понял, что немножечко виноват. С ним-то Мия поделилась, а вот он ей рассказать ничего не может. И вообще... замечательно звучит! Ты, деточка, свое дело сделала, а теперь пусть взрослые дяди поработают!

Он бы обиделся.

– Простите, дана. Я действительно не сообразил... если вы еще раз зайдете в гости, я найду для вас все сведения о том, как надо бороться с оборотнями.

Мия посмотрела на падре и решила сменить гнев на милость.

Ладно уж! Не подумал, бывает, зато одобрение от кардинала получил. Тоже неплохо...

– Будете должны, падре.

Сказано было вроде бы и шутливо, но увесисто.

– Обещаю, дана Феретти, – серьезно ответил падре Ваккаро.

* * *

Увы, еще через пять дней ничего нового Мия не получила.

Комплект примерно тот же.

Тис, осина, серебро, молитва, топор, костер. Причем, в какой последовательности это все применять и какими словами уговаривать оборотня, – не сказано. Он, собака страшная, бегают, а ты как хочешь, так и крутись.

Не нравится? Тогда расслабься и получай удовольствие, пока зверушка обедает. Садисты-мазохисты есть? Вот, вдруг кому-то понравится, когда его едят? Разные же извращения встречаются?

Увы, Мию это не утешило. Ей надо было писать Адриенне, а что тут напишешь? Так и так? Что есть, то и есть?

Пришлось примерно это и написать.

Через несколько недель Мия получила письмо от Адриенны.

Подруга очень благодарила, писала, что она и этого узнать не могла – неоткуда. Но теперь хотя бы вооружит своих людей посеребрёнными кинжалами. Серебра там надо немного, а все ж лучше, чем вовсе без защиты. Нет ли каких новостей о Лоренцо?

Мия ответила, что нет...

Адриенна написала, что, судя по ее ощущениям... Лоренцо сейчас не то чтобы идеально хорошо. Но смертельной опасности он больше ни разу не подвергался.

Мию и это порадовало.

Она подумала, и написала Адриенне о последних столичных новостях...

Время шло... неторопливо и вальяжно, словно пушистая кошка по каминной полке, но что полетит вниз из-под пушистых лапок? Этого пока не знал никто...

Глава 6

Адриенна

М-да.

Звери неграмотные, даже если они оборотни. И умных книжек не читают и не знают, что должны сдохнуть, приблизившись к храму.

Оборотень продолжал бесчинствовать, и плевать он хотел на христианские праздники.

Гуляешь на Рождество?

Н-на тебе пряничков... хотя кто тут еще пряничком будет!

Шляешься на Крещение?

Получи!

Чертова зверюга убивала примерно раз в два дня. Кому-то удавалось уйти, кому-то не удавалось... число жертв росло.

Наглость негодной зверюги возросла до того, что оборотень напал на падре Санто! Лично!

Вот уж где кошмар из кошмаров! Падре честь по чести ехал отслужить в одной из церквей, кучер лошадок погонял, снежок поскрипывал...

А потом – рык. И на дороге оказывается ОНО!

Громадное, черное... и весьма нехристиански настроенное. Падре ни на минуту не поверил, что зверь к нему рвется получить отпущение грехов.

Более того! Даже прилетевший зверюге в голову молитвенник его не остановил! Точно – нечистая сила! Хотя... может, падре просто промазал?

А вот лошади...

Может, накинься волк сбоку, или догоняй он сзади... там бы шансы у него были больше. И в сани запрыгнуть, и порвать одну из двух лошадок...

Но когда волк возникает у тебя прямо перед носом?!

Лошадей стоило простить. Они взбесились и взвились на дыбы, но выглядело это очень убедительно. Когда милая лошадка бьет в воздухе копытами... тут хоть ты трижды оборотень, но получишь таким по черепу – и серебра не потребуется.

Кучер понял, что это его единственный шанс, – и пошел на прорыв. Взвыл над ухом у коней, как его научили когда-то...

Что оставалось коням?

Впереди волк, позади волк... БЕЖАТЬ!!!

Они и понесли. Прямо по дороге, на волка... тот, не будь дурак, прыгнул в сторону, а потом и догонять уже смысла не имело. Неслись кони так, что за ними бы и ветер не угнался.

Падре Санто, правда, на прощание еще и распятием в волка кинул, и был уверен, что именно поэтому животное не погналось за ними...

Что думал волк – никто не спрашивал. Но боялись все.

Охотники прочесывали поля и леса, угробили уже около пятисот волков... но – не тех! Данный конкретный зверь был неуловим, словно струйка дыма.

Адриенна бесилась, но сидела в замке.

Почему, вот почему она так мало знает? Может, есть средство, благодаря которому волк и выманится, и сдохнет? Если она наследница Сибеллинов... не бывает однобокого дара! Если кто-то может лечить, он может и убивать. Может обогащать? Так может и разорить!

А она... она ничего не может, потому как дура безграмотная! Адриенна даже записи старой ведьмы проглядела потихоньку. Да толку-то с того?

Ни-че-го!

Вот просто – ничего! Оборотни явно не входили в сферу ее интересов...

Время шло...

Миновала зима, наступала весна, проклятый оборотень был неуловим. Он убивал – и успешно уходил от погони! Да что там!

Собаки отказывались брать след! И матерые охотники с ужасом рассказывали по тавернам, как псы, которых только что не носом тыкали, поджимали хвосты, скулили, отворачивались, а то и вовсе начинали гадить под себя...

Точно – нечисть! Обычно собаки так себя не ведут...

А клятый волк был неуловим!

Следы? Просто пройти по следам?

Но и тут он как-то умудрялся путать их, обводить охотников вокруг пальца. Хотя, казалось бы, зима, снежок, ходи да читай следы,

как книгу.

И все равно! Ничего и ни у кого не получалось!

Чертов волк!

Охотники бесились, время шло, количество жертв росло... и ничего хорошего в этом не было.

Мия

– Дана Феретти, смотрите, что у меня для вас есть?

Куда может пойти порядочная девушка после того, как ей не помогли ни бандиты, ни церковь? Ладно, от бандитов пользы еще и всяко больше получилось!

А вот туда!

В книжный магазин! Магазины...

Ясно же – если чего-то не знаешь, ты это можешь узнать! Ищи и обрящешь! Читай и узнаешь!

Понятно, девяносто процентов прочитанного будет откровенным шлаком, но ведь есть и оставшиеся десять! Ради которых стоит искать!

Мия сжимала в руках старый свиток. Да, действительно старый, за это время она уже наловчилась отличать старье от подделки. По оттенку чернил, по использованной бумаге, по соответствию букв той ли иной эпохе, даже по запаху...

Чем моложе пергамент, тем резче его запах. И Мие легко было уловить тончайшие его оттенки...

Листочку перед ней было не меньше ста лет, это Мия точно видела. Ощущала.

И заплатила за него кругленькую сумму. Сначала чтобы почитать, благо деньги были. А потом и выкупила. Сам лист она Адриенне не пошлет, только список с него.

Но почему-то Мие казалось, что подруге это пригодится.

Лоренцо

– Мазила!

– Хромой осел!!!

– Петух недочесанный!

– Слепой крот!

Трибуны ревели и неистовствовали. И было отчего!

Для разогрева на арену выпустили быка. Гладиатор по кличке Конь должен был для разогрева заколоть животное во славу богов.

Делается это без особых трудностей, потом в одной прекрасной стране это разовьют до искусства корриды.

Собственно, на арене стоит сам гладиатор, его бестиарий – и животное.

Гладиатор сражается, бестиарий помогает... и сейчас помогал. Только вот...

Выманили быка на гладиатора, размахнулся он пикой – негодный бык сворачивает в самый последний момент, и пика... пролетает мимо!

И вторая!

Третья, правда, в быка попала, но не в бок, а в зад. После чего животное уже всерьез обиделось, и теперь шансов врагам не давало. А то еще куда попадут... паразиты!

Надо сказать, «разогрев» удался. Трибуны ревели и неистовствовали. Но поддерживали, кажется, больше быка, чем его противников. А может, и их...

Поди разбери, в кого там летит гнилая слива, если вы очень шустро передвигаетесь по арене. То к быку, то от быка...

Энцо смеялся до слез.

– Это не специально так задумано? – уточнил он, вытирая с глаз слезы.

– Ходят слухи, что Конь плохой травкой увлекается, – поведал слуга.

Большого Энцо и не надо было. Опиум, гашиш... это в Эрвiline подобным особо не увлекались, разве что как обезболивающее. В Арайе давно знали и об остальном.

И о том, как они на краткое время могут увеличить силу и скорость, и о том, чем придется за это платить...

Чем-чем...

Вот тем! Помрешь в мучениях, да и все тут! Но дураки всегда находятся.

А вдруг пронесет, а может, повезет, а вот я знаю человека, который смог бросить... и я смогу, как только захочу...

Оправдания идиотов не меняются от века к веку.

Вот и Конь тоже... идиот! Конечно, перед боем ланиста проверяет гладиаторов, но сложно ли закинуть в рот крохотный шарик? Уже после проверки?

Ерунда!

А вот потом...

Неудивительно что гладиатор постоянно промахивается. Как его еще тот бык не затоптал? А ведь может... Или под действием наркотика этот придурок может принять быка за хомячка и полезть к нему с объятиями. Так, к примеру...

– Остановить бой!

Ужасно это не ко времени! Еще и Барух-бей сегодня пожаловать изволил... по местным меркам – важная персона. Градоправитель всея Ваффы.

Зеки-фрай теперь будет лютовать и зверствовать... и кто бы на его месте не сорвался? После таких выходов?

Энцо прислушался...

Кажется, быка то ли отогнали, то ли по-простому открыли ворота, и он победителем ушел с арены.

Теперь что-то говорят.

Отсюда, из комнаты, было далеко не все видно и слышно. Да и Энцо тут был не один. Интересно было всем, а расталкивать гладиаторов, даже если ты один из них, – чревато.

К тому же Энцо пока еще не вытянулся до конца. Что там – четырнадцать лет? Уже не щенок, но пока еще не взрослый пес. Недопесок.

Слишком длинные руки и ноги, слишком тощее тело, мышцы хоть и намечаются, но до настоящего ему еще расти и расти. Даже лицо не слишком радовало. Чистое, гладкое, без бороды и усов, то есть их даже и рядом пока нет, кожа как у девушки. Бема-фрайя обожала его целовать, но самому-то Энцо хотелось...

Бороду?

Ну... усы – уж точно!

В чем-то это играло ему на руку, никто не принимал мальчишку всерьез, пока не получал от него трепку. К тому же Энцо пока еще рос и развивался, и Зеки-фрай следил за ним, как за младенцем в колыбельке. Да что там те младенцы?!

Тьфу! Из них еще что и когда вырастет...

А тут все ясно, тут потенциал громадный, надо только его правильно развить. Так что следим, бдим и дрессируем!

– ...награду...

Гладиаторы отхлынули от дверей комнат, словно их веником смахнуло. И Конь прошел по коридору, увенчанный миртовым венком [13]. Злой, словно он не Конь, а вовсе даже Крокодил.

За ним полетел шепоток, потом смущенное хрюканье...

Ржать в голос, тем более над своим же коллегой-гладиатором... да любись оно все конем... кхм...

Второй венок вручили быку. А этот – гладиатору. За то, что он совершил невозможное – столько раз промазывал по такой мишени!

Быка же Барух-бей повелел освободить и отправить в стадо. Заслужил, рогатый!

* * *

– На арену!

Энцо подхватил меч – и шагнул вперед.

Сегодня его противник будет вооружен трезубцем и сетью. И это будет тяжелый бой.

Сеть...

Впрочем, началось с удара трезубцем. Энцо едва успел уйти, парировал, сталь звякнула о зубья, противник тут же повернул их так, что меч едва не вылетел из руки Лоренцо.

И тут же попробовал набросить сеть!

Естественно, парировать ее щитом или мечом Энцо не стал. Увернулся так, что сеть едва скользнула по бедру...

И снова удар трезубцем, чтобы отвлечь, – и снова сеть расправляется в воздухе...

Противник пытался набросить ее на Энцо, ну или хотя бы зацепить его оружие, выбить...

Лоренцо успешно уворачивался. А потом перешел в наступление.

Если сеть опутает тебя – считай, бой окончен. И нет, не получится ее вырвать, это не так-то просто. И перерубить в полете – вы что?! Да таких клинков единицы, и чтобы он на арене очутился?

Не смешно! Он стоит как три гладиатора!

И наступать ногой на сеть тоже не выход, ее просто рванут, и ты потеряешь равновесие. Еще в ней же и запутаешься.

Тут единственный способ – достать противника мечом. Но это не так легко и быстро. И Лоренцо вел бой, не обращая внимания на зрителей.

Уход, еще уход, и вокруг противника, закружить его, завертеть, чтобы он потерял ориентацию, чтобы сам запутался... Энцо подловил тот момент, когда движения ретиария стали чуточку более неуверенными (против солнца даже в шлеме сражаться трудно) – и упал на колени, почти проехался по песку, благо колени защищали поножи, не то до мяса распахал бы...

Удара не было.

Но кончик меча Энцо упирался под кожаную юбку противника. Всем было ясно – одно движение, и в школе евнухов новый кандидат. Если от кровопотери не помрет.

Трибуны неистовствовали и орали.

Энцо поклонился и ушел с арены.

Сегодня он победил. И в следующем бою тоже...

И, честно говоря, ему это нравилось. Где-то в глубине души...

Ему нравилось сражаться, нравилось побеждать, нравилось быть лучшим, нравилось восхищение толпы... если бы он не был рабом!

Если бы рядом были родные и близкие!

Если бы Адриенна...

Сражаться Энцо нравилось. Рабство – нет. Но может, как-то это можно скомпенсировать?

Энцо усердно читал свод законов, но пока его ничего не радовало.

Даже если он сменит веру, его никто не освободит. Ему просто по закону обязаны предоставить право выкупиться из рабства. Причем цену-то назначает хозяин.

Справедливую, потому что дело происходит в храме... ну, в местном храме. Но Энцо-то гладиатор. Успешный, побеждающий...

Кто-то сомневается, что за него заломят втридорога?

А как заработать еще деньги?

Впрочем, как племянник купца, Энцо решил использовать все возможности. Вот все, которые подворачиваются. И для начала...

– Зеки-фрай, этот браслет дорого стоит.

– Да.

Браслет, подаренный любовницей, действительно был хорош. Тяжелый, литой, из золота, с причудливой чеканкой...

– Возможно ли его заложить?

– Заложить?

– Да. Продавать я его не хочу, грех оскорблять женщину.

Зеки-фрай хохотнул.

Грех, ага... А еще и опасно. Если такая, как Бема-фрайя, обидится, она все разнесет, вдребезги и пополам!

– Заложить?

– Да. И если получится поставить часть денег на боях – выкупить браслет.

Зеки-фрай оценил предложение.

– Если ты мне доверишь...

– Если бы не доверял, Зеки-фрай, этот разговор вообще бы не состоялся.

– Тогда я заложу его для тебя. И поставлю деньги на тот бой, который ты укажешь.

– На меня, – пожал плечами Энцо. – В себе я уверен, а вот в других...

– Выигрыш будет небольшой. Ты сейчас популярен.

– Я потерплю, Зеки-фрай. И... сколько?

Ланиста не стал делать вид, что не понял вопроса.

– Четверть.

– Если не поторгуюсь, уважать себя не буду, – нахмурился Энцо. – Справедливо, но все равно... Пятая часть?

Зеки-фрай хмыкнул.

– Нет уж. Можешь не торговаться, меньше чем на четверть я не соглашусь, и только из моего хорошего отношения к тебе.

Мужчины переглянулись, фыркнули и ударили по рукам.

Энцо сделал свой первый шаг к свободе.

Адриенна

– Что вы говорите, дан Энрико? Просто невероятно!

– Дана Адриенна, из столицы прибыли монахи из ордена святого Доминика. Говорят, они преуспели в охоте на нечисть...

Адриенна пожалала плечами. Но это так, про себя. А внешне она сделала большие глаза, ахнула, принялась расспрашивать...

Как говорится, где столица, а где та провинция. Вот если б волк бегал по улицам Эвроны, его величество бы не одобрил. А в провинции...

Конечно, это плохо. И убить его надо. И как можно скорее... разберитесь, кардинал.

А тот, в свою очередь, дал указание – и забыл. И пошли согласования, то одного, то другого... Финансы, команда, кто и когда...

Это же не так просто – сказать «Поезжайте и Бог с вами!». Это как минимум оружие, а оно тоже не простое, из серебра, это снаряжение, подъемные, командировочные, проездные...

Монахи?

И что? Кто-то считает, что они пешочком должны топтать до места назначения? Они, конечно, смирятся и пойдут... только вот придут года через два. Это же не такой быстрый процесс, как путешествие в почтовой карете? Или вообще верхом?

В итоге все согласовали, и команда из шести монахов прибыла в Леверран, в Альмонте. И вроде как уже собрались на охоту... Нет-нет, дан Энрико предложил свою помощь, но его вежливо... отвергли. И дан решил пока наведаться в СибЛевран.

А что?

Все логично, если монахи сейчас отправятся в лес, нарвутся и потеряют кого-то из своих... это – их дело. Они сами так решили, причем в присутствии всей городской верхушки Альмонте.

Если в это время дан Энрико будет где-то рядом, то из него легко и непринужденно слепят виноватого. А что?

Должен был помочь!

Не помог? Виноват!

А что его помощь вроде как и не требовалась, что его вежливо послали... волку на хвост... Так кого это интересовать будет? Кардинала Санторо? Ага-ага, два раза.

Так что мудрый дан Энрико предусмотрительно самоустранился. А заодно...

– Дана Адриенна, это вам!

Адриенна тут же узнала печать на конверте.

Как женщина из рода Феретти, Мия имела право пользоваться усеченной частью герба. А именно – буква «Ф», щит и лавровая ветка. Понятно, корона, нашлемник...

Полный герб включал в себя щит, разделенный на две части, в одной части лавровая ветвь, в другой – свернувшаяся змея. Герб держат два крылатых черных же волка. Герб увенчан дворянской короной. Намет – зеленый и черный. В нашьлемнике три серебряных пера, предположительно вороньи, но кто их знает?

Волки и змеи девушкам не полагались. Может, оно и правильно, нечего в женщинах зверство воспитывать. С этим и мужчины отлично справятся, куда там гербам!

– Дан Энрико! СПАСИБО!!!

Адриенна едва удержалась, чтобы не удрать тут же читать письмо. Но невежливо...

Выручил отец.

Дан Марк встал из-за стола, объявил очередной тост, Адриенна тут же подхватила, мол, пора подавать и горячее – к тосту, – и удрала на кухню. А что?

Эданна Сусанна за слугами присматривать не любила, ей приятнее было посидеть за столом, выпить, закусить. А Адриенна, напротив, не любила пьяных застолий. И с радостью пользовалась предоставленной возможностью.

Вот в этом женщины друг друга отлично поняли.

Там ее Марко и нашел.

Адриенна уселась на подоконник и читала письмо подруги.

Мия писала вдохновенно.

Письмо одно, так что надо в него втиснуть все. И столичные сплетни («Ты слышала про его высочество и дану Карелла?»), и рассказы про Лаццо («Паскуале собирается на Девальс, я попросила его закупить там молочный жемчуг, тебе пойдет»), и о самой Мие...

Вот тут она особой правды не писала. Так, сообщила, что решила две несложные задачи... Адриенна все равно поняла.

Что ж.

Ее подруга убивает людей. За деньги.

У каждого свои недостатки, но осудить Мию Адриенна не могла. Вот хоть вы ее самую убивайте! Она знала о ситуации в семье подруги, и если кого и осуждала, так это дана Джакомо. И то...

Может быть, он и не прав. Надо было по-простому, как порядочные люди-то поступают! Мальчишку удавить по-тихому, во время эпидемии его смерть так и так на оспу списали бы! Девчонок –

замуж за тех, кто первый предложит, без приданого. А что они долго не проживут... И что?

И загрести себе Феретти!

Вот это приличные люди бы поняли, правда? Это нормально и хорошо, порядочно и красиво. А вот учить девушку убивать людей – ай-яй-яй...

Хотя так и так те люди заслужили еще и что похлеще. Про Джордани Адриенна знала. И нет, ее это не корбило. То есть шантажировать, жениться на малышке, избивать ее, ломать – это нормально! А убить мерзавца за это нельзя?

Нет уж! Бог судит справедливо? Отлично, Мия просто позаботилась устроить суд чуточку пораньше.

А вот о Лоренцо...

Тишина и пустота.

Тут уже Адриенна успокаивала Мию. И честно писала, что Энцо ей снился пару раз.

Почему-то в доспехах, повзрослевший, серьезный... но не голодный, не истощенный, не избитый... может быть, он где-то воюет, может, письмо не дошло. Но Адриенна свято была уверена, что он жив.

Писала она и про оборотня, и умоляла Мию пока не приезжать. Мало ли? Опасно...

Мия искренне считала, что оборотень... это не ее проблема. Это проблема именно что оборотня. Если он не спрячется к ее приезду, то сам и виноват будет.

Но Адриенне этого не писала, чтобы не расстраивать.

А еще...

Не так давно Мия нашла интересный ритуал, который позволяет приманить оборотня. Правда, не факт, что это сработает... но, возможно, охотникам будет интересно попробовать?

Адриенна задумалась.

В принципе, все исходники у нее есть.

Конская кровь – она может сцедить немного у любого животного из табуна.

Кусок волчьей шкуры. Тоже не редкость... тот же дан Энрико привез восемь штук. Свежих, еще пахнущих волком и кровью.

Огонь, бузина и волчья ягода... тоже набрать можно.

И самое главное. Мия упоминала, что этот ритуал восходит ко временам Сибеллинов. То есть в ее руках он может сработать.

Адриенна просила ее узнать что можно про Сибеллинов и оборотней – Мия прислала, что нашла. А вот сработает это или нет – можно проверить только одним способом. Но...

Под носом у монахов?

Нет, спасибо, ее на костер не тянет. А еще это очень серьезный повод для шантажа. Если кто-то узнает... да что там! Деревенские бабки – и те страдают! Ее, если что, король в обиду не даст, но вот что он за это запросит?

Рисковать Адриенне не хотелось.

Она еще раз пробежала глазами написанные на бумаге строчки, сложила письмо и сунула в карман.

Потом еще перечитает. И еще раз...

Как хорошо, когда у тебя есть настоящая подруга!

* * *

– Отец Пио, мы точно идем в нужном направлении?

Шестеро монахов медленно шли по лесу.

Не просто шестеро мужчин, качественно вооруженных арбалетами с посеребренными болтами, посеребренными же клинками, святой водой, облатками и прочим, столь же полезным снаряжением.

Команда.

Серьезная, сработанная...

Правда, оборотни им попадались не часто. Но двое были на их счету. Один – шесть лет назад, второй – всего два года.

Монахи отлично справились.

Нечисть и нелюдь вообще были их специализацией. Они приходили – и убивали. Безжалостно вырезали всех, кто не выносил серебра или святой воды, каленым железом выжигали скверну.

Если бы не они, мир давно бы поддался темным силам. И Дьявол бы взял вверх...

– Последний раз его видели именно здесь.

Отец Пио был спокоен. Да, по лесу они путешествовали уже второй день. Приехали на место, где последний раз видели тварь, оставили коней в деревне – и ножками, ножками по следам нечистого создания. В лесу лошадь не подмога, а помеха. Да и при охоте на оборотня – тоже.

Не переносят благородные животные ни волков, ни нечисти... что ж теперь – разрываться надвое? То ли коня успокаивать, то ли зверя убивать?

Да, они устали, были нещадно покусаны комарами (чертово племя, не иначе), они промокли в ручье, они были грязными, словно чушки... но продолжали идти по следу.

Они должны найти и уничтожить оборотня. И если крестьяне сказали, что его видели возле этой деревни... значит, его надо искать.

Чего не учли монахи – того, что оборотень найдет их первым.

То ли проклятая тварь следила за ними, то ли ей повезло... атаковал он как раз, когда монахи переходили через небольшую балку, справедливо решив, что обходить ее намного дольше и дальше.

Оборотень вырос наверху, и, в лучших традициях жутких историй, лязгнули зубы.

Отец Пио поскользнулся и покатился вниз. А вот отец Марко, который шел следом за ним, замешкался. И – только челюсти щелкнули.

Увы, не вхолостую.

Идущих следом обдало фонтаном темной крови... в сумерках она почему-то почти черная...

Это монахам балка была широка. А вот оборотень перелетел ее одним прыжком. Оказался на другой стороне – и тут же атаковал отца Мартино. Тот еще успел махнуть посеребренным клинком, но – то ли не попал по оборотню, то ли попал неудачно – его смел удар мощной лапы с когтями. Отец Мартино слетел на дно балки и остался там неподвижным трупом.

Отец Пио судорожным движением взвел арбалет, но куда там!

Оборотень презрительно дернул мордой – и растворился в сумерках, не принимая боя.

Пять секунд – и двое монахов, третья часть отряда, уничтожены с той же легкостью, с какой человек вскрывает устрицу.

Четверо оставшихся оглядывались по сторонам, пока отец Пио не взял все в свои руки.

Но помочь братьям было уже нельзя. Отец Марко лежал ничком, и головы у него практически не было, чудовище раздавило ее, словно гнилой орех...

Отец Мартино лежал неподвижно. Он еще дышал, но кишки, которые вываливались из чудовищной раны, надежд не оставляли.

Монахи переглянулись.

Отец Пио повернул голову несчастного набок и достал мизерикорд.

Один удар – и острое тонкое лезвие, проникнув глубоко в ухо, обрывает мучения несчастного.

– Нам придется оставить их здесь, – озвучил неприятную правду отец Пио. – Мы сможем поднять их, но долго нести – вряд ли. И станем легкой добычей для зверя.

– Если мы оставим их здесь, он вернется.

Отец Томмазо озвучил то, о чем думали все монахи. Неприятную правду, увы...

Очень неприятную.

Оборотень вернется, и тела монахов станут его добычей. Но это даст шанс остальным... он может за ними и не погнаться.

Чудовищно?

Жизнь. Всего лишь жизнь...

* * *

Оборотень о таких планах на свой счет не знал. Равно как и о том, что монахи собирались выбраться из леса и уже не быть столь самонадеянными. Теперь они устроят загонную охоту по всем правилам.

Хотя с ним бы это и не прошло.

Это обычный волк будет бояться и бежать. Оборотень не дернется, даже если на него сапогом наступят. Хотя... может и не устоять, вцепиться...

Он ждал и наблюдал.

Монахи шли теперь классической «коробочкой». Один впереди, один сзади, двое по бокам, все настороже, все с заряженными арбалетами, все...

Оборотень ждал своей минуты. И долго ему ожидать не пришлось, это – лес. Это не мостовая где-нибудь в столице, в лесу прекрасно попадаются и корни, и камни, и ветки, и упавшие деревья...

Если вглядываться в ночную темноту, ожидая, когда на тебя выпрыгнет оборотень, то споткнуться весьма и весьма несложно. И упасть тоже.

И...

Оборотень терпеливо дожидался нужного момента. И – удача!

Отец Пио, идущий впереди, казалось бы, на ровном месте, вскрикнул, начал заваливаться набок... такое бывает.

Дерево упало, осталась яма, которую засыпало хвоей и листвой, но плотной она кажется только сверху, а наступи – и провалишься.

Днем яма заметна, но ночью...

Один шаг – и отец Пио провалился почти по колено.

Нет, змеи там не сидели, и никто его не цапнул, и ничего он не сломал, но... что сделает любой нормальный человек в такой ситуации? Бросится помогать.

Монахи были нормальными людьми, командой, которая работала вместе не один год, выручать товарища для них естественно...

А оборотню хватило одного прыжка.

Отец Пьетро ахнул – и разрядил арбалет в темные небеса. Оборотень напал сзади, повис на плечах всей тяжестью, рванул за шею, в области затылка... такого открытого, такого уязвимого – это не о кольчуги клыки ломать. И тут же удрал обратно в темноту...

Отцу Марко помочь было уже нельзя. Шея не то что перегрызена – перекушена одним движением челюстей...

Дальше монахи шли уже втроем. Оглядываясь на каждом шагу, перестраховываясь...

– А-У-У-У-У-У-У-У-У-У!!! – взвыло сбоку.

Монахи развернулись, направляя в ту сторону арбалеты.

Как же!

В следующую минуту вой раздался уже с другой стороны. И со спины. И опять – слева...

– Тварь такая, – прошипел изрядно прихрамывающий отец Пио. Он прекрасно понимал, что происходит. Оборотень действовал им на нервы, изматывал, изнурял, заставлял пребывать в постоянном напряжении...

И ведь отлично работало!

– Может, остановимся на ночлег? Разведем костер?

Отец Анжело предлагал неуверенно, и сам понимал, что это глупо. До утра они не продержатся. А костер... это так легко и просто? В ночном лесу?

Для костра нужен сушняк. Его надо собрать... сейчас собирать прикажете и при появлении оборотня хворостом в него кидаться? Как бы нечисть со смеху не сдохла...

Костер надо развести, надо поддерживать... а чем?

Может, им повезет и по дороге попадетя поленица дров? Нет?

Вот и отец Пио в такое не верил. Разве что хижина какая... лесорубов или охотников, в этих местах так поступали. Ставили небольшие домики, почти землянки, чтобы можно было в них переночевать, если ночь застигла в лесу... Опять же! Знать надо, где они расположены!

Сейчас можно в трех метрах от нее пройти, и не увидеть, не заметить...

– А-А-А-А-А-А!

Вот теперь кричал отец Томмазо.

Он шел замыкающим... и какое коварство. Измотав их своим воем, оборотень залег практически у них на пути. И лежал, не открывая глаз, не шевелясь, пока монахи шли мимо. Рванул последнего за что пришлось – и удрал в темноту.

Монахи бросились к другу, но...

Зубы оборотня сработали не хуже клинка. Чудовищная рана кровоточила так, что крик практически мгновенно прервался – оборотень выхватил у несчастного кусок из бедра, и фактически, кастрировал. После такого не выживают.

Болевой шок, кровопотеря...

Даже если сейчас можно было бы прижечь рану... минута – или две. Не больше... Пара вздохов – и несчастная душа отлетела к Создателю.

– Придется лезть на дерево, – подвел итог отец Пио. – Иначе эта тварь передавит нас, как цыплят...

Отец Анжело судорожно кивнул.

– Да, брат мой...

– Лезь сначала ты, – спокойно приказал отец Пио, подыскав взглядом подходящий дуб. Благо лес был смешанным, а дуб – широким и разлапистым... – Я прикрою. Потом ты будешь меня прикрывать с дерева.

– Да, брат...

Отец Анжело был самым молодым в команде. По сути – новичком, всего три года, остальные-то работали друг с другом уже около десяти лет... серьезная разница.

Отец Пио встал спиной к дубу, принялся оглядываться по сторонам, держа арбалет настороже...

Отец Анжело молча полез на дуб.

Ряса?

Да кой дурак по лесу в рясе ходит? Все монахи были одеты одинаково: штаны, куртки, удобные сапоги... об их сане говорили только кресты и тонзуры.

Оборотень не стал ничего оставлять на волю судьбы. Он попросту налетел на дуб с другой стороны, ударил лапами с такой силой, что отец Анжело чудом не упал, повис на руках, заорал...

Ровно на секунду отец Пио кинул на него взгляд – удержится или упадет? Этой секунды хватило и оборотню. С избытком, с лихвой...

Всего один прыжок – и отец Пио лежит на земле, а из огрызка руки хлещет кровь.

Оборотень медленно наклоняется к несчастному, глядя прямо в глаза своими зелеными лупешками, – и впивается ему в горло. Так медленно, словно желает помучить...

Хотя бы напоследок.

– НЕ-Е-Е-Е-Е-ЕТ!!!

Но спрыгивать с дерева отец Анжело не стал. Не смог.

Наоборот – прижался к дубовому стволу, привязался к нему...

Оборотень поднял морду вверх и издевательски взвыл.

– Господи... *crux sancta sit mihi lux...* ^[14] Ага, если бы это еще подействовало на оборотня...

Гнусное чудовище опустило морду – и на глазах у несчастного отца Анжело разорвало живот несчастному отцу Пио.

И медленно, не спеша, поглядывая вверх, принялось жрать свежие, еще теплые внутренности...

Отец Анжело молил о полной черноте, но... лесная ночь – это другое. Это и луна, и звезды, и глаза, привыкшие к темноте...

Утром он кое-как слез с дерева.

А уж каким чудом он добрался до деревни? Господь помог, мимо шли лесорубы, они и нашли несчастного, бредущего невесть куда по лесу...

Седого.

Полубезумного.

Бормочущего какую-то непонятную латынь...

Мужчины оказались добрыми христианами. Они не ограбили несчастного, не бросили в лесу, не убили и не закопали. Они честь по чести дотащили его до ближайшей деревни и сдали с рук на руки старосте. А тот уж послал за падре Санто.

Увы, к приезду доброго падре несчастный отец Анжело свалился в горячке. И поскольку СибЛевран был ближе, чем Альмонте, падре ничего лучше не придумал, как доставить несчастного именно в СибЛевран.

В деревне он точно погибнет... кто там за ним смотреть будет? Если и скажут, так все одно ничего не сделают.

А до СибЛеврана каких-то восемь часов пути, если с хорошими конями, ну и с охраной, конечно. Опять же, монахи эти не просто так, они из ордена святого Доминика... а тот известен своей борьбой с нечистой силой^[15]. А еще... еще этот орден под покровительством кардинала Санторо, а с ним связываться ни один дурак не рискнет... лучше уж доставить несчастного в СибЛевран и потом честно говорить, что ему оказали всю возможную помощь.

* * *

Адриенна воззрилась на падре Санто с искренним удивлением.

– Падре, вы что?

– Дана Адриенна... а куда его еще можно привезти?

«Не ко мне», – было крупными буквами написано на лице девушки. Но вслух она этого сказать не могла. И просто поджала губы.

– Хорошо, я прикажу приготовить комнату. Заносите его пока в зал...

– Что это? – Эданна Сусанна стояла в дверях и расширенными глазами смотрела на мечущегося в горячке безумца.

– Это, я так понимаю, последний из монахов, которых отправили сражаться с оборотнем, – вздохнула Адриенна.

– Он... что?

– Оборотень победил, – не стала скрывать девушка.

– Их было шестеро, – кивнул падре Санто, который был более-менее в курсе событий. – Остался один, остальных... даже костей не нашли. Лесорубы не искали, откуда он пришел, они хоть мужики и крепкие, но сейчас в лесу опасно.

Адриенна кивнула.

На территории СибЛеврана было безопасно. Но как это мог узнать оборотень?

То есть... как он мог узнать, где именно ЕЕ территория? И где не стоит появляться? Магия какая-то... брр, только не ляпнуть такое вслух, да еще при эданне Сусанне!

Но той было не до размышлений падчерицы.

– Вы что?! А если оборотень придет за ним?!

Адриенна только что глаза не закатила.

– В СибЛевран? Пусть приходит...

– Ты с ума сошла?! – взвизгнула эданна. – Хочешь, чтобы нас всех тут сожрали?!

– Вас оборотень уже жрать не стал, авось и второй раз побрезгует! – рявкнула окончательно выведенная из себя девушка. – Роза! Пошли служанок подготовить гостевые покои! ЖИВО!!!

Рявк вышел вполне себе командирским.

Дан Рокко, который успел спуститься вниз, подхватил эданну Сусанну под локоток.

– Не переживайте так, эданна, все будет хорошо...

– Да вы... да вы слышали, что эта мерзавка...

– Конечно, – согласился дан Рокко. – Она гадость сказала, она потом извинится... Эданна Сусанна, мы не можем отказать несчастному в приюте. Кардинал Санторо будет весьма недоволен...

Аргумент оказался убийственным. Эданна Сусанна поджала губы, но спорить не стала и прошествовала в дом, гневно фыркнув на Адриенну.

Девушка даже не сомневалась: мачеха сегодня же нажалуется отцу, и дан Марк опять будет вздыхать, качать головой и отчитывать дочь. Вот заняться ему больше нечем!

Рози уже суетилась, покрикивала на служанок...

Не прошло и часа, как отец Анжело был уложен на кровать в гостевых покоях, которые ранее занимали Джачинта с сыном, к нему приставили служанку, которой вменили в обязанность следить за больным, поить его разведенным вином с медом и, если что, – тут же звать кого поумнее.

Адриенна подумала и послала за лекарем.

Даже если этот несчастный умрет здесь, по крайней мере, она скажет, что все возможное для него было сделано.

* * *

Дан Энрико примчался на следующий же день.

Привез лекаря, лично, освидетельствовал больного...

Как ни странно, отцу Анжело стало намного легче.

Дан Рокко мог бы поделиться своими предположениями, но кто его спрашивал? Да никто! А умный человек не лезет с глупыми замечаниями...

Дана Адриенна была тому виной.

Что уж видел несчастный, чему стал свидетелем... неясно. Но когда его принесли в СибЛевран... Эданна Сусанна была против. А Адриенна вмешалась и взяла бедолагу под свою защиту.

Под крыло, если хотите.

Верите вы в это, не верите... работает оно безотносительно веры. Дан Рокко тоже не верил, что больше нескольких месяцев проживет, а гляди-ка! Второй год пошел, и неплохо так... скоро третий пойдет! Да кто бы ему сказал те же три года назад – на смех бы поднял! Чудом ведь держался.

Вот и отец Анжело...

Может, он и не знал про воздействие даны. Но оно было. И монаху становилось лучше. Почти прекратился бред. Он то впадал в забытие, то выходил из него, но говорил достаточно здраво.

Орал от ужаса во сне, но стоило Адриенне пару раз зайти в комнату (долг хозяйки, никуда не денешься), как монаху стало легче. Нет, приступы не прекратились, но это уже были крики от кошмара, а не полубезумный вой раненого животного.

Дан Энрико попробовал подступиться с расспросами, но лекарь успел раньше, дал монаху опийной настойки и предупредил, что бедолага проспит еще какое-то время. До завтра – точно.

Ран на нем нет, а разум – материя тонкая... Если что – повторите прием настойки. Вот и все.

Адриенна только плечами пожала. В чем-то лекарь действительно был прав. А лезть в сундучок и перечитывать рецепты знахарки ей откровенно не хотелось...

Монахи – народ сложный.

Сейчас ты его спасаешь, а потом он ласково так осведомляется, не дьявольским ли наущением это сделано было? А то некоторых знаний людям не полагается... на костер!

Нет уж, благодарим покорно!

Дан Энрико махнул рукой и попросил разрешения задержаться в замке на пару дней. Выбора не было, так что СибЛевранам пришлось согласиться.

Больше всех был рад дан Эмилио, который тут же принялся увиваться вокруг Адриенны. Девушка честно потерпела его часа полтора, а потом сбежала в комнату к раненому. Это было единственное место, из которого ее было невозможно вытащить.

Поди запрети человеку проявлять христианское милосердие!

Дан Эмилио попробовал напроситься помогать, получил удивленный взгляд, мол, чем ты помочь-то можешь, стушевался и отправился в общую залу.

Адриенна ухмыльнулась, достала письмо Мии и забралась в кресло.

Сейчас она его еще раз перечитает. Вот...

Отец Анжело открыл глаза.

С открытыми глазами лежать было сложно, почему-то они так и норовили закрыться. Но тогда он снова будет видеть ТУ картину. Когда оборотень наклоняется над несчастным братом Пио, а потом снова поднимает морду – и внутренности бедолаги свисают у него из пасти... и кровь...

Кровь на траве, на одежде, на морде чудовища...

И бледно-зеленые глаза.

Такие разумные...

Такие невероятно безумные... пьяные своей злостью, ненавистью, силой...

Если бы он знал, близко бы к тому лесу не подошел! Никогда!

– Вы пришли в себя, святой отец?

Прохладная рука легла на лоб. Отец Анжело скосил глаза – и увидел удивительно красивую девушку рядом с собой. Или – не красивую?

У нее не было ничего из того, чем гордятся придворные красотки. Ни пухлых алых губ, ни бровей-ниточек, ни выщипанного для пущей высоты лба, ни румянца на бледных щеках...

Ее красота была похожа на красоту булатного клинка. Тот же холодный звездный блеск в черной ночи... Синие глаза, черные волосы, взлетающие к вискам черные брови, бледные, плотно сжатые губы... и все же она почти сияла.

Почти ослепляла своей... не красотой, но соразмерностью, какой-то внутренней силой, чем-то таким, для чего не было у несчастного монаха ни названия, ни определения.

Харизма?

Нет, не совсем то слово. Совершенство стального клинка в момент удара. Так будет вернее всего – и самая потрясающая радуга мира дробится на его лезвии, и любоваться этим можно часами...

– Кто вы?

– Адриенна СибЛевран. Вы сейчас находитесь в моем доме, – просто сказала девушка. – Не волнуйтесь, здесь вы в безопасности.

Отец Анжело и не волновался. Из его груди вырвался тяжелый стон... мужчине было попросту больно. Он... в безопасности.

Самый юный, самый бесполезный...

Его братья отдали жизнь, чтобы он выжил, а он... он даже не знал, где его оружие. Кажется, арбалет он обронил, еще сидя на дереве.

Кажется, кинжал он тоже оставил где-то в лесу.

И тела братьев...

Ничтожество! Дрянь и тварь, презренная гадина, вот он кто! Хуже ничтожества! Плесень!

Адриенна с любопытством наблюдала за сменами выражений на лице монаха. Да уж...

– Хотите, позову оборотня?

Отец Анжело аж дернулся.

– ЧТО?!

– Или вас прикажу вынести за стены замка. Вы себя будете поедом есть дольше, он быстрее справится.

Монах едва не задохнулся от возмущения.

– Вы... да вы...

– Дана Адриенна, – спокойно ответила девушка. – И, к вашему сведению, я та, кто может вас оправдать.

– Что?!

– Я тоже видела эту тварь. Я смотрела ему в глаза, я едва не стала его жертвой... мне повезло. Меня успели спасти. А вас – не успели.

Сказано это было настолько точно, что отец Анжело даже глаза закрыл. И поползла по щеке единственная слезинка, скатилась, канула в седых волосах...

– Вы правы, дана. Меня не успели. И братьев...

– О чем вы думали, когда вшестером шли охотиться на эту тварь?

Адриенна понимала, что стоило бы позвать дана Энрико. И... что ей – девяносто лет, что ли? Ей всего лишь пятнадцать... скоро будет! Ей и самой интересно, вот!

– Брат Пио... Мы уже несколько раз охотились на оборотня.

Адриенна вскинула брови.

– Seriously? Он выглядел так же?

Монах покачал головой. То есть перекатил голову по подушке.

– Н-нет... обычные волки.

– Тогда, полагаю, в прошлых случаях это и были обычные волки, – пожала плечами Адриенна. – Возможно, более крупные, возможно, людоеды... Но – не оборотни.

– А этот... исчадие ада!

– Правда? Мне он показался зверем, только более разумным, что ли... и ненавидящим.

Отец Анжело дернулся так, словно девушка его кнутом вытянула.

– Да! Он ненавидит всех... за что?!

Адриенна пожала плечами.

– Да кто ж его знает? За то, что мы остались людьми? Или за что-то еще? Я не знаю... я только видела, что он убивает с наслаждением...

Монах медленно кивнул.

– Да, дана. С наслаждением.

И почувствовал, как прохладная рука легла ему на лоб, отгоняя кошмары.

– Святой отец, я сейчас позову дана Энрико. Знаете такого?

– Охотник... – припомнил с трудом несчастный монах-доминиканец.

– Именно. Вас не затруднит рассказать ему, что именно с вами произошло?

Монах вздохнул.

Вспоминать о таком не хотелось. Даже думать... но рука со лба никуда не делась. И монаху действительно становилось легче... хотя бы кошмарные видения перед глазами не стояли.

– Дана...

– Я тоже побуду здесь.

– Это... жуткая история.

– Пф-ф-ф-ф-ф... полагаете, после того, как я смотрела в глаза этому чудовищу, меня еще чем-то можно напугать?

Отец Анжело почувствовал себя дураком. Но...

– Вы потом мне расскажете, как это случилось?

– Вы не в курсе?

– Н-нет... возможно, брат Пио был... но...

Адриенна только вздохнула. Дисциплина в храме – куда там иным войскам! Понятно же, что каждый знает свой фронт работ, а лишнюю информацию никто и никому не дает. Ну и ладно.

– Я расскажу, отец. Обещаю. Но сначала вы, хорошо? Охотники – народ шумный, а мне хочется тишины в моем доме.

Что именно недоговорила дана, монах понял сразу же. Как только увидел, какими глазами дан Эмилио смотрит на Адриенну.

Оценил. Влюбился.

Сам дурак.

Видно же, что девушке это в тягость, что другом ей быть можно, а вот возлюбленным...

Или она кого другого любит, или еще что... но этот конкретный парень ей в тягость, сразу понятно. Всем, кроме него самого, ну и его отца и брата. Но и те...

Выгодный союз – штука такая, он сердечных склонностей не учитывает. Понятно, почему Адриенна хочет избавиться от охотников в своем доме.

Монах решил подумать о сердечных делах потом и принялся рассказывать.

Как они искали, как первый раз напало чудовище, как это было потом, где примерно остались тела товарищей... понятно, сейчас там в лучшем случае кости, но вдруг? Хоть косточку похоронить – и то дело! И молитву прочесть...

Хотя вряд ли падре Санто полезет в балку. Или в лес... ему уже встречи с оборотнем хватило – ни крестов не напасешься, ни Библий...

Можно сказать, легко отделался...

Адриенна сидела рядом, держала ладонь на лбу монаха, и никто даже слова не смел сказать. Осуждение?

Мысли у вас, даны...

Это монах, он полубезумен, он болен, он вообще помереть может... и если ему легче от присутствия рядом даны, она будет выполнять свой долг.

Если на то пошло, было время, когда хозяйки замков и купаться гостям помогали, и за обедом подавали, в знак уважения, и никто ничего не говорил. Прилично там, неприлично...

А тут просто рядом посидела, за руку подержала...

Какой тут урон чести?! Какое неприличие? Вы того монаха видели?! На него же глядеть жутко, он одной ногой уже ТАМ, просто не перешагнул. Но это, чувствуется, ненадолго.

Отец Анжело говорил.

Охотники слушали, потом поблагодарили и откланялись.

Адриенна осталась. И тихо заговорила сама, рассказывая, как она столкнулась с оборотнем. Отец Анжело внимал, потом глаза его начали

смыкаться, и под рассказ о том, как отстирывали всем миром эданну Сусанну, он тихо уснул.

И сегодня ему кошмары не снились...

В чем-то впечатление было верным. Не попади отец Анжело в СибЛевран, он бы прожил не больше суток. Но и сейчас...

Выживет ли?

Умрет ли?

Шансы были примерно равные, как на одно, так и на второе. А Адриенна...

Даже если она приняла монаха под покровительство, это не значило, что он справится. У него своя вера, свой хозяин, а целенаправленно лечить она просто не умела.

Да и не могла. Не было этого в ее наследстве.

Сибеллины – благо своей земли. Но смерть такая же часть жизни, как и рождение. Если бы люди не умирали, они бы и не рождались, так уж создана природа... таков закон. Так что благо – да, но ограниченное. Отец Анжело сам должен был выбрать, жизнь или смерть. И тут уж помочь ему не мог никто, даже лекарь с его чудоопийной настойкой.

* * *

Отец Анжело не умер.

Наоборот, он приходил в себя, когда в СибЛевран привезли охотников...

Видимо, оборотню надоело, что охотятся на него, и он решил поменять категории. То есть перевести охотников в добычу.

Двадцать человек?

Да чего им бояться, от них любой оборотень шарахнется!

Ага, монахи тоже так думали. Правда – недолго, и мучились тоже недолго. Оборотень был все же порядочнее и милосерднее короля с его палачами. Не мучил специально, сначала убивал, а потом уже жрал. А вот на Алой Площади, на которой в Эвроне проводились публичные казни, несчастные могли висеть часами и днями, на потеху каждой сволочи.

Оборотень оказался умным, он сразу лишил отряд четырех человек. Двоих, которые пошли за дровами, одного, отправившегося за водой, и одного, присевшего очень неудачно в кусты.

Хотя... кто его знает? Может, он и успел оборотню в душу нагадить? Или зверь ничего такого не планировал, подполз понаблюдать, а тут... разве ж удержишься после такого?

Хотя – нет.

Начал оборотень с охотников, которые пошли за дровами. Их хоть и было двое, но разделились они быстро, только перекликались время от времени. Вот одного из них оборотень и загрыз – сразу же. Одним мощным укусом в шею. Потом вернулся ко второму...

Там уже бесшумно все сделать не удалось, но мало ли кто и что кричал? Пока дан Энрико распоряжался, кого послать на поиски, оборотень укусил «обгаженного». И помчался к ручью.

Косвенно это подтверждало версию Адриенны.

Ну да, оборотни могут лежать в засаде сутками, наблюдать, и пройти мимо них можно хоть на расстоянии вытянутой руки... но зачем же на них того-с? Нужду справлять?

Тут кто хочешь не выдержит и цапнет!

У ручья как раз набирал воду дан Эмилио.

То ли оборотень несся, возмущенный донельзя, то ли удирал и дан просто попался ему по дороге...

Те трое были мертвы, и даже слегка поедены. А вот у Эмилио еще шансы были. Оборотень рванул его в бедро, добавил лапами и хотел откусить голову, наверное, или еще что-то, но уже бежали, кричали... промахнулся. Не до охоты тут, лапы унести бы!

В результате у дана Эмилио жуткая рваная рана бедра, перелом руки и нескольких ребер – вес у оборотня тоже очень даже ничего себе, – откушено ухо, содран кусок скальпа... Конечно, шрамы украшают мужчину, но такие бы украшения врагу подарить! По сходной цене!

Красавцем парню уже никогда не быть. Если выживет...

А вот «если» – и было весьма серьезным.

Раны воспалились, загноились, и из них уже сейчас лился зловонный гной. Эданна Сусанна картинно рухнула в обморок от одного запаха.

Адриенна оказалась покрепче, падать не стала, распорядилась приготовить комнату для раненого, обед для всех остальных – и вызвать лекаря для бедолаги, и священника для погибших...

Благо тела охотники привезли с собой, не желая оставлять их на поживу кровожадной твари или хоронить в неосвященной земле.

И только проследив за выполнением распоряжений, смогла отправиться к дану Энрико.

Расспросить, где произошло нападение.

* * *

– Адриенна? Дана?

Марко нашел Адриенну через час, сидящей в голубятне. И выражение лица у девушки было такое, что ее даже голуби по большой дуге облетали.

– Что, Марко?

– Ты... что-то плохое случилось?

Адриенна скрипнула зубами.

– Плохое, Марко? Да, очень плохое.

– Что именно? Что я могу сделать?

Адриенна посмотрела на молочного брата с искренней симпатией. Вот так и должен реагировать настоящий мужчина.

Что случилось? Что я могу сделать, чтобы это исправить? Чем тебе помочь, сестренка?

Только вот чем он сможет тут помочь?

– Все очень плохо, Марко. Очень. И сделать ты ничего не сможешь, только погибнешь без цели и без смысла.

– Что именно случилось? Риен!

– Я расспросила про нападение. Оборотень пришел на нашу землю. На землю СибЛеврана, Марко.

Глава 7

Мия

– Миечка, радость моя...

Девушка подозрительно поглядела на дядю.

– Сколько процентов будет выделено радости?

Джакомо сначала расплылся в умиленной улыбке Пигмалиона, а потом скорчил рожу.

– Корыстное молодое поколение! Мы такими не были!

– Вы забирали себе все? – вежливо уточнила Мия, которая знала дядюшкин характер.

– Ты же не поступишь так со своим любимым дядюшкой?

Мия фыркнула.

– Я играю честно, пока честны со мной. Так что случилось, дядя?

– Есть заказ, Мия.

– Где работаем, кого убиваем?

– В храме. Священника – и зрелищно.

Мия подняла брови. Ладно еще в храме, но...

– Божьего человека?

– Поверь, ему давно пора на отчет к хозяину.

– Не поверю, пока вы мне не расскажете суть дела.

Не то чтобы Мия была особенно верующей. Но... падре Ваккаро. И монахи, которые ему помогают, и сестры милосердия, которые лечат бедных, и... да долго можно перечислять.

Мия понимала, что среди священников тоже есть и хорошие, и плохие, и не хотела уменьшать число первых. И так по закону подлости хорошие люди умирают, а всякую сволочь об стену не расшибешь. Даже если очень постараться! Мия вот сколько ни старается, а их число не уменьшается.

– Мия, ты знаешь, что даны могут ходить только в храм, к мессе, – строго начал дядя.

Мия вздохнула.

Да-да, в теории это именно так.

Дана обязана сидеть дома, выходить куда-то только в сопровождении служанки, отца или брата, духовника... а то и всех

разом, ее можно выдавать замуж только в семнадцать, чтобы сделать это раньше, требуется получить разрешение...

В теории.

На практике же все выглядит немного иначе. И кто хочет, тот себе щелку найдет.

– Какое отношение это имеет к священнику?

– Самое прямое. Он, пользуясь своим положением, совратил юную дану. И развратил... – подумав, добавил дядя.

– Насколько?

– Что именно?

– Насколько развратил?

– Настолько, что юная дана не только с ним, но и... с некоторыми другими людьми, прямо в храме...

Мия хмыкнула.

Недоговорки дяди означали, что семья там богатая и знатная. То есть – хорошую оплату.

– А как открылось?

– Видишь ли, круги одни... дану решили выдать замуж... За одного из тех, кто ею уже попользовался. А девушку-то он помнил...

– Упс, – посочувствовала такому эпическому провалу Мия. – Она была без маски?

– Миечка, это ты у нас уникам, меняешь и лицо, и тело, – расщедрился на комплимент дядя. – Чудо и сокровище. А у обычных девушек на теле есть родинки, иногда и достаточно характерные.

Мия кивнула.

Она знала, что так бывает. Вот у нее на всем теле не было ни единой родинки. А у мамы была – на запястье, достаточно большая, и Мия в детстве очень ей удивлялась.

– Понятно.

– Клиентов подбирали с большим разбором, негодяй был осторожен... когда все открылось, дану допросили, и выяснилось, что связь длится уже более трех лет.

– Ага... – Угрызения совести Мию оставили окончательно. – И сколько?

– Неужели тебя не тянет сделать бесплатно богоугодное дело?

– Ну... если бы его вам Господь заказывал, я бы, конечно... но я полагаю, тут не Он подсуетился?

– Нет, не Он, – фыркнул Джакомо. – Отец девушки и ее жених.

– Он остался женихом? – искренне удивилась Мия.

– Ты знаешь, что самое удивительное – остался, – опять фыркнул Дан Джакомо. Лично он такого не понимал, и не женился бы на блудливой девке, но мало ли кому и что нужно? Запрет вон в доме, и будет дана рожать по ребенку в год. – Но только при условии, что падре Данте Морелли не будет в живых.

Мия задумчиво кивнула.

– Это можно. Так сколько?

– Десять тысяч. Лоринов.

– Это на всех – или на каждого?

Дан Джакомо чуть мимо кресла не сел от такой наглости.

– Ну и дети пошли!!!

Спустя полчаса ожесточенного торга (которым равно наслаждались и дядя, и племянница), они сошлись на шестнадцати тысячах лоринов на всех Феретти. И Мия решила сходить помолиться. А то грехи, понимаете ли, дают, дают...

Надо срочно их на кого-то переложить.

Какая, говорите, церковь? Непорочного Зачатия?

Гхм... интересное название для борделя ^[16]. * * *

Церковь Непорочного Зачатия Мию порадовала.

Какой священник!

Нет, ну Какой Священник! Именно так, с больших букв, с восхищенным придыханием и желанием поинтересоваться: вы сами-то видели, кого к дочке подпускаете?

Не будь Мия Мией, она бы тоже... как минимум увлеклась. А Джулию и Серену сюда вообще подпускать нельзя – малявки мигом влюбятся!

Падре Данте Морелли был великолепен! Просто восхитителен!

Эти черные кудри, эти громадные карие глаза с поволокой, эта сутана, явно пошитая у хорошего портного и облегающая тело так, что куда там наготы! Та более откровенна, а тут...

Сразу видно, что мужчина... уммм!

Мия не находила ничего интересного в плотской любви, но признавала, что выглядел падре потрясающе. Убийственно для юных девушек.

Да что там! Даже будь ей семьдесят лет – она бы и тогда восхищалась. Вон, вся церковь в бабах... и он явно веревки из них вить может. И косички плести...

Мия наблюдала со стороны.

А потом заметила нечто интересное. Обычного церковного служку. Такой... подай-принеси, на которых обычно и внимания-то не обращают. А зря.

Все они знают про окружающих. И еще немного сверху – тоже.

Почтенная эданна вышла из храма, чтобы в укромном уголке сменить одежду и снова вернуться к храму.

Ей надо было получить информацию изнутри.

Если бы просто убить...

Подумаешь там – ножом ткнуть? Или иголкой оцарапать? Даже и не поймет, что помирает. Был падре – и нет.

Но заказ звучал иначе.

Негодяй должен умереть публично, мучительно, так, чтобы другие узнали о его смерти – и если не зареклись повторять опыт, то хоть языки прикусили.

Так что надо разузнать о привычках падре Морелли. А когда он умрет, Мия уже определилась. Или заутреня, или обедня... это должно быть во время службы в храме. И точка.

Грех?

А вот это Мию не волновало ни в малейшей мере. Подумаешь, грех! Она потом честно покается... наверное. Девушка даже на исповеди ничего о себе не рассказывала. Потому как тайна тайной, но ведь к ней это не относится!

Тайна исповеди – между человеком и Богом. Ну, Его посредником.

А она – человек?

Она метаморф, и если уж исповедоваться, так рассказывать обо всем... от и до. И любой священник тут же ее выдаст. Радостно и с потрохами. Нет-нет, ее такой вариант совершенно не устраивает. Лучше она помолчит. И покается. Для этого исповедоваться не обязательно. Вот.

Фабио Перроне вышел из храма и зашагал вниз по улице.

Веселый свист сорвался с губ мальчишки. А чего ж не посвистеть? Все хорошо складывается, и ему сегодня несколько рий удалось заработать и пару подарков стащить – храм не обеднеет...

Чего им? На золоте жрут, на шелках спят... навидался он! Вот уж у кого ни малейших иллюзий не было, так это у Фабио. Быстро они исчезают, когда видишь, как священники прихожанок сношают, а то и друг друга... да и к нему подкатывали пару раз, едва отбился. Когда вино прямо в алтаре^[17] распивают, когда деньги из церковной копилки по карманам распихивают...

Понятно ж все!

Может, когда-то Он по земле и ходил, да с тех пор многое поменялось. И слуги его делают что захотят. Вот и он о себе позаботится, авось не отломится у рясоносных...

– Мальчик, подожди!

Если бы его окликал кто другой... Может, Фабио и не остановился бы.

Но пожилая эданна выглядела столь безобидной, что казалось: ткни ее пальцем, и она сейчас рассыплется в прах.

А дарий, который она вертела в пальцах, – останется.

Фабио заинтересованно поглядел на монетку.

– Что случилось, эданна?

– Хочешь заработать?

– Смотря чем, – осторожно отозвался Фабио.

– Разговором, – засмеялась-закаркала тетка. – Исключительно разговором... держи! Авансик...

Авансик Фабио понравился. Может, и еще подзаработать удастся?

– О чем чирикать, эданна?

– Так о падре своем. О Морелли... Ты что думаешь – невестка у меня! Так приловчилась, коза, в храм бегать, словно ей тут медом намазали.

– Гхм, – поперхнулся Фабио, вспоминая одну из сцен, увиденных им в алтаре.

– Что, и правда намазали? – правильно поняла его Мия.

Фабио замялся, но блеснула еще одна монетка, и парень принялся рассказывать. А чего скрывать-то? Это эданна слушает, а так его

словам цены – плевков на ветер. Хоть он на площадь выйди да заори во все горло – не поможет. Да и эданну кто там послушает?

Конечно, она из благородных, ну так сюда и не такие наезжают...

Мия слушала, размышляла, а потом подвела итог:

– Хочешь еще лорин заработать?

– А за что, эданна?

– Чтобы мой внучок тебя ненадолго подменил... дня на два или на три. Приведешь его в храм, скажешь, что тебе уехать надо, а он пока поможет...

– Хм...

– Ты не переживай, парень он надежный. Просто мне надо, чтобы кто другой на эту гадюку посмотрел. Потому и три дня. А может, и больше потребуется...

– И всего лорин? Маловато будет!

– Да ты столько и за год не увидишь... ладно! Три лорина!

Мие не жалко было бы и двадцать, но вовсе уж не торговаться? Так нельзя...

Сошлись на лорине за два дня, Фабио получил первый золотой авансом и отправился домой. Монету он отдаст матери и попросит припрятать. В жизни всякое случается, деньги всегда пригодятся...

А завтра приведет в храм своего приятеля.

Да-да. Именно что Мию. Округлостей у нее пока меньше, чем костей, а лицо поменять несложно. Поработает она под Фабио.

Адриенна

Марко понял все с полуслова. Брат же, хоть и молочный.

Оборотень пришел на земли СибЛеврана... это не просто плохо. Это убийственно...

Он уже убил на этих землях. А куда он пойдет дальше? С человеческим разумом, с человеческой же жаждой крови, с человеческой жестокостью – и со звериным телом, слухом, нюхом...

Он пойдет.

А кто его останавливать будет? Недоеденные охотники? Замечательно!

Или... Адриенна?

Идея у нее есть. Но ей нужна помощь. Марко готов был в любой момент... да он бы с башни бросился, лишь бы Адриенна лишний раз

улыбнулась! Но именно в этом деле от него пользы не будет.

А вот кто им может помочь...

Вот к этому человеку они сейчас и шли. Потому как проехать до его дома было нереально.

И так рисковали, кстати говоря. Он сейчас может быть где угодно... вроде как вчера в лавке соль покупал, вот Марко и знал. Но ведь мог и уйти с утра...

Такой народ – лесовики.

Нет, не ушел.

– Дымом пахнет, – приняухалась Адриенна.

Марко выдохнул с облегчением. Такое дело откладывать не стоит. Мало ли что...

– Будем на лучшее надеяться...

– На что? – поинтересовались сзади. – Никак ко мне сама дана СибЛевран пожаловала?

Адриенна подскочила на полметра вверх. Правда, не завизжала, не заорала... просто повернулась и посмотрела назад с упреком.

Мужчины!

До старости вы мальчишками останетесь! Навечно!!!

– А вы ньор Джанкарло Марроне?

Мужчина усмехнулся, показывая выщербину на месте переднего зуба.

– Ну я...

Адриенна бестрепетно шагнула вперед, вглядываясь в собеседника.

Ну... лет тридцати – тридцати пяти, наверное. Кряжистый такой, крепкий. А как ходит, как движется... листок не шелохнулся! Они его даже и не услышали...

А волосы седые все.

И глаза прищуренные, серые, умные...

– Ньор Марроне, у меня к вам есть предложение.

– Слушаю, дана?

– Я хочу, чтобы вы убили для меня Леверранское чудовище.

Девушка даже не удивилась, когда в ответ ей раздался издевательский смех.

Бывало у Джанкарло в жизни всякое. Лес... это – лес. И он лесовик. В чем разница с охотником? Охотник этим кормится, а лесовик – живет. День, проведенный не в лесу, Джанкарло считал потерянным навечно. Потому и не женился, и детей не завел...

Бабы не выдерживали.

Они болтливые, им общество нужно, языками почесать. А еще...

Лесовик же!

Он в лесу может и день пробыть, и три, и десять – не угадаешь. Ему-то несложно, а бабе? Ей внимание нужно... а пусто место честно не бывает. Оно надо – рога носить? Он тут олень, что ли?

Понятно, к продажным девкам охотник заходил, но о бабах все равно был крайне невысокого мнения. И сегодня это еще раз подтвердилось. Это ж ума надо вовсе не иметь – такое предлагать!

– Дана, вы мне хотите сказать, что эта тварь на фарш разделала столько народа, а я ее убью? Вот лично, ручками?

Адриенна качнула головой.

– Нет, ньор Марроне. Я не собираюсь предлагать вам бегать за оборотнем по полям и лесам. Да и не понадобится это скоро. Он пришел в Сиблевран. Сейчас в замке лежит охотник, которого оборотень порвал уже на моих землях. Он – здесь.

– Х...ово.

Адриенна и ухом не повела в ответ на грубое слово. Марко вскинулся, но девушка сверкнула глазами в его сторону, и парень тут же спрятал подальше гонор. Не до того...

– Я бы и похлеще сказала. Если он здесь, то вы с ним все равно столкнетесь, это вопрос времени. Он сожрал пятерых монахов. Из боевых, из охотников за такой нечистью. Он порвал нескольких охотников. Кого и когда там еще пришлют из столицы – неизвестно. А разгребать надо здесь и сейчас... вы со мной согласны, ньор?

Ну, в таком-то разрезе, понятно, согласен.

В теории, ага...

– Дана, а как вы его убивать собираетесь? Если не бегать за ним? Сядете на место и подождете? Или на сосну влезете и покричите – авось придет?

Адриенна серьезно посмотрела на Джанкарло.

– Вы будете смеяться, ньор...

– Неужели? – приятно удивился охотник. А он думал, что ему УЖЕ смешно?

– Под клятву, – жестко сказала девушка. – Здесь и сейчас мы втроем дадим клятву по всей форме, что никому и никогда не скажем ни слова. Иначе я поищу кого-то другого.

Джанкарло думал недолго.

А потом поднял руку вверх.

– Клянусь своей матерью – да изольется ее чрево, клянусь своим родом – да пресечется он навеки, клянусь своей честью – пусть будет мое имя покрыто позором, клянусь своим сердцем – да остановится оно в тот же миг...

Если дана хочет, чтобы он никому не рассказывал о ее глупости?

Да и отлично! Пусть так и будет!

Впрочем, спустя полчаса лесовик тоже не пожалел о данной клятве. Пожалуй, расскажи он такое, и его в лесочке прикопают. А пожить еще охота...

* * *

– Ты точно сможешь выбраться завтра ночью?

Адриенна кивнула в ответ на вопрос Марко.

– Смогу. Как раз и новолуние... удачно.

– А ты уверена, что ритуал сработает?

На этот вопрос Адриенна столь уверенно ответить не могла. Но...

– Мне кажется – да. Может, я и ошибаюсь, Марко, но что-то в нем есть...

– И сколько нам придется ждать эту тварь?

– Не так долго. Может, часа три или четыре, так что надо серьезно поговорить с Тоньо.

– А если он черт-те где? Оборотень, не Тоньо?

– Это понятно. Но ты забываешь: он умнее, сильнее, хитрее – и быстрее многих животных, Марко. Это не обычный волк и даже не людоед. Это... другое.

– Ну, смотри сама. Но я там тоже буду.

Адриенна и так понимала, что оставить друга в стороне не удастся. И благодарила Мию, которая прислала ей ритуал.

Зачем?

А почему нет? Подруга попросила – подруга сделала. А спрашивать, что, как и зачем... при встрече разберемся!

* * *

– Тоньо, нам нужна твоя помощь.

Семилетний парнишка смотрел темными, материнскими, глазами на старшего брата и дану Адриенну.

– Что я должен сделать?

И Марко, и Адриенну он обожал. И попроси его ребята прыгнуть в колодец – прыгнул бы.

– Посидишь в моей спальне, – честно ответила Адриенна. – И будешь отвечать, чтобы никто ко мне не лез. Понял?

– П-понял. А зачем?

– Скажу, у меня голова заболела. А ты со мной посидишь, считаешь, кружку воды подашь... понял?

– Мама согласится?

– Я уговорю, – кивнул Марко.

– А она сама не будет рваться посидеть с деточкой?

Марко и Адриенна переглянулись и зафыркали. Розы бы с радостью, но... они с мужем ожидали третьего ребенка. Так тоже бывает, не ждешь – не чаешь, а оно уже растет и живет внутри. А потом смотришь на живот и думаешь: вот я дура-то!

Впрочем, Розы так не думала. Она просто была счастлива грядущим прибавлением в семействе.

Но беременность протекала достаточно тяжело, мотаться целый день по замку она не могла, а сонливость на бедолагу накатывала постоянно. Розы и днем засыпала, и ночью ее было не добудиться...

– Не будет, – отмахнулся Марко.

– Когда делаем?

– Завтра, – кивнула Адриенна. – Ты молодец, Тоньо.

Мальчишка подмигнул дане. А чего? Она его на руках таскала, грязные пеленки меняла...

– Обращайтесь, дана! Для вас – любой каприз!

И дана подмигнула в ответ. Хорошие у нее молочные братики.

Замечательные!

Мия

Говорите, падре Данте Морелли?

Поверьте, скоро о нем заговорит вся столица!

Мия помогала в храме уже третий день и преисполнялась отвращения.

Ко всем.

К падре – жадному и лицемерному, который прилюдно утешал и ободрял, а оставшись в одиночестве... ладно, среди своих, – обзывал прихожан баранами и козлами.

И мечтал отправить всех на живодерню.

Прилюдно он гладил детей по голове – с другими святыми отцами они брезгливо кривили губы. Мол, натащили сюда сопливой дряни... не можешь прокормить – не рожай! Не делай!

А то даст бог детку – даст и на детку?

А что именно он тебе даст? А то, может, пинков тебе столько и не надобно?

Мию это лицемерие доводило до бешенства. В принципе.

А уж когда она увидела, как падре сношает симпатичную прихожанку прямо в храме, перед иконами...

Она, конечно, убивает людей. Но какие-то ж нравственные ориентиры и у нее есть!

Если ты священник – с тебя другой спрос!

Дру-гой, понимаете?

Тебя никто не тянул за уши, не подталкивал сапогом в спину, ты сам выбрал эту стезю, ты сказал, что будешь служить Ему, и поклялся в этом. Жизнью, кровью, честью... чем там еще клянутся священники?

Мие это было неведомо... обеты она знала, но важно ведь не это?

Ты стал служить Тому, кто превыше любой земной власти! И подобным поведением ты не себя – ты Его позоришь.

Не боишься ответа?

Или искренне считаешь, что тебя простят за побеленный потолок, поправленную крышу в храме? Ну да, ты отжалел десятую часть доходов на эти дела. Но... ты-то должен не здания крепить, с этим и без тебя эконоом справится. Ты должен вселять свет и веру в души человеческие. А ты...

Это как вместо муки печь хлеб из опилок. Может, на вид он такой же, но ты им никогда не наешься! Это не вера, это ее замена. Христос вовсе без храмов проповедовал, и его слушали и понимали. И верили...

А таких Морелли он гнал из храма пинками.

Сегодня бы его сожгли как еретика... а за что? За то, что он не выносил грязи и лжи?

Но Мии противно было даже смотреть на Морелли. Какая ж мразь! Отборная!

Вот падре Ваккаро. Мия знала, он себе такого никогда не позволял и не позволит. Он всего себя отдает людям, недосыпает, недоедает... да, люди этого не видят, они вообще твари неблагодарные и не особенно порядочные, Мия в этом уже убедилась.

Но священник-то обязан быть иным!

А вот это поведение... оно не то что священника, оно порядочного человека недостойно!

Мия искренне считала, что, убивая падре Морелли, она делает благое дело. То есть чистит землю от грязи. Вот ей-ей, до того гадкое существо...

Жестокое, лживое, лицемерное... еще и в кардиналы рвется, и наверняка пролезет, такие, как плесень, везде пролезают. Это вывести их сложно, а заводятся они сами, стоит им только выгоду почуять. И ищут денег, власти, и гнобят тех, кто лучше... Кто порядочнее, умнее, добрее, кто более беззащитен, чем они. Это как красная тряпка для быка.

Сами они никогда лучше не станут. Но признать, что мразь?!

Никогда!

Надо просто остальных стащить в ту грязь, где им удобно и хорошо. В крайнем случае прицельно ею кидаться... вот шлепнулся человек в лужу – и сидит посреди, и брызгается, и грязь летит повсюду и марает прохожих... Ему хорошо и приятно, а прохожие его не волнуют. Да и не важно...

На третий день Мия уже знала, как очистить мир от этой мрази, а остальное ее не заботило. Моральные проблемы?

А у нее нет никаких проблем! Ей и так прекрасно живется! Вот!

И с шестнадцатью тысячами лоринов в кармане будет жить еще приятнее. Хотя тут она бы и из любви к искусству поработала...

Падре Морелли посмотрел в храм через потайной глазок.

Да-да, в каждом храме они есть и позволяют наблюдать за паствой, и те, кто поумнее, об этом догадываются. А всякому быдлу и незачем!

Пусть верят, что священник благословением Божиим про них узнает.

А на самом деле...

Если наблюдать за человеком, можно многое про него понять. Хорошо ему или плохо, нервничает он, торопится, переживает, думает над какой-то проблемой... иногда даже – над какой именно... ты только глаза открывай пошире – и все будет.

Сейчас он службу проведет, а уж потом...

Опустились на плечи подризник, поручи, епитрахиль... падре привычно поправлял все, чтобы одежда лежала наилучшим образом.

Он сам, лично, заказывал для себя все предметы облачения. Это дорого, но затраты окупались не единой жд.

Люди глупы.

Они всегда, слышите, всегда встречают по одежке! По внешности, по словам, которые им говорят... или которые им дают говорить. И никогда не помнят, что у каждого свои интересы. Вот не вращается мир вокруг них!

Нет, не вращается, тоже еще, центропуп вселенной!

Поэтому надо для начала создавать впечатление. Хорошо создавать, качественно, а потом время от времени его поддерживать. А дальше...

Ты тот, кем ты выглядишь, кем ты себя ощущаешь...

Считаешь ты, что ты – презренный и низший? Так о тебя и будут вытирать ноги!

Считаешь ты себя выше других? И люди это чувствуют – и подчиняются... особенно женщины. Тем вообще только властная рука нужна и плеть...

И будут пресмыкаться хуже собак, ноги лизать будут...

– Вина! – распорядился падре.

Служка поднес ему чашу вина с медом и на заедку – пастилки с медом и орехами. Падре сделал несколько глотков, допил до дна,

сжевал пастилку, проверил, чтобы между зубами ничего не застряло... мелочь?

Но это неприятно ему, и у него бы испортилось настроение.

А еще это некрасиво смотрится. И женщины такого не одобряют.

Итак... богослужение.

Падре занял привычное место, подал сигнал, музыка заиграла...

Молитвы лились с губ легко и свободно. Да что там!

За столько-то лет он их и ночью бы прочитал, едва разбуди! Хоть спереди назад, хоть сзади наперед... тоже смешно!

Можно подумать, знание молитвенника делает тебя приличным человеком! Но люди-то в это верят... идиоты!

Падре почувствовал горечь во рту.

Мед, что ли, пропал? Или еще что?

Еще отрывки ему не хватало, во время богослужения-то... падре усилием воли загнал внутрь комок желчи...

Ага, как же!

Тот снова подкатил к горлу...

И еще раз...

И наконец жжение стало вовсе уж нестерпимым... и боль... как же больно...

Взвизгнув раненым зверем, оборвалась музыка. Ахнули и замерли прихожане...

Падре Морелли оборвал молитву на полуслове, схватился за живот – и его начало рвать.

Желчью, кровью (вообще-то вином, но оно же красное, так что выглядело эффектно), потом он схватился за живот и продолжил корчиться у иконостаса, словно полураздавленная ящерица... что-то хрипел сквозь зубы...

Или кричал? Просто сил уже не было на крик?

Никто этого так и не понял. Все в ужасе смотрели, как падре наконец затих и скорчился. И лицо у него было воистину жуткое.

Синее, отекшее...

И только тогда толпу пробрало.

Кто-то кричал, кто-то звал на помощь, кто-то рыдал и орал... Но падре помощь уже не требовалась.

В суматохе Мия преспокойно сложила в углу все облачение и вышла на улицу. А чего ей тут ждать? Дана Феретти свое дело сделала,

дана Феретти идет домой. За деньгами...

И даже за эту сволочь она скидки не сделает, вот еще не хватало! Перебьется дядя, чай, не обеднеет!

Где тут поворот на Грязный квартал? Сейчас Мия переоденется, а потом пойдет домой как приличная дана.

Что будет в храме?

Переполох, суматоха, а так – ничего особенного. Будут искать убийцу, не найдут, конечно, мальчишка будет вне подозрений, его ж там даже не было...

Даже если его и будут подозревать – Мие это было не важно. Она свое дело сделала, а посторонние люди – это так. Реквизит. Вы же не будете беспокоиться о тазике или колотушке для мяса? Нет? Вот и Мия не собиралась...

Хотя, забегая чуточку вперед, Фабио Перроне действительно оказался вне подозрений. Мальчишка же! Сопляк!

Да и...

Фабио ведь не абы у кого спрашивал о замене, он к падре Морелли и подошел. Тот разрешил.

Но у него-то уже не спросишь!

А остальные...

Забавно, но больше всего меняет человека «служебная» одежда. Мальчишка одет как Фабио, мальчишка с волосами и глазами того же цвета, да и внешность примерно похожа...

Никто и не заподозрил, что это НЕ Фабио. Глаз просто скользил мимо паренька.

А что на него внимание обращать? На каждого служку? Смешно даже...

Так что для Фабио все проскочило мимо. Кроме приятных пяти лоринов, которые он получил сразу же. А за пять золотых...

Он, конечно, догадывался, что все не так просто, но решил молчать. Золото – преотличный кляп. И страх за свою шкуру тоже.

Падре не вернуть, а его вот и убить могут... нет-нет, нам такого не надо! Обойдемся! Скромно промолчим, пока не спрашивают. А там и забудут...

И забыли.

Джакомо ждал племянницу дома. Мия вошла в кабинет, уже вернувшись к своему нормальному облику, и улыбнулась дяде.

– Все сделано.

– Отлично. Как заказывали?

– Думаю, завтра вся столица гудеть будет!

– Мия, ты просто сокровище.

– То есть мои деньги уже готовы?

– Корыстное сокровище.

– Где мы, дядюшка, а где тот идеал? На земле живем...

– Тогда – вот деньги.

– Спасибо.

Мия хозяйственно прибрала мешочки.

– Пойду сегодня же, отнесу их в банк.

– Да, конечно. Тебя проводить?

– Спасибо, дядя, я справлюсь...

Джакомо только рукой махнул. Раз взрослая – справляйся. Не жалко.

* * *

После обеда у Мии действительно была назначена важная встреча. Она собиралась нанять прислугу в свой домик на Приречной.

Так что часа в два пополудни в дверь участка поскреблась пожилая эданна, при виде которой оживились стражники.

– Эданна, рады вас видеть...

Мия тоже поздоровалась, сразу оставила несколько лоринов в копилке – на прошлые и ближайшие праздники – и перешла к делу.

– Ремонт у меня закончен. Так кого посоветуете, ньоры?

Выбора у нее не было.

Конечно, хорошую прислугу так не найдешь, но ей и не прислуга нужна. Ей нужны люди, которые будут там жить, лучше, семейная пара, ну и помалкивать.

Жить будут бесплатно, она им даже приплачивать будет, дом будут держать в чистоте, а ей прислуживать и не надо. Зачем?

Она там жить не собирается...

Мию ждали две семейные пары и одна женщина с двумя детьми. Мальчишки-подростки смотрели настороженно, явно ничего хорошего не ждали.

Мия кивнула и направилась к самой крайней паре.

– День добрый, ньоры.

– Здравствуйте, эданна...

– Давайте познакомимся. Меня зовут эданна Феретти, и, если что, именно я буду приезжать, приходить...

Постепенно Мия выслушала историю каждого.

Одну пару она забракела сразу.

Муж и жена приехали из провинции, они собирались обосноваться в столице, найти здесь работу, укрепиться...

Неправильно? Может, и стоило бы им помочь?

Но Мия не хотела.

Она была свято уверена, что вслед за этой парой к ним понаедут родственники, что избавиться от них будет невозможно, что дом загадят...

Почему так?

Вот не понравился ей и трусовато-нагловатый взгляд мужика, и грязный передник ньоры... казалось бы, ты хочешь понравиться! Так хоть чистое надень! Нет? Тебя даже на это не хватило, хотя и невелик труд? Ну так не обессудь...

Вторую пару Мия забракела по причине ветхости. Ладно... не то чтобы уж вовсе ветхости, но мужчина явно был староват, чтобы на крышу лезть или там воду таскать, жена тоже... ладно еще – дом грязью зарастет! Старики искали, где пожить, чтобы от детей-внуков отдохнуть, ну и денежку заработать.

Мии их было жалко, но, опять же, – смотри первый вариант.

Дом засвинячат, дети-внуки напозут тараканами. Не выгонишь...

Нет-нет...

Самым оптимальным оказался третий вариант.

Ньора Роза Анджели была вдовой стражника. И двое детей у нее осталось – Федерико и Аньелло. Но стражник – не купец, не богатея какой, много он вдове оставить не смог. А тут и жилье бесплатно, и монетку заработать удастся... чай, сыновья по хозяйству помогут! Не переломятся!

Мия подумала и остановила свой выбор именно на ньоре Анджели.

Ей идти особенно некуда, она благодарна будет, родни у нее нет, кто в деревне, кто еще где, иначе б не искала она приработку, не мыкалась с сыновьями...

Пусть живет.

Опять же, и стражники иначе относиться будут. Для них ньора, считай, своя. И радоваться будут, что ее так удачно пристроили, и надеяться – мало ли что? А вдруг?

От тюрьмы и от сумы, от стрелы и от войны, как говорится, не зарекайся. А близкие-то остаются... и жизнь продолжается. Вот Роза ее на ближайшие пару лет и устроила, а то и побольше...

Остаток дня ушел на то, чтобы выдать ньоре Розе деньги на месяц, ключи от дома и показать, что и где лежит. Несколько лоринов Мия оставила на непредвиденные расходы и обещала заезжать, как будет в городе. А до той поры живите своим умом, что надо – покупайте, что требуется – чините.

И вернулась домой.

Сегодня, она это чувствовала, день прошел хорошо и правильно.

Во-первых, она сделала мир чуточку чище. Падре Морелли туда и дорога... раньше бы, но ничего. Господь терпелив, он всех дождетя...

Хотя такую дрянь скорее дождутся черти. Ладно, пусть его!

Во-вторых, заработала денег. И себе, и брату, и сестренкам. Это тоже хорошо.

В-третьих, помогла хорошему человеку. Во всяком случае, не самому плохому...

Ну и о себе позаботилась.

Так что все хорошо, все правильно, еще бы весточку получить от Адриенны или Лоренцо, и вообще счастье будет полным. Хоть ты празднуй, хоть танцуй.

Но писем не было.

Вот так всегда. Не дождешься в жизни идеала... хотя бы приблизиться. Немножко и ненадолго.

И Мия уснула с огромным удовольствием. И снились ей хорошие и добрые сны. Про падре Морелли она больше не вспоминала – никогда. Просто работа. И – все.

Адриенна

– Дана Адриенна...

– Дан Энрико?

Дан выглядел поразительно неуверенным в себе.

– Дана, вы не могли бы...

Адриенна посмотрела на охотника. А ведь и правда... младший сын. Старший любимец, но и младший дорог сердцу дана. И сейчас Эмилио мечется в горячке. И остается ему все меньше и меньше времени.

И дан Рокко смотрит сочувственно, вот он, неподалеку...

– Что случилось, дан? Я могу вам чем-то помочь?

Голос Адриенны звучал мягко. Отказа не будет. Дан понял это и чуточку расслабился.

– Дана, умоляю... мой сын...

– Ему плохо. Но пока он держится. Разве нет?

Держался.

Уже второй день дан Эмилио пребывал между жизнью и смертью. Даже, пожалуй, третий пойдет к вечеру. Горячка, бред... почему он не умер до сих пор, не знал даже лекарь.

Адриенна догадывалась, догадывался и дан Рокко, но молчали оба.

Ведь и несчастный брат Анжело тоже выздоравливал. Было ясно, что лежать ему еще долгое время, но тем не менее! Он выздоравливал! И кошмары его мучили намного меньше...

– Дана, я вас очень прошу. Вы не могли бы зайти к нему?

– Я?

– Дана... я заметил, вчера вы заходили к нему, ненадолго, и жар спал.

Адриенна едва не скрипнула зубами. Замечательный ты наш! Твою геенну огненную!

– Эм-м-м...

А как не ко времени! Она сегодня собиралась удрать... только вот хотела сказать Розе про свою головную боль... или...

План тут же подвергся реконструкции.

– Дан, вы уверены, что это из-за меня?

Дан Энрико опустил глаза.

– Нет, дана. Я не знаю. Но... он вас любит.

Адриенна едва не фыркнула, что любовь одно, а девок по деревьям собирать – другое. Смолчала громадным усилием воли. И вздохнула.

– Дан Энрико, я, конечно, зайду к вашему сыну. И даже обещаю посидеть с ним эту ночь. Посмотрим, станет ли ему лучше.

– Дана!!!

Дан Энрико схватил Адриенну за руки, поднес их к губам в порыве чувств...

– Вы... вы... Благодарю вас!!! От всей души благодарю!!!

Адриенна понимала, что творится сейчас в его душе.

Сын умирает.

Со дня на день, с минуты на минуту... и ты для него ничего не можешь сделать. Вообще ничего.

Только попросить... да, может, это глупо. Но вдруг хоть так ему станет легче? Когда рядом будет любимая (условно любимая) девушка? Хотя бы...

И понимаешь, что просишь о глупости, и осознаешь, что тебя сейчас просто высмеют...

И все равно – просишь.

Это твой сын. И этим все сказано.

– Не стоит благодарить за такое, – мягко качнула головой Адриенна. – Я это сделаю. А чтобы не было урона чести, попрошу посидеть со мной... да вот! Тоньо или Марко. Мальчики, вы согласны?

Еще бы мальчики не были согласны! Да с радостью!

– Наверное, сначала я, а потом брат, – задумался Марко. Или лучше наоборот?

– Решим, – отмахнулась Адриенна. – В конце концов, там и на кушетке подремать можно...

Эданна Сусанна, которая не преминула бы при другом раскладе вставить свои «три рии», сейчас промолчала. Поняла, что не время для ехидства. Дан Марк кивнул.

Дан Рокко только вздохнул.

– Слышал я, конечно, как в старые времена было. Но кто ж знает, что сейчас? Вы бы, дан, тоже попробовали?

– Есть средство? – Дан Энрико глядел так... вот-вот сорвется и помчится!

Хоть на край земли за чудо-зельем...

– Говорят, если кого ранил оборотень, надо просто убить зверя. Тогда рана заживет, как обычная.

– Я не знала, – пробормотала Адриенна.

– Это давно было. Еще до... давно, – не стал вдаваться в подробности дан Рокко. И так ясно, что при Сибеллинах.

– Я... – Дан Энрико подхватился с места. – Я попробую... только где искать эту тварь?!

Вот это, пожалуй, было главным вопросом. А еще – как ее убить?

Тварь тоже не станет ждать, пока ты в нее чем потыкаешь или постреляешь. Но несчастный отец готов был хвататься и за соломинку.

– Может, стоит съездить на место, где подобрали брата Анжело? – подсказал дан Марк. – И уже оттуда...

– Мы с ребятами сейчас поедem, – подхватился дан Энрико. – Дана, я могу...

– Я обещаю, – спокойно сказала Адриенна. – Я побуду с вашим сыном, если ему так легче.

А сколько побудет?

Ну... время-то они и не оговаривали, разве нет?

* * *

– Справитесь?

Марко кивнул в ответ на вопрос брата. И ловко перемахнул через подоконник. Протянул руки.

– Риен?

Дана фыркнула, отстегнула верхнюю юбку, под которой обнаружили ненавидимые Розы бриджи, и ловко перемахнула через окно. В руки Тоньо полетел лиф, который тоже развязывался, и под ним обнаружилась мужская рубашка.

– Замерзнешь, – предостерег Марко.

– Не успею. Бегом!!!

Сверток со всем необходимым был припрятан у калитки, Адриенне осталось его только прихватить. Заодно и плащ набросила, темный, неприметный...

Две тени выскользнули за стены замка и растворились в быстро сгущающихся сумерках.

– Пришли?

Адриенна кивнула, глядя в глаза ньору Марроне.

– У вас все готово?

– Смотрите, дана.

Адриенна и осмотрела.

И арбалет, и посеребренные же болты, на которые она сама выделила серебро, чистое, без примесей меди или еще чего, и посеребренный кинжал, который лучше бы назвать свиноколом: там такой размер, что свинью вскрыть можно от горла до паха, тем паче оборотня.

А заодно и остальную атрибутику.

Библию, святую воду, кучу облаток, крестики, образки...

– Вы в храме все подряд нагребли, что ли?

– Сказал, что боюсь в лес ходить, все ж оборотень – создание дьявольское. Вот мне и выдали. – Джанкарло был горд собой.

Адриенна кивнула.

А что? Все правильно... потом ньору объяснять, как он убил эту тварь...

– Давайте приступать, ньор. Вы место приготовили?

– А то как же! Подойдет, дана?

Адриенна кивнула.

Поляна была расчищена, костер уже горел...

– Что ж. Лезьте на деревья.

– Риен, – попробовал было вякнуть Марко, но тут же нарвался на ледяной взгляд Адриенны.

– Ты хочешь, чтобы спасали тебя – или меня?

Марко только вздохнул и кивнул.

– Извини. Я не подумал...

Действительно, если он будет на земле, никто не помешает оборотню сначала рвануть его, а потом уж переключиться на Адриенну. А если он будет на дереве, то его сначала достать надо...

Адриенна все равно будет в опасности, но она говорит, что несколько минут у них будет.

Этого достаточно.

Она может ошибаться? Не владеть всей информацией?

А вот эта мысль Марко и в голову не приходила. Это же Адриенна! И этим все сказано...

– Лезь, – толкнул его в спину ньор Марроне. – Дана, вы начинайте...

Адриенна кивнула, шагнула к костру, взяла из него горящую ветку и грубо вычертила круг. Потом стиснула зубы... вот ведь дура! Надо было попросить ньора Джанкарло или Марко, а она не сообразила, самой придется...

Девушка достала нож и решительно оцарапала ладонь. Потом испачканным в красной жидкости лезвием повторила тот же круг.

Отлично.

Теперь у нее будет несколько минут... или им этого хватит – или нет.

Должно хватить. Наверное.

В любом случае эта тварь не будет гулять по ее земле. То, что стоило бы все проделать раньше, пока чудовище бесчинствовало в окрестностях Альмонте, Адриенне... не то чтобы в голову не приходило. Скорее – зачем?

Это не ее люди, не ее ответственность... разве что глобально. Но она пока еще не замужем за его высочеством, вот и дергаться лишний раз не будет.

Да и ритуала у нее тогда не было.

Итак... приступим. В худшем случае она просто выставит себя дурой. А вот в лучшем... но больше Адриенна себе размышлять не позволила.

Начинаем.

Она сняла бриджи, под которыми обнаружилась длинная рубаха, скинула плащ, распустила волосы и медленно расправила над огнем кусок волчьей шкуры, вылила на него конскую кровь и положила волчью ягоду.

– Кровью жертвы, шкурой брата, ягодой твоей крови...

Медленно падали в ночь слова. Адриенна обходила костер противосолонь, в огонь летела бузина, потом девушка раздавила в ладони волчью ягоду, ладонь защипало – отозвался свежий порез.

Ну и ладно, черт с ним! Переживет...

И даже не сильно удивилась, когда кусок шкуры у нее на ладони вспыхнул бледно-зеленым пламенем, совсем такого цвета, как глаза

оборотня...

Здесь и сейчас она ничему не удивлялась.

Ее кровь, ее право, ее воля, ее слово!

Повинуйся мне, тварь!

Ты вступил на мою землю, ты пролил на ней кровь, ты в моей власти!

Ты обязан прийти по моему слову, потому что я хозяйка этого места! Аз емь право и слава, кровь и суть, честь и смысл...

Повинуйся!

Упади рядом с Адриенной луна, девушка бы и ее не заметила. Внутри звенела и пела натянутая струна. Волка она тем более не заметила...

* * *

Плюнут, да и разойдутся...

Джанкарло свою выгоду соблюдал свято. Получится чего у даны... да нет! Не получится, это уж точно! Зато ему двадцать лоринов дали за участие в затее! И серебра выдали для оружия. Арбалет он свой взял, хороший... а еще денег для кузнеца ему дана выдала...

Как ни погляди, а он в прибыли.

Хочется детишкам потешиться – жалко ему, что ли?

Но на дерево он Марко все одно загнал. И костер развел... что ему – сложно, что ли?

Сначала-то все было нормально. А вот когда дана пошла вокруг костра, как ведьма... простоволосая, в белой рубашке...

Невыразимо опасная.

Если ты в лесу постоянно, и день и ночь, чутье ты тоже приобретаешь звериное. И Джанкарло этим самым чутьем понял: все очень серьезно...

То, что сейчас творится на поляне, смертельно опасно. Дана зовет... и это не игрушки, это ритуал, который обрел силу в ее устах. Или – в устах любого человека?

Просто оборотень – явление редкое, обычные людоеды чаще встречаются, и затравить их намного легче. А вот чудовище, настоящее...

Ой-ой-ой...

Шкура в руках даны вспыхнула зеленым пламенем.

И настолько это было против всей жизни Джанкарло, настолько... неприятно, что он отвернулся и начал оглядывать окрестности.

Это их и спасло.

* * *

Когда из ночных теней соткался оборотень?

Как он появился незамеченным?

Джанкарло не знал. Просто вот его не было, а вот загорелись зеленым огнем глаза во мраке...

Он действительно был огромен. И не похож ни на одного из убитых Джанкарло волков. Слишком крупный, слишком страшный, слишком...

Слишком разумный.

Слишком чуждый этому миру, чтобы в нем оставаться.

Адриенна словно и не видела его. Что-то говорила, и ньор понял: она сейчас полностью захвачена ритуалом. А еще понял отчетливо, словно ему это на ухо сказали: она будет цела, пока горит зеленым кусок волчьей шкуры. А потом круг не задержит этого монстра.

Круг, огонь, кровь... если хоть что-то исчезнет, он нападет. И с удвоенной яростью...

За то, что им посмели управлять. За то, что девушка оказалась сильнее его, хоть и ненадолго...

За то, что она... кто?!

Нет, не такая же, как он, но разве дана СибЛевран – человек? А если не человек, то кто?

Размышления заняли у Джанкарло аж полторы секунды. А потом он четко вложил болт в гнездо, взвел тетиву, прицелился – и выстрелил.

И следом щелкнула тетива у Марко.

Как ни странно, попали оба. Только Марко – в бок, он большой, а Джанкарло под лопатку, куда и целился. Другой волк бы упал, засучил лапами... этот пока стоял. Джанкарло спешно перезарядил арбалет, взвел рычаг...

Есть!

Второй болт попал еще успешнее. Волк ткнулся в землю мордой, засучил лапами... Марко спрыгнул с дерева – и всадил болт ему практически в горло.

– Не подходи!

Голос Адриенны хлестнул плетью. Но Марко и не думал подходить. А вот сама дана шла к волку. И глаза у нее светились нестерпимо-синим. словно ясное летнее небо...

* * *

Адриенна действительно была словно в трансе. Момент, когда из лунных лучей и ночных теней на окраине поляны соткался волк, она пропустила. Не до того было.

Увидела она его, уже когда оборотень оказался возле самого круга. И было видно, что защита это непрочная и ненадежная...

Но пока же работает?!

Она смотрела волку прямо в глаза. А кусок шкуры в ее руках горел зеленоватым пламенем, не обжигая, не причиняя вреда...

Вред причинит волк, когда погаснет огонь...

Не успел.

Арбалетные болты канули в черную шкуру как в озеро, Адриенне даже всплеск слышался. Но волк стоял. И смотрел...

И второй выстрел.

И Марко перед самой мордой оборотня...

Адриенна поняла, что если он сделает еще шаг...

На последний рывок зверя хватит. Точно хватит... она подумала, что дура, и сделала шаг. Второй, третий... опустилась на колени рядом с головой зверя...

– За что ты нас так ненавидишь?

Конечно, ей не ответят... зато Марко не полезет под клыки. Ее волк пока еще не тронет, пока горит шкура...

И Адриенна едва в обморок не упала, когда услышала:

– От... пус... ти...

Как оборотень умудрился прорычать слово, в котором не было ни единого рычащего звука?

Но все же, все же...

И смотрел глазами, которые уже не светились, так, искорки пробегали по внешней каемке зрачка... Скоро и они погаснут.

И тогда...

Что тогда?

Кто он? Кем он был ДО того, как стал чудовищем?

Адриенна не знала ответа.

Но знала, что делать. Хотя этого как раз в ритуале и не было.

Она бестрепетно положила одну руку на широкий лоб оборотня. Во второй руке догорал зеленым пламенем кусок волчьей шкуры.

– Я, Адриенна Сибеллин, по праву крови, отпускаю твою душу и тело. Да примут их небо и земля. Ты – свободен!

И мужчины с каким-то даже восторгом увидели, как взвился на ладони девушки язык зеленого пламени.

Взвился – и опал, рассыпаясь в труху

Адриенна стряхнула с ладони пепел – и встала. А мужчины почувствовали, что могут двигаться.

Нет, волк не изменился, он не уменьшился, не превратился в человека, но та давящая атмосфера ужаса вокруг него попросту ушла. Исчезло... демоническое начало?

То, что внушало ужас, что превращало его в оживший кошмар... теперь это был просто обычный зверь. Не обычный, но зверь.

Просто – зверь.

– Теперь его можно показать людям, – устало выдохнула Адриенна.

– Он не рассыплется? – уточнил Джанкарло.

– Нет... наверное. Я не знаю... – растерялась девушка. – Я знала, что на этот ритуал можно приманить оборотня и удержать какое-то время. А остальное... нет, я не в курсе. Мне его вообще подруга прислала, нашла в старых книгах и прислала.

– Хорошие у вас подруги, дана, – кивнул ньор Марроне. – Дальше, как договорились?

– Да. А нам с Марко еще домой надо попасть незамеченными. Ой... то есть отвернитесь, пожалуйста. – Адриенна только сейчас сообразила, что одета в одну рубашку. А под ней даже нижнего белья нет...

Как условие ритуала – все было хорошо и нормально. А вот когда все закончилось...

Нет, как-то это неправильно! Стыдно даже.

Мужчины послушно отвернулись, пока Адриенна натягивала бриджи и заворачивалась в плащ.

– Можно.

– Дана... – решил Джанкарло. – Если что...

– Что именно?

Глаза у Адриенны отсвечивали звездным блеском. И мужчине казалось, что перед ним очеловеченная ночная тень из старых сказок.

Волосы – облака, глаза – звезды, тело – туман и звездная пыль.

– Дана... я буду рад оказать вам любую услугу. Моя жизнь и честь принадлежат вам.

Пафосно?

Нет, просто это единственно правильные слова в данный момент. И Адриенна их восприняла именно так.

– Я принимаю твое служение, лесной воин.

На долю секунды они застыли друг против друга. Кряжистый лесовик – и хрупкая девушка с волосами цвета ночи. Волшебство момента нарушил приземленный Марко.

– Бежим?

– Бежим.

Адриенна ухватила за руку друга, и они оба сорвались с места. Молодые тела требовали движения, требовали выплеснуть переполнявшую их силу, радость, молодость, наконец...

Джанкарло проводил их серьезным взглядом – и пошел к елке. Надо же волокушу соорудить... в этом волчаре... да, килограмм семьдесят, не меньше. Не на себе ж его тащить?

Нашли, тоже, ишака!

* * *

В комнате было тихо и спокойно, дремал на кушетке Тоньо... Марко первый залез в комнату и подал руку Адриенне.

– А? – встрепенулся мальчишка.

– Все в порядке? – Марко подмигнул брату, и тот понял: у даны тоже все хорошо. И все они сделали, и ему сейчас расскажут... в красках и подробностях! Вот здорово-то!

– Все в порядке. Мать один раз заглянула, пока вас не было, я сказал, что ты ушел в нужник, а дана решила книжку из комнаты взять.

– Отлично. Отвернитесь все...

Адриенна стремительно перевоплощалась в примерную дану. Плащ улетел в угол, бриджи скрылись под тяжелой вышитой юбкой, на рубашку лег корсаж...

– Марко, завяжи!

– Минутку...

Марко послушно помог подруге с завязками.

– Все, ровно?

– Отлично. Только волосы поправь.

– Сейчас... а что там с этим... Эмилио?

Тоньо метнулся рысью, попробовал лоб.

– Жар спал. Спит...

– Отлично. Может, и правда выживет?

– Если дан Рокко не ошибся?

– Всякое может быть, – пожалала плечами Адриенна. – Проверим. А пока сидим здесь...

Марко покачал головой.

– Мы посидим, Риен, а ты ложись-ка спать? Ненадолго хотя бы... по очереди дремать будем.

Адриенна подумала – и полезла на кушетку. Марко накрыл ее одеялом.

– Вот так... спи.

– Хорошо-о-о-о-о-о-о-о...

Сил девушка действительно потратила много. И спать хотелось.

Дождавшись, пока она уснет, Тоньо посмотрел на брата.

– Марко, а как это было?

– Потрясающе.

Мальчишка даже душой не кривил. Что потрясло – то потрясло. До глубины души.

– Расскажи!

– Слово дай, что никому... тогда расскажу.

Тоньо послушно плюнул на ладонь и протянул Марко руку.

– Слово. Чтоб мне опаршиветь...

Марко сделал то же самое. Две руки встретились... и кому какое дело, что ребята – братья только наполовину! Это их лучшая половина, точно!

– Слушай...

* * *

Если бы Адриенна спала, было бы обиднее. А так досталось Тоньо. Он уснул под утро, его и разбудил вопль дана Энрико.

– Дана!!! ДАНА АДРИЕННА!!!

Девушка выглянула из комнаты.

– Чего вы кричите? Эмилио спит...

– Спит?! СПИТ?! Просто спит?!

Дан осел в коридоре, словно ноги его и не держали.

– Ночью жар спал, – тоном примерной ученицы доложила Адриенна. – И дан Эмилио проспал до утра. Не знаю, что там с ранами, но мне кажется, повязки поменьше промокли...

– Это потому, что сегодня ночью ньор Джанкарло Марроне застрелил Леверранское чудовище!

– Что вы говорите! – ахнула Адриенна. – А как?! Расскажите?!

– Даже покажем... я распорядился его сюда привезти.

– Ой... зачем?!

– А потом в столицу. К его величеству!

Адриенна сощурилась.

– Вы?!

– Ну... да, – удивился Энрико Делука. – А что?

– Вот и мне интересно, что именно достанется ньору Марроне после вашего рассказа? Деньги? Или устная благодарность?

Дан побагровел.

– Дана Адриенна, если вы намекаете...

– Не намекаю. – Адриенна примирительно подняла руку. – Но надеюсь, что ньор поедет с вами в столицу? И вы позаботитесь, чтобы король узнал о его подвиге?

– Безусловно! Я ему жизнью сына обязан!

– А как это произошло? – вспомнила Адриенна. – Хотите рассказать!

Теперь настала очередь дана Энрико отыгрываться на девушке.

– Обещаю, расскажу... за завтраком.

– Вымогательство, – надулась Адриенна.

И отправилась к себе – переодеваться и вообще приводить себя в порядок. А то бриджи под юбкой – удобно, но вдруг заметят? Сусанна, зараза такая, уж точно не пропустит! Хотя не ей бы рот открывать! Никакой пользы от бабы, кроме вреда...

* * *

За завтраком Адриенна узнала и всю историю.

Как оказалось, Джанкарло Марроне решил сам поохотиться на чудовище. Не дожидаясь, пока оно нападет первым.

Вооружился Библией, искупал все снаряжение в святой воде – и пошел в лес.

Сидел и молился... тут на него чудовище и вылетело. Джанкарло ему в морду святую воду и выплеснул.

Оборотня как обожгло, он отпрянул, завертелся, Джанкарло ему Библией по башке навернул для пущего воздействия – и за арбалет! А болты посеребрянные, тут нечисти и конец пришел!

С утра его уже и вскрыть успели, обнаружили... гхм... части человеческих тел... оборотень недавно одного мужчину сожрал, вот, опознали...

У Адриенны аппетит пропал. Но мужчины только радовались.

Радовался и брат Анжело, который вышел из своей комнаты. Он чувствовал себя намного лучше и собирался тоже ехать в столицу. Храбрый ньюр заслужил награду и от церкви, и брат решил позаботиться о лесовике.

За такое – не жалко.

* * *

Волка доставили вскоре после завтрака. Лично ньор Марроне и привез.

Ньор был суров и сдержан.

Волк – громаден и вонюч... Адриенна невольно поежилась. Да он в холке ей чуть не по плечо!

Видела б она это при свете дня – никогда бы не решилась.

А клыки?

Когти?!

Тут не то что взглянуть страшно, тут жуть пробивает. Даже сейчас, когда ондохлый, а демоническая сила ушла...

Мужчины восхищались, разглядывали его...

Брат Анжело перекрестился, для верности несколько раз.

– Да, это он...

– Кошмар жуткий, – согласился дан Энрико.

– Вот что святая водица-то делает! – Падре Санто не мог упустить своего шанса. – И святое слово...

– Особенно ко лбу приложенное... может, в деревянном переплете сделать? – фыркнул кто-то в толпе слуг.

Падре сверкнул глазами, но куда там! Все уже преисполнились благочестия...

Прошло не меньше трех часов, прежде чем все собрались, погрузили больных, погрузили тушу волка, и повозки выехали за ворота.

Адриенна откровенно выдохнула. И порадовалась. Что эта история закончена, что она успешно отделалась от того же Эмилио, который смотрел щенячьими глазами... пусть в столице крутится или еще где, подальше отсюда! Не в шрамах дело, просто Эмилио ей не нужен. Вообще.

И монахи в доме не нужны.

И охотники надоели!

А еще...

Дан Энрико Делука передаст ее письмо Мие Феретти. Точнее, оставит в любой из лавок торгового дома Лаццо, а уж оттуда и до подруги дойдет.

Пока длились сборы, Адриенна сидела и писала письмо, которое начала еще ночью. А что зря время тратить?

Написала, запечатала, отдала...

Мие наверняка будет интересно.

А Адриенне очень интересно, как там дела у подруги. А пока...
Остался главный вопрос.

Кто это был и что это было?

Адриенна подозревала, что ответ ей не понравится, но узнать его все равно было не у кого... что ж! Значит – без вопросов и за дело!

– Папа, теперь мне можно на пастбища? Когда эту тварь затравили.

– Н-ну...

– Отлично! Я сейчас, только переоденусь...

Дан Марк и слова вымолвить не успел, девушки уже след простыл.

Дети... вот что с ними делать, когда уже нельзя спеленать и уложить в колыбель? Нет ответа...

Глава 8

Лоренцо

Визит к любовнице состоялся как обычно.

Лоренцо всласть поплавал в бассейне, потом к нему присоединилась Бема-фрайя, потом они плавали вместе и продолжили на полу, рядом с бассейном. Благо подушек там было столько, что и пола не видно.

Потом Бема-фрайя отправилась ухаживать за волосами, а Лоренцо – в баню и на массаж.

Любовница к нему присоединиться не могла.

Сложно женщинам... Лоренцо пригладил свои светлые пряди двумя руками, и они уже в порядке.

А она... волосы надо высушить шелком, провести по ним расческой ровно сто раз, а лучше двести, втереть в них какое-то масло...

Когда любовница рассказывала, Лоренцо и половины не запомнил. Только удивился – зачем? Впрочем, у этих женщин всегда и все сложно.

Он расслабился и отдался умелым рукам массажистки.

Пока...

– Ты из Эрвлины?

Шепот был тихим, но вполне отчетливым. Энцо даже дернулся, но сильные пальцы тут же впились в мышцы.

– Молчи! Лежи смирно, отвечай шепотом! У стен есть уши!

Что ж... в этом Лоренцо даже не сомневался. И глаза наверняка есть, и языки... вырвать бы последние щипцами! Одно его движение сойдет за несчастный случай – массажистка сильно нажала или потянула. А вот несколько или разговор – уже нет.

– Да. А ты?

– Тоже. Ты гладиатор...

– Да.

– Я давно хотела с тобой поговорить, но мне мешала напарница. А сегодня ее нет. Меня зовут Дженнара Маньяни.

– Ньора Дженнара, верно?

Девушка чуть сильнее надавила пальцами.

– Да. Ты дан?

– Да.

– Хочешь сбежать отсюда?

Лоренцо насторожился.

Интересно... но за столько времени он уже усвоил – человек человеку волк, товарищ и корм! Если кто считает, что все рабы мечтают о свободе...

А рабов этот кто-то много видел?

Да, мечтают, но далеко не все. Большинство живет при хорошем хозяине и не думает о какой-то самостоятельности, человеческом достоинстве... и вообще не думает. Им и так отлично живется.

Крыша над головой есть, зачастую получше, чем у многих «трущобников», если взять Грязный квартал, к примеру, так и намного лучше.

Кормить – кормят, иногда и денежкой балуют, и кое-какое имущество имеется, та же одежда, а то и безделушки... вон, Энцо тоже раб, а драгоценностей у него как бы не больше, чем два года назад, когда он свободным был. И никто их не отберет.

И деньги есть, Зеки-фрай на него потихоньку ставить начал, по его же, Лоренцо, просьбе...

А если хозяин хороший, так у раба и семья есть. Хозяин в этом еще и заинтересован, так сказать, естественный прирост рабочих рук.

Тут, в Араие, многие уж и не помнят, какое они поколение рабов.

Десятое?

Сотое?

Их деды так жили, они так живут, и все отлично, и стремиться никуда не надо – зачем? Вовсе даже незачем. Предложи такому какую-то сомнительную свободу, так тебе еще и в морду дадут.

Зачем нужна свобода при полной кормушке? Ни к чему.

А вот провокации хозяева устроить могут. Запросто.

Но... в том-то и дело, что это вполне впишется в образ, который нарисовал для себя Лоренцо. Да, он желает на свободу!

И что? Он дан! Он не раб!

А потому схватится и за соломинку. И поговорит с этой девахой... кстати, пора переворачиваться на спину, чтобы она продолжала свою работу. А там посмотрим, кто с кем играет, кто будет в выигрыше...

– Хочу.

– Если возьмешь меня с собой – я помогу.

Энцо не фыркнул только потому, что девица смотрела ему прямо в глаза.

Хорошенькая?

Да вот ни разу и ни близко! Очень даже так себе... черты хоть и мелкие, но если приглядываться, то в них ничего приятного нет. Нос коротковат, подбородка вовсе нет, лобик низкий, волосы неопределенно-темные, глаза карие, но не прозрачные, как у него, а мутноватые, грязноватого оттенка. Фигура? Ну и фигура подкачала, больше всего похоже, что девушку вырубали из дерева тупым топором, и мастер был безнадежно пьян. Общие контуры он наметил, то есть грудь на месте, талия вроде как тоже, а вот выточить, обтесать...

Нет, не красотка. Понятно, почему массажистка: на такую никто не польстится. Непонятно другое.

Массаж – это местное искусство. Арайское. А вот в Эрвлине такое не распространено, нет. Девица же делает свою работу вполне уверенно. Но...

– Чем ты можешь помочь?

– Называй меня Джен. Здесь меня называли Динч...

– Я Энцо. Итак, Джен, чем ты можешь мне помочь?

Рабыня посмотрела серьезно.

– Удрать – не проблема. Но нужно выбраться из города. Снять ошейники, это к кузнецу, потом надо добраться до Эрвлины. Но я не умею... на лодке.

– Я тоже, – не порадовал ее Энцо.

– Тогда только верхом. Нужны кони, причем не меньше трех, два верховых, вьючный. Одежда, припасы... это – деньги. Много денег.

Лоренцо кивнул. С этим спорить было сложно, очень много денег надо, чтобы сбежать из рабства. Рабы столько не зарабатывают, а обчистить шкатулку хозяйки?

– Я банная рабыня. Меня за хорошие руки держат... попробуй проситься на массаж не ко мне, а ко второй женщине.

– Почему?

– Бема ревнива. Ты молод.

Энцо прикрыл глаза.

– Попробую...

– Тогда у нас будет время поговорить. Я могу тебе помочь все купить и приготовить, мне разрешают ходить по городу, я закупаю масла и благовония и людей знаю и вижу.

– Допустим.

Лоренцо ходить по городу не пускали. Свободно – точно нет.

– Я смогу договориться, но нужны будут деньги.

– Я подумаю, – решил Лоренцо. – Давно ты здесь?

– Восьмой год.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать два...

– Понял. Откуда ты массаж умеешь?

– У меня мать падала, ногу сломала, срослось плохо. Сказали, массаж может помочь, приглашали массажистку. Я смотрела, потом интересно стало, я у нее учиться начала. Моя семья ньюры, из небогатых, отец не возражал. Сказал, при деньгах буду, а то и родным помогу...

– А здесь ты как оказалась?

– Плыла с мужем на корабле. Пираты, потом сюда... поднимайтесь, Ангел-фрай, я закончила...

Энцо послушно встал с массажного стола, и вовремя. В комнату вошла Бема-фрайя.

– Ты доволен, дорогой мой?

Лоренцо посмотрел на любовницу, и подумал, что даже в своем возрасте она выглядит намного лучше, чем эта... Джен.

Тело ухоженное, холеное, красивое, волосы шикарные, лицо без единой морщинки, разве что шея чуточку выдает возраст, но именно что чуть и надо долго приглядываться...

– Ты восхитительна, – искренне сказал он.

Бема-фрайя поняла, что ей не льстят, а просто восхищаются, и расцвела в улыбке.

– Милый...

К мальчику она искренне привязалась.

Думала, на раз-другой – и хватит, а оказалось, что надолго. Мальчик оказался умным и чутким, трепетным и ласковым, к тому же не слишком опытным в любовных делах...

Нет, Бема-фрайя просто не могла от него оторваться.

Лоренцо подошел и поцеловал ей руку. Тоже – просто так.

Бема-фрайя окончательно растаяла, и к разговору о массажистке они вернулись только спустя долгое время.

– Может, ты ее заменишь? Страшная она, как смертный грех... – забросил удочку Энцо.

Бема-фрайя прищурилась.

– Динч тебе не понравилась?

– Ну... приятнее смотреть на что-то красивое.

– Будешь смотреть на меня, – твердо решила женщина. – А Динч... руки у нее хорошие.

– Ну... Руки – хорошие, – словно бы вынужденно признал Энцо.

– А в лицо ей смотреть и не обязательно. Закрой глаза и думай обо мне.

– А с открытыми глазами о тебе можно думать?

– Можно и не только думать...

И любовные игры продолжились – к взаимному удовольствию участников.

* * *

В следующий раз с Динч удалось поговорить только дней через десять.

Все верно, умна ли была рабыня, глупа ли, а характер хозяйки понимала. Бема-фрайя действительно сделала так, что Лоренцо попадал только в руки страшной рабыни.

– Что именно ты хочешь сделать? – не стал тратить время на расшаркивания Энцо.

– Я хочу домой. Ты можешь найти деньги, опять же, вдвоем нам будет проще. Мужчина одинокий – одно, мужчина с женой – другое.

– С женой?

– Для вида. Ты не так давно здесь живешь, а я все местные обычаи знаю, и как сказать, и кому, и говорю лучше тебя...

С этим спорить было сложно. И Лоренцо махнул рукой.

– Давай попробуем.

Зеки-фрай отдельно, эта – отдельно. А где получится, там и получится.

Женщина опустила глаза.

– Хорошо. Я знаю, с кем поговорить. Нужны будут лошади, их надо где-то держать...

Энцо понял без слов.

– У меня с собой столько нет. Потом принесу.

– И еще. Я думаю, вместо вьючных лошадей, надо сторговать двоих мулов. Они лучше.

Энцо кивнул.

Что ж.

Надо пробовать...

Чем он рискует? Деньгами?

А что это для раба? Да так, мусор, пыль... в любой момент тот же ланиста может приказать – и Лоренцо их отдаст. То, что с ним пока похорошему, так это до поры. Но стоит Лоренцо сделать что-то, что не понравится хозяину...

Так что пусть деньги пойдут в руки этой Динч. И – нет. Не жалко.

– Ты вообще не выходишь в город?

Энцо качнул головой.

– Поговори с носильщиками. Старшего в четверке зовут Али. Или если другая четверка – Юсуф. Но с тем лучше не надо... Он все хозяйке расскажет. А вот Али за небольшую плату может повозить тебя по городу. Не когда сюда, конечно... но ты понимаешь?

Энцо понимал.

Поймал ручку, пахнущую массажным маслом, коснулся губами мягкой ладошки.

– Спасибо, ньора.

Ньора покраснела, став похожей на селедку в красном винном соусе. Но Энцо такие мелочи не волновали. Это его ключ к свободе, а как он выглядит... да хоть бы и страшнее черта!

Ему на этой девице не жениться!

– Я... я хочу домой. К родным...

И вот теперь она точно не врала.

Только вот... Энцо промолчал о том, о чем она и сама знала.

Восемь. Лет.

Что может случиться за это время? Да что угодно, и моря иссыхают, и люди умирают, и что угодно.

Восемь лет.

С другой стороны, если ему удастся выбраться, он ведь Динч... то есть Джен, все равно не бросит? Нет, не бросит.
Лишь бы хоть где-то да удалось...

* * *

Как отличить Али, Лоренцо знал от той же Динч. У него на щеке бородавка.

Вот сегодня и присмотримся.

Вроде как бородавка действительно была, Лоренцо видел, что Зеки-фрай не приехал за ним, ну и рискнул.

– Али-фрай?

Мужчина повернул к нему голову.

– Я раб. Али.

Энцо тряхнул волосами.

– Я тоже раб, Али. Даже без имени. Только кличка на арене.

– Ты хорошо дерешься. Я видел...

– Спасибо тебе. Возьми, поставишь на меня... или что купишь...

Маленький мешочек перекочевал в руку Али – и тут же растворился в складках набедренной повязки. Словно и не было его...

– Спасибо... Ангел.

– Тебе спасибо, Али. Скажи, ты ведь хорошо знаешь Ваффу?

– Да, Ангел.

– А можешь ты мне рассказать, где какие кварталы, улицы... пожалуйста.

В руке Лоренцо возник еще один мешочек. Али посмотрел на него с пониманием.

– Могу даже пойти по тем улицам...

– Да я не знаю, как лучше, – чуточку растерялся Энцо. – Я ведь и правда в городе как чужой, ничего тут не знаю. Заблужусь – так и к арене не выйду... хоть знать бы, куда не соваться, где можно идти спокойно...

– А-а...

Вот эту причину Али понимал. И объяснение принял спокойно.

– В родном-то городе я все знал, а здесь...

– Я покажу. Не задерживай занавеску и слушай, Ангел. Я рассказывать буду.

– Спасибо.

Второй мешочек перекочевал к новому хозяину. Энцо даже не сомневался: заработок будет честно поделен на всех носильщиков. И о нем будут молчать.

Рабы могут не хотеть на свободу. Но любой человек всегда будет искать выгоду для себя.

Энцо послушно забрался в паланкин, и Али подхватил один из шестов. Первый совет Динч оказался очень удачным.

Мия

– Леверранское чудовище!

– Оборотень!

– Нечистая сила!

В столице уже несколько дней был аншлаг. Потому как привезли тушу оборотня.

Ладно, не совсем тушу, такое довести было нереально, поэтому по дороге нашли чучельника и кое-как набили чучело.

Но даже оно... внушало!

Ужасало, притягивало взгляды, люди подходили, осматривали клыки, когти, понимали, что это не искусство чучельника, а как есть доподлинная реальность, ужасались и отходили.

Было откровенно жутко.

В первый же день в столице Делука отправились на прием к его величеству.

Король принял всех, даже ньора Марроне, и принялся расспрашивать.

Ньор рассказал все как на духу, не особенно и стесняясь. А чего?

Король один, а лесов много. Если что, так его и с собаками не найдут...

Кардинал Санторо, присутствовавший при этой беседе, пытался что-то узнать подробнее, но тут уж Джанкарло стоял как вкопанный.

Все так и было!

Святой водой ему в морду, ну и ошеломил... и потом, с благословением-то... чего ж не драться? Благословите, отче?

Кардинал растаял и благословил. И даже посулил награду от церкви. Да что там посулил! Дал!

Правда, сначала его величество подумал, да и пожаловал ньюра Марроне титулом. И даже земельку отвел... немного. Именно, что в лесу, неподалеку от Альмонте. Сказал, что за такое – не жалко.

Это когда ему чудовище поднесли поближе и посмотреть дали и когда королевский лесничий и чучельник авторитетно подтвердили, что все без обману.

Вот такое оно и при жизни было, только еще хуже. Сейчас-то не кусается...

Еще от щедрот церковных дану Марроне перепала тысяча лоринов. И грамотка.

Вот куда б его ни занесло, в любом храме он получит и помощь, и поддержку... мало ли что? Это же подтвердил и брат Анжело. И добавил от себя перстень.

Простой, железный, со следом волчьей лапы. Мол, знать тебе, что это за знак, не надобно, а при случае поможет. Ты только в монастыре покажи, отказа ни в чем не будет.

Джанкарло кланялся, благодарил и думал, что так несправедливо получается. Дана СибЛевран эту тварь выманила, ему сказала, что сделать надо, а он...

Но дана Адриенна просила и умоляла молчать. Все ж ритуал этот не так чтобы хороший и добрый. И Джанкарло молчал.

Он найдет случай отплатить добром за добро. Дайте только время.

* * *

Дане не полагается...

Вот, в том числе и открывать самой дверь: на то слуги есть.

И разговаривать с незнакомцами.

Но если бы мужчины – трое – ушли, Мия потом бы померла от любопытства. А что?

Стоят такие... суровые, серьезные, на пороге, один перевязан весь, но, кажется, он самый младший, второй постарше, третий совсем... даже старше дяди. Кажется, отец и двое сыновей. У отца в руках письмо вроде как...

Как же хорошо, что дядя Джакомо как раз был дома. Так что гостям и открыли, и в дом их пустили, а спустя несколько минут дядя поднялся к Мие и принес в руках тот самый конверт.

– Мия, подумай, как лучше. Это дан Энрико Делука с сыновьями. Старший – Рафаэлло, младший – тот, что поранен весь, – Эмилио. Они привезли тебе письмо от даны СибЛевран. И я бы предпочел их принять гостеприимно.

– Я согласна, дядя.

– Тогда переоденься... ты поняла, пострашнее?

Мия кивнула.

– Девочек позвать можно?

– Конечно. Я сейчас их позову, им по возрасту можно еще, особенно в твоем и моем присутствии.

Мия кивнула – и кинулась к зеркалу.

Очарования ей было не занимать. И внешность, и молодость... еще и дана. И с приданным.

Завидная невеста?

А вот тут и начинается самое неприятное. Невестой Мия быть и не хотела. Решительно и бесповоротно. Вот зачем ей это надо, что она там забыла?

Проще чуточку поменять себя, чем потом расхлебывать последствия да отбиваться от женихов. Но менять лицо... нет, не стоит. Дома ты одна, на улице другая, тут и запутаться недолго. Но ведь можно и без метаморфоз обойтись?

Можно! Да еще как!

Волосы зачесать назад, да гладко, да водой смочить, чтобы потемнее казались, за щеки толщинки сунуть, чтобы овал лица изуродовать, брови карандашом почернее подвести – красота!

И платье специальное, «выходное».

Вдохновенный шедевр умной портнихи.

Надел такое – и талии у тебя нет, ноги короткие, а руки слишком длинные. Визуально оно искажает пропорции так, что смотреть потом на девушку жалко. Да еще и цвет.

Такой... красновато-розоватый, откровенно мерзковатый. И кожа при нем мигом становится пористой и гадкой, и прыщи... о, парочку прыщей можно добавить. Их-то можно менять, как пожелаешь, сегодня здесь, завтра там, это ж прыщи!

Мия своего добилаась.

Представленные даны покосились на нее с жалостью. Бывает... при хорошеньких сестричках да такая кикимора болотная. Но вроде как не злая?

И принялись рассказывать.

Про чудовище, про охоты, про дану СибЛевран...

Слушали все Феретти, от мала до велика. А Серена вообще подобралась поближе к дану Эмилио и смотрела на него так...

Внимание на это обратили все, кроме Джулии.

И – промолчали.

А что?

Эмилио второй сын, Серена – третья дочь, но с приданым, хорошенькая, неглупая, со связями... пока для них еще рано, а вот года через три-четыре, чего б и не приглядеться?

А пока попробовать подружиться.

Тем более что это было выгодно обеим сторонам. Соловьём разливался Джакомо, почуявший свою выгоду. Связями прирастет, тем более Делука не дурак, а сейчас еще и почти что победитель чудовища, может награду от короля получить.

Соловьём заливался Энрико, который четко понимал: деньги нужны всегда. И если дан Джакомо хорошо устроился в купеческой семье... Лаццо – это вам не абы кто и что, это действительно хорошие деньги.

Рафаэлло, после пинка под столом, рассказывал Мии про Адриенну, беззлобно подшучивал над братом, мол, девушка с тобой ночь провела, а ты ничего и не запомнил.

Эмилио отшучивался, говорил, что теперь ему надо бы добром за добро отплатить, то есть провести ночь у постели Адриенны СибЛевран, да кто ж даст?

Серена ревновала.

Мия мечтала прочитать письмо, которое лежало у нее в кармане платья, но терпела. Пока она послушает предысторию.

И все больше и больше она убеждалась: ох, не просто так убили оборотня! Нет, не просто!

Откуда-то ж у Адриенны взялся порез на руке... она сказала: случайно, но – вдруг? В ритуале как раз кровь и требовалась. Порез

дан Энрико мог бы и не заметить, но он руку дане целовал на прощание. Вот и вспомнилось...

И Эмилио, который ничего не помнит...

Была рядом с ним Адриенна? Не была?

Он ничего и ответить не сможет. Но, наверное, подруга потом сама Мие напишет. И расскажет... или уже написала и рассказала.

А самое-то главное что?

Да то, что никто теперь не сможет помешать Мие поехать в Альмонте! На предзимнюю ярмарку!

И жемчуг лежит, который она в подарок отложила, и всякие безделушки для других обитателей СибЛеврана...

Надо поговорить с дядей, чтобы не случилось, как в том году. И Мия обязательно поедет!

* * *

Делука ушли поздно вечером.

Эмилио лично отнес в постель задремавшую Серену, Рафаэлло так же донес Джулию, в знак любезности. Джакомо пригласил данов заходить без церемоний, в его доме они всегда будут желанными гостями. И с Лаццо обещал познакомиться.

Когда слуга закрыл дверь за гостями, Мия упала в кресло, стерла лишнюю косметику, и улыбнулась дяде.

– Дядя, вы же не против? Хочу съездить в СибЛевран.

– Совершенно не против. Работы пока нет, – отмахнулся Джакомо. – Поезжай, только, пожалуйста, осторожнее.

– Вы не поедете?

Джакомо посмотрел с искренним удивлением.

– Зачем? Мне и тут неплохо, и за девочками пригляжу.

– Их можно бы и к Марии под крылышко, – подсказала Мия, которая чутьем поняла: нельзя сейчас соглашаться. Нет, нельзя...

– Ну... не знаю...

– Вот. А вы бы поехали.

Джакомо окончательно убедился, что Мия не пытается от него отделаться или что-то скрыть, и махнул рукой.

– Нет. Мия, ты поезжай с тем же Паскуале, он за тобой присмотрит. А я пока в столице побуду... вдруг что интересненькое подвернется.

– Главное, чтобы выгодное, – чопорно напомнила Мия. – А то поездка – расходы.

– Раз уж она тебе нужна, – пожал плечами Джакомо.

Мия вздохнула. Побарабанила пальцами по столу.

– Энцо ее любил. Любит...

Больше объяснять и не требовалось.

Джакомо преотлично знал, что Мия никогда не смирится с гибелью брата, что Адриенна... если это – единственный человек, с которым она может говорить о брате, как о живом?

Этим все и сказано.

– Поезжай. И береги себя.

Мия поцеловала дядю и вышла.

* * *

Поздно ночью она лежала на кровати и раз за разом перечитывала письмо подруги.

Что ж. Энцо выбрал себе достойную подругу.

Настоящую.

И Мия будет рада ее увидеть и принять в семью. Она обязательно поедет в Альмонте.

Адриенна

В Альмонте, на предзимнюю ярмарку, Адриенна ехала со сложными чувствами. Смесью чувств.

Ей жутко хотелось увидеть Мию Феретти. И... она боялась.

Ее? Нет. Адриенна была уверена: как бы ни сложилось дело, Мия не причинит ей вреда.

Себя? Тоже, наверное, нет.

Адриенна боялась разочароваться. А вот в чем именно, она и сама не знала. Наверное, в той безумной ночи в Маньи.

Тогда две девушки смотрели в глаза друг другу и понимали – они не родственники, но между ними есть – что?!

Непонятно.

И вот не надо о противоестественных отношениях! Таких мыслей не возникало ни у одной из девушек. А вот какие были?

Спокойствие. Тепло. Чутьочка безумия. И ощущение, словно сложились две половинки одного рисунка. Вот раньше они были далеко, а сейчас встретились. И все правильно.

Все хорошо.

Если бы Адриенна могла выйти замуж за Лоренцо, она была бы счастлива. И потому, что это – Лоренцо, и потому, что Мия была бы рядом. Но похоть? Страсть?

Нет. Это было другое. И Адриенна боялась и разобраться в своих ощущениях, и потерять их...

А еще...

Говорить Мие или нет? О Сибеллинах?

Адриенна не знала. И мучилась всю дорогу до Альмонте. Впрочем, если бы она знала, что Мия переживает точно так же...

Она бы переживала еще больше.

Но вот и привычный уже постоянный двор.

И Паскуале.

И рядом с ним стоит невысокая светловолосая фигурка.

Адриенна спрыгнула с лошади, сделала шаг навстречу Мие.

Второй.

Третий...

Мия тоже пошла вперед. Они встретились ровно на половине пути, словно десять раз репетировали, застыли на миг, глядя друг другу в глаза.

– Я рада, что ты приехала.

– И я рада.

И не важно, кто и что сказал. Здесь и сейчас девушки чувствовали одинаково.

Они были совсем не похожи.

Мия – белокурая, изящная, словно фея.

Адриенна – черноволосая, холодная, острая, как клинок.

Но... кто сказал, что не бывает фей с клинком? И что они не могут быть неразделимы?

Вечером все сидели в общем зале трактира.

Паскуале Лаццо, дан Рокко, дан Марк... мужчины отмечали рождение внука. Джачинта написала недавно – у нее родился сын. Дан Каттанео был счастлив до безумия.

Они с Анжелло подбирали имена, искренне сожалея, что Анжелло не может стать еще и крестным отцом ребенка. Но пока – маловат.

Мия и Адриенна удрали ото всех.

Они сидели наверху, в покоях Адриенны, – и молчали.

Сначала было как-то неловко. А потом...

– Спасибо тебе за ритуал.

– Ты ведь его провела, – чуточку расслабилась Мия. – Ты могла погибнуть.

– Могла. Но эта тварь пришла на мою землю.

– И что? Как пришел, так и ушел бы!

– И если бы мы его не убили, ты бы точно не приехала. Ньор Лаццо не стал бы рисковать.

– Нет, не стал...

Постепенно девушкам становилось легче.

Слово, два... и вот уже они захлеб болтают о столице, то есть Мия рассказывает, а Адриенна слушает. Потом о СибЛевране...

Потом – о человеке, который интересен им обеим.

О Лоренцо.

Мия рассказывала, какой он был в детстве, об их жизни, о родителях... Адриенна внимательно слушала, задавала вопросы, рассказала о своих родных...

Мия задумалась.

Может, ей взять подработку? Съездить в гости в СибЛевран?

Ну зачем Адриенне мачеха? Эта самая эданна Сусанна? Она и человек-то дрянной, даже внука, пусть и незаконного, видеть не хочет... Мия бы даже бесплатно поработала.

Останавливало только расстояние. Вот будь эданна Сусанна рядом, ни за что бы девушка не удержалась.

И уходила куда-то неловкость, а на ее место приходило теплое и уютное взаимопонимание. Как между родными сестрами, даже сильнее. Иногда родные в горло друг другу вцепиться готовы, а тут посторонние девушки, но...

Адриенна подумала, что если она начнет фразу, то Мия ее продолжит. И все будет правильно.

Мия подумала примерно о том же.

– Ты не хочешь чуточку погулять? – предложила Мия.

– Коней проведать, – согласилась Адриенна.

Девушки успели уже обменяться подарками. И Адриенна щеголяла ниткой молочного жемчуга, а Мия успела угостить свою Ласточку морковкой, до которой кобылка была большой охотницей. Не то чтобы она любила коней, но пусть будет своя лошадь.

Хорошая, выезженная, выученная, еще и красивая. Вороная, только на носу белая стрелка и на ногах «чулочки». Мия на ней хорошо смотреться будет.

Девушки переглянулись и направились вниз.

Увы – мимо общей залы.

* * *

Ньор Брунетти погулять любил. С размахом...

Ему – можно!

Погонщик скота, знаете ли...

Ремесло это тяжелое, серьезное, хорошо оплачиваемое... вот, пригнали они стадо на ярмарку. Теперь можно и погулять, и расслабиться.

Выпил ньор Фабио Брунетти не так и мало. Пиво подошло к концу – во всех смыслах. Надо было и заказать новое, и слить уже выпитое, и он отправился на двор.

И на лестнице увидел...

Кому-то нравятся блондинки. А вот Фабио, будучи сам белобрысым и вообще сильно похожим на раскормленную моль, обожал брюнеточек. Да, вот именно таких.

Глазки большие, фигурка точеная... иди сюда, моя прелесть... у-тю-тю... Он уже и руку протянул, чтобы ухватить красоточку за косу и притянуть к себе... так в руки и просится кое-что...

Адриенна молча дернулась в сторону и залепила нахалу оплеуху. Аж звон пошел.

Фабио взревел и двинулся вперед – на девушку.

Сейчас он схватит ее, притянет к себе... ну и поцелует для начала! О себе Фабио знал все! Не то чтобы невероятный красавец, но

мужчина в теле, обаятельный, уверенный в себе... его быстро начинали ценить по достоинству.

Адриенна и ахнуть не успела.

На миг ей показалось, что стены взволновались и пол пошатнулся...

Нет. Это просто Мия.

Девушка перепрыгнула через перила, приземлилась на пол, мигом оказалась позади ньюра Брунетти – и подсекла его под колени.

Мужчина рухнул так, что по гостинице гул пошел. И Мия без размышлений добила его носком сапожка в голову.

Не убила, нет...

Но провалиется он несколько дней... были бы мозги, было бы сотрясение. А так...

Тьфу!

– Умер? – Адриенна вжалась в стену.

– Вот еще, – фыркнула Мия. – Убивать такое?

– Дана! Что случилось?!

На шум прибежали мужчины, в том числе и хозяин гостиницы. Картина, представшая перед их глазами, была совершенно мирной.

Две даны, чуточку испуганные и растерянные, но целые и невредимые.

Ньюр на полу. Судя по мощному сопению и запаху пива... пьяный, что ли?

Мия на секунду растерялась. Сказать, что эта дрянь пристала к Адриенне? Но... она просто не успела. Адриенна шагнула вперед.

– Мы спустились. Мужчина вышел из общего зала, что-то пробормотал и потянулся к нам. Наверное, хотел, чтобы ему помогли. Может, пиво некачественное?

– У меня качественное пиво, дана! – даже оскорбился хозяин гостиницы.

– Ну, после двадцатой кружки чем хочешь отравишься. Говорили же древние, мол, в ложке лекарство, в чашке яд? – предположила Адриенна.

В это поверили быстрее. Действительно, прилетела птичка «перепел», да и клюнула. Чего удивительного? Упал, ударился...

По пьяни оно всяко бывает...

– Мы испугались, – заверила Мия.

Выглядела она сущим ангелочком, так что собравшиеся поверили. Действительно, ну не могла же она причинить вред человеку? Тем более крупному, взрослому... да вы их просто сравните! В Фабио же трех таких, как Мия, запихать можно! А то и четырех, если утрамбовать! Его скоро лошадь-то не поднимет!

Дальше все разрешилось к общему удовольствию. Фабио уволокли друзья, Адриенна с Мией отправились во двор. К лошадям.

* * *

– Ты его убить хотела. Я видела.

– Да, – не стала скрывать Мия. – Тебя это пугает?

Адриенна прислушалась к себе.

И снова, как той ночью, вдруг ощутила... понимание. И шальную, хмельную легкость.

– Нет.

– Правильно. Если бы он протянул руку ко мне, я бы ее просто сломала. А он хотел тронуть тебя.

– И ты...

Мия развела руками.

– Меня словно в спину толкнуло. Такая злоба накатила... такая ярость... не могу описать. У меня на глазах, и какая-то мразь...

– Тянет руки – к кому? – тихо спросила Адриенна.

– К сестре? – не задумалась Мия. – Ты мне не сестра, но за малышей, за Лоренцо я бы так же его... разорвала бы на клочья!

Адриенна кивнула.

– Я бы тоже... за тебя – в любую секунду. Я растерялась...

Мия кивнула.

– Я верю. Ты меня не боишься?

– Нет. Ты никогда не причинишь мне вреда.

– Не причиню. Не смогу, – кивнула Мия. И, уже озвучив эти слова, поняла, что они легли словно вечный запрет.

Действительно – не сможет.

– Я была бы рада, стань ты моей сестрой, – призналась Адриенна.

Мия опустила глаза.

Она могла бы предложить побрататься через кровь, да вот беда! С кровью у нее крайне сложные отношения. И рассказать про них Адриенне...

Можно ли?

Или попробовать чуточку иначе?

– Если бы ты вышла замуж за Энцо... я бы этого хотела.

– Я бы тоже! – почти стоном вырвалось у Адриенны. – Больше всего на свете.

– С кем ты помолвлена? – прямо спросила Мия. – Почему эту помолвку нельзя разорвать?

Теперь перед сложным выбором уже оказалась Адриенна. Рассказать?

Смолчать?

Но...

– Мия, дай мне клятву, что ты не расскажешь никому то, что я тебе скажу.

Мия даже не задумалась.

– Клянусь своей матерью – да изольется ее чрево, клянусь своим родом – да пресечется он навеки, клянусь своим чревом – да будет оно вовеки бесплодным, клянусь своим сердцем – да остановится оно в тот же миг. Я никому и ничего о тебе не расскажу, если молчание не станет угрозой мне или моим близким.

Адриенна взяла ее за руку и посмотрела прямо в глаза.

– Я помолвлена с его высочеством Филиппо. В будущем – Четвертым...

Слова, которые вырвались у Мии, больше подходили как раз ньору Брунетти. Но...

– Правда?

– Поклясться? – вежливо спросила Адриенна.

– Но... прости, но где король, а где ты?

Адриенна только вздохнула.

– Это долгая история, Мия. Очень долгая.

– А мы здесь еще несколько дней пробудем, – отрезала... сестра. Да, сестра. И плевать на разную кровь! Есть связи и превыше кровных. – Уложишься?

– Даже в полчаса, – прикинула Адриенна. – Только надо так, чтобы нас не услышали.

Мия кивнула.

Девушки чинно уселись в небольшой беседке.

Раньше ее оплетал плющ и ничего не было видно. Сейчас сиротливо и голо торчали жерди, зато незамеченным подойти к ним никто не мог. А ветер, который пролетал беседку насквозь... ну, это же не сквозняк? Это просто такая погода на улице.

Адриенна практически ничего не скрывала. Кроме Морганы.

Моргана была не ее тайной. А вот остальное... о Сибеллинах, о вызове во дворец и помолвке, о проклятии королевской крови...

Мия молча слушала.

Не перебивала, не спорила... и подвела итог, когда Адриенна закончила свой рассказ:

– Если бы этот идиот тебя хоть царапнул – он бы умер?

– Без сомнения.

– Тогда ему повезло. Впрочем, может, еще и помрет к утру. Голова – штука непредсказуемая, а била я от души, очень уж разозлилась.

Адриенна даже плечами пожать не соизволила. Подумаешь... помрет! Туда и дорога!

Щенячья жестокость, наверное...

Мия еще несколько минут сидела молча. А потом огляделась.

– Что ж. Откровенность за откровенность, Риен. Ты рассказала мне правду о себе, а я объясню тебе, почему я согласилась на предложение своего дяди. Почему начала убивать людей. Почему никогда не выйду замуж.

– Почему?

– Потому что я не человек.

– Но...

– Просто посмотри мне в глаза. На мое лицо...

Ночь была достаточно светлой, чтобы Адриенна видела. И... это поражало.

Ужасало?

Нет, вот ужаса или отвращения она не испытывала, а любопытство было. Громадное...

Мия на глазах Адриенны меняла внешность.

Минута – и вот перед Адриенной стоит ее точная копия, только светловолосая. Цвет волос Мия принципиально не меняла, мало ли кто из окна посмотрит. Лицо не увидят, а волосы могут разглядеть. Еще

минута – и Мия воспроизвела лицо Паскуале, потом дана Марка, потом подавальщицы...

– Достаточно, – попросила ее Адриенна. – Я поняла все, кроме одного. Мия, кто ты такая?

И какое же облегчение испытала Мия при этом вопросе.

Кто! Не что, не откуда... просто – кто? Человек, но с необычными способностями.

А еще Адриенна смотрела спокойно, без отвращения, не отталкивая подругу, не отвергая... она мгновенно приняла ее. Мия не знала, как к ней отнесутся брат и сестры, а Адриенна... она даже не задумалась.

Все было хорошо и правильно для даны СибЛевран. Просто кто-то блондин, кто-то брюнет, а кто-то метаморф. Вот и вся разница.

– Мать говорила, я метаморф. Прабабка такая была, ну и мне передалось.

– Вот даже как... а почему она такой была?

– В подробностях прабабка была скупа. Упомянула, что это родовое – и только.

Действительно, не рассказывать же то, что ты еще сама не проверила? В том числе и о зеркале мастера Сальвадори?

– Но ведь у нее были дети? И у тебя могут быть...

– Прабабка служила королеве. А я? Вряд ли меня кто-то будет защищать, – скривила губы Мия.

Адриенна подумала, что знает, кого расспросить по этому вопросу. И...

– Говоришь, служила королеве?

Девушки дружно прыснули.

– Ладно, – величественно махнула рукой Мия. – Станешь королевой – зови. Если отвертеться не удастся, приду тебе послужить.

Адриенна закрыла лицо руками.

– С каким бы удовольствием я стала даной Феретти... Ох, Мия...

И не врал. Мия это чувствовала. Адриенна действительно променяла бы и корону, и королевство, и все наследие предков на Лоренцо Феретти. И это заслуживало уважения.

Мия коснулась руки сестры.

– Не переживай. Даже если ты станешь королевой, ты всегда сможешь стать вдовствующей королевой-матерью, к примеру.

– Не шути так, это опасно.
Мия пожала плечами.
И почему Адриенна решила, что она так шутит?
Она абсолютно серьезно...

* * *

Ньор Брунетти лежал на кровати и смотрел в окно.
Болела голова, болели ноги... подташнивало.
Замечательно начавшийся вечер превратился в пытку. Приятели оставили его в комнате одного и ушли в бордель. А он лежал и размышлял.
Фабио был человеком злопамятным, и прощать никому ничего не собирался. Так что...
Сегодня он еще полежит.
И завтра тоже. А послезавтра подкараулит где-нибудь брюнеточку. И обстоятельно так разьяснит, что настоящие мужчины отказов не принимают. Им вообще никто и никогда не отказывает... а получает удовольствие.
И сверху, и снизу, и вообще...
Расслабившись в мечтах, Фабио не заметил, как окно на миг закрыла темная тень. Он и встать-то не успел, когда Мия спрыгнула на пол его комнаты.
А потом было уже поздно.
Есть вещи, которые замечательно оглушают, а следов потом и не остается, если бить правильно. Да и следы на недоумке уже есть...
Взлетел и упал на голову Фабио носок с песком, врезал прямо по лбу...
Погонщик скота откинулся обратно на кровати, приложился еще и затылком, но ему уже это было безразлично. Ничего он такого не чувствовал...
И как Мия положила ему на лицо подушку и придавила – тоже.
И держала, пока тело под ее руками не дернулось последний раз и не расслабилось – во всех смыслах.
Гадостно запахло...

Мия аккуратно убрала подушку, поправила тело так, чтобы оно лежало естественно, навела в комнате... ладно, порядок в комнате, в которой живут несколько мужиков, навести очень сложно. Но убрать следы своего присутствия – вполне.

Носок отправился в карман, отпечатки подошв были вытерты...

Мия, с чувством выполненного долга, проверила все еще раз – и преспокойно вышла через дверь. Заперла ее снаружи, как было, пользуясь отмычкой.

Никто ей и не встретился.

Угрызения совести?

Да их и рядом не было, что вы!

Это существо подняло руку на Адриенну СибЛевран. И подписало себе смертный приговор. Удержать Мию от возмездия не смог бы никто. Отговорить или переубедить – тоже. Даже Адриенна... что она может понимать в таких делах? Она же с этой грязью не сталкивалась, ее нужно оберегать и защищать. А Мия таких уродов навидалась.

Сегодня он отлежится, а завтра-послезавтра придумает какую-нибудь пакость, она даже не сомневалась. Какую?

Да самое простое: подкараулить или ее, или Адриенну в укромном закутке с дружками. И проверить на девственность примитивным способом. То есть – пустить по кругу.

Ладно, что касается Мии, она даже не сомневалась в себе. Подумаешь, новости?

Сколько нарвется, столько и ляжет. Хоть кругом, хоть квадратом.

А Адриенна?

Она сможет защититься? Кое-что она умеет, но... не то! Нет, не то. Она не сможет бить первой, она ответит ударом на удар, но если уродов будет трое-четверо... Она с ними не справится. И свойство королевской крови ее не защитит.

Для этого кровь должна пролиться.

Вред должен быть нанесен.

А жить как с этим вредом потом? Понятно, твои обидчики сдохнут в муках, но тебе это здоровья не вернет! Адриенна и сама это преотлично понимала, и старалась не нарываться, но здесь и сейчас выбора не было.

Это даже не убийство, Мия ведь не получит за него денег!

Это просто законная самозащита!

А еще...

Признаваться Мия не спешила даже самой себе, но ей хотелось видеть реакцию Адриенны на это известие. Она будет – что?

Ругаться, бояться, благодарить? Ладно, последнее – вряд ли. Но что она сделает?

Мие было откровенно интересно.

* * *

Адриенна как раз завтракала, кстати, за одним столом с Мией, когда обнаружили тело.

А что? Ночью, что ли, из борделя возвращаться? Да тьфу на вас за такие глупости! Приличные люди из борделя возвращаются как раз утром, погуляв, отоспавшись, приняв «на посошок»...

Вот первый пришедший и нашел своего друга. Уже холодного и весьма неэстетичного.

И помчался по постоялому двору с воплями.

Странные люди! Можно подумать, они трупов не видели.

Мия продолжала уплетать яичницу. Она трупы видела и не собиралась портить себе аппетит даже мыслями о покойнике.

А вот Адриенна насторожилась.

– Мия?

– Да? Ум...

– Ты мне ничего не хочешь сказать?

Дана Феретти пожала плечами.

– Ты и так все знаешь. Да, это он. Да, это я.

Адриенна сдвинула брови.

– Во сколько это было?

– Где-то в районе полуночи. – Мия не могла понять реакцию подруги. Впрочем, то, что произошло потом, ее удивило.

– Я скажу, что мы ночевали вместе. Мне было страшно после нападения, и ты меня успокаивала. И осталась ночевать у меня.

До появления слова «алиби» пройдет еще немало времени. Но Мия оценила.

– Ты... не боишься?

– Если бы тебя поймали, это было бы очень плохо. Если соберешься кого-то еще убить, скажи мне об этом. Я постараюсь помочь.

И Мия расслабилась. Улыбнулась, откинулась на спинку стула.

– Риен, ты чудо.

Адриенна скопировала ее позу. И ухмыльнулась еще более ядовито.

– О нет! Чудо у нас – это ты. И тебя надо беречь и охранять.

– Меня?! – возмутилась Мия.

– Конечно! Я просто потомок, а вот ты... ты уникальна!

Слышать это было приятно. Но...

– Мне кажется, ты несколько неправильно оцениваешь обстановку. Я себя защитить могу в любой ситуации. А ты?

Адриенна фыркнула.

– Возможно. Но ты слышала мою просьбу.

– Хорошо. Но я надеюсь никого больше не убивать, пока я здесь, в Альмонте.

Как водится, Господь молитвы или не услышал, или не исполнил...

Или просто две даны притягивали неприятности. Но кто бы посмел им об этом сказать?

* * *

– Смотри, какие!

– Ух ты!

Мия и Адриенна и сами по себе выглядели эффектно. Поодиночке.

А уж вместе...

Мужчины просто шеи сворачивали.

Одна – хрупкая блондинка в голубом и воздушном, вторая – брюнетка в черном и струящемся. У обеих одинаковые прически, у обеих совершенно невинный вид... не девочки – мотыльки.

Сейчас крылышками взмахнут и взлетят над грешной землей. Они-то ничего плохого вовек не делали...

А что у Мии два стилета, удавка и короткий нож-засапожник, что у Адриенны засапожник и на запястье надет тяжелый браслет – не ручкой же бить?! Если что, так в полную силу, металлическим украшением, только зубы брызнут...

Это и в голову никому прийти не могло.

И меньше всего Ахмеди-фраю. Он привез на предзимнюю ярмарку несколько фургонов с товарами, вот девушки и не утерпели.

Арайские товары! Шутка ли!

Шелка, каких не найдешь во всем Альмонте, украшения, приправы, духи, ковры, сладости...

Как тут устоять?

Никак!

И девушки упоенно копались в вещах.

Мия накинула на плечи Адриенны темно-синий палантин с серебряным узором.

Адриенна приглядела для подруги нежно-розовый шелк, шитый золотом...

Впервые девушки познавали тонкости дружеских отношений. И было им вместе – замечательно.

Они были слишком разными внешне. Они не делили ни сферы влияния, ни мужчин, ни работу... и могли совершенно искренне восхищаться друг другом.

А Ахмеди-фрай думал.

Ведь сокровище само в руки идет! Иначе это никак не назовешь...

Две такие красотки!

Да на невольничьем рынке в той же Ваффе... какая во имя Пророка – Ваффа?

Только столица!

И только закрытые торги!

Они могут попасть даже в гарем султана, да продлит Аллах его дни! А это не только деньги! Это связи, влияние, власть...

Остался самый крохотный вопрос. Как вывезти девушек в Арайю?

Хотя... это-то просто.

Пригласить их посмотреть украшения – настоящие. Те, что не для каждого, только для высокородных. И пусть приходят одни... ну, с минимумом охраны. Вот как сейчас, один охранник за ними ходит... воистину, глупы северные люди! Отпускать девушек гулять по

ярмарке! Вместо того чтобы купцы приходили в дом и предлагали товары... даже не сами купцы, а жены купцов, девушки ходят самостоятельно! Безумие, не иначе! Такое сокровище надо прятать под чадру, чтобы не видели посторонние, и приставлять к ним серьезную охрану! Как минимум четырех евнухов к каждой...

Кстати, девушек надо бы продавать только вместе.

И с каждой – служанку, евнуха и мальчика для услуг. Это сильно повысит их стоимость. Это ведь не крестьянки какие, это – благородные даны!

Итак... приглашаем!

Опоить, спрятать в фургонах, увезти... а там и сами свою выгоду поймут! Если не дуры.

А если и дуры – методика уж не первую сотню лет отработана. Все смиряются, и эти смирятся.

* * *

– Благородные даны, – голос Ахмеди-фрая звенел речным серебром, пересыпался мелким жемчугом, растекался медом, – видя столь прекрасных и благородных дев, мое сердце поет от счастья. А глаза мои плачут от горя, что не могу я предложить вам достойное вас обрамление. Моя вина – не могу я принести сюда самые роскошные украшения, достойные вас. Но если благородные даны соблаговолят навестить мой скромный обоз, я с радостью покажу вам такие камни, перед которыми это – пыль и прах.

Мия подняла брови.

– Еще лучше, ньор?

Ей очень понравилось кольцо из лазурита. Не для себя – для Адриенны, ей бы в цвет глаз...

Мия и не замечала, что подруга так же хищно приглядывается к ней – и к ожерелью из полированного янтаря.

– Если позволено будет сказать недостойному Ахмеди-фраю... те камни супротив этих, как солнце рядом с луной.

Мия подсмотрела на подругу.

– Сходим? Риен?

– Сегодня, наверное, уже нет, – засомневалась девушка. – Если только завтра...

– Смеет ли ничтожный умолять высокородных о милости?

– Смеет-смеет, – заверила Мия. – Слушаем, ньор Ахмеди?

– Прошу вас, умоляю не говорить об этих камнях никому. Здесь я не возьму полную цену, только в столице, но если о моем товаре узнают, я могу и не доехать до Эвроны, да не зайдет над ней солнце!

Звучало логично.

– Мы никому не расскажем, – заверила Адриенна. – Завтра... Мия, утром?

Девушки переглянулись, что-то прикидывая.

– Нет, Риен. Только к вечеру, утром у нас будут другие дела, – не соврала Мия.

– Значит, завтра к вечеру мы приедем к вашему обозу, ньор, – согласилась Адриенна.

Ахмеди-фрай снова рассыпался в любезностях.

* * *

Выйдя из лавки, девушки переглянулись.

– Мне одной кажется, что нас посчитали дурами?

Адриенна качнула головой.

– Не одной. Не кажется. Что будем делать?

– А что тут можно сделать? Два варианта... нет, вру. Три.

– Пояснишь?

У Адриенны голова работала чуточку иначе, а вот Мия уже начала прикидывать, что и как лучше сделать. Сказались визиты в Грязный квартал.

– Вариант первый. Не ходить вообще. Пошлем письмо и скажем, что передумали.

– Второй?

– Сходить, а когда нас начнут вязать, или что там этот тип планирует, разнести все вдребезги и уйти. С трофеями и трупами.

– Могут быть проблемы с мэром, – качнула головой Адриенна. – Мне тут еще жить.

- Проблемы? Из-за того, что благородную дану пытались похитить, а она испугалась?
- А от испуга трупы бывают?
- Конечно, – со знанием дела кивнула Мия. – Еще как!
- Нет, все равно нам это не подходит. Мия, людей убивать... ладно, можно, но зачем? Ты же не думаешь, что у него правда есть такие украшения?
- Н-нет...
- А работать даром – против твоего кодекса, ты сама говорила.
- Тогда – только третий вариант...
- О нем я еще не слышала?
- Сейчас изложу. Если ты дана СибЛевран, ты же должна иметь свободный доступ к мэру?
- Практически свободный.
- Вот и прекрасно. Сейчас мы направляемся к нему.

* * *

Дан Аурелиано Ферреро, мэр Альмонте, вообще-то был по уши занят делами. И никого не ждал.

Но – дана СибЛевран.

Мало того что СибЛевраны род древний, так еще и не сильно бедный, и полезный...

Конями торгуют, на их землях Леверранское чудовище сложили...

Так что мужчина решил не гнать, а принять. Ну ладно... гнать! Официально у нас дан не выгоняют, не положено. Все было бы сделано предельно дипломатично. Вежливо бы закружили дану в чиновничьем водовороте – и за неделю бы не добралась никуда. Но – пусть заходят.

Ан нет.

В кабинет мэра вошла пара девушек, при виде которых с губ мужчины сорвался восхищенный вздох.

Черная – и светлая, обе красавицы, каждая по-своему, но вместе вообще смотрятся неотразимо.

– Дана Адриенна СибЛевран, – без смущения представилась темленькая. – А это дана Мия Феретти.

Блондинка наклонила голову.

– Дан Ферреро, знакомство с вами – честь для меня.

Дан вышел из-за стола, поклонился, приложился к ручкам девушек, причем не без удовольствия, и заговорил о том, что милые даны – истинное украшение своих родов...

Надо же быть вежливым?

Даны терпели ровно три минуты. А потом слово взяла блондинка.

– Дан Ферреро, простите, что мы вас отвлекаем. Но у нас есть дело, которое не терпит отлагательств.

Ну, коли так...

Дан снова уселся за стол и приготовился слушать.

* * *

Собираться своим людям Ахмеди-фрай приказал заранее.

Девушек сразу же надо будет погрузить – и вперед!

По темноте?

А и ничего, не по перелескам же, по торной хорошей дороге... Да ради такого куша можно и темной ночью поехать! Какие красотки, Аллах, какие красотки!!!

А вот и они. Сопровождение?

Какой-то сопляк рядом с ними! Смотреть страшно... что он сможет-то? Крикнуть? Ха!

Но коли уж нарушать закон, может, и его туда же? В евнухи? Вроде как на мордочку симпатичный, сойдет...

Ахмеди-фрай потер руки и честь честью пригласил девушек в свой фургон.

Достал шкатулку с украшениями, достал пиалы для чая, достал чайничек и сладости, заговорил, разлился ручьем, обернулся болотом...

Девушки слушали.

Молча, серьезно, примеряя украшения на одну, на вторую... жемчужины! Истинные гурии!

Потом одна из них взяла с блюда кусочек нуги, за ней вторая... и халвы попробовать стоит, а пахлава – истинное услаждение для губ столь прекрасных дев...

А где сладости, там и чай.

А в чае...

Надолго не уснут, это для товара вредно, но часика три-четыре проспят.

Ахмеди-фрай с удовольствием наблюдал, как поднесла пиалу к губам блондинка, как сделала несколько глотков, тут брюнетка спросила его про украшения из сапфиров, он ответил, подлил еще чаю блондинке, а там и брюнетке...

Подействовало быстро.

Одна девушка откинулась на подушки, просыпалось из пальцев драгоценное зарукавье, за ней вторая... вот так! Можно связывать их, грузить – и ехать.

А что там с мальчишкой?

Ахмеди-фрай выглянул из фургона, и убедился, что его люди свое дело знают туго. Зачем убивать живой товар? Нет-нет, его надо просто оглушить и связать. Вот этим и занимались.

– Грузите! – рыкнул он. – И поворачивайтесь...

И нырнул в фургон.

Так, сейчас он лично, не доверяя никому, свяжет одну, потом вторую...

Это ж товар! Понимать надо!

Если неправильно связать, рубцы или шрамы остаться могут, а это какой ущерб в цене? Нет-нет, такое глупым слугам не доверишь, все самому надо! Все сам, все сам...

Ахмеди-фрай осторожно связал брюнетке ноги, принялся за руки...

– Сме-е-е-е-ерть! – провыло рядом.

Блондинка восставала с пола, и воистину был ужасен облик ее.

Зеленая кожа, алые глаза, острые зубы, длинные когти...

– За-а-а-а-а что-о-о-о-о-о ты-ы-ы-ы-ы уби-и-и-ил ме-е-е-е-еня-а-а-а-а?!

До конца Ахмеди-фрай не дослушал, вылетел из фургона в ласковые руки городской стражи.

– И что это у нас тут происходит? – с людоедской ласковостью поинтересовался дан Ферреро. – Никак похищение?!

Ага, похищение!

Да Ахмеди-фрай готов был и похититься, и в тюрьму, и куда...

– ШАЙТАН!!!

– А то как же... у нас бабы боевые, – согласился мэр. – Вяжи его!
А сам залез в фургон.

Адриенна и Мия хихикали, развязывали друг друга.

Мию уже, видимо, развязали, Адриенну пока еще не до конца...

– Как видите, дан Ферреро, налицо явный умысел, – чопорно проговорила дана СибЛевран. – Вот чай со снотворным, вот веревки, вот пространство, в котором нам и предстояло лежать связанным...

– Негодяй! – пламенно согласился мэр. – Мерзавец!

– А казался таким добропорядочным, – вздохнула Мия.

Адриенна горестно вздохнула и продолжила распутывать ноги.

* * *

Из этого происшествия получились достаточно приятные последствия.

Для мэра – конфискованное имущество Ахмеди-фрая пошло в городскую казну. А поскольку расторговаться негодяй успел – деньги там были. Пополнение бюджета... это ж радость для любого чиновника!

Для Паскуале Лаццо – остатки имущества Ахмеди-фрая предложили ему по сходной цене.

Для Мии и Адриенны? Ларец с украшениями, которые показал им Ахмеди-фрай, они припрятали и поделили по-честному, на двоих.

И даже для Ахмеди-фрая.

Будучи отправленным на каторгу, он имел возможность замолить свои грехи и отправиться на тот свет честным человеком. А спасение души – это тоже немаловажно.

Ну а что он был против такого «прибыточка»...

А вот не надо было воровать девушек! Тебя ж никто не заставлял?
Нет...

Вот и отвечай за свои поступки. Мало ли кому и что не нравится? Девушкам, наверное, тоже в гарем не хотелось, как ты ни расписывай его в розовые краски.

Все по справедливости.

Все по-честному.

– Изумруды обязательно тебе. Посмотри, как ты шикарно выглядишь!

– А вот это кольцо с сапфиром под цвет твоих глаз.

– Я кольца не люблю...

– А вот это? Носишь же...

– Это... другое. Подожди, ты его видишь?!

– Ну да, – искренне удивилась Мия.

– А остальные – нет.

Мия пожала плечами.

– Может, потому, что я не человек. Вот, посмотри еще рубины...

– А ты обрати внимание на янтарь. Мне кажется, он весь должен быть твоим. К глазам...

– Давай. Если что – малышам отдам, им тоже свои шкатулки заводить надо.

– Им повезло. У них замечательная старшая сестра, – тихо сказала Адриенна. – Я бы хотела младших... не срослось.

– Это... больно.

Проявлять сочувствие Мия не стала. И она, и Адриенна потеряли родителей. И какая разница, что у Адриенны отец жив? Он все равно променял ее на блудливую девку. А как бы чувствовала себя Мия, выйди эданна Фьора замуж?

Теперь этого никогда не узнать.

Ее родители были, они любили и друг друга, и детей... уж как умели, как могли. А остальное – не важно. Пусть покоятся с миром...

– Больно, – согласилась Адриенна. – Скажи, а ты никогда не думала, что вот у этого торговца... у других, которых ты убиваешь, – у них тоже есть своя жизнь? Те, кто их любит?

Мия сморщила носик.

Душеспасительные беседы? Такой подлости от подруги она не ожидала. И не рыкнешь – подруга. Но и слушать эту чушь...

Адриенна только головой покачала.

– Я не стану тебя в чем-то убеждать. Мия, милая, я тебя уже не осудила. Я уже поддерживаю твои планы... ты думаешь, я стану тебе о грехах рассказывать?

– Нет?

– Определенно, нет.

– Это радует. Но к чему тогда этот разговор?

– Я бы хотела, чтобы ты оставалась человеком.

– Не понимаю. – Мия не обиделась. Она смотрела внимательно и серьезно. – Я и так – человек?

– Однозначно. И самый лучший в мире... ладно, не считая Энцо. Но... первое убийство ты совершила по неосторожности?

– Я защищалась, – вспомнила разбойников Мия.

– И потом...

– Да.

Кухарка тоже была убита, чтобы не закричала. Не выдала...

– Вот. А сейчас тебе все равно – и как, и что, и кого... разве нет?

Мия задумалась. От Адриенны она бы стерпела и больше. Она видела, подруга не поучает, не морализаторствует, она искренне за нее переживает. И пытается сказать нечто важное, просто слова – такая странная штука! Вечно их не находишь, когда очень надо!

– Практически.

Вспомнилась убитая в храме дана... как же ее звали? И не припомнить уже. А ведь не виновата была ни в чем, кроме своей красоты... Вспомнился священник...

Да скажи ей кто о таком три года назад?! Она бы в ужас пришла и в храм помчалась – грехи замаливать. А сейчас вроде как и ничего, спокойно все...

– Вот, – кивнула Адриенна. – Не знаю, видишь ты это или нет, но твой дядя наверняка понимает, что ты опускаешься все ниже и ниже. На дно. К нему.

Мия подумала пару минут.

Джакомо? О, этот точно и видит, и понимает... И Адриенна?

– Со стороны виднее?

– Именно так. Мия, я не прошу тебя отказаться от... работы. Но, пожалуйста, постарайся не убивать невиновных?

Мия кивнула, невесело рассмеялась.

– Ты мне предоставишь убежище в Сиблевране? Если что?

– Там, где есть место для меня, всегда будет место и для тебя, – решительно сказала Адриенна. – И для твоих родных. Клятву дать?

Мия махнула рукой.

– Ни к чему. Я тебе и так верю. И... я постараюсь. Правда...

– Я тоже верю, – кивнула Адриенна.

Она не пыталась исправить подругу. Мия такая, какая есть, ее не переделаешь. Или принимай – или не дружи. Да и способности у нее...

Не врал ведь Ахмеди-фрай про шайтана!

Не знала б Адриенна про талант подруги, сама бы вперед своего визга из фургона вылетела. Но знала.

И где можно его применить? А вот только так, или на службе государству, или на службе криминалу.

Если Адриенна действительно станет королевой, она сможет помочь подруге. Но сколько еще времени должно пройти?

Два года... не меньше.

И там еще как сложится? Не стоит забывать про эданну Франческу Вилецци. Тоже та еще гадина...

Девушки переглянулись и вернулись к тому, что можно было назвать самым приятным в мире занятием.

К примерке и дележке украшений.

Глава 9

Лоренцо

– Кони куплены. – Динч смотрела в глаза Лоренцо. – Два ишака – тоже. Хозяин просит серебрушку в день за содержание.

Энцо кивнул.

Цена была справедливой. Да и деньги у него были.

– Одежду я купила. Припасы... туда, ближе. Разное снаряжение есть.

Энцо кивнул еще раз.

– Хорошо. Ты молодец, Джен.

Девушка зарделась.

– Спасибо, Лоренцо. Теперь вопрос – когда?

Настало время задуматься Лоренцо.

– Я думаю, где-то через месяц, – решил он. – Сейчас удрать просто нереально, ты видишь, меня даже сюда не отпускают.

– Я знаю. Приезжает Кемаль-бей.

Энцо кивнул.

Да, примерно через месяц приедет хозяин арены.

Кемаль-бей... кстати говоря, и его хозяин. Зеки-фрай весь избегался, несчастный, готовит для него программу сражений, чтобы хозяину понравилось.

Да, Лоренцо тоже будет участвовать.

И вот тут-то у него может быть шанс выкупиться из рабства. Если цену назначат на арене...

Зеки-фрай рассказывал, объяснял... что ж. Лоренцо Феретти собирался попробовать оба варианта. Понятно, деньги ему самому пригодятся, но...

Ох уж это – НО!

Энцо и самому хотелось испытать себя. Это же арена!

Бой!

Предельное напряжение всех сил и возможностей... восхитительное! Невероятное!

И чувство победы...

Тому, кто не был, – не объяснить.

Динч, к примеру...

Девушка подождала еще какое-то время, но Энцо молчал, и она тоже согласно кивнула.

– Через месяц.

– Я заодно и денег подкоплю, – успокоил ее Лоренцо. – На двоих больше надо.

Девушка быстро сотворила крестное знамение. Ей было страшно, но на свободу хотелось. А руки продолжали ритмично двигаться по телу юного гладиатора. Разговор – отдельно, работа – отдельно... шаги...

А вот и Бема-фрайя...

* * *

Энцо ушел от любовницы даже не на рассвете – затемно. Зеки-фрай просил возвращаться пораньше, да и не сильно себя тратить на женщин. Успеется еще.

Энцо не спорил с ланистой.

Просит он?

Ну и ладно, все равно уходит он от довольной и удовлетворенной женщины, оставляя ее спящей в теплой постели. Она не в претензии.

Ему тяжеловато?

А свобода дорогого стоит. И тренировок в том числе. Энцо забрался в паланкин – и кивнул Али.

– Едем?

– Опять вокруг?

– Опять.

Монеты снова поменяли хозяина.

Теперь Лоренцо город знал, и неплохо. Не запутался бы ни днем ни ночью. Но и Али заработок, и Лоренцо лишние знания... вот и ехали они кружным путем, когда...

– Стой!

Вслух Энцо не заорал только чудом, но шипение вышло таким выразительным, что Али остановился как вкопанный.

– Ангел?

– Тихо, – оборвал Энцо.

И было, было отчего молчать.

Рядом с трактиром мелькнуло лицо, которое он век проживет – не забудет.

Эмин-фрай!

Ах ты... гадина!

Энцо выскользнул из носилок одним слитным движением.

– Подождите меня тут. Хорошо?

– Да, Ангел...

Успел Лоренцо в последний момент, Эмин-фрай уже сворачивал за угол... н-на тебе!

Оглушить человека? Тем паче пьяного и после гулянки?

Для гладиатора это дело секунды. Эмин-фрай даже головы повернуть не успел, когда Энцо налетел, смял, оттащил в подворотню, мимоходом шуганув оттуда какого-то мужичка с ножом.

Видимо, выглядел гладиатор так, что шакал помойки предпочел не связываться. Жить хотелось...

Энцо быстро обшарил негодяя.

А что?

Тебе, тварь, меня продавать в рабство можно, а мне отыграться нельзя?

Погоди у меня, сволочь!

В карман Лоренцо перекинул нож, кошелек, горстка всяких мелочей, которые неизбежно скапливаются у мужчин в карманах, потом Энцо стянул несколько перстней с толстых пальцев... мимоходом добавил капитану еще, ногой по голове...

Авось не сдохнет!

И рванул его рубаху... сейчас разденет, руки-ноги переломает – и ходу. А эта дрянь... если его бог милостив, так выживет, а не подохнет! А если нет... вот, к богу и претензии!

О черт!

На шею капитана висела та самая цепочка.

Черный ворон.

Подарок Адриенны.

Энцо не знал, что капитану она понравилась, что мужчина решил сохранить ее для себя, да и, опять же, особенно дорого за нее не давали – старая, невидная...

Вот и осталась.

Капитан к ней привык, даже и не замечал...

Энцо схватил ее, надел, выдохнул... почему-то сейчас он себя почувствовал цельным и правильным. Словно встал на место давно утерянный кусочек головоломки. И мысль появилась: все получится, свобода близко...

Что ж. Спасибо тебе...

Правда, от переломов рук и ног капитана это не избавило. Энцо легко сломал ему все четыре конечности – руки сам по себе, на ноги просто прыгнул всем весом – и рванул наутек, отшвырнув куда-то ком одежды. Тряпки ему не нужны.

Паланкин ждал его на том же месте.

– Ангел? – поинтересовался Али.

– Там был человек, который меня в рабство продал, – коротко разъяснил Энцо.

– А-а, – откликнулся Али. – Ты садись удобнее, нам быстрее надо. Задержались, Мурат ногу подвернул... теперь поспешим.

– Спасибо, – Энцо посмотрел Али глаза в глаза. И почти взлетел в паланкин, подумав, что в следующий раз заплатит больше. Но оно того стоило.

– Тебе спасибо, что не ругаешься... едва шли... черепахи...

Паланкин медленно плыл над камнями мостовой.

Лоренцо нащупал подвеску, сжал что есть силы, так, что крылья ворона впились в ладонь, и впервые за все это время прошептал самое лучшее имя в мире:

– Адриенна...

* * *

Далеко, в Эрвлине, дана СибЛевран раскрыла глаза.

Она знала, где-то там Лоренцо думает о ней.

Он жив.

Он ее любит.

Он...

В ладонь сам скользнул медный крестик.

– Люблю тебя...

И словно эхом, с другого конца земли, долетает...

– Люблю тебя.

Для вечных слов и вечных чувств нет ни времени, ни расстояния.

В столице

– Год?

– Хотите – казните, ваше величество.

Дан Виталис смотрел на монарха спокойно и рассудительно.

Монарх на него – гневно и горестно.

– Всего – год?!

– Что я могу сделать, ваше величество? Может, чуть больше, если будете правильно питаться и пить лекарства. Может, меньше.

– Всего год...

Такой подлости от судьбы Филиппо Третий не ожидал. Нет, никак не ожидал... что он за год успеет-то? Практически ничего! Разве что сына натаскать...

Впрочем, разум его величества уже включился в анализ ситуации.

– Ладно. Бонифаций, делай все, что от тебя зависит. Я и живую жабу сожру, если понадобится.

– Будете слушаться, ваше величество?

– Буду.

– И не казните за горькое лекарство?

– Хочешь раньше меня в рай проскользнуть? Перебьешься. Что там, кстати, с данной Карелла?

Дан Виталис покачал головой.

– Ничего хорошего, ваше величество. Дана хоть и беременна, но симптомы очень плохие. Весьма и весьма.

– От моего сына?

– Я полагаю, что от его высочества. Как лекарь, я многое вижу... дана ни с кем другим замечена не была.

У его величества были примерно те же сведения, так что...

– Ладно. Пусть рожает...

– Если доносит.

– Ты можешь ради этого постараться? Хотелось бы увидеть внука. Попробовать дожить...

Дан Виталис только плечами пожал.

– Ваше величество, лекарь делает, что может, но я же не Господь Бог! Молитесь – и дано будет вам!

– Разутешил!

– А лекарь не обязан утешать. Он обязан честно рассказать о диагнозе. – Дан Виталис не сердился, чего уж тут непонятного? Он бы тоже... грустно тут!

И сам король, и перспективы с внуком... тут кто хочешь волком завоюет, а его величество еще и ничего, держится...

– Ладно, ладно. Рассказал? Готовь пилюли.

– Да, ваше величество.

– И для меня, и для даны. А еще – молчи.

– Ваше величество!

– Все я знаю. Но – никому, понял? Даже моему сыну – ни слова.

– Хорошо, ваше величество.

– И не вздумай дане Карелла такое сказать. Насчет ее беременности. Она и так бестолковая, нервная, еще не доносит...

– А про нее вашему сыну сказать можно, ваше величество?

– Про нее – можно. Говори, пусть знает и побережет девчонку. И я с ним еще поговорю.

– Ваша воля закон, ваше величество.

– Еще год, – горько усмехнулся Филиппо Третий.

Что ж. Он и не рассчитывал, что проклятье даст ему дожить до старости. Лекарь вышел из кабинета, а его величество подумал и в расстроенных чувствах отправился в розарий.

Черные розы сейчас уже не цвели, кусты печально торчали из-под снега. Его величество медленно шел по дорожке.

– Кар-р-р-р-р.

Обычно рядом с ним гуляли придворные, но сейчас... сейчас ему не хотелось никого ни видеть, ни слышать. Даже стража держалась примерно в десяти шагах.

– Кар-р-р-р!

Ворона сидела на снегу.

Наглая, черная, вальяжная...

– Стерва, – сообщил ей король.

– Кар-р-р-р!

Почему-то его величеству показалось, что его тоже назвали в ответ... нехорошим словом. Ну так что же?

– Ворона. Воронья кровь, вороньи перья... прокляла и довольна, да?

– Кар-р-р-р!

Может, и не слишком довольна. Но – поделом.

– Сколько поколений, сколько боли...

– Кар-р-р-р! – в голосе черной птицы явственно звучала насмешка.

Ага, как самому прилетит, так сразу о боли задумаешься. А где ты раньше был, такой умный? Когда убивал, казнил, разорял, давил и сминал чужие жизни? Не болело, нет?

А сейчас вот заплакал? Ну-ну... то есть – кар-р-р-р!

– И сына моего в покое не оставишь. И внуков, да?

– Кар-р-р-р!

– А вот утрись, тварь! И ребенка Филиппо признает, как тот родится! И на твоей внучке или правнучке, кто она тебе там, женится! И от нее у него дети будут! Нормальные, здоровые... я тебя все равно переиграю!

– Кар-р-р-р!

Ворона явственно издевалась. Его величество только зубами заскрипел.

– Вот посмотришь. Ты-то посмотришь, я не увижу...

Очередное «кар-р-р-р» звучало как «Ха!» или «Поделом». Эх, камень бы, запустить в проклятую тварь, да и того под рукой нет. Филиппо со злости шваркнул в нее снежком, но что вороне та мелочь? Даже и не заметила, сидит, смотрит ехидным глазом. Умным, жестоким...

Может, и правда тень королевы обитает в этом дворце? Кто ж ее знает... не разрушать же до основания? А, пропади оно все пропадом!

Долго предаваться унынию Филиппо просто не умел, так что махнул рукой и принялся обдумывать свои дальнейшие действия.

Итак – его высочество. Поговорить с сыном. И начинать приобщать его к государственным делам. А там посмотрим...

* * *

Его величество не был бы так спокоен, если бы знал, что дан Виталис таки отправится на исповедь. Ну а там же лгать нельзя?

Так что через какое-то время о болезни короля знал и кардинал Санторо. Он, конечно, молчал и по двору новости не разносил, но вот что творилось в голове у кардинала? Он же неглупый человек!

И отлично понимал, что Филиппо Четвертому до своего отца расти, расти... и все равно не вырастет! Не тот характер, не те таланты, просто – не то!

А власть... власти много не бывает.

И бесхозной власти тоже не бывает. Не эданне Франческе же ее отдавать, верно? Додумаются тоже – бабу к управлению государством допускать! Смешно даже!

Нет-нет.

Эданна Ческа не подходит категорически. Пусть она и будет рядом с его высочеством, но она должна быть на сворке и в наморднике. Ибо – нечего!

Дана Адриенна? С той кардинал маловато общался. Ничего, еще наверстает. И компромат подходящий найдет. Пусть только она ко двору приедет... если вообще приедет. Вряд ли его высочество женится без напутственного королевского пинка...

Ну да ладно, это видно будет.

А пока... надо готовиться.

Надо искать союзников, создавать альянсы, приводить в действие давно заготовленные планы...

Кардинал Санторо умирать не собирался. Он собирался править, хотя бы и руками Филиппо Четвертого.

* * *

– Принц признает ее ребенка!!!

Эданна Франческа металась по комнате.

Старая ведьма взирала на нее спокойно, можно даже сказать – философски.

– ТЫ!!! Ты мне говорила, что никто от его... от его высочества не понесет! И что?!

Ведьма смотрела на эданну глазами ленивой кошки на завалинке. И чего эти странные люди все суетятся и суетятся? Странные, и все тут...

– Ты...

Эданна устала метаться и упала на стул напротив ведьмы. Та подняла брови.

– Выговорилась – или еще побегаешь?

– Да я...

– Молчи. – Ведьма голоса не повысила, но как-то так у нее грозно вышло, что эданна Ческа дернулась, едва не свалившись со стула. – Молчи и слушай. Либо не от него ребенок, либо не доносит она его, либо похоронит. Тебе что больше нравится?

Эданна Франческа сморщилась.

– Ну... у меня есть выбор? Кроме как ждать?

– Выбор-то всегда есть, – меланхолично отозвалась ведьма. – Так что ты хочешь?

– Чтобы эта гадина скинула! – рявкнула эданна Ческа. – Если я не могу родить принцу первого ребенка, то и этой гадине нечего...

– А ты понимаешь, что за это заплатить придется?

– Сколько? – рыкнула Ческа. Ведьма искренне рассмеялась. Получилось похоже на воронье карканье, но она старалась. Правда-правда.

– Ты что, думаешь, за такое деньгами платят?!

Ческа дернулась.

– А чем?

– Душой, вестимо. Шагом во тьму, если хочешь, – пожала плечами ведьма. – Это тебе надо, тебе и делать придется. Ритуал провести, жертву принести... и если ты думаешь козлятами или голубями отделаться, так зря. Тут человек понадобится...

– Но... я...

Эданна замолчала.

Так резко, словно ее выключили.

– А ты как думала, эданна? Провести ритуал я могу, только вот на твоего он не подействует. Это должен делать тот, кто с ним спал, а я уж не по этой части.

– Дрянь!

– А ты думала, заплатишь – и все будет хорошо? С этим ритуалом так не получится, тут и тебе ручки приложить придется. Хочешь?

Эданна Франческа задумалась.

Последнее время ей было сложно.

Когда принц начал спать с даной Алессандрой, положение эданны Чески не то чтобы пошатнулось, но... стало менее стойким, что ли?

Есть одна, будет и вторая. Есть вторая, будет и третья, четвертая, десятая – и не случится ли так, что к одной из девиц его высочество прикипит сильнее, чем к Франческе?

Да запросто!

Только постараться нужно, ну так баб много! Можно и поискать нужную... хоть по форме, хоть по цвету.

И пошли шепотки, переглядочки...

Франческа знала, что принц к ней не охладел, что бывает он в ее постели так же часто, как и раньше, а то и почаще, но... не объяснишь же всем и каждому?

Нет, не объяснишь...

А коли так...

– Когда можно этот ритуал провести? И что я должна делать?

Ведьма взглянула в окно. Что-то посчитала, подумала...

– Да хоть бы и завтра. Как раз новолуние будет. А что делать будешь... сейчас я объясню. Как раз заклинание выучишь...

Даже если эданна и пожалела о своем согласии, выбора уже не было.

Поздно...

* * *

Катакомбы...

Жертвенник.

И чернота над ним.

В полнолуние тут будет видно луну, но сейчас новолуние – и все черно. И страшно...

Горят дымным пламенем факелы на стенах, чернеет камень алтаря, и Ческе кажется – он впитывает свет всей поверхностью. Словно втягивает в себя.

И кровь тоже впитает...

На алтаре пока пусто. Но к четырем кольцам уже привязаны веревки, для рук, для ног...

Она стоит в одном плаще на голое тело, ноги отчаянно мерзнут, но одеваться нельзя. Уже сейчас... уже... двое мужчин вводят под руки третьего.

Тот или пьян, или опоен, но не сопротивляется. Послушно ложится на алтарь, покорно протягивает руки и ноги...

Его сноровисто привязывают к кольцам так, что грудь почти внатяг, мужчина едва может дышать. Но ему это не важно.

Он смотрит в черное небо остановившимися глазами, и видит там – что?

Жрец медленно шагает вперед.

– Отче наш, низвергнутый с небес, да не угаснет свет имени твоего...^[18] Молитва сыплется ритмичными рублеными фразами, прихожане молча слушают, и наконец...

– Да будет так!

Франческа выступает вперед.

Падает плащ, открывая молочную белизну тела, маска едва прикрывает лицо, эданна уверенно подходит к алтарю.

– Да иссякнет чрево соперницы! Да пребудет она бесплодна вовеки! Да отвернется от нее мой любимый!

И одним резким движением вонзает нож в живот мужчине.

Может, Ческа и не справилась бы с жертвоприношением, но тут уже помогает жрец.

Руки, затянутые в черные шелковые перчатки, ложатся поверх белых – и окрашиваются красным.

Мужчина уверенно вскрывает жертве живот, достает внутренности... теперь жертву настигает боль, он кричит, бьется, но поздно, поздно... это просто тело еще не осознало свою смерть...

Жрец запускает руку в разрез и вытаскивает живое, еще бьющееся сердце.

И бросает его в огонь.

Вверх взлетает язык пламени алого цвета – и все погружается во мрак.

И в этом мраке кто-то берет эданну за руку и ведет из храма.

К людям...

Уже под утро, отправив домой эданну Ческу, в креслах сидели старая ведьма – и жрец.

– Вот дура-то, прости Господи.

– Ты уверен, что Господь вообще о тебе вспомнит?

– Молчи, зараза старая, – беззлобно отругнулся жрец. – На тебе вообще клейма ставить негде.

Ведьма хмыкнула и демонстративно отпила глоток вина из кубка.

– Клейма... на нас палач и то их не поставит. Что там тебе положено? Колесование и четвертование?

– Перебьюсь. – Жрец в себе не сомневался. – Ты уверена, что эта... Карелла ребенка не доносит?

Ведьма качнула головой.

– Тебе бы в игрушки играть да власть приращивать. А на самом деле все серьезнее. Это-то... так. Пустяк.

– Неужели?

– Зарезать пару воришек на алтаре, даже руками этой дуры – не проблема. А вот там, где дело касается Высокого Рода и их проклятий... Династия обречена. Если не случится чуда, они все вымрут.

– А если случится?

– Если они найдут, кого обидели...

– Сибеллина?

– Потомок тоже подойдет. Если он их простит...

– Сибеллин... СибЛевран...

– Что?

– Это так, мысли вслух. Можно как-то отличить потомков Высокого Рода?

– Никак, – жестко ответила ведьма. – Пока они свою силу не проявят – не отличит никто.

– И как она должна проявляться?

– Это зависит от конкретного рода. Я знаю историю о Райдене Рыжем. Огненном Демоне Побережья... слышал?

– Тот, кто якобы управлял вулканами?

– Не якобы. Управлял. И по его воле земля воздвигала их и закрывала. Он остановил извержение, спас четыре города, он заставил другой вулкан открыться... прямо в море, под кораблями врага. Можешь не верить, но это – было.

- Жуть жуткая... а что с ним потом стало?
- Умер. Или ушел... тому уж лет с тысячу. Тут за сто лет историю переписали, а ты хочешь такое узнать... может, потомки и были. А может, и нет.
- А еще о ком-то известно?
- Лайнара Лесная. Повелевала животными. По ее слову на тебя бы даже тараканы кинулись...
- Брр, – передернуло жреца. – Гадость какая...
- Любое животное. Крыса, кошка, лев... не важно. Ее все слушались.
- И о ней тоже ничего не известно.
- Ничего.
- Издеваешься?
- Немного.
- А чьи потомки Сибеллины?
- Говорят – Морганы Чернокрылой.
- Хм-ммм... и что она могла?
- А вот этого никто не знает.
- Жрец возмущенно стукнул по столу.
- Издеваешься? О каких-то там... кто тысячу лет назад сдох – известно, а об этой нет?
- Вот именно. Сибеллины не дураки были... Ты в архивах поищи. Говорят, убийца последнего Сибеллина сгнил заживо?
- Сгнил, – упавшим тоном подтвердил жрец.
- А ты либо надеялся сейчас устранить ее потомка, да и порадоваться? – сочувственно поинтересовалась ведьма. – Ну-ну... если что – Эрвлины проклятие на себя схлопотали, а убийца на месте сдох. Ты хочешь на себе проверить? Правильно, чего старой ведьме доверять?
- Дать бы тебе в морду!
- Пф-ф-ф-ф-ф... поройся в архивах. Я правда не знаю... говорили многое. Вроде как она – сила и право своей земли. А вот в чем это заключается... нет, не знаю.
- Мужчина понял, что лучшего не дождется, и махнул рукой.
- Ладно. Мне это проще будет. Посмотрю. Алессандра точно ребенка не доносит?
- Точно.

– Ну и черт с ней. Зато эта дура довольна будет.

Ведьма кивнула.

Будет, а то как же... никуда не денется.

И денег принесет, и заплатит щедро, и дальше будет к черной магии тянуться. И хорошо... пусть тянется. А дальше...

У жреца далеко идущие планы, у эданны Франчески – тоже.

– Кстати... ты оборотня видела?

– Видела, – поежилась ведьма. – Ох, поглядела... хорошо, не ползком с площади выбралась.

– Разве? – удивился жрец.

Ведьма фыркнула.

– Ты ж ничего в этом не понимаешь...

– Нет, не понимаю... твои дела – ты и объясняй. Что это за тварь такая? И откуда он взялся?

Ведьма развела руками.

– Что за тварь – не знаю. Откуда он взялся? Да откуда угодно... это – не обычный волк. Не подделка, не чучело... вот что хочешь со мной делай. Это действительно было чудовище. Одержимое злом.

– Демоном?

– Нет. – Ведьма поморщилась. – Демон... дьявол, черт... тебе ли не знать, что это все люди придумали? На самом деле и рай и ад – они внутри нас. И если освободить свою черную сторону из цепей порядочности, совести, чести...

– Что-то у нас по улицам стада волков не бегают?

– Такие – и не побегут. Это и не обычный волк...

– А какой? Что я из тебя все тянуть должен?!

– Потому что я сама почти ничего об этом не знаю, – не стала врать ведьма. – И давно это было... Про Высокий Род я уже говорила.

– Да. И?

– И у них в услужении вроде как были вот такие звери. Не оборотни, а что-то вроде... не знаю я точнее! Понимаешь?! Не знаю!!!

– А кто...

– Архивы и только архивы. Вроде как у них были на службе такие чудовища, но как они выглядели, откуда взялось вот это, конкретное... разве только по убийствам проследить. Говорят, начинали они с того, что убивали всех, кто с ними одной крови.

– Вот даже как...

– Может быть, первое убийство – как раз его семьи, – подтвердила ведьма.

– А этих... Высоких... они не трогали?

– Нет. Те с ними как-то умели справляться, а мы – нет.

– Да уж... куда ни ткни, а знаний не хватает.

– Сами же их и выжигаете каленым железом, – огрызнулась ведьма. – Ищи и обрящешь.

– Язык придержи, – буркнул жрец.

Ведьма послушно замолчала.

Почему?

А ей пожить охота. И планов у нее нет. А если есть – она ни с кем ими не поделится. Целее будет. Пусть эданна бегаёт за своим принцем, пусть жрец плетёт свои интриги, пусть ищет тайны Высокого Рода...

Она с удовольствием на это посмотрит.

И даже цветочки ему принесет. На могилку.

Кто-кто, а Высокие умели оберегать и хранить свои секреты. Ну а если что... она предупреждала. Но кто ж старуху слушает?

Вот и не надо, не слушайте. Она с удовольствием ещё много кого переживет.

Мия

– Мия, у нас есть выгодный заказ.

– Да?

– Ньор Туччи. Деметрио Туччи.

– И чем кому-то не угодил ньор Туччи?

– Как тебе сказать...

– Дядя, лучше – правду.

Джакомо пожал плечами. С его точки зрения, такая мелочь, как правда, Мию остановить не могла.

Дело в том, что два купца, ньор Деметрио Туччи и ньор Паоло Серафини решили поженить детей и объединить дела. Так-то оно и хорошо, но...

Две хозяйки – и те на одной кухне не уживаются. А два купца в одном загоне?

Сцепились они практически сразу. То один был недоволен методами управления второго, то второй – делами первого.

Вроде как и все прописали, и проговорили, и детей поженили, а вот напряжение копилось и копилось.

И прорвалось.

– То есть ньор Туччи просто мешает компаньону? – поморщилась Мия.

– Почему – просто мешает? – удивился Джакомо. – Не просто так мешает, а за двадцать тысяч лоринов. Из которых тебе четырнадцать пойдет.

Мия подумала пару минут.

– Да, за такие деньги он мне тоже мешает. Какие-то условия есть?

– Лучше, чтобы выглядело несчастным случаем. Там, апоплексический удар... яд я тебе дам. Оцарапаешь – сам помрет.

Мия задумчиво кивнула.

– Хорошо. Это несложно. А если чего подсыпать?

– Это сложнее. Особых вкусов у ньора нет, а травить всю семью нам ни к чему. За нее нам не платили, – нахмурился Джакомо. – И заказчик обговорил, чтобы больше никто не пострадал. Только сам Туччи...

– Ну коли так... Надо бы сходить, посмотреть на них повнимательнее.

– А тут я тебе и помогу, – улыбнулся дан Джакомо, который и не сомневался в ответе племянницы. – У ньора Туччи в доме место служанки освободилось, уехала девочка в деревню. Вот я тебя туда и устрою.

Мия кивнула.

– Да, ненадолго, дней на десять...

– А ты продержишь маску? – заволновался Джакомо.

– Нет, конечно. Поэтому даже маскироваться не буду. Так, как дома, – отмахнулась Мия. – Волосы зачешу поглаже, смочу водой, ну и так, по мелочи...

– Твою красоту это не слишком убавит.

– А так?

Мия даже не сильно поменяла лицо. Так – убрала брови и ресницы, сделала поменьше глаза и сгладила очертания лица. В результате симпатичное личико превратилось в такую поросычью мордочку. Не то чтобы совсем непривлекательную, но можно бы и симпатичнее.

– Смотрится?
– Отлично, – искренне сказал Джакомо. – Фигуру будешь толщинками менять?
– И платьем, – кивнула Мия. – Чего лишние силы тратить?
– Взрослеешь. Растешь в мастерстве, – расщедрился на комплимент дядя.

Мия улыбнулась ему в ответ. Но...

Радости не было.

Словно тот разговор с Адриенной действительно высосал из нее весь азарт. Или нет?

Просто что за азарт, если убивать приходится невинного? Купцы, конечно, и мошенничают, и дорогу друг другу переходят, и делишки всякие крутят, но здесь-то в чем его вина?

А вот ни в чем.

Просто один человек мешает другому. Но если за это убивать...

Земля опустеет. Точно.

* * *

Конечно, в господские покои, как ту, уволенную, служанку, Мию не допустили. Это проверить надо, выучку пройти... так что начала она с самого простого и целыми днями натирала паркет. Тут особого ума не требуется, а паркета в доме много, считай – два этажа и каждая комната.

Вот и ползай с тряпкой и воском...

Мия не жаловалась.

Она ползала, терла и слушала. Правда, руки пришлось менять. Тонкие пальчики даны были просто не приспособлены к таким нагрузкам, Мия стерла бы их до крови в первые два часа.

А перчатки...

На руках у служанки?

Где вы таких служанок-то видели?!

Мия внимательно прислушивалась, и услышанное ее не радовало. Нет, не радовало.

Ньор Деметрио Туччи был неглуп. Прислугу попусту не гнобил, родных любил, жену уважал... ну с первого взгляда это так и было.

Вроде как и неплохой человек?

Вот за что его убивать? Обидно даже...

Но заказ-то есть!

Неизвестно, как бы повела себя Мия, но так уж сложились обстоятельства... она как раз ужинала. Нельзя сказать, что на ужин для слуг ньюр Туччи расщедрился. Молитва, плошка супа и тарелка каши. Мясо?

Забудьте! Рыба и только рыба, она дешевле, ее больше...

Причем эта рыба явно подохла, подавившись своими же костями! До того она была... Мия даже не знала, что с ней сделать. То ли прожевать, то ли сплюнуть...

Главное – слушать.

– А чего Аньезка теперь делать-то будет?

– А то ты не знаешь, чего? Домой вернулась, авось, за кого и замуж выйдет. С приданным и на чужого ублюдка желающие найдутся.

Две служаночки сплетничали шепотом, чтобы кухарка не выдала оплеух, но разве это препятствие для метаморфа? Мия и не такое могла расслышать...

– А кого теперь хозяин выберет, чтобы ему постель грела?

– Кто ж его знает? Ему косы нравятся, Аньезка говорила, что он в постели обожает ее за волосы хватать...

– Хи-хи...

Мия скрипнула зубами.

И ведь не расспросишь, мигом девчонки замкнутся и заткнутся. А это обидно.

Но кое-какие сведения у нее есть.

Служанка Аньезе, на место которой пришла сама Мия, оказывается, не просто ушла? Она забеременела от своего хозяина... явно это ньюр Деметрио. Просто потому, что сына у него нет. Только дочери, и старшая из них уже замужем... как раз за сыном ньюра Серафини.

Хм, неприятно, но дальше-то что? Он ее не насиловал, судя по рассказам девушек, все было добровольно, приданое ей дали, в деревне устроится.

Изменял жене?

Мия это таким уж страшным грехом не считала. Конечно, мог бы и нанять себе любовницу, а не служанок щупать, но мало ли у кого

какие вкусы?

Это не было поводом для убийства. А просто так...
Просто так Мие убивать почему-то не хотелось.

* * *

Может, Мия и отказалась бы от заказа. И ушла...

Она еще сама не знала. Но спустя четыре дня после разговора случилось...

Да, вот случайности – они вечно случаются. И когда не надо, и когда не хочешь... и главное, когда они совершенно не нужны.

Паркет натирают, стоя в интересной позе. То есть на четвереньках. Можно и иначе, но так у Мии хоть спина не отваливалась.

Ладно, и так болела, и уставала она, но другие позы были еще хуже. А еще паркет натирают, когда никого из хозяев рядом нет. Им-то чего на твой зад любоваться?

Увидела, что комната свободна, – работай.

Пришел туда кто-то? Пошла вон! Потом доделаешь...

Мия и старалась.

В библиотеку, в которой она усердно натирала паркетную доску, зашел лично ньюр Туччи.

Девушка обернулась, поняла, что это хозяин, подхватила ведро, встала и поклонилась. И собралась уже выйти.

Волосы Мия не укорачивала, толстая золотистая коса, хоть и безжалостно стянутая, и испачканная, выскользнула из-под платка.

Да, увы...

У ньюра Деметрио была своя слабость. Он очень любил женщин с длинными волосами. А лицо...

Лицо тут не принципиально, вот грудь и попа – да. А в лицо можно и не смотреть, позы разные бывают... старая любовница была ввиду беременности отослана из дома, новую требовалось подбирать, а тут такие волосы...

– Ну-ка, постой...

Мия послушно застыла на месте.

– Иди сюда, детка...

Мия так же молча подошла.

– А теперь платокними.

Волосы упали еще ниже. Тяжелая коса доходила до ягодиц, даже ниже спускалась. Ньор Туччи взвесил ее на руке, словно оценивал.

– Раздевайся.

– Что?! – ахнула Мия.

– А что ты ломаешься? Я добрый, щедрый... не обижу. И полы тереть не придется, будешь мне постель застилать и поправлять, – разъяснил свою программу ньор.

Мия сощурилась.

– В вашем доме? На глазах у вашей жены?

– И что? Она давно привыкла. И вообще, ей постель не нужна, она как бревно лежит. А я мужчина еще молодой, мне надо, – разъяснил ньор Туччи.

А чего б не поговорить добро2 м? Так, для начала...

– И у ваших дочерей.

– Ты что – из монастыря вышла? – Ньор Туччи начал терять терпение.

– Нет. Просто вы мне не нравитесь как мужчина, – честно ответила Мия. Краснорожий купец, сильно похожий на откормленного хряка, не вызывал у нее особо добрых чувств. Ну, если только он человек хороший. А так...

Внешне он ей не нравился, а в постель она с ним и вовсе ложиться не собиралась. Даже под угрозой казни... фу!

– Да что ты говоришь? – недобро сощурился ньор.

– И парень у меня есть. Мы пожениться хотим, – добавила Мия.

Ладно.

Если он нормальный и порядочный, он же ее оставит в покое, правда?

Увы – нет.

Ньор смотрел с откровенной похотливостью.

– Если есть парень, значит, ничего у тебя не отломится. И меня будешь обслуживать, и его. Потом приданое дам – и замуж за него выйдешь.

– А если я так не захочу?

– Стражу кликну и скажу, что ты у меня перстень украла. В тюрьму хочешь?

Мия ослепительно улыбнулась.

– Не хочу. Спасибо, ньор Туччи.

– За что?

Вот, сразу бы так, а то ломаются эти девки и ломаются... заняться им нечем! На нее такой мужчина обратил внимание! Да она должна на спину падать и ноги раздвигать, визжа от восторга, а она еще и говорить что-то смеет... тьфу!

– Вы мне помогли сделать правильный выбор.

Боли от царапины ньор Туччи не ощутил. А яд действовал практически мгновенно. Пара минут – и все кончено.

– Выбор? – успел переспросить ньор.

– Конечно. Я еще думала, убивать вас или нет, а вот вы сами мне и помогли...

– ЧТО?!

А больше ньор и сказать ничего не успел.

Яд был так приготовлен, учащал сердцебиение... если б речь шла о человеке спокойном – дело другое, его так просто не добьешь. А ньор Туччи и сам по себе был полнокровен и склонен к удару, да еще Мия его отравила и этим добавила...

Ему хватило.

Мия подождала, пока ньор не затих на полу, потом коснулась шеи, поняла, что добивать не требуется... точно – мертв. Вот и опорожниться успел... фу...

И с визгом кинулась из библиотеки:

– ПОМОГИТЕ!!! НЬОРУ ПЛОХО!!!

Орала она так истошно, что в библиотеку мигом сбежались все жители особняка. Мия могла бы и уйти, но зачем? Так на нее еще может подозрение пасть, а она чего?..

Она ничего...

И твердила одно и то же. И ньоре Туччи, и спешно вызванным в особняк ньору Серафино с сыном...

Так и так, она полы натирала, тут ньор Туччи вошел, да как схватит ее за... да, вот за это самое, что пониже спины.

Она не сопротивлялась, а он вдруг задницу ее отпустил, а за грудь схватился.

За свою уже...

Упал, да и померши, наверное... она помчалась звать на помощь, а он уже того...

Горе-то какое... а она только-только начала рассчитывать на непыльную работенку... постель-то греть проще, чем полы натирать!

* * *

К вечеру служанка оказалась с полным расчетом на улице. И еще через час постучалась в дверь дома дана Джакомо.

– Все сделано, дядя.

– Без осложнений?

– Совершенно, – кивнула Мия.

Осложнений действительно не было. А свои колебания...

Она оставит их при себе. И использует для кого-нибудь более приличного, нежели ньор Туччи.

Но, ложась спать, Мия не была так уж спокойна.

Ах, Адриенна... что ты со мной сделала?

Да, мы просто подруги, да, мы почти что сестры... я доверилась тебе, а ты мне. Мы оба любим Лоренцо, у нас очень много общего. Но как, как ты посеяла в моей душе это зерно сомнения?

Откуда оно там взялось?

Зачем?!

Неужели так будет каждый раз? Или просто попросить дядю... м-да. Не вариант.

Дядя, вы мне подбирайте для заказов только сволочей. И похуже, попокастнее... нет? Столько не наберется? А если и будут, то платить за них некому? Не те суммы?

Вот ведь еще проблема...

И что с ней делать, Мия решительно не знала. Если бы ньор Туччи не попытался ее принудить, она бы... она бы колебалась, может, попробовала как-то развернуть эту ситуацию. А так...

Даже если у тебя есть деньги, это не повод становиться мразью. Его ведь не волновала судьба служанки?

Да ни на минуту! Что с ней будет, как... его интересовала только своя прихоть и похоть. Это и спасло заказ. Но каждый же раз так поступать не будешь?

Или... каждый раз?

С другой стороны, не так уж часто им заказы и перепадают. Что она, что дядя – специалисты очень высокой квалификации. С мелочовкой и другие справляются. А они – Удав и Змейка... это серьезно. Это репутация, если хотите!

И терять ее Мие совершенно не с руки.

Ладно. Пойдем на компромисс. Ей не сложно каждый раз вникать в дела. Если ей заказали какую-то сволочь – поделом той сволочи. А невинных она все же постарается не трогать. Раз обещала Адриенне.

Мия подмигнула луне за окном и зарылась в подушки.

Спать!

Спокойным и крепким сном. Без всяких угрызений совести и сновидений...

Да, вот это было большим недостатком, но сны ей больше не снились. С двенадцати лет.

Или это было благословение? Мия об этом не задумывалась. Она просто крепко спала.

Адриенна

Сапфиры ей были очень и очень к лицу.

Рубины, впрочем, тоже. И жемчуг...

Отец намекал, что надо бы подарить что-то эданне Сусанне, но для Адриенны эти побрякушки имели свой смысл. Как и мамина шкатулка.

Мамины украшения должны перейти к ее дочери, а не к дешевой шлюхе.

А эти побрякушки...

Они взяты с боя.

Девушки сами просчитали ситуацию, сами добыли для себя украшения, вместе...

Адриенна и Мия. И это было так интересно... что там! Пятнадцать лет! Всего пятнадцать лет... детство играет! Можно научить человека убивать, но нельзя отучить человека играть. Азарт пел в крови, требовал выхода...

И Адриенна вспоминала, как Мия пугала несчастного Ахмедифрая... это было весело.

И отдать эту вещь эданне Сусанне?

Да хоть что-то отдать?

За что?!

Твоя жена, папенька, ты ей подарки и дари. Дан Рокко это одобрил, но посоветовал Адриенне побережись.

Мол, гадина эта опасная и жестокая, мало ли когда ужалит?

Адриенна обещала.

И побережись, и подумать... и тем неприятнее было пробуждение.

В себя она пришла связанной, на полу, в хижине. Земляной пол, очаг... и неуловимый запах не-жилья. Дома, в котором никто не живет. Зато в присутствии двоих мужиков, которые смотрели на нее с нехорошим интересом.

Адриенна задумалась. Память возвращалась неохотно, но...

Вот она объезжает пастбища.

А вот...

Сколько надо выстрелов на двух стражников?

Два.

И третий – на ее коня.

Который встал на дыбы, заржал – и сбросил растерявшуюся девушку. Видимо, тогда она и ударилась обо что-то неприятное... и голова болит...

Хорошо, жива осталась.

А это еще что такое?

Дверь распахнулась, и на пороге возникла эданна Сусанна.

– ТЫ?! – искренне изумилась Адриенна.

– Выйдите! – рыкнула эданна на мужиков. И тут же, умильно улыбнувшись, подала им небольшой мешочек с деньгами. – Нам поговорить надо.

Адриенна прищурилась.

И заметила, как эданну мимоходом погладили по заднице.

Не только с конюхами, но и с этими? Да остался ли кто-то, кого эданна не перебрала? Или весь СибЛевран осчастливила?

Бедный отец, на такой девке жениться...

И ведь любит, любит он ее, что самое страшное. Просто – любит.

– Удивляешься? – первой нарушила молчание эданна.

– Нет, – односложно ответила Адриенна.

А чему тут удивляться, гадина ты ядовитая? Рано или поздно ты должна была ужалить, только вот я оказалась не готова...

Плохо.

– Хочешь знать, что с тобой сделают? – Эданна смотрела жестоко и холодно. Да, с такими глазами и убивают.

– Убьешь? – спокойно предположила Адриенна.

– Да.

Эданна Сусанна смотрела, и девушка понимала, холодея от ужаса, – это НЕ она. Из глаз мачехи смотрело давно вызревшее безумие.

Но почему так?

Что произошло, как и когда? Почему стало именно так, а не иначе?

Адриенна понимала, что разговаривать с безумцем смысла нет, его все равно не повернуть, но...

– И как ты меня убивать будешь?

– Прикажу мужикам, чтобы побаловались, а потом удавили и в болото спустили.

– Что за мужики? Не местные, мне кажется...

– Нет, не местные. Из шайки атамана Винченцо, им при дележке мало досталось, вот они себе приработок и нашли, – расплылась в улыбке эданна.

Адриенна поежилась.

– Хорош приработок, людей в болото кидать.

Зима уже вступила в свои права, но болото...

Были и те, которые не замерзали зимой. Были... ей там не нравилось, но это просто потому, что от болота плохо пахло. И пользы от него особой не было...

– А то и живой тебя туда можно, – усмехнулась эданна. – Чтобы мучилась перед смертью...

– Понятно. И за что ты меня приговорила?

– Не догадываешься? – Эданна шагнула вперед, вздернула девушка за толстую косу. – Правда не догадываешься, дрянь?!

– А должна? – озлилась Адриенна. – Мало ли что тебе там примерещилось?! Твоя дурь – твой бы и ответ...

– Моя... дурь...

Голова Адриенны дернулась от пощечины, хотя и не сильной.

– А сын мой от кого умер?

– Его эданна Фабиана убила...

– Не-ет, – протянула эданна Сусанна. – Не она, а ты! Если бы ты сразу отдала Леонардо СибЛевран, ему не пришлось бы жениться на этой дряни! Никогда! И она бы к нему не подошла...

Адриенна фыркнула.

– Может, еще и уехать надо было? Из СибЛеврана, чтобы вам не мешать?

В таком состоянии иронию не воспринимают. Эданна Сусанна исключением не стала.

– И уехала бы! Что я – не знаю? Тебя в столице ждали! Тебе там самое место было!!!

Адриенна фыркнула еще раз.

– Замечательно! Я виновата в том, что ты прижила сына не от мужа, что не смогла ничего нажать, что ты вышла замуж за моего отца, что твой сын – бездарная дрянь, которая даже штаны завязанными удержать не сумела...

– НЕ СМЕЙ!!!

Эданна Сусанна хлестнула Адриенну уже со всей силы. И девушка ощутила, как лопнула губа, побежала по подбородку капелька крови...

А больше-то и не надо было.

Оно все равно сработало. Наследство Морганы.

Наследство королевской крови.

Сусанна не врала, она хотела убить девушку вполне серьезно. И вред ей причинила тоже осознанно... безумие – отдельно, жестокость – отдельно. Вот и отлилось оно...

Не прошло и нескольких секунд, как женщина заорала.

По гладкой коже, разъедая и пудру с румянами, расплзались ужасающие кровавые язвы. Адриенна впервые могла их видеть так близко... ужасное зрелище.

Когда до мяса, когда в кровь, когда до костей...

Когда уже и кричать человек не может, и сердце заходится от смертной боли, и не кричать – нельзя.

Вынести такое тоже нельзя...

Несколько минут – и все кончено.

И на полу лежит труп эданной Сусанны.

Адриенна молчала. А вот мужики, которые заглянули в дверь...

Разбойники ни разу не молчали. Они действительно были из шайки. Уцелеть им повезло, а вот уйти куда подальше... уйти-то мало! Надо еще перезимовать на что-то, прожить... вот они и застряли в СибЛевране. Хотели за лето свои дела поправить, но проклятый оборотень порушил все планы по легкому обогащению. Такая тварь...

Тут кто еще на кого в лесу засаду устроит. Разбойники на купца – или оборотень на разбойников?

Рисковать своими шкурами негодяи не желали. Поэтому ждали сначала, пока оборотня убьют, потом когда все охотники уйдут из окрестностей. Эданна Сусанна оказалась приятным бонусом, хоть парни такого слова и не знали.

Они пригрелись на постоялом дворе, на конюшне... вот туда однажды эданна и заехала. Конь не ко времени расковался, до постоянного двора она доехала и потребовала подковать лошадь. А там...

Видимо, у эданна была слабость к конюшням и конюхам. Сильная такая... Слабости она в конюшне и отдалась. И еще раз. И приезжала регулярно...

Хозяин гостиницы, конечно, знал, что происходит, но шум не поднимал. А что тут скажешь? И кому?

Дан, ваша жена как есть шлюха дешевая?

Дана Адриенна, ваша мачеха тут всех перебрала?

В том-то и дело, что он в СибЛевране жил давно, и хозяев своих знал, и... жалел. Не виноват же дан Марк, что вот так его угораздило! Тут и любого... до свадьбы-то они все белые и пушистые, а потом пух опадает – и получаешь черную и чешуйчатую!

Ну и чего СибЛевранов позорить?

Чего хорошим людям лишнее расстройство причинять?

Хозяин махнул рукой, да и промолчал. Может, и зря, потому как эданна сначала ездить повадилась, а потом поговорила, и...

Вот так оно и срослось.

Эданне – дело.

Мужикам – удовольствие и деньги.

А вот такого они не ожидали. И эданну, которая заживо гнила на полу, но еще жила, еще тянула руки, еще что-то пыталась сказать...

На их месте и кто похрабрее сбежал бы без оглядки. Вот и они сбежали. Тем более что деньги взяли вперед.

А добивать Адриенну СибЛевран...

А зачем?

Вот тут разбойники свою выгоду преотлично понимали! Дана их не видела. Ну то есть фигуры, одежду, а вот лица они завязали, как привыкли. И волосы спрятали.

И что она там опишет?

Глаза, что ли?

Нет, дана их тоже не узнает... тогда чего ее убивать? Денег больше не дадут, а вот что-то нехорошее с эданной произошло, это уж точно. Лучше не нарываться и не испытывать судьбу. Так что разбойники благополучно сбежали.

Или – почти благополучно?

Хижина, увы, была расположена рядом с болотами. А бежали-то мужчины без оглядки и памяти. Снежок, ледок...

Чем опасно болото – окном.

То есть ямой, куда ты можешь ухнуть сразу, с головой, и не выплыть даже. Затянет, уволочет на дно... навсегда...

Вот один из разбойников в такое окно и влетел с разбегу. Хотя вроде бы и рядом ничего такого не было. Только чавкнула сыто трясина...

Второй в панике огляделся.

– П-пьетро...

Ага, куда там! Ответят тебе из болота... хотя – нет! Последний ответ от товарища разбойник получил. На черной поверхности окна показалось и лопнуло несколько пузырей с болотным газом. И было это до того... страшно? Нет, не страшно, а как-то по-особенному жутко, до подсердечного спазма, до хрипа, до крика... до испуганного шага подальше, в сторону от окна...

Аккурат во второе окно.

И вскрикнуть не успел, не то что осознать... Или успел – еще пара секунд у него была, пока не кончился воздух в груди, пока ледяная вода не сковала сердце мертвящим холодом...

Обещали дану утопить в болоте?

Вас услышали.

Сибеллины есть солнце и право на своих землях. И земля отвечает им любовью. А когда любишь, так естественно защитить своих любимых. От чего угодно.

От кого угодно...

* * *

Когда разбойники с дикими воплями вылетели за дверь, Адриенна с облегчением выдохнула.

Вот честно, если бы они решили остаться и побаловаться с ней... их – двое. Она одна. И кровь тут не защита... эданна Сусанна причинила ей вред – и сгнила заживо. Или уже умерла? Да, похоже на то...

А если бы эти двое...

Они бы с ней вместе – или по очереди? Если вместе, они бы погибли одновременно, а вот если по очереди... тогда один мог бы успеть ее убить. И даже если бы он умер, Адриенну это бы не утешило. На том свете... нет, не радовало. Приятно, когда за тебя отомстят, но кто ж его знает, как оно – ТАМ? И раньше времени узнавать не хочется...

Хорошо, что они сбежали.

А эданна Сусанна... честно говоря, Адриенна ее сама спровоцировала. Понимала, что та не удержится, причинит ей вред и за это расплатится. Быстро и жестоко.

Адриенна даже не сомневалась: отец ничего не рассказывал эданне о ее... наследстве. Об этом так просто, в постели, не расскажешь. Слишком уж страшно и недостоверно звучит, будем честны.

Слишком жутко...

Пугать супругу дан Марк не хотел, ситуацию, в которой его «нежная лебедушка» решит причинить вред его дочери, тоже себе не представлял... видимо, у эданны крепенько так поехал разум.

Бывает.

Другого слова тут и не найдешь – бывает.

Но вот что дальше делать, собственно, Адриенне?

В хижине холодно, если она тут еще пролежит связанная несколько часов, то заболеет. А вот где это и куда ее уволокли...

Она не знает. Но явно разбойники замели следы. Она бы замела.

А еще...

Эданна Сусанна.

Что будет с отцом, когда он найдет свое сокровище вот в таком состоянии? Полусгнившем благодаря Адриенне?

Да ничего хорошего!

И для дана Марка, и для Адриенны... увидеть в таком состоянии любимого человека – больно. Понять, что он... она мучилась перед смертью – тоже страшно. А осознать, что во всем этом виновата твоя дочь?

Как – виновата...

Она себя похищать и убивать не просила, она защищалась, но кому это можно будет доказать? Обезумевшему от горя дану Марку? Ой, вряд ли...

И что он сделает?

Сойдет с ума? Попытается отомстить дочери?

Или еще что-то придумает? Адриенне это проверять совершенно не хотелось. А потому... единственное, за что она была благодарна разбойникам – это за протопленный очаг. Но и это понятно. Тут их ждала Сусанна, тут они собирались побаловаться с Адриенной, не морозить же им самое ценное? Вон и одеяла на полу...

Сволочи, нет бы нож оставить!

Хотя... перерезать веревки, которые у тебя за спиной, и при этом не вскрыть себе вены? Нет, нереально. Не для Адриенны уж точно... По счастью, связали ее не слишком туго. Так, чтобы не дергалась лишний раз. А значит, можно и попробовать растянуть узлы. Руки у нее тонкие, выскользнет запястье...

Она с удвоенной силой принялась извиваться, растягивая веревки на руках. И постепенно, ободрав запястья, выдернула сначала одно, а потом второе из шершавой веревочной хватки.

Посмотрела... м-да. Это придется долго прятать. Пока не заживет... месяц? Да уж не меньше. И мазью какой намазать...

А прятать даже от Розы, ни к чему ей в тягости еще и такие переживания.

Ладно, Марко поможет... но это потом, потом... а сейчас – распутать ноги. Чем Адриенна и занялась.

Чувствительность в конечности возвратилась не сразу. Все же Адриенна валялась достаточно долго... Она шипела, скрипела зубами, но упорно растирала и руки и ноги.

Эданна Сусанна укоризненно воняла рядом.

Девушка не удержалась и прицельно плюнула на труп.

– При жизни, сука, от тебя пользы не было, и сдохнуть ты нормально не могла...

Кроме дурного запаха, ответа не было.

Адриенна встала, размяла руки и ноги, потянулась...

– М-да. Несахарно.

Выглянула за дверь.

Сволочи!!!

Где теперь искать ее коня?

А где кони сопровождавших ее стражников? Где сами ребята?

Словно в ответ, из леса раздалось тоненькое ржание... Адриенна решительно направилась туда. Так, что тут у нас?

Ага...

Четыре коня. Ладно, за это мы эданну Сусанну посмертно... не простим! Но здесь конь Адриенны... Ранен? Нет, царапина. Здесь кони стражников... Пьетро и Тоно, а что с ними теперь?

Убиты?

Адриенна напряглась... нет, не вспомнить. Просто они оседали... кажется, сначала выстрелили в ее коня, потом в них... голова только сильнее болела от усилий! Или наоборот?

Она не знала, что эданна Сусанна просто-напросто подсыпала снотворное во фляжку Пьетро. Выпьет? Хорошо. Нет? Ну, тоже неплохо... доза там была не так чтобы большая, с ног не свалит, но снотворное же! Внимание рассеяно, концентрация никакая...

Разбойники действительно сначала стреляли в Адриенну, справедливо рассудив, что дану не бросят, а если она убьется при падении... какая разница? Им все равно платят за убийство?

Только вот хорошие стрелки среди «лесных братьев» штука редкая. Арбалет дорог, абы кому в руки не дается, да еще зима, поправка на снег, на ветер... конь в движении...

Так и получилось, что вместо всадницы попали в коня. По такой крупной цели промазать сложнее. Конь взвился, выкинул Адриенну из седла, стражники бросились его ловить, и тут уж отстрелять их было проще. И одного, и второго.

Потом разбойники обобрали трупы, проверили, дышит ли дана, погрузили ее на трофейных коней и уехали.

Коней Адриенна нашла. А вот как дальше?

Оставить эданну Сусанну в избушке?

Адриенна к ней и палкой бы не притронулась, к стерве! Вот-вот, к падали придорожной! Но...

Зима.

То есть у эданной Сусанны хороший шанс быть найденной именно в таком виде. Не протухнет, сволочь... что у нас по времени?

Адриенна уехала с утра, сейчас уже к вечеру... отец – дома. Он уезжал вчера, сегодня должен был уже вернуться. Что-то там этой гадюке понадобилось... ладно!

Прикидываем!

Когда начнут искать Адриенну?

Должны уже начать.

Эданну Сусанну?

Как только приедет отец и поинтересуется, где там его женушка? Она ж отродясь больше чем на пару-тройку часов не уезжала.

Допустим, что с собой сделать, Адриенна знала. И с конями тоже...

А вот с трупом мачехи? Его так оставлять нельзя. Мало ли кто его найдет, мало ли что...

Адриенна скрипнула зубами в очередной, может, даже пятисотый раз и вернулась в хижину.

Первое, что она сделала – раздела эданну Сусанну до рубашки. Потом и ту снимет... просто уж очень противно было прикасаться. Даже через рубашку. Платье она разрезала посередине... потом кому-нибудь подкинет... или просто где-то спрячет. Эданна любила роскошные вещи, но сегодня оделась нарочито просто. Видимо, убивать падчерицу в шелках и бархате – неприлично?

Полотно Адриенна легко разодрала по шву, платья закатала в плащ, получившийся сверток отложила в сторону.

А что теперь?

Теперь...

Эданну Сусанну надо погрузить на лошадь. М-да... задачка.

Мия как-то справилась с телом Леонардо, но то Мия. А вот для Адриенны задачка с блоком была откровенно неподъемной. Кстати, как и сама эданна. Как ни прикидывала девушка, а вариант взвалить

Сусанну на лошадь... нет, не с ее силами. Оставалось только устроить волокушу?

Да, что-то вроде... Необходимо найти, на чем ее волочить, вот это надо привязать к седлу, взвалить эданну на волокушу – ну, тут тоже можно ее волоком дотащить или перекатить, и потом вести коня под уздцы. Кстати, и нервничать будет меньше...

Трех коней Адриенна отпустила сразу. И тут же подосадовала. Умные, зверюги... стоят, смотрят на нее... ждут.

– Домой!

Ага, как же...

– ДОМОЙ!!!

Кони стражников и лошадь эданны медленно, словно нехотя, потопали куда-то. Адриенна прикусила губу. Конечно, это плохо.

Это ее кони, чуть не с жеребчества выращенные, выпестованные, денег стоящие, и сейчас она их отпускает. Фактически – в неизвестность. С ними может случиться что угодно.

Они могут попасться волкам, могут забрести невесть куда, их попросту могут украсть. Но явиться в СибЛевран во главе небольшого табуна?

Нет, на такое Адриенна не была способна.

Стражники?

Да, о них она тоже думала. И отчетливо понимала, что сама их найти не сможет. А вот долететь до СибЛеврана и оттуда уже выслать помощь... это намного проще и лучше.

Но сначала...

– Альмо, хороший мой, потерпи немного...

Ради своей хозяйки умный конь и не такое бы потерпел. Тем более что он чувствовал свою вину. Мало ли что стреляли, что больно... это он ее сбросил!

А мог бы и потерпеть!

Так что стоял, пока Адриенна привязывала к седлу волокушу, сделанную из одеяла с дырками. В одеяло она завернула эданну и даже перевязала. Смотреть на это сил не было.

Некогда прекрасное лицо, обезображенное язвами. Нет, отцу такое точно видеть не надо. Пусть запомнит ее красивой.

А вообще...

Адриенне было просто жалко дана Марка. Просто – жаль.

Он предал дочь, он связался с подлой и грязной бабой, он поступил подло. С точки зрения девушки, было именно так. Но... его все равно было жалко. Иррационально.

Просто – жаль.

И еще хотелось плакать. Наверное, последствия удара по голове.

Следы разбойников были видны. Недолго думая по ним Адриенна и пошла, полагая, что они знали, куда бегут.

Болото...

Хм...

Туда вели следы двоих.

Оттуда – ни единого следочка.

Жалеть? Увольте – разную нечисть жалеть! Адриенна отвязала волокушу и лично потащила эданну Сусанну по болоту. Еще конем рисковать не хватало...

Полынья открылась рядом.

Булькнула черным глазом, подмигнула,дохнула нечистым теплом... Адриенна невольно ахнула, прижала руку к губам. Тонуть в болоте не хотелось. Но она-то стоит прочно? Да, вполне...

Итак, тогда... Адриенна встала на четвереньки, для пущего упора, потом принялась подвигать эданну Сусанну все ближе и ближе к «окну в ад».

Секунда, две...

И только булькнуло.

Адриенна была уверена – там ее никто и никогда не найдет. Что бы ни случилось. И – поделом!

Но обратно она так же отползала на четвереньках. Оно надежнее...

* * *

Чувствуя настроение хозяйки, от болота конь летел словно вихрь. Адриенна сначала оглядывалась, потом определилась, где находится, и ехала уже целенаправленно.

Вещи эданны Сусанны она удачно пристроила в дупле одного из деревьев по дороге, потом заберет. А больше никаких следов в хижине не оставалось.

Одеяла?

Так на них не написано, кто, что и откуда. А больше там ничего такого и не было.

Примерно на половине дороги с неба начал падать легкий пушистый снег. Адриенна качнула головой и прищпорила коня.

Надо торопиться...

Хотя ей снег только на пользу, теперь точно никто не определит, где она была и что делала... а еще надо продумать, что именно она скажет. Врать придется много.

Никому, даже дану Рокко, Адриенна не расскажет, что именно случилось в хижине. Единственная, кто может ее понять и не осудить, – Мия Феретти. Еще и поругается: мол, предлагали ж тебе убить мачеху сразу, не ждать, пока она подползет. Это сейчас хорошо, обошлось несколькими синяками и шишкой на затылке. А если бы не обошлось?

В подруге Адриенна не сомневалась ни на секунду. А вот все остальные...

Нет, ни к чему им такое знание. И о поступке эданны Сусанны, и о его последствиях...

* * *

– Как – нет?! Где она?!

– Надеюсь, здесь меня разыскивают? – устало уточнила Адриенна, входя в зал.

– Дана Риен!

Дан Рокко кинулся к ней, как к родной. Подхватил под локоть, внимательно посмотрел в глаза. Он был слишком умен, чтобы задавать вопросы. Адриенна медленно опустила ресницы.

Все хорошо. Она же здесь?

Здесь... все хорошо.

Дан Марк посмотрел на дочь чуть ли не с возмущением.

– Ты одна?

– Да. – Адриенна подняла руку к голове. – Конь взбесился, сбросил меня... повезло – не убежал. Такая шишка... не знаю, где Пьетро и Тоно.

– Покажите, дана.

Даже под волосами шишка была преотлично видна. И кровь запеклась. Видимо, под снегом камень был, об него Адриенна и приложилась. Волосы спасли.

– Дана, подойдите сюда, к факелу, зрачки покажите, посмотрите на меня...

Дан Рокко тревожился не зря. Сотрясение мозга при таких травмах – дело обычное. А там и воспаление или мозговая горячка – чего не бывает? Но на первый взгляд у даны все было нормально.

Зрачки реагировали на свет одинаково, не были ни расширены, ни сужены...

Обошлось?

Завтра будет видно, а сегодня дану одну не оставят... будет хоть кому на помощь позвать, если что!

Дан Марк тоже посмотрел.

При виде шишки подозрения снялись автоматически. С таким на голове только лежать и остается.

– Как получилось, что стражники не помогли?

Адриенна развела руками.

– Не знаю... конь взвился на дыбы, я упала... темнота. Потом снег пошел, я пришла в себя. Хорошо, что Альмо никуда от меня не ушел...

– Где вы пришли в себя? – быстро спросил дан Рокко.

– На опушке у леса, – указала почти нужное место Адриенна. – Там, где поворот на Заячий ручей и мельницу.

– Я сейчас распоряжусь послать туда людей.

Дан Марк поглядел на Адриенну.

– Сусанна с тобой не ездила?

– Нет, – односложно ответила Адриенна.

– Странно... что ей могло понадобиться и где?

Адриенна поднесла руку к шишке.

– Розы!

– Да, детка?

– Распорядись послать за лекарем. Мне он уже нужен, да и стражникам, наверное, понадобится, если они еще не вернулись.

– Хорошо, деточка. Пойдем, я помогу тебе раздеться...

– Нет уж. Пришли служанку, а сама ложись и отдыхай, – скрипнула зубами Адриенна. – Что я, не вижу, как ты вымоталась?

Для беременной на последних сроках Розы и так держалась молодцом. Марко бросил на Адриенну благодарный взгляд и потащил мать к ней в комнату.

– Мам, я сейчас сам, мухой обернусь...

– Нет! Там снег!

– Хорошо, поеду не я. Сейчас дан Вентурини кого-нибудь пошлет...

Дан Вентурини кивнул и отправился на конюшню.

Требовалось послать людей туда, где потеряла сознание дана. Что с ней случилось?

Может, и не врет. С такой шишкой немудрено провалиться, пока тебя не найдут. А она сама пришла в себя, добралась до дома... кстати, лошади стражников так и не явились. И лошадь эданна Сусанны – тоже.

Могут ли они где-то быть вместе?

Не лошади, понятно, а стражники и эданна?

Требовалось послать людей к лекарю. И заодно – на поиски эданна Сусанны.

Что касается последней группы...

* * *

– Поедем, конечно. Как не поехать?

Бернардо, недавно назначенный старшим над стражей в замке, кивнул с пониманием. Его люди пропали, искать надо.

Эданну Сусанну?

А ее-то как не искать?

– Дан Марк с нами поедет?

– Он бы и хотел, но только вернулся, – развел руками дан Рокко. – Понимает, что просто с коня свалится, да там и останется.

Это красивая версия. Для стражи.

Версия примитивная состояла, увы, в том, что дан Рокко лично капнул в кубок с вином дана Марка снотворного. Ему немного-то и потребовалось.

Да, дан Рокко регулярно не мог уснуть просто так, без снотворного, и, кстати, именно у него стащила зелье эданна Сусанна.

Впрочем, склянка все равно была непрозрачная и со стороны не видно, сколько отливали.

Дан Марк выпил, пока метался по залу, весь в тревоге и тоске... так-то он ехать собирался, но дан Рокко видел, что творится за окном. Одно дело – доехать до конкретного места, которое указала дана Риен, посмотреть, что там творится, и вернуться.

Другое – искать неизвестно где блудливую бабу.

Да, дан Рокко был в курсе шашней эданни и предполагал самое простое. Что Сусанна попросту завалилась где-нибудь на сеновале, забыла о времени, а сейчас и приехать не сможет. Явится завтра, наплетет мужу с три короба – и довольно! Муж как раз до завтра и проспит под сонным зельем! Авось не переволнуется...

А сегодня из-за нее людей гробить?!

Тьфу!

Мешочек с монетами перекочевал из рук дана Рокко в руки Бернардо.

– Эданна Сусанна наверняка поехала куда-нибудь в трактир. – Дан Рокко смотрел серьезно, с намеком. – Она не любительница гор и долин, она предпочитает общество. Так что... деньги вам даны для расспросов. Понятно?

– Конечно, дан Вентурини.

Бернардо и правда понимал. А чего тут непонятного? Знает он и эданну, и на что дан намекает... Доедут они до ближайшего постоялого двора, там и переждут непогоду. Ну и про эданну расспросят.

Выпивки закажут, покушать, чтоб не на сухую... переночуют. А завтра, как метель уляжется, поедят еще. По трактирам.

А сейчас – к повороту на Заячий ручей.

* * *

Следопытом Бернардо не назвал бы никто. Более-менее стражники охотились, умели читать следы... но так, паршиво. До лесовиков им было далековато.

Впрочем, какие там следы? Сейчас-то?

Когда снег валит на поля, когда скоро еще и ветер поднимется, хорошо хоть пока еще все видно. Но сильно Бернардо не обольщался.

Если они не найдут Пьетро и Антонио в ближайшее время...

Если, м-да...

Вот что прекрасно умели «лесные братья», так это добивать.

Особенно тех, кого уже подстрелили, кто ослаблен и ранен, кто не может за себя постоять... в другом случае и стрелу получить можно, и кинжал в брюхо.

А тут...

Выстрелили из кустов, потом добили.

Трупы Бернардо нашел достаточно быстро. Не лично он, один из его людей, Карло, но это не так важно...

– Что же тут произошло? – вслух подумал начальник стражи, пока тела навьючивали на лошадей. Их сейчас отвезут в замок, положат в часовне, а завтра дана позовет падре Санто. Вот в этом мужчина даже не сомневался.

Все будет сделано как должно, будет и падре, будет и помощь семьям... но что все-таки случилось? Кто это сделал?

– Следов не найти, – высказался тот же Карло. Он в охотничьих делах понимал больше остальных, а Бернардо никогда не гнушался выслушать своих людей. Нельзя же во всем самому разбираться? Зачем тебе тогда подчиненные?

– А так... если подумать?

– Ну, если прикинуть, – задумался Карло. – Дана говорит, что ударилась и ничего не помнит. Может и такое быть, что выстрелил кто из кустов, ее конь понес, а для ребят было уже и поздно.

– Зачем в стражников стрелять? В дану выгоднее?

– Может, ее хотели живой взять. Выкуп потребовать...

– Тоже возможно. Шалили тут... люди атамана Винченцо, земля ему гвоздями, твари.

– Шалили, – согласился Карло.

– Все и складывается. Допустим, эти твари, пока оборотень гулял, не вылезали, – поддержал беседу еще один стражник, Джино. – А как оборотня не стало... посмотрели, куда дана ездит, да и подстерегли. Ребят положили... может и такое быть... Я коня даны поглядел в конюшне.

– И? – насторожился Бернардо.

– У него рана на крупе. Как царапнуло что...

– Ага... допустим, целились, не попали, или наоборот...

– Попали в коня даны. Тот понес.

– А ребята?

– Тоно положили сразу же. С первого выстрела. У него в груди болт... там минуты две-три, не больше, прожить.

– А Пьетро?

– Его по голове чиркнуло. Мог сознание потерять... у обоих потом горло перерезано, как у баранов.

Бернардо выразился непечатно в адрес разбойников. Подчиненные поддержали.

– Ага... допустим, Тоно положили сразу. С Пьетро эта мразь промазала, могло на излете коня даны царапнуть?

– Как стояли, как шли... могло и так быть.

Конь взбесился, понес, дана упала, ударилась головой.

– А догонять ее даже не стали. Что конь понес, видели, что она упала – уже, наверное, нет, а на своих двоих гоняться... если Тоно упал, если Пьетро... их кони тоже могли помчаться куда глаза глядят. А на своих двоих за лошадью не набегашься...

В чем-то мужчины подгоняли факты под гипотезу. Но ставить под сомнение слова даны?

Нет, такое никак нельзя...

Дана сказала: конь понес, она упала, больше ничего не помнит. Точка. А если бы ее разбойники нашли – такое не забудешь.

Куда эти твари делись?

Да хоть бы и куда... не поленились же мертвых обобрать, гниды! До исподнего раздели...

Попались бы эти негодяи Бернардо, он бы их сам, на осине, на тетиве от лука, чтобы помучились подольше... хм...

– А могла им эданна попасться? – предположил кто-то.

– Вряд ли, – засомневался Бернардо. – Это дана у нас по всему СибЛеврану летает, хозяйство, считай, на ней держится. А эданне не до того, она если куда и ездит, то по дорогам и недалеко.

Это было абсолютно верно.

Эданна Сусанна не любила верховую езду. В карете – другое дело, она ж дама с формами! Пока такие формы на седло упишаешь – взвоешь, а вот в карете с комфортом можно расположиться.

С другой стороны, к любовникам в карете не поездишь.

Так что верховой ездой эданна не пренебрегала, но предпочитала ездить не напрямик, а по дорогам. Мало ли что?

– А все ж?

– Сегодня пообедем ближайšie постоялые дворы и расспросим, – принял решение Бернардо. – А там посмотрим, где ее искать.

Стражники не возражали.

Эданна там... знаете, своя шкура дороже, а ее... все в руках Господа Бога! Будет он милостив, так жива эданна будет, а нет – моли не моли... Не жалко?

Знаете, а не жалко.

Достала эданна Сусанна весь СибЛевран своими капризами и истериками. Вот и не рвались стражники на подвиги. Дана – дело другое, она своя, а за всякую наволочь пришлую жилы рвать...

Сказал командир – в трактир?!

Будет исполнено!

А что дану Марку говорить, так потом решим! После... утром!

* * *

– Дана Адриенна, мне точно ничего не надо знать?

Дан Рокко только что расспросил лекаря о повреждениях даны, но ничего страшного не услышал. Запястья Адриенна ему предусмотрительно не показала, нацепив рубашку с длинными рукавами и кружевными манжетами, а остальное...

Синяки ссадины, шишка на голове.

Покой в течение трех-четырех дней... лучше бы дней десять, но если дану к кровати привязывать, она, наверное, будет против?

Да, лекарь наезжал в СибЛевран уже не первый раз и прекрасно представлял характер пациентки.

Дан Рокко вроде бы и успокоился, но... Свербело!

Вот как хотите, что хотите... свербело! Словно зуб болит... и не уснешь, и не поймешь который, и болит же, поганец! А дана...

Адриенна поудобнее устроилась в подушках.

Сейчас, когда не надо было таскать трупы, не надо драться, не надо добираться до дома хоть ползком, сейчас и навалилась усталость. И голова заболела, и каждый синяк ощущался втрое...

Уснуť бы...

– Дан Рокко, вы снотворным не поделитесь?

– Поделюсь, дана. Дан Марк уже спит...

– Вот и хорошо. А то поехал бы эту гадину искать...

– А ее не стоит искать? – Дан Рокко смотрел серьезно, испытующе. Адриенна не хотела ему лгать, но тут – пришлось. Выбора нет...

– На мой взгляд – не стоит. Небось опять по мужикам пошла, но как это отцу скажешь?

Это полностью совпадало и с мыслями самого дана Рокко.

– Никак, дана Риен. Хоть бы обошлось...

– Честно? А я мечтаю, чтобы она нашла себе хоть кого и сбежала от отца, – созналась Адриенна, начиная готовить подходящую версию. Пусть лучше отец бесится, а не горюет...

– Думаете, такое возможно?

– Смотря что ей предложат. Если дан побогаче или купец... что ее тут держит? Детей у них нет, Леонардо умер, СибЛевран она не получит ни при каком раскладе, а отца и не любила никогда. Он ей должный уровень жизни не обеспечивает, вот...

Дан Рокко был в курсе, так что кивнул.

– Дана Риен, я схожу принесу вам подогретое вино. И снотворное...

– Благодарю вас, дан Рокко.

– Лекарь сказал – можно. Но служанка пусть все равно с вами поспит.

– Хорошо, дан Рокко.

Адриенна честно выпила принесенное, завалилась в подушки и уснула почти сразу. А за ней уснула на кушетке рядом с госпожой и служанка. Впрочем, спала она чутко и готова была помочь дане Риен по первому зову.

Не понадобилось.

Утром Адриенна проснулась бодрая и веселая. За окном так же кружила метель, делая поиски весьма и весьма сомнительными, метался по замку дан Марк, читал в часовне над погибшими падре Санто...

Адриенна подумала, что правильно она поступила.

Мало еще эданне... две невинные души по ее милости... ладно,
она позаботится об их семьях. А пока...
Пока пусть поищут. Ей – не жалко.

Глава 10

Мия

– Кто на этот раз?

– Священник, племяшка.

– Опять кого-то поймали в храме в непристойной позе? – ехидно поинтересовалась Мия.

– Не надо этой вульгарности, тебе она не идет, – погрозил пальцем дядя.

Мия ехидно фыркнула.

– Допустим... а убивать?

– Убивать надо со вкусом. Хорошим...

Девушка рассмеялась, делаясь неотразимо хорошенькой.

– Так кто на этот раз и сколько?

– Падре Норберто Ваккаро. Шесть тысяч лоринов.

Джакомо неплохо знал Мию. Но возмущение на ее лице прочел неправильно. То есть девушка успела спохватиться раньше, чем дядя сообразил...

– Всего?! Ограбили!!!

Джакомо привычно расслабился. А, ну это... это дело такое. Должны же у Мии быть и недостатки? Девочка умна, рассудительна, хладнокровна, берется за любую работу, но – скуповата. Даже не так... на Феретти она деньги тратит, но заработать их пытается на всем. И побольше, побольше...

Деньги для нее не цель в жизни, но, определенно, важная ее часть. Хорошо, что мысли Мии он не читал. А были они короткими.

«Падре. Норберто. Ваккаро. Не отдам! Кровью, твари, умоетесь!!!»

Джакомо это было невдомек, он торговался.

– Детка, это заказ от кардинала.

– Какого? Санторо?

– Нет. Кардинал Леонцио Басси.

Мия прищурилась. Нет, такого она не помнила...

– Дядя, рассказывайте! Я же должна знать, по какому поводу работаю?

Вот, и это тоже недостаток. Нет бы сказать «Хорошо» и отправиться на дело. А Мие надо все знать...

Впрочем, убийца по кличке Удав ворчал не всерьез. Понятно же, девочка должна знать все, что нужно для работы. Сложной работы, между прочим. Серьезной...

– Тут сложная ситуация, детка. Даже не знаю, как начать.

– Сначала. Чем кардиналу помешал обычный падре? Несопоставимые ведь величины?

– Верно, Миечка. Падре Ваккаро человек достаточно своеобразный, он опекает несколько богоугодных заведений. Богадельня для стариков, сиротский дом, лазарет...

Мия кивнула.

Она сама жертвовала на все три заведения, и щедро. Твердо зная, что падре кристально честный человек и к рукам у него ничего не прилипнет. Сказано – на богадельню, значит, туда и потрачено будет.

И точно знала, так поступали многие. Падре Ваккаро был на редкость порядочным человеком, хоть ты его как проверяй! И проверяли же! Мия и сама... ну, это не суть важно. Главное – убедилась.

– Кардиналу-то что от богадельни нужно? Или ему в лазарете что-то недолечили?

Джакомо фыркнул.

– Нет. Все намного проще. Падре Ваккаро – человек честный...

– И что? Его за честность убивать? Так ведь озвереешь всех честных-то резать, они даже в церкви встречаются!

– Не будь циничной.

– Дядя!

– А так – да. Именно, что за честность. Кардинал Басси получил свой пост не так давно, ну и... израсходовал некоторые суммы на взятки, на подкупы... все же перевестись в столицу денег стоит...

– Ага, – покивала Мия. – Ну раз уж не цинично... ему захотелось восполнить утраченное, и он не нашел ничего лучше, чем поживиться пожертвованиями в адрес падре Ваккаро?

– Практически...

– То есть – да?

– Именно. Падре Ваккаро хоть и честен, но не дурак, он заметил недостачу...

– Крупную?

– Эм-мм...

– Дядя, я к тому, что, может, нам процент потребовать?

– Там не так много. Всего двенадцать тысяч лоринов...

– Ага, а почему мне так мало?

– Нам он предложил восемь. За паршивого падре, который ходит везде без охраны...

– Хм... тогда почему так много?

Джакомо задумался.

– Мия... это святой отец. И обставлено все должно быть как несчастный случай.

Мия нахмурилась.

– Дядя, от этого дела воняет.

– Ты отказываешься?

– Вот еще! Но... какие у нас сроки?

– Три дня.

– Три. Дня?!

– Потом падре Ваккаро отправится к кардиналу Санторо, и с кардинала Басси снимут шкурку устричной раковины. Не люблю Санторо, но дисциплина у него железная...

– Ага, попробуй не поделись, – проворчала Мия. – Дядя, это дело все равно воняет! Зверски!

– И что ты предлагаешь?

– Сутки мне на разведку. А вы поговорите с вашим крылато-жужжащим другом.

– Мия!

– Дядя, вляпаемся – не расхлебаем. Сами знаете, кардинал Санторо голубиной кротостью не отличается. А судьба Осьминога вам не памятна?

Джакомо поежился.

Памятна, а то нет? Потом территорию Осьминога поделили Комар, Леопард и Кукловод, но такое не забывается быстро...

Даже не чья-то смерть, сдох тот Осьминог – и ладно. А вот чувство собственной беспомощности... это страшно. И преотлично врезается в память.

– Вряд ли король вмешается в это дело.

Мия прищурилась.

– Дядя, зовите меня душой, но... вы сумму пожертвований прикинули? И заимствований?

Джакомо с уважением поглядел на племянницу.

– Нет. Но тысяч двенадцать...

– Притом, что Лаццо зарабатывают ну пусть тысяч двадцать – тридцать в ГОД?! Дядя, а это просто пожертвования, которые выгреб жадный придурок... За сколько они накопились?

Джакомо треснул себя по лбу так, что звон пошел.

– Мия, я недоумок!

– Что вы, дядя, не стоит к себе так строго...

– Выдеру.

– Пф-ф-ф-ф-ф-ф. Так кто же у нас жертвует такие суммы на благие дела? А, дядя? Подозреваю, что кардинал Санторо-то в курсе, а вот кардинал Басси рано обрадовался?

Джакомо подхватился из кресла.

– Я к Комару. Мия, ты...

– Я тоже схожу на разведку, – кивнула Мия. – Завтра утром поговорим.

– Да, хорошо.

Дан Джакомо вылетел за дверь.

И только когда застучали копыта по мостовой, когда Мия убедилась, что дядя уехал, и даже рукой ему в окно помахала, она позволила себе рухнуть в кресло. И – расслабилась.

Со стороны это выглядело жутковато.

Мию била дрожь, сводило мышцы лица...

– Сестричка!!!

Зачем-то явившаяся в кабинет Серена обнаружила Мию в таком состоянии, но орать и звать на помощь не стала. Вместо этого налила в кубок вина – и поднесла к губам старшей сестры.

– Пей!

Мия кое-как попробовала справиться с собой.

Глоток, второй...

– Ф-фу-уу... отпустило. Спасибо, Рени.

– Что это с тобой такое?

– С дядей поговорила. – Сил врать у Мии не было.

– О чем? – тут же насторожилась сестренка.

– Это личное.

– Не о замужестве? – насторожилась Серена.

Мия подняла на нее глаза.

– Нет. А что?

И сообразила. Действительно, а – что? Ей пятнадцать, Серене двенадцать, девочка в возраст входит, на мужчин заглядывается... а в благородных семьях замуж принято выдавать по старшинству. Женить-то можно в любом порядке, были бы мальчишки не против, тут хоть старшего первым, хоть младшего. А вот девушек выдают замуж по старшинству... стараются. Как обычай...

Сначала выходит замуж старшая сестра, потом младшая...

Мия даже не помолвлена пока... она и не собирается, но откуда это знать малявке? Даже и не малявке уже...

Двенадцать лет – в крестьянских семьях уже выдали б замуж...

Крови у Серены пошли, голова начала в ту сторону работать...

– Ну... я...

Мия выдохнула.

Ах, как бы ей хотелось бежать сейчас к падре Ваккаро! Но – нет! С ним она поговорит позднее, ночью. А сейчас...

У нее брат и две сестры. Они – последние Феретти... Джакомо тоже считается, но продолжать род – им. И вообще... для чего Мия все это делает? Да для сестренки! Они в курсе, кстати, что у них хорошее приданое, правда, думают, это Лаццо выделили... но это уж Мия попросила Джакомо об услуге. Какие-то вещи им знать попросту рано.

Если между родными и работой выбирать все время работу – будет плохо... Мия понимала это преотлично. И возраст не мешал.

Жизнь – хрупкая штука, кому это и знать, как не ей? Сегодня ты смеешься, бегаешь, строишь планы, а завтра уже лежишь в домовине. И работа останется, и найдется тот, кто ее доделает. И мир не рухнет.

А еще останутся твои родные и близкие. И вот им-то тебя никто! Никогда! Не заменит!

Что важнее? Что главное, что второстепенное? Каждый решает для себя, вот Мия и решила. И потянула сестренку к себе за руку.

– Рени, тебе кто-то нравится?

Сестренка кочевряжилась недолго. Минут через десять уговоров и обещаний Мия таки услышала имя. И даже не удивилась.

– Дан Эмилио Делука.

– Детка, он же весь в шрамах! И страшный...

– Дура! – обиделась Серена.

Мия щелкнула ее по носу.

– Может быть. Но ты не стесняйся, рассказывай, какие у него глаза, какие губы, голос, улыбка...

Серена окончательно надулась, но Мия не позволила ей уйти.

– Рени, если он тебе нравится... а ты ему?

– Он приходил несколько раз. В храм, на мессу...

– Так...

– Мия, ты не думай, он себе ничего такого не позволил. Честное слово!

– Верю, – согласилась Мия, которая твердо решила поговорить с даном Делука. Пока сама, не натравливая дядю, а то и говорить не с кем будет! Посмотрим, что там за фрукт такой... попробуем на вкус! А то наивной девочке голову кружить – много ума не надо!

– Мне кажется, я ему нравлюсь...

– Рени, если он тебе нравится, тогда я поговорю с дядей. Это же все не так просто, сама понимаешь...

– А ты?

Мия сделала скорбное лицо. Версия для сестер у нее уже давно была придумана.

– Ты видела, что со мной творилось? Только что...

– Да.

– Вот... это после эпидемии. Замуж меня с таким не возьмут, но и в монастырь дядя отдавать не хочет, пожалел...

Рени смотрела сочувственно.

– А...

– А говорить никому нельзя. Мы ж не докажем, что это после эпидемии, а не порченная кровь, к примеру.

Девочка мгновенно прониклась и закивала головой.

– Да, конечно...

– Поэтому молчи. Мне замуж не выходить, глядишь, и твою свадьбу сыграем...

За сестрой она приглядывала, если уж думать о порченной крови. И знала – Рени НЕ метаморф. Ни способностей у нее таких нет, ни задатков. Мия пробовала пару раз ее спровоцировать, но – бесполезно. Судя по запаху, по ощущениям самой Мии – обычный человек. А если так...

Пусть выходит замуж и будет счастлива.

Рассказать историю семьи ей, конечно, надо, мало ли в ком из потомства кровь проснется, но именно как сказку. И уж точно не говорить о способностях самой Мии.

– Ой, правда?

Мия поцеловала сестру в щеку.

– Слово.

– Миечка, ты чудо! Но неужели ты никак-никак...

– Ре-ни. Совесть поимей?

Серена надула губки и удрала.

Мия залпом допила вино и принялась переодеваться. Ее никто не должен узнать. А увидеть...

Она бы с радостью поговорила с падре Ваккаро в исповедальне, но есть подозрение, что за ним будут следить. Небось, кардинал Басси тоже не груши околачивает, есть у него свои люди в храме. Так что...

Придется потрудиться. Но ради хорошего человека – не жалко.

* * *

Что такое молитвенное бдение?

А вот то!

Храм, иконы, свечи, ты стоишь на коленях и молишься, молишься, молишься... Сегодня падре Ваккаро чувствовал в этом необходимость. Обычно обращение к Творцу даровало его душе покой, но сегодня...

Он уже часа три молился, но слова забывались, молитвы коверкались... как-то все нескладно выходило! Не было в душе падре ни мира, ни покоя.

А вот кашель за спиной был.

Деликатный такой...

– Хм?

Падре аж подскочил на полметра и пребольно стукнулся коленкой.

– Ох-х-х-х!!!

Мия лишней раз убедилась в крепости его веры. По храму аж звон пошел, она бы и покрепче выразилась, а падре не ругается... не богохульствует, не оскверняет святое место.

– Осторожно, падре Ваккаро. А то осчастливите кардинала Басси раньше времени.

– А... э?..

На большее у падре воздуха не хватило, после коленки-то... Мия подхватила его под руку, осторожно усадила на скамейку, покачала головой.

– Подсвечник, что ли, приложите? Вот этот... завтра ж на ногу не наступите!

Падре последовал ее совету.

– Благодарю тебя, чадо. Но кто ты и что привело тебя сюда?

Мия хмыкнула.

Сюда, то есть в храм, она пришла вообще в мужском облике.

Рубашка, дублет, плащ, широкие штаны, сапоги... волосы пришлось укоротить и придать им черный цвет, глаза весело поблескивали серыми огоньками из прорезей маски. Со стороны – парень парнем!

– Падре, имя кардинала Леонцио Басси вам знакомо?

– Да, дитя мое...

– Мне тоже. Он готов заплатить за ваше убийство восемь тысяч лоринов. Вы гордитесь своей высокой ценой?

Падре в очередной раз потерял дар речи.

– К-кардинал?

– Абсолютно верно, падре. Только мне вас убивать не хочется...

Падре понял, что гость пришел с мирными намерениями, и чуточку расслабился.

– И почему же? Мне кажется, оплата более чем достойная? – рискнул прощупать он собеседника.

– Не для мастера моего уровня, – гордо созналась Мия. – Вот если бы кардинал не пожадничал и предложил хотя бы двадцать тысяч лоринов...

– Гордыня – грех, чадо.

– Это вы сейчас обо мне – или о своей цене, падре?

Падре Ваккаро только головой покачал.

– Мне кажется, дитя мое, ты не из простонародья. Что заставило тебя избрать эту стезю?

– Кушать хочется, падре. Кушать хочется...

Падре качнул головой.

– Ладно. Но тогда проще было бы убить меня? И еще на булочку заработать?

Мия хмыкнула. На булочку... да тут несколько пекарен купить можно!

– Падре, смех смехом, но я не хочу браться за этот заказ. От него плохо пахнет... дайте мне причину этого не делать?

– Причину?

– Вы опасны, пока не пришли к кардиналу Санторо. Потом смысла уже нет вас убивать... все равно будет известно. Поэтому вас надо убить в течение трех дней.

– Мне как раз назначили аудиенцию... – Было видно, что падре Ваккаро поверил. Даже не так, верил-то он и раньше, а вот сейчас его зацепило всерьез. – Но я могу и завтра с утра... то есть уже сегодня...

– А ночью? Падре?

– Могу и ночью...

– А почему? – вежливо уточнила Мия. – Вы мне просто скажите, почему вас пропустят к кардиналу Санторо? Обычного падре из не самой богатой церкви?

Падре вздохнул:

– Дела то мирские...

– Падре, очень мирские. Вы поймите, я тоже нарушаю свои... законы. Сейчас я должен бы убивать вас, а я разговариваю. И пытаюсь сделать так, чтобы вы выжили... к примеру, скажу я, что падре Ваккаро родственник кардинала Санторо, так с ним лучше не связываться, за своего-то родственника кардинал устроит... понимаете?

Падре сообразил:

– Чадо, тебе всегда будет предоставлено убежище в стенах храма.

– Но всю жизнь я тут не просижу, к сожалению. Выйти придется...

Падре признал довод увесистым. Поморщился.

– Что ж, в этом нет тайны. Просто все уже умерли... и моя мать, и его величество...

– Не понял?

– Моя мать была кормилицей у его величества Филиппо Третьего. Мы – молочные братья.

– Ох...

Ладно, там не только «ох» был, и вообще, это были только первые буквы слова. Не стоит материться в храме? Так ведь и удержаться возможности не было! С таких-то откровений!

– Слов у меня нет. А его величество, он...

– Я – паршивая овца в семье, чадо. Но кое-что могу и я...

Больше Мие и не требовалось.

– Идемте, падре.

– К-куда?

– До дворца я вас провожу. А то мало ли...

– Ты думаешь, чадо?

Мия пожалала плечами. Она бы точно подстраховалась, кто сказал, что кардинал Басси тупее всех? Врага можно не любить, не уважать, убивать, но не стоит его недооценивать. Вот это точно плохо закончится.

– Уверен.

– Сейчас я плащ накину – и идем, чадо. Да благословит тебя Бог.

– Падре, – жестко посмотрела Мия. – Благодарите тех, кого вы спасли, кому помогли... будь вы обычным падре, я бы и не подумал за вас заступаться. И рисковать тоже. К чему? Но вы – редкое исключение.

– И это печально, чадо.

– Лиха беда начало, – отмахнулась Мия. – Где ваш плащ?

– В моей келье...

– Пойдемте. Я вас провожу.

– Чадо...

– Падре, я здесь.

Падре решил не спорить. Чутьем хорошего священника, действительно хорошего, он понимал – ему говорят правду. А если так... стоит ли спорить?

О нем заботятся и волнуются, так чего мешать людям?

* * *

Ох, не зря Мия предложила сопровождать падре. Уже на подходе к келье в ее нос ударил запах лука. Да такой...

Она положила руку на плечо падре.

– А?!

– Стоять...

Сказано это было тихо-тихо, но падре остановился. И перекрестился...

– Господи...

– Не лезьте вперед, – попросила Мия. И шагнула сама.

Вот чего не ожидал убийца, который подждал свою жертву... так это мощного пинка по двери, от которого она распахнулась во всю мощь.

Первая стрела из арбалета ушла в молоко, вторую Мия, которая кубарем вкатилась в дверь, уже выпустить не дала. Убийцу она просто сбила с ног и покатила вместе с ним по полу. Потом встала и отряхнулась.

– Готов...

– Убийство в храме Божьем...

– Падре, ну как вам не стыдно? – даже обиделась Мия. – Я мастер – или уже как?

Падре шагнул внутрь.

– Но, чадо...

– Жив он, жив... а вот когда в себя придет – не знаю. Я мельче и легче, бить пришлось нещадно.

Ну да. Сбить с ног и приложить со всей дури кастетом в подбородок. Убийце хватило. А нож, который лежал с ним рядом, как и второй арбалет, он схватить не успел.

Падре шагнул вперед, пригляделся.

– Благодарю тебя, чадо... я понимаю, убить было бы проще...

– Но не всегда стоит поддаваться соблазну простых решений. Так, падре? – подмигнула Мия.

Падре хмыкнул.

– Чадо, иногда и я бываю отвратительно заносчив... гордыня – грех.

Мия пожала плечами.

– Падре, а у вас веревочки нет? У меня только удавка, а тут вязать же надо... с доказательствами, наверное, лучше будет?

Падре сообразил – и полез в сундук, за веревкой. Был у него моток. И попрошу не остроумничать. Не удавиться при случае, а вовсе

даже вместо опояски. Ну и для сандалий... и подвязать чего понадобится...

Веревка была простая, грубая, кстати – чтобы повеситься на такой, надо горшок мыла извести, не меньше, а вот убийцу увязать... со всем удовольствием! Мия так и поступила.

А поскольку была она уже специалистом в своей области, то убийцу увязывала не так, как два балбеса-разбойника связали Адриенну. Куда уж там!

Петля на руки, петля на ноги, на шею... не освободят добрые люди – так идохнешь! Или сам себя удавишь при попытке поерзать. А заодно конфисковала в свою пользу кошелек с деньгами, несколько ножей... подумала, отдала кошелек падре.

– Пригодятся, падре?

– Благодарю тебя, чадо...

Мия пожала плечами.

Не ее деньги, так чего жалеть?

– Падре, можно будет его как-то погрузить... я-то точно не смогу. Он крупнее меня раза в полтора, я его оглушил-то с трудом...

Падре кивнул и едва не отправился один кого-то звать. Пришлось догонять, ловить...

Ох уж эти святые люди! Никак не могут понять, что вокруг одни гады ползают...

* * *

Домой Мия попала уже к утру. Падре она честь по чести проводила до дворца, получила от него благословение, убедилась, что его величество сегодня же... вот даже сейчас примет падре Ваккаро, а убийцу пристроят по назначению, чего ж пыточной-то простаивать?

И удрала.

Джакомо все еще не вернулся, так что Мия с чувством выполненного долга завалилась спать.

Дядя появился только к вечеру, уставший и отчаянно воняющий вином...

– Мия, это... слов у меня нет!

– А все же?

– Ты с падре работать не начала?

Мия качнула головой.

– Нет. Вы что-то узнали?

– Не то чтобы... падре сегодня явился пред королевские очи, его пытались ночью убить, так он убийцу властям привез, ну а заодно и кардиналу Басси досталось. Чтобы уж два раза не ходить, значит...

– Заказ отменяется за отсутствием заказчика? – сформулировала Мия.

– Я бы сказал – мучительной смертью.

– Туда и дорога. – Девушка ловко ошкурила грушу.

– Комар, может, и еще что-то узнает... посмотрим. Но пока падре не трогаем.

Мия кивнула еще раз.

Она понимала, почему молочный брат короля не стал кардиналом. Даже и рядом не стал...

Просто потому, что некоторые люди созданы для власти, а некоторые – нет. Вот падре Ваккаро из вторых. Он просто не может этого, не умеет... да и неудобен он будет при дворе.

Истинно верующие – они вообще народ сложный.

А заказ, кстати, через два дня не то что вообще отменился – прошел слух о том, кто такой падре Ваккаро. И Джакомо горячо возблагодарил Бога – уберег!

Не дал тронуть...

Повезло.

Адриенна

Грустным было это Рождество в Сиблевране.

Дан Марк молча пил.

Вот как понял, что ни супруги, ни следа, так и запил.

Жестоко, зло, по-черному, со швырянием кубков в стены и пьяными криками. Не особенно новыми.

Я ее! А она... Как она могла?! За что?! Лю-у-у-у-у-у-у-у-би-ма-а-а-а-а-а-а, верни-и-и-и-ись!

Любимая возвращаться отказывалась. И то сказать, из болота не выберешься, а и вылезешь – никто не обрадуется. Лично Адриенна надеялась, что эданну Сусанну там пиявки доедают. И даже если спустя десять – двадцать лет болото пересохнет, никто ее не опознает.

Украшения она с мачехи сняла, хоть и было противно. Одежду тоже... кроме рубашки, но что от той останется за десять-то лет?

Адриенна учитывала все.

Иногда меняются течения рек, ручьи пересыхают, год засушливый...

Даже если по случайности болото пересохнет достаточно, чтобы кто-то обнаружил тело, опознать его будет невозможно. Будем надеяться.

Про «болотных мумий» Адриенна не знала, но тут и болота были другие. Не торфяники.

Дан Марк пил.

Когда домочадцам это надоело, его просто переселили в его же покои и стали приносить туда вино. Сделать что-то еще было просто нереально.

Поговорить? Объяснить?

А как и что? Какие тут слова найдешь?

Нереально...

Оставалось надеяться, что время лечит, но ведь сколько того времени надо? Месяц? Год?

Адриенне было больно и тоскливо за отца. Дан Рокко хоть и утешал ее, но и самому ему было плохо. Все ж здоровье не то.

Слуги старались угодить дане, но девушке все равно было тоскливо и грустно. Может, и дальше было бы, не явись пред ее очи трое Делука.

– Дан Энрико! Дан Рафаэлло, дан Эмилио! Как я рада вас видеть!

Даны привезли письмо от Мии Феретти и просили разрешения поохотиться в СибЛевране. По их словам, что зайцы, что лисы, что всякая мелкая пушная зверюга здесь были попросту непуганые. Адриенна разрешение дала, но попросила не слишком увлекаться.

Даны охотно согласились.

С утра они ехали на охоту, вечером приезжали в СибЛевран... Адриенне перепали зайцы на плащ. Не слишком ноский мех, но другой ей просто не к лицу будет. Не рыжая она, лиса и белка не ее звери.

Но Адриенна все равно радовалась охотникам. Потому что раз они взяли с собой дана Марка, два... а там он и пить перестал. И втянулся.

О другой стороне истории она не знала, а дело было так.

Задача хорошего управляющего – все использовать для блага хозяев. Правда, вот куда можно приспособить троих здоровенных лбов?

Дан Рокко не сразу сообразил, а потом проследил за пьяненьким даном Марком, посмотрел на дана Энрико, да и пришел вечером в гостевые покои.

– Дан Делука, уделите мне пять минут? Пожалуйста.

Тот кивнул.

Дану Рокко внимание надо было уделять, еще как надо... человек он умный, связи при дворе у него есть... да и охота здесь хорошая. Своей земли у Энрико было шиш да маленько, приходилось вот так, напрашиваться в гости.

Охота же!

А так... он управляющему любезность сделает, тот ему добром оплатит...

Разве нет?

Дан Рокко тянуть не стал.

– Вы дана Марка видели?

– Видел. Пьет. Сильно. – Делука не отличался особой разговорчивостью, но тут-то чего неясного? И сильно, и пьет, и вообще... тяжко.

Бывает.

– Как эта баба сбежала, он сам не свой. Дана Риен хоть и бьется, а все равно мужская рука в хозяйстве нужна.

– Нужна, – согласился дан Энрико. Неужели к помолвке? Ладно, Эмилио не согласится, ему вроде как девчонка Феретти понравилась, да и той он по сердцу, но есть еще и Рафаэлло? А вдруг?

– Может, вы по-мужски с ним поговорите?

Дан Рокко вдребезги растоптал все надежды на удачную помолвку, даже и не заметив. Дан Энрико насупился.

– Может, дан, с которым помолвлена дана Адриенна, сможет помочь?

Дан Рокко только руками развел.

– Дан Делука, я и рад бы к нему обратиться, но – не поможет. Сейчас это просто невозможно.

Ага, а если и возможно... лучше не рисковать. Кинут бедного дана Марка в тюрьму. Понятно, там не наливают. Но ведь и легче никому от этого не станет?

– Вы сумеете быть убедительным там, где не смогу я. Я бы и сам, но здоровье... вы видите.

Дан Энрико видел. И каким чудом дан Рокко жил до сих пор – не понимал. Он еще два года назад поклялся бы, что мужчина – не жилец. Но ведь сидит напротив, и улыбается весело, и важно для него дане СибЛевран помочь...

А и ладно!

Поможем!

– Дан Рокко, я уж по-простому. Что с его женой случилось-то? Сбежала, шлюха?

– Мы все так думаем, – не соврал дан Рокко. – Сбежала, или пристукнул кто, эданна со всей округи кобелей собирала... Могла и нарваться.

Зимой егеря и стража прочесали весь СибЛевран. Но следов не нашли.

Никаких.

С одной стороны, и неплохо, никто не видел эданну мертвой.

С другой стороны – ее и живой никто не видел. А где искать? Конь ее тоже вернулся на конюшню. Кстати, как и кони стражников. Умные животные по зимнему времени не стали себе искать приключений на хвост, пришли туда, где кормят. Дан Марк помрачнел еще больше.

С горем и грехом пополам расспросили трактирщиков, расспросили всех, до кого добраться могли...

Вот ведь оно как.

Если бы эданна уехала сама, она бы точно взяла с собой и драгоценности, которые все – все! – остались у нее в комнате. И коня не позабыла бы. Чем-чем, а благотворительностью Сусанна не занималась.

Она заработала все это трудом и потом. Хотя и в постели...

И бросить?

С другой стороны, из замка она уехала сама. И могли ведь разбойники, которые убили стражников и пытались убить Адриенну, напасть и на эданну Сусанну?

Теоретически – могли.

Практически?

Вот то-то и оно, что тоже могли. Вроде как говорили они об удачном деле, что им заплатят и поедут они из этого проклятого СибЛеврана куда подальше!

Но тут – куда, и что, и как... больше-то ничего не было известно! А удачное дело...

Бернардо рыл носом землю и в результате явился к дану Марку с неприятным известием.

Скорее всего, его супруга мертва. Ее никто и ни с кем не видел, она не стоваривалась об отъезде, да и время сейчас не то... ладно еще – летом. Тут и уехать с кем-то проезжающим можно. Сейчас это нереально, и проезжающих не было.

Разбойники говорили про удачное дело.

Вполне возможно, они охотились на эданну, которая была любительницей приехать на постоянный двор. Посидеть, попить сбитня (на самом деле она шлялась по сеновалам и номерам, но кто ж это скажет бедняге дану?), послушать менестрелей...

Дана Адриенна оказалась более серьезной добычей, но если уж с двумя стражниками расправиться рискнули...

Куда удрали?

Да кто ж их знает, сволочей?! Не найдешь... разве что в Альмонте отписать, если они там появятся...

Дан Марк съездил лично на несколько постоянных дворов. Вернулся – и запил.

Это дан Рокко и изложил дану Энрико. И еще свои соображения прибавил.

Дан послушал, подумал... и рукой махнул! Он бы сюда и летом на охоту приехал, и осенью... дана Адриенна и так разрешит, но хорошо бы и ей ответную услугу оказать. А если уж больше некому... разве что дан Каттанео, но это – до лета терпеть, а ведь можно бы уже и сейчас...

На следующий же день дана Марка вывезли на охоту.

Вывезли – это в буквальном смысле. Пьяного, поперек седла.

Адриенну успешно отвлек дан Рокко, а остальные не менее успешно смотрели в другую сторону. Дана Марка все же любили... ему даже эту сисястую заразу простили, но сколько можно-то?

Пора и в себя приходиться!

Если даны ему в том помогут... одним словом – делайте! А мы... а нас тут и вовсе не было.

Дан Энрико это оценил. А потом сделал все просто и жестоко. Доехал до реки, которая плохо подмерзала, особенно у берега, – и скинул дана Марка прямо туда.

В ледяную воду.

Рисковал, конечно, но, учитывая, сколько дан пил в последнее время... нет, не замерзнет! Бог их, пьяниц, хранит, что ли? И под заборами спят, и в канавах, и на мостовых... дан Энрико бы замерз, а им хоть бы что...

И не замерз-таки!

Выскочил из воды, словно ошпаренный, заорал что-то бессмысленное – и уткнулся носом в три арбалетных болта, направленных на него.

– Стоять!

– А... э?!

Больше как-то ничего умного у дана Марка и не выговаривалось.

Энрико сверкнул глазами.

– Полезай-ка ты обратно в воду.

Дан Марк потряс головой. Вода так и полетела... мысли явно возвращались к хозяину. Но...

– Что?!

– Что слышал. Обратно в воду. И можешь голову под воду сам засунуть. А то и плыви на середину речки. Понял?

– Я же утону? – искренне изумился дан Марк.

Мужчины разразились ехидным смехом.

– Надо же! А какая тебе разница? – прищурился дан Энрико – Все одно – подохнешь!

Оказалось, что помирать от вина, медленно сводя себя в могилу, – и помирать в ледяной воде реки... это две очень большие разницы. Второй из предложенных способов дану Марку не нравился.

– Я не хочу...

– Да понятно. А чего ты хочешь? Сидеть и вино жрать? Крепленое?

– Твое какое дело? – огрызнулся дан Марк.

– Так самое прямое. Твоя дочь вон из сил выбивается, а тебе и дела ни до кого нет? Мне просто девчонку жалко. И на сыновей моих не смотри, у них свои нареченные есть. Это уж просто так... как человека. Она вон с Эмилио ночь просидела, выжил мой сын. А ты... ты ее сам в гроб вгоняешь! Кто хозяйство держать должен? Девчонка и старик, который скоро в гроб ляжет? Тьфу!

Аргумент был убийственный. Но дан Марк без боя решил не сдаваться.

– У меня жена...

– То ли погибла, то ли сбежала. Скорее, погибла. При побеге она бы хоть свои побрякушки захватила, – кивнул со знанием дела дан Энрико.

– Я... я ее люблю...

– И что? Это повод вино жрать как воду?

– Хочу – и жру!

– Вот она бы порадовалась!

Пьяных эданна Сусанна, кстати, любила. Их легче раскручивать на деньги и подарки. Но дана Марка и разводить не приходилось, так что эданна предпочитала в постели трезвого мужчину. А если уж вконец честно...

От него (с точки зрения эданной) и по-трезвому мало толку было, куда бедолаге до конюхов! А уж спьяну... тык, мык... и никудык. Так что дан Марк не пил.

А сейчас вот сорвался.

– Твое какое дело?! Б...

Буйствовал дан Марк прилично. Одежда даже корочкой льда схватиться успела. Ну ничего, Делука слушали, понимая, что даже вот эта ярость намного лучше тупого безразличия.

Наконец до мозгов дана Марка добрался холод, его затрясло, и Энрико кивнул сыновьям.

Те отлично знали, что делать.

Дан Марк и опомниться не успел, как был раздет, растерт снегом, снова одет в сухое и усажен на лапник возле костра.

– Успокоился? – поинтересовался Энрико.

– Ты...

– Ну я, я. Приходи в себя, давай. А то и правда под лед спущу.

Дан Марк только зубами скрипнул.

Вот ведь... с-сволочи! Но и крыть тут нечем. Сам виноват. Сам спиваться начал... а сил остановиться не было.

– Не хочу думать, что она мертва. В ней столько жизни было, столько света, тепла...

– И ты все эти воспоминания вином заливаешь.

– Не эти, – помрачнел дан Марк. – Не только эти...

Махнул рукой, да и рассказал. Он ведь ездил, узнавал о Сусанне, ну и узнал... на свою голову. И скольких она перебрала, и все остальное... оказывается, у него рога – оленям по осени впору! Он и не знал, а все знали. И смеялись за его спиной...

Больно потерять жену. Но еще больнее знать, что все, все было иллюзией. Вся его счастливая семейная жизнь, с начала и до конца. Что тебя обманывали на каждом шагу, что лгали тебе в глаза, что предавали... и все, все это знали! Только он один, дурачок!..

Как такое стерпеть?

В этом он и сознался. И наткнулся на насмешливое равнодушие.

– Так тебе себя или жену жалко?

Жену. Но и себя тоже...

– Не знаю.

– Ну, рога... ты первый, что ли? И не последний... пусть слух, что это ты изменницу, своими руками... еще и зауважают!

– Разве?

Энрико пожал плечами. Совет он дал хороший, а вот прислушается ли к нему дан Марк?

– Могу помочь. И завязывай, правда, пить. Жизнь одна, а потом ответ держать придется...

Дан Марк только рукой махнул. Придется... только вот что это за жизнь будет?

– Может, и не худшая. – Читать мысли дан Энрико не умел, но тут и не требовалось напрягаться. Все крупными буквами на лице у человека написано. – Постепенно в себя придешь, дочь замуж выдашь, внуков понянчишь...

– Внуков...

– Еще раз женишься. Что того труда? Года через три уж и можно будет.

Дан Марк только вздохнул.

Звучало-то это отлично! А вот как оно на деле обернется... не угадать.

– Я, наверное, с вами на охоту похожу пока.

Все какое-то дело.

И не нальют, что самое приятное. Дома он сам себе хозяин, хочет – пьет, не хочет – тоже пьет! А здесь... присутствие троих Делука – отличный сдерживающий фактор.

– Буду рад, – отозвался Энрико. – Только я с собой вина не беру, и другим не дам...

Дан Марк кивнул.

И не давайте, не надо... перебьется. Пусть так, пусть худобно... а все равно лучше, чем в замке. В своих покоях, где каждая мелочь напоминает о ней...

Дан Энрико еще немного побеседовал с даном Марком, а когда того разморило у костра и потянуло в сон, подозвал к себе Энрико.

– Метнись в СибЛевран, пусть все уберут, что от его заразы осталось.

Цену эданне Сусанне он знал. Но доказывать что-то бедолаге, который ее действительно любил?

Не стоит. Нет, не стоит...

Вещи убрали, покои проветрили, и постепенно дан Марк начал приходить в себя. А все остальные старались просто не напоминать о его несчастной любви.

Время шло...

Глава 11

Лоренцо

– Того, кто будет недостаточно стараться, я сам... своими руками... вы поняли? Пожалеете и не раз!

Зеки-фрай закончил свою прочувствованную речь и махнул рукой.

Гладиаторы принялись расходиться.

К Лоренцо подошел Ромео, за ним привычно трусил его пес.

– Слышал? Нервничает, переживает...

– Чего б не переживать? Говорят, Кемаль-бей человек настроения.

Не угадаешь...

Ромео задумчиво кивнул.

– Так-то да... не понравится ему чего – и полетит наш ланиста вперед своего визга.

Энцо пожал плечами. Откровенничать его не тянуло.

– Ты-то как, выкупиться не хочешь?

– Зависит от результатов боев, – ответил Энцо. – Не угадаешь ведь...

– Это верно. Хороший мальчик, хороший... – Псу надоело стоять смиренно, и он ткнулся жутковатой мордой, похожей на сундук, в хозяйскую ладонь.

– Не страшно тебе за собаку? – не вытерпел Энцо. Обычно он в душу не лез, но сейчас... настроение было откровенно паршивым.

Что там будет, как там будет...

А перед побегом и вообще...

Это Динч говорит, что все готово, а как там на деле сложится? Кто ж его знает?

Ромео вздохнул и сказал честно:

– Страшно, а то ж. Но я Кано взял со щенка, я его не оставлю.

– Мы над собой не властны.

– Так-то да. И ты этого еще не ощутил. Когда одиночество... когда надежды нет, – Ромео ссутулился, выглядя очень старым и усталым, – мне ведь некуда возвращаться, я хоть и выкупился, но что я еще умею? Только драться. Жениться? Никто не отдаст за меня дочь. Купить рабыню? Я могу, но там-то и хуже будет, она же тоже человек...

Лоренцо кивнул. Он понимал. И потрепал по голове собаку, которую через много лет назовут «кане-корсо».

– То-то и оно, что человек. Она за себя хоть как постоит, а собака? Она в чем виновата?

Лоренцо знал, о чем говорил. Если Ромео погибнет на арене, Кано разделит его судьбу. Будет сражаться... венацио пользовалось большим успехом. Даже если разъярить добродушного пса не удастся, его и так прикончат. Публике такое нравится...

Зеки-фрай в последние несколько дней вообще навез в город живности.

Несколько львов, буйволы, хотел слона или крокодила, но не получилось достать. Зато бойцовских собак было несколько.

Кого ими будут травить?

Энцо не знал, но могут ведь и его? Запросто!

Вот что плохо в жизни гладиатора. Да, у тебя громадные заработки, особенно по местным меркам, ты знаменит, тебя обсуждают на улицах, но...

Ты не знаешь, будешь ли ты жив завтра.

Неопределенность, вот что давит. Хоть и говорят, что все под Богом ходим, но гладиаторы ходят регулярно. И испытывают Его терпение тоже чаще прочих.

А вот когда оно закончится?

Вот вопрос, на который Лоренцо не хотел получить ответ. Но мог, причем самым наглядным образом.

* * *

Кемаль-бей на гладиаторов посмотреть не соизволил. Видимо, все, что нужно, он узнал от ланисты. Энцо не расстроился. Не до того было – впереди день боев. Парень тренировался что есть сил, понимая, что все зависит только от него самого.

По городу уже успели расклеить объявления, на улицах работали глашатаи...

Сначала планировалась большая травля, с дротиками.

Потом бои один на один.

Потом заключительный бой – группами по четыре человека, по шесть человек...

Зеки-фрай старался что есть сил. Но... или не так старался, или не туда прикладывал силы, потому что в день боев ланиста куда-то исчез.

Его помощники, конечно, справлялись, но куда исчез Зеки-фрай?

Энцо было любопытно... но ответ он получил быстрее, чем хотелось бы.

* * *

– Жители славного города Ваффы! Смотрите, какая судьба уготована тому, кто предал своего господина!

Вот теперь Лоренцо Феретти полюбовался на Кемаль-бей. Что тут скажешь?

Гадкое зрелище.

Жирный глист в расшитом халате – первое и общее впечатление. Потом уже добавляются такие мелочи, как сливовидный нос, чалма с рубином, жидкая борода, впрочем, отращенная аж до середины груди и богато умощенная благовониями, кольца на толстых сосисочных пальцах... Образ зажавшейся твари они дополняли вполне органично. И халат из дорогущего шелка – тоже.

Энцо смотрел и слушал вместе со всеми. Да, гладиаторы это видели.

И...

На арену вытолкнули Зеки-фрая, за которого цеплялись двое детей. Двое мальчиков.

А Кемаль-бей продолжал разглагольствовать, упиваясь, видимо, звуком своего голоса.

Смысл обильно пересыпанной восточными красотами речи сводился к простому факту.

Зеки-фрай воровал у своего хозяина.

За это Зеки-фрай будет убит здесь, на арене, вместе с детьми...

Ну а поскольку Кемаль-бей человек благородный и порядочный, он дает негодяю один шанс. Если найдется кто-то, кто захочет заменить Зеки-фрая на арене, то...

Гладиаторы молчали.

Молчали и люди на трибунах. То есть – нет. Не молчали. Переговаривались в предвкушении, Лоренцо увидел, как сидящий в первом ряду купец что-то сказал соседу...

– ...сразу же подох... – донесся обрывок разговора.

Кто подохнет – и так ясно.

Но...

Лоренцо словно черт под руку толкнул. А может, горела на шее подвеска Адриенны? И он твердо понимал, что, если сейчас он отвернется от детей...

То он не мужчина. Он уже даже человеком не будет. Останется только по примеру Ромео завести себе собаку и навсегда остаться на арене. Пока не сдохнет, как та шавка...

Одним движением Лоренцо преодолел расстояние до Зеки-фрая и встал перед ним.

– Я готов ответить за него! Я принимаю бой!

* * *

Ахнули все. В том числе и Кемаль-бей. И со злостью покосился на Арай-бея и Судат-бея, которые сидели рядом с ним.

Если бы не друзья...

Да сейчас бы он этого наглеца... но – нельзя! Так неправильно! Народ сюда приходит ради зрелища, а он их этого зрелища лишит... нет... не стоит рисковать.

Сейчас он этого наглеца и так в порошок сотрет!

– Ты – раб! Ты не можешь выступать за них!

Энцо пожал плечами:

– Ты сам сказал – любой!

Трибуны зашумели, подтверждая сказанное. Кемаль-бей скривился.

– Сначала выкупись!

– Назначь цену!

Кемаль-бей прищурился. В том-то и дело, деньги он мог назвать любые. Но...

Азарт.

Хозяин арены тоже был человеком азартным. А что еще и садистом, привыкшим к безнаказанности, – у всех свои недостатки.

– Я тебя за язык не тянул, раб. Ты хочешь на свободу?

– Да!

– Тогда... один бой ты мне должен. И ты примешь в нем участие. Вторым боем ты выкупишь себя. И третьим – их. Как свободный человек. Бои состоятся сегодня. Согласен?

Энцо скрипнул зубами.

Три боя.

В один день.

И поддаваться ему никто не будет, и эта тварь подберет противников по своему вкусу... впрочем... это – арена. И тут надо, надо рисковать. Потому что удача любит смелых!

– Ты сейчас против меня выпустишь десять человек – и скажешь, что это судьба! Я согласен на три боя, но у меня должны быть шансы! Один бой – один противник!

Судя по лицу Кемаль-бея, он примерно так и планировал. Но слово сказано...

– Хорошо же. Один бой – один враг. И я буду милостив. Они будут идти не подряд, чтобы ты успел отдохнуть.

– Твоя справедливость не знает границ, Кемаль-бей, – поклонился ему Лоренцо.

Мужчина кивнул.

– Повторю: первый бой – тот, в котором ты должен принять участие. Второй – за твою свободу. Третий – за них. Раз уж тебе нужна эта падаль!

Энцо низко поклонился.

– Верю, всемилостивейший, ты поймешь меня правильно. Зеки-фрай прогневал тебя, и ты вправе наказать своего слугу. Но я от него кроме добра ничего не видел. Если не попытаюсь хотя бы отплатить добром за добро – буду чувствовать себя презреннейшим из подлых.

Кемаль-бей снисходительно кивнул.

Понятно, парень не выживет, он лично об этом позаботится. Но сейчас... сейчас в глазах всей Ваффы – он милостивый и достойный господин, который дал шанс и своему слуге, и гладиатору. Это приятно...

– Что ж. Каким по счету ты выступаешь, Ангел?

– Третьим, Кемаль-бей.
– Венацио?
– Да, Кемаль-бей.
– Что ж. Пусть будет венацио. Ты третий по счету. И запомни, этих троих – всех – будут выводить с тобой на арену. Твоя смерть – их смерть.
– Вы милостивы, Кемаль-бей.
Бей поморщился и махнул рукой.
Он понимал, что все равно все полягут. Что никто не выдержит трех боев в один день. Но шанс-то он дал? Дал!
Вот и отлично!
Кушайте, не обляпайтесь...

* * *

– Спасибо тебе. Но... ты понимаешь, что это приговор?
Это были первые слова Зеки-фрая, когда они с Энцо удалились с арены.
– Понимаю, – кивнул Лоренцо. – Этот хорь наверняка подберет таких противников, чтобы меня уработать. Уверен.
– Три боя. После одного-то парни едва ноги таскают.
– Тебя надо было оставить там? На растерзание собакам? Как хоть твоих детей зовут?
Энцо и сам не понимал, почему вмешался. А ответ был прост.
Дети.
Когда-то Мия взяла на себя ответственность за него... ему столько же было, сколько старшему из детей. Тогда умирал их отец, а он... Лоренцо Феретти ничего не мог сделать. И во время чумы тоже... Здесь и сейчас он отдавал долг.
– Салих и Фатих. Их мать умерла давно... спасибо тебе.
– Вечером скажешь. Если доживем.
– Хорошо. Все равно – спасибо.

* * *

Первый бой у Энцо должен был быть с животным. Энцо получал в руки дротики, на арену выпускали животных...

Стой и кидай. Дело несложное!

Какое в этом удовольствие находят зрители? Лоренцо даже не представлял! Что такого в убийстве тех, кто не может за себя постоять?!

Но...

К дротикам он был готов. К подвоху тоже.

И пса на арене воспринял вполне спокойно. Злого, рычащего... а что у него из оружия?

Вот черт!

Ничего. С чем вас и поздравляем, дан Феретти. Есть обмотки на руках и ногах, сразу не прокусит. Но и только... даже дротики не дали!

Хотя с собакой только даром время с этими дротиками потратишь...

Лоренцо поднял руки и сделал шаг вперед. Трибуны взревели.

Он внимательно наблюдал за собакой. Доверять кому-то? Ну уж – нет!

Лоренцо готов был поклясться, что слышит с другого конца арены рычание не просто разъяренного пса – а притравленного на людей.

Умеющего убивать людей.

М-да...

Хотя чего тут удивляться?

Собаку спустили с поводка – и она рванулась на Лоренцо, словно арбалетный болт. Ага, как же! Была охота связываться с шестьюдесятью килограммами бешеной собачатины!

Лоренцо извернулся так, что никто не понял, что произошло. Ни зрители, ни собака... пес просто пробежал мимо! Вот просто – мимо! Так быстро Лоренцо отпрянул в сторону, что даже собачий глаз за ним не уследил, не то что человеческий.

Впрочем, пес не растерялся.

Он затормозил, всем видом показывая, что больше презренный двуногий его не проведет, – и уже медленнее двинулся к Энцо.

Или это для Лоренцо растянулось время, позволяя увидеть все в мельчайших подробностях?

Вот пес идет, вот его мышцы напрягаются, сейчас он кинется... Энцо резко делает полуоборот, припадает на колено и выставляет

вперед левую руку.

Именно левую.

В нее и впивается пес.

В кожаные браслеты, в обмотки...

Боль – жуткая. И не в том дело, что собаки прокусывают кожу, нет. Просто... если кто-то заглядывал в пасть собаке... сжать она зубы может с такой силой, что кость только хрупнет. Там такие зубки... не клыки, нет. А вот в глубине пасти, чуть подалее...

Эти зубы и стиснули руку Лоренцо.

Ровно на пару секунд, потому что Энцо ударил жестоко и безжалостно. Двумя пальцами, в глаза, как поступил бы с гладиатором, так и с собакой.

А вот такое пса терпеть не научили. И к такому не готовили.

Слепота, боль... страх! Невольный страх...

Пес выпустил руку Энцо, взвизгнул, но было поздно. Лоренцо уже взял его шею в смертельный захват.

Легко ли переломить человеческую шею? Легче, чем собачью. Но Энцо справился.

Под руками хрустнуло – и тело пса обмякло. Энцо встал и поднял вверх руки.

Трибуны взревели.

– Что ж, – признал Кемаль-бей. – Свой бой ты выиграл. Теперь тебе предстоит бой за твою свободу. Иди, тебя пригласят!

Энцо поклонился, прижав руку к сердцу, и вышел с арены.

Рука (хорошо хоть, левая) болела вовсе нещадно.

* * *

Венацио продолжалось.

Теперь на арену выпустили оленей, быков и антилоп. Их доставили заранее и держали на специальных пастбищах, за городом. Потом просто прогнали по улицам Ваффы и загнали на арену. А гостям раздавали луки и окрашенные стрелы, чтобы те могли потешить свое мастерство.

Кемаль-бей был отличным стрелком.

Его стрелы были помечены красными перьями, у Арай-бея – зелеными, у Судат-бея – синими. Потом их добычу подсчитают.

Обычные зрители могли просто купить лук и стрелы, не окрашенные, конечно, за определенную и достаточно высокую сумму.

Но охота пуще неволи.

Кемаль-бей ловко всадил стрелу в глаз одного из быков. Животное взревело и рухнуло. Но на арене было слишком спокойно, поэтому подручные выпустили к животным еще и лисиц, к хвостам которых были привязаны факелы.

Лисы начали метаться, животные шарахались от огня, кричали, мычали...

Люди орали и аплодировали^[19]. По приказанию Кемаль-бея один из рабов вышел на арену и встал там, подняв высоко факел.

Выстрелом Кемаль-бей выбил его из рук раба, но несчастный все равно не уберется. Куда уж тут, когда по арене носится обезумевшее стадо?

Раба поднял на рога бык, а потом бедолагу просто затоптали...

Кемаль-бей только головой покачал. Но быка застрелил.

Когда животных осталось мало и беям надоело стрелять, на арену вышли профессиональные венаторы, которые быстро и умело добились оставшихся зверей. И рабы потащили туши прочь с арены.

Все было хорошо отработано, так что много времени не заняло. Настала очередь следующего представления...

На этот раз сексуального. И на арену вытащили женщину, опоенную вином так, что она даже шла с трудом. Впрочем, трибунам было все равно. Разгоряченные люди орали, ревели, требовали – КРОВИ!!!

И побольше, побольше...

* * *

– Кость не сломана?

– Проверь, – отмахнулся Энцо. – Мне кажется, нет, но синяк будет. Зеки-фрай сдвинул брови.

– Терпи...

Терпи... сам бы попробовал. Рука пульсировала, наливаясь тяжелой тупой болью. Чертова тварь не прокусила кожу, нет! Она просто раздавила мышцы...

– Держи лед. – Ромео оказался как нельзя более кстати.

– Спасибо, друг. – Энцо криво усмехнулся. – Надеюсь, нас не выпустят друг против друга. А то я бы не удивился...

Ромео качнул головой.

– Нет. Там сейчас на арене перерыв, ослом насилуют какую-то девку... потом опять венацио^[20]. Энцо поморщился. И рука болела, и подобных сцен он не любил...

Что за удовольствие – в таком?! Это окончательно с разумом распрощаться надо. Но ведь смотрят, и ставки делают, умрет несчастная проститутка или нет...

Твари.

Желание сровнять Ваффу с землей у Лоренцо было. Возможности, увы, не было.

Ромео помялся пару минут.

– Ты молодец, Ангел. Это дорогого стоит.

Лоренцо пожал плечами. Руку опять продернуло болью.

– Впереди еще два боя. Я могу умереть.

– Человеком. Ты умрешь человеком. А мы – тварями на потеху толпе. Как те несчастные животные. Как девка с ослом...

Лоренцо кивнул. Именно так. Что делает человека – человеком? Возможно, что и это. Мы не выбираем, у кого родиться. Но смерть свою мы выбираем сами.

Как люди.

Подвеска с вороном на груди не просто грела. Она была горячей, как огонь.

Адриенна

Далеко за морем, в Сиблевране, Адриенна вдруг ощутила дурноту.

Закружилась голова, повело в сторону... и пришла она в себя только в кресле. Хорошо еще – нашлось, кому помочь.

Усадили, не дали упасть...

– Дана?! Что случилось?!

Адриенна прикрыла глаза.

Встревоженные голоса вокруг, встревоженные голоса...

Что она может сказать? Только то, что чувствует, что знает...

– Энцо...

Где-то там, далеко, ему плохо. Так же плохо, как в ТУ ночь. И сейчас, как и тогда, она с ним.

Тогда была слепая стихия.

Холодная, безжалостная, равнодушная... а что сейчас?

Или – КТО сейчас?

Адриенна медленно подняла руку, останавливая разговоры. Очень медленно, словно боялась разлить нечто ценное... сейчас она была наполненным силой сосудом. Но шевельнись не так...

Вино в бокале можно выпить, вылить, ему можно найти любое применение.

Вино на полу – только вытереть.

Сейчас она – вино в бокале.

– Оставьте меня. Или молчите!

Конечно, никто не ушел. Но хоть под ухом не орали.

Адриенна прикрыла глаза, сосредоточилась – и вдруг увидела.

Как удар молнии, как омут, в который можно кануть навечно...

Лоренцо стоял на какой-то громадной площадке. Солнце, жара, белый песок, люди... да, люди за его спиной. Адриенна откуда-то знала о них.

Мужчина, двое детей...

Она не оборачивалась. Но знала, они именно там.

А впереди был – лев.

Здоровущий. Громадный, хищный... натасканный на кровь.

Лев-людоед. Адриенна это точно знала, достаточно только поглядеть в желтые глаза зверя. Не равнодушные, о нет! Зверь хотел крови!

Много крови!

Адриенна знала, что он сейчас будет делать.

Он кинется, как обычно поступают львы, целясь в голову, в шею...

У Лоренцо только кинжал. С этим... нет, он не справится. Только если она...

Она – Сибеллин. Последняя из рода, принявшая свою кровь. Любые звери и птицы в ее власти! И они с Лоренцо связаны.

– Возьми мою силу, – шепнула она. – Возьми – и бей!

А потом пришла боль.

Жуткая, раздирающая...

Кажется, Адриенна закричала.

Кажется, она потеряла сознание.

Она не помнила своих ощущений, но когда открыла глаза – точно знала, что все сработало. Все было не зря. Там, далеко, Лоренцо справился со львом... она обязательно напишет об этом Мие.

Лоренцо

Лев бил хвостом по бокам.

Второй бой.

Вы против льва-людоеда с кинжалом выходить не пробовали? С одним кинжалом, ну и еще обмотки на руках-ногах... очень они помогут, ага.

И левая рука болит нещадно.

Энцо понимал, если он сейчас и справится со львом, третий поединок его точно доконает.

Победить льва одним кинжалом? Это значит – подпустить его достаточно близко.

Царапины, кровопотеря... это если льву еще когти ничем не намазали... Хотя львам это и не требуется. Они и так способны занести заразу, раны от них гноятся долго, Энцо видел.

И этого льва он знал.

Черногрив.

Лев-людоед, который выиграл уже девятнадцать поединков... может быть, сегодня и двадцатый будет. Что ж, без боя он не сдастся.

Лоренцо сделал шаг вперед.

А в следующую секунду случилось что-то...

Даже не секунда – доля секунды. Огнем вспыхнул на груди ворон, словно металл мгновенно раскалили докрасна. И Энцо увидел Адриенну.

Она сидела в кресле и протягивала к нему руку.

Не звала к себе, нет. Она смотрела серьезно и решительно.

«Возьми мою силу – и бей...»

Силу?

Но какая может быть сила у девушки? Удивиться Энцо не успел, потому что в следующий миг ощутил в себе... как волна накатила – и схлынула.

Большими прыжками с другой стороны арены приближался лев.

Две секунды, секунда...

– Лежать!

Энцо не сомневался в своем праве отдавать приказ. И будь это с любым другим животным – все прошло бы идеально. Или будь здесь Адриенна...

Ни один зверь не посмеет причинить зло потомку Морганы. Но Энцо был другой крови. И все же отданной Адриенной силы хватило.

Зверь дрогнул, замешкался, сбил прыжок – и Лоренцо понял, что другого шанса у него не будет.

И сам кинулся вперед, ударяя всем весом зверю в бок, но не пытаясь сбить – зачем? У него же есть кинжал...

Над ареной разнесся рев умирающего льва.

Энцо едва успел отскочить, чтобы подыхающий зверь не достал его когтями. И выпрямился во весь рост.

Лев еще не сдох, но Лоренцо уже – победитель. И нет, ему не жалко великолепное животное. Просто потому, что из льва сделали чудовище и людоеда.

Кемаль-бей покривился, но выбора не было.

– Победителем объявляется Ангел!

– Я отвоевал свою свободу, солнцеликий?

– Да. Свободу ты отвоевал.

– Благодарю.

Энцо выиграл второй бой. Оставался третий...

* * *

– Как ты сумел?

Зеки-фрай только это и повторял. Видя, что против Энцо выставили Черногрива, он уже и с жизнью попрощался. Лев был тоже опытен... он выходил и против врага с копьем, и с мечом... и побеждал!

Им повезло. Здесь и сейчас им очень повезло...

– Так получилось, – кивнул Энцо. – Остался третий бой. Надеюсь, не венацио... хватит с меня на сегодня зверья.

И растер левую руку еще раз.

Ушиб был такой, что та почти не действовала. Считаю, однорукий боец – против кого?

Неизвестно.

Зато он знает другое.

Адриенна жива. И она его любит, любит!!! Он почувствовал это сегодня, он узнал! Это ведь ее сила, ее слово толкнуло льва в сторону. Сам он так не сумел бы!

Но кто такая Адриенна?

Почему – вот так?! Найти подходящих слов для описания происходящего Энцо не мог, просто думал. И согревал ладонью кулон в виде ворона. Его любимая...

Его единственная...

Все остальные женщины мира просто не в счет, сколько бы их ни было. Не важно! Важна только она... и ее синие глаза, и улыбка... он выживет! И обязательно вернется...

Кто-то из детей Зеки-фрая принес кусок льда – приложить к руке. Энцо послушался. Пусть, может, хоть опухоль немного спадет, а то какой там щит! Пальцы согнуть – и то больно!

Что ж. Первый бой принес увечье. Второй – ему повезло. А вот что будет дальше?

* * *

– Бешеный!

Зеки-фрай побледнел, закрыл лицо руками.

Все, это конец.

Против Бешеного не мог устоять никто, тем более Лоренцо... куда ему, мальчишке!

Никто не знал настоящего имени этого вирканга.

Никто не знал, почему он приехал в Арайю.

А вот остальное...

Мастер боя. Настоящий мастер. И – берсерк.

Стоит его только ранить, стоит ему почувствовать свою кровь, и его сорвет с цепей. А против берсеркера... нет, нереально устоять.

А мальчишка стоит спокойно, даже улыбается... словно считает, что ему повезло?!

– Прости, – выдавил из себя Зеки-фрай. – Я не думал...

Энцо действительно улыбался.

– Почему нет? Я свободен, и если что – умру свободным.

– Ты не справишься с берсерком.

Энцо хмыкнул. Чего он действительно боялся, это что Кемаль-бей наплюет на потерю лица. Убить Лоренцо можно легко и просто. А вот что потом?

Потом тебя перестанут уважать.

Не смог справиться умом? Решил вот так попробовать? Силой? Поверьте, оно того не стоит. Репутацию годами наработывают, и терять ее вот так... особенно если ты не из высокородных... ну, почти. Стоит оступиться, как тут же взвоят за спиной бешеными шакалами.

Ага-а-а-а! Это из него быдло полезло! Подлое происхождение – оно всегда себя покажет! Как ты его под чалмой с рубином ни прячь, а наружу выйдет!

Тем более – опозориться на глазах у «друзей»? Которые еще враги, соперники и первые подонки? И не отмоешься от этих слухов, не отделаешься...

Недаром Энцо собирал информацию! Вот враг и подставился, вот момент и подвернулся! И все сложилось!

Хотя вооружение у Лоренцо в этот раз было.

Нагрудник – кожаный. Меч и щит. Меч короткий, щит тяжелый, считай, что его нет. Не с рукой Лоренцо сейчас это таскать. Но пока пусть остается...

– Зеки-фрай, прикрой детей. Чтобы не зацепило, – попросил Энцо.

Берсерк сорвался с места.

Он-то был вооружен и мечом, и кинжалом, и нагрудник у него был куда как получше...

Энцо тоже кинулся ему навстречу. А чего стоять и ждать?

Когда разыгрывают сцены, там обычно любят показывать такие столкновения. Чтобы грудь в грудь, чтобы звенели мечи, чтобы искры разлетались... А то еще идиотизм! Во время боя развернуться к

противнику спиной, да с разворота потом его клинком, чтобы кровь красиво разбрызгалась... ага-ага. Противник, конечно, debil.

Стоит он, значит, на месте и даже не ударит в соблазнительно подставленную спину. У него острый приступ благородства... или кретинизма? На арене это примерно одно и то же. И побеждает тут не самый сильный, а самый подлый и жестокий.

Так что не было никакого лязга клинков, ничего такого заметного. Был просто человек, который расчетливо пролетел мимо гладиатора, но успел нанести берсерку одну-единственную царапину.

А больше и не надо было.

Бешеному хватило.

Ощувив запах собственной крови, Бешеный взъярился. Он завыл, завращал глазами, изо рта у него пошла пена, он вцепился зубами в щит, но Лоренцо было не до внешних проявлений.

Он сделал то, против чего его предостерегала Мия.

Впрочем, выбора все равно не было. Или так – или никак. Он здесь ляжет, если не выкинет свой козырь...

Лоренцо Феретти медленно поднес ко рту клинок – и слизнул с него едва заметную на холодном металле капельку крови.

Трибуны замерли, затихли в недоумении.

Что происходит?! Зачем?!

А потом было уже и поздно.

Бешеный замер в недоумении.

Чутье дикого зверя подсказало ему, что на арене появилось нечто... некто...

Зверь?

Да... только еще более страшный, чем он сам. А больше несчастный и понять-то ничего не успел.

Расстояние между собой и врагом Лоренцо покрыл одним звериным прыжком. Да, чудовище, монстр... только вот еще и расчетливый. Клинки и столкнуться не успели – Лоренцо со всей отпущенной ему силы пнул по нижнему краю щита.

– Ах... – дружно сказала толпа.

Непобедимый Бешеный попросту лег навзничь. Щит въехал ему в рот, раздробив зубы, и кажется, небо тоже... так не скажешь... издали, но судя по удару...

Готов.

Лоренцо выпрямился, посмотрел на Кемаль-бея... И тут-то выдержка хозяина арены дала сбой.

– СТРАЖА!!! УБЕЙТЕ ЕГО!!!

Стражники послушно бросились на арену. Два десятка человек.

Зеки-фрай обхватил сыновей, крепко прижал к себе и, кажется, даже взвыл от отчаяния... сейчас и их... нечестно, подло, гадко!!! Кемаль-бей потеряет уважение, но их это уже не спасет... даже если он разорится лет через десять – слабое утешение.

Но...

Что происходит?!

Стражники бежали тяжело и уверенно. Их двадцать человек, они одеты в кольчуги, вооружены, сейчас они просто задавят гладиатора числом...

Навстречу им метнулась почти смазанная от скорости тень.

– Ох... – высказались трибуны.

Ангел двигался с такой скоростью, что его даже видно не было. Это не стражники бежали к нему – это он нападал, вынуждая их отбиваться. Отводя щитом самые страшные удары, словно и не болела у него рука, безошибочно находя мечом незащищенные места – стыки доспехов, шеи, кисти рук... обрубая все, словно ветки...

Глаз не мог уследить за ним.

Скорость?

О нет! Сейчас на арене метался истинный берсерк, из тех, о которых не рассказывают легенды. О них молчат... а потом и еще раз молчат, чтобы не накликать. Страшно же...

Он не кричал, не грыз щиты, вообще не издавал ни звука. Он просто метался между врагами – и убивал, убивал, убивал...

Удар – щит на его руке в кровь разбивает лицо стражника, заставляя отшатнуться.

Удар – меч сносит чью-то кисть. И на обратном замахе еще и голову, чтобы не мучился, бедолага.

Он просто рубит деревья. Деревья, которые почему-то выросли посреди арены. И когда они заканчиваются... лесоруб стоит – и не понимает, что с ним произошло.

Что вообще тут произошло?

Но на груди жжет, словно ворона полили кислотой. И Лоренцо откуда-то знает, что надо сказать.

Не много, нет.

И так тяжело, так безумно тяжело, но это тоже часть боя.

– Свобода? Договор!

И трибуны взрываются бешеными криками.

– Договор!!! УГОВОР!!! СВОБОДУ!!!

Кемаль-бею ничего не остается, кроме как кивнуть. Мол, так и было задумано... только вот двадцать стражников уже не встанут никогда. Выживших после Лоренцо не оставалось.

Когда-то от него бежали в ужасе пираты.

Сейчас бежать некому. А Зеки-фрай смотрит неверящими глазами...

– Ты... ты...

Энцо проходит словно мимо пустого места. Сейчас он просто не соображает, кто это такой. Он мирный, от него не пахнет агрессией, у него два детеныша... все в порядке.

И уже уйдя с освещенной арены, Лоренцо просто спотыкается от внезапных сумерек. И падает прямо на руки Ромео, который вовремя оказался рядом.

– Жив?!

Зеки-фрай ждал любого ответа. Но не этого... Ромео мигом уложил товарища по ремеслу на пол, провел руками по телу.

– Жив. Обморок.

– Поможешь? – Зеки-фрай смотрел почти умоляюще. Приказать он уже не мог, а убрать Лоренцо с арены требовалось как можно скорее. Не то...

Кемаль-бей может и наплевать на все договоренности, и попросту приказать убить Ангела. Ну и Зеки-фрая тоже, так, до кучи. Не сейчас, нет, какое-то время у них есть, пока хозяин арены придет в себя, пока сможет отделаться от других беев... Такой приказ он уже во всеуслышание не отдаст, да и кому? Раньше грязную работу в Ваффе для него делал Зеки-фрай.

Сейчас пусть сам выкручивается как хочет...

Только вот как ему самому именно сейчас выкрутиться без посторонней помощи? Вот этого Зеки-фрай и не представлял!

– Помогу, – коротко кивнул Ромео. Скрипнул зубами, нагнулся – и подхватил Лоренцо. Ввалил тело на загрибок. – Куда идти?

Зеки-фрай подумал пару минут.

– Главное сейчас нам уйти отсюда. Ромео, у меня будет к тебе просьба. Приказывать я больше не могу... Да, налево...

Под ареной была куча ходов. В том числе и этот, который должен был вывести Зеки-фрая в южную часть города. А уж где отлежаться у него было.

– Какая? – Ромео послушно свернул налево, пригнулся, чтобы не ободрать товарищу задницу о потолок.

– Потом вернись и собери его вещи. Забери к себе. Пока...

– Понял.

Люди везде остаются людьми.

Задерживаться для Зеки-фрая, да и для Лоренцо, было смерти подобно. Но и оставлять бесхозные пожитки? Люди существа несложные, мигом всему ноги приделают... это они пока не сообразили, кто, что и куда. Да и бои продолжаются. А вот потом...

Может, уже и через пару-тройку часов...

Хорошо, что им не надо столько времени.

* * *

– Где я?!

Лоренцо показалось, что он сказал эти слова вслух. А зря...

Чуть шевельнулись губы – и только.

Впрочем, Салиху, который сейчас дежурил рядом с гладиатором, этого хватило. А что делать с раненым бойцом, он примерно представлял.

Напоить.

Молоком с медом. Напитком богов, между прочим...

Энцо принялся жадно глотать. Молоко смочило пересохшее горло, но сил все равно не было. С другой стороны, глаза-то у него открыты?

Мальчишка, дом, явно из бедных... и мальчишка пошел в отца. Сообразительный.

– Ангел-фрай, вы тут лежите вторые сутки. Это папин дом, в районе порта, ваши вещи папа вчера забрал. Нас тут не найдут, но ищут...

Лоренцо моргнул. Говорить пока получалось откровенно плохо.

– Папа скоро придет. Он пошел купить покушать. Я скажу ему, что вы пришли в себя.

Энцо моргнул еще раз. Хороший парень, сообразительный.

– Может, вас кашкой покормить? Попробуете? Я болтушку сам сделал, хорошую, мучную...

От болтушки Энцо тоже не отказался бы. Но вот попробовать ее не получилось. Организм уже насытился молоком с медом и снова отключил хозяина.

А вот нечего!

Спи, во сне быстрее восстановимся! И так от тебя, хозяин, одни проблемы!

* * *

Когда Лоренцо очнулся в следующий раз, рядом уже был Зеки-фрай. Энцо попробовал шевельнуть губами, и в этот раз у него даже какой-то связный звук получился.

– А...

Зеки-фрай подскочил как ужаленный.

– Пить?

Энцо моргнул. Получил еще порцию молока с медом и даже голос обрел.

– Сколько времени прошло?

– После арены? Двое суток.

– Хорошо.

Зеки-фрай медленно опустился на колени.

– Господин. Вы спасли мне жизнь. Спасли моих детей... отныне и навеки наши жизни принадлежат вам.

– Тьфу, – высказался Энцо. – Встань, не дури.

Наверное, такого ответа на клятву – да, фактически Зеки-фрай отдавался Лоренцо Феретти в пожизненное рабство – Ваффа еще не слышала. Но на кой Лоренцо те рабы?

Ни даром, ни с доплатой! Сам еще приплатит, чтобы отделаться!

– Господин...

– Я – тебя. А ты меня... я бы там подох.

– Мои дети? – спокойно уточнил Зеки-фрай, начиная осознавать, что его рабство здесь никому не нужно. – Их ты тоже спас...

– Поможешь мне выбраться из города и уехать? И будем квиты, – предложил Лоренцо. – Я домой хочу.

Вот это Зеки-фрай понять мог. И в то же время...

– После арены ты стал героем Ваффы. Ты можешь поехать в столицу, если пожелаешь...

– И там меня достанет Кемаль-бей. – К Лоренцо возвращалась не только речь, но и силы, и соображение. Зеки-фрай задумался.

– Может и не достать.

– А может и достать. И вообще, у меня дома дела. Ты сможешь?

– Всем, чем смогу.

Энцо вздохнул. Поневоле придется рассекретить кое-что. Но выбора нет.

– Ты можешь передвигаться по городу?

Зеки-фрай хихикнул, уверенно огладил свои телеса. Кругленькие такие...

– В женском наряде – могу. Конечно, грех, но Аллах простит.

Лоренцо кивнул. Он даже не сомневался, что простит, делать там Аллаху больше нечего, бабские юбки перебирать! Это ж Творец! Просто арайцы его называют иначе, а смысл тот же! Он вселенную сотворил, страны, людей... и теперь будет перебирать, кто какие штаны носит?

Тьфу на вас, идиотов! Аллаху это безразлично, это вы сами придумали, лишь бы людьми управлять было сподручнее. И точка.

В столице

В зале играла музыка.

Его высочество танцевал с эданной Франческой. Ах, как же она была хороша! Высокая, светловолосая, в белом и алом, такая невероятно красивая, с точеными чертами безупречного лица...

Особенно это было видно в сравнении с данной Алессандрой Карелла.

Дана Алессандра, будучи уже на сносях, выглядела просто жутко.

Пигментные пятна обезобразили некогда белую кожу, живот приходилось придерживать двумя руками – даже ходить ей было сложно. Отеки? Отеки были совершенно жуткими. Ноги у нее

распухли втрое, и она слезливо жаловалась на это своему любовнику. Впрочем, хоть и слезливо, но недолго.

Мало жаловаться, надо еще, чтобы тебя слушали. А Филиппо этого не хотелось.

Родов Алессандры он ждал как... как естествоиспытатель, который тычет в жука соломинкой.

Словам отца он, конечно, верил. И о проклятье тоже. И... вообще. Может быть, рассосалось уже за столько-то лет? Ну когда это было... он же умный! Он знает, что некоторые проклятия как вино, со временем выдыхаются...

Могло и тут так произойти?

Могло, почему нет? А отец просто старый, он переживает, он последнее время очень сдал, похудел, словно высох, жалуется на боли в боку... лекари его пичкают всякой дрянью, но Филиппо Третьему все равно плохо.

Вот и сейчас сидит он, смотрит на дану Алессандру, о чем-то спрашивает...

Эданна Ческа только зубами скрипнула при виде этой картины. Но сдержалась. Ах, как же легко и приятно сдерживаться, когда знаешь, когда уверена в гибели соперницы! Когда ты лично принесла жертву, когда...

О – да!

Надо только подождать, ведьма говорила, уже недолго...

Эданна Франческа очаровательно улыбнулась любовнику, и Филиппо поднес к губам ее руку, поцеловал ладонь.

– Я приеду сегодня вечером.

Не вопрос, утверждение. Ческа лукаво надула губки.

– Филиппо, разве можно?

– Мне – можно!

– А как же пост?

– Помолимся вместе. Будем молиться до утра, – заверил ее любовник.

Ческа рассмеялась низким грудным смехом, который сводил с ума всех. Филиппо не стал исключением.

– Любовь моя...

Ческа мило улыбнулась. Хотя в душе ее царило ликование. Так их всех!

Любовь!

Утритесь, сволочи!

Момент ее триумфа прервал низкий тяжелый стон. Дана Алессандра держалась за живот, и глаза у нее были испуганные. А платье быстро намокало темным... кажется, там была не только вода, но и кровь?

Точнее Ческа не приглядывалась, да и как тут разглядишь? Тут же все кинулись к дане, началась суматоха, несчастную подняли на руки и понесли вон из залы, надо полагать, в ее покои.

Ческа обернулась к принцу и развела руками.

– Ваше высочество... любовь моя, вам нельзя уезжать. Вы должны остаться с бедняжкой... ей и так сейчас тяжело и страшно.

И получила еще один поцелуй.

– Ческа, ты воплощенное милосердие!

Ага, как же! Просто никуда ты не уйдешь, что она, не знает? Изучила за столько-то лет! Проще сейчас отпустить, а потом за это что-то потребовать, или еще лучше...

– Я останусь в своих покоях, во дворце. И если будет тяжело, я готова составить вам компанию. И помолиться вместе.

– Ты ангел.

Принц удалился. Ческа улыбнулась еще очаровательнее, представляя, что бы он сказал, узнав о проведенном его ангелом ритуале, и тоже направилась в свои покои.

Помолиться.

Дорогу ей преградил кардинал Санторо.

– Эданна Вилецци, уделите мне несколько минут?

– Слушаю, ваше высокопреосвященство.

– Позвольте проводить вас...

Ческа коснулась пальцами руки кардинала, показывая, что приглашение принимается.

– Эданна Вилецци, вы не боитесь происходящего?

– Надо ли, ваше высокопреосвященство?

– Если у его высочества появится ребенок... отцовские чувства, говорят, самые крепкие. Я их не испытывал, но часто слышу исповеди...

Эданна пожала плечами.

– Возможно, святой отец. Я не знаю, Господь пока не даровал мне ребенка, но я надеюсь, Он смилуется над Филиппо...

– Смилуется?

– Разумеется, ваше высокопреосвященство. Роды – трудная и опасная вещь, и многие женщины не выживают, и дети тоже... поэтому я сейчас пойду и буду молиться за здоровье даны Алессандры и ее ребенка.

– Это делает вам честь. – Кардинал Санторо прищурился. – Что ж, я уверен, что вашу молитву Господь услышал... услышит. Он всегда слышит искренние слова, не так ли, эданна?

– Так, ваше высокопреосвященство, – отчеканила Франческа.

Кардинал подарил ей улыбку.

– Молитесь, эданна, молитесь. Вы же понимаете, что, если с даной или с ее ребенком что-то случится...

– Ваше высокопреосвященство!

Кардинал милейшим образом улыбнулся эданне Ческе и отошел. Эданна быстро прошла в свои покои, закрыла дверь... и не удержалась!

Прошла в дальнюю комнату, мимоходом отвесив пощечину служанке, – и с размаху запустила вазой в стену. Только осколки полетели...

И второй, и третьей...

Примерно через десять минут ей стало полегче.

Сволочь, гадина, склизкая тварь!!!

Ческа просто ненавидела кардинала Санторо! Была б ее воля – своими руками удавила бы мерзавца... Есть в нем что-то такое, опасное... но Филиппо, хоть король, хоть принц, этого почему-то в упор не видели!!!

Почему, ну почему?!

Может, на него порчу навести?

Эданна скрипнула зубами. Потом устыдилась своих мыслей – грех-то какой... Потом задумалась. Надо будет уточнить у ведьмы этот вопрос.

Или не надо?

К чести кардинала Санторо, он хоть и сволочь, и мразь, но священников держит в железном кулаке. А вот кто придет на его место?

Вот это большой и серьезный вопрос. Убить человека несложно, но где гарантия, что его сменщик окажется лучше, порядочнее или даже просто умнее предшественника? Или ищи такого и ставь его на нужное место, или...

Или пока – терпи.

Кардинала тоже понять можно, это же его племянница, если она родит Филиппо первенца, он серьезно вознесется... Нет, не она, а он. Ческа уже убедилась, что у Алессандры ума, как у тапочки! Что ей говорят, то она и делает.

Сказал Филиппо: хочу в постель с вами двумя, она и пошла, только глазами хлопала. Сказал бы с крыши прыгнуть – пошла бы и прыгнула. И дядю она слушает совершенно так же... покорно и безропотно. Настоящая дана, у которой все реплики: «да» и «повинуюсь». Ну и молитвенный набор на каждый день.

Ческа признавала полезность таких особей, но... но как же она их ненавидела!

Как свою мать, такую же тупую курицу, которая безропотно молилась и рожала. Как сестер, слабовольных идиотов, как...

Хотя если бы ее спросили, любит ли она умных и самостоятельных, ответ был бы тот же. Ческа и их ненавидела. С дурами справляться проще, и только-то. А ненависти и гнева у нее на всех хватит.

В дверь поскреблась служанка и получила вторую пощечину. Для симметрии – по другой щеке.

– Эданна... к вам его высочество! – всхлипнула девушка. К оплеухам ей было не привыкать.

– Иду, – скрипнула зубами Ческа. И быстрым шагом направилась в гостиную.

Конечно, Филиппо был там. Немного даже растерянный.

– Ческа... я побуду у тебя. Я не знал, что роды – это так... она так кричит... и там столько крови...

Эданна тут же отбросила все посторонние мысли.

Нет, нельзя думать о том, что в комнате есть статуэтка. Вон та, например. И бить принца по пустой голове тоже нельзя. И вообще... его надо жалеть и утешать.

Это же не он рождает! Зато как он страдает! Как ему плохо! Как тяжело...

Этим эданна Франческа и занялась. Да так успешно, что статуэтку они все-таки разбили... ноги у нее длинные, а позу его высочество выбрал не самую удачную.

Впрочем, эданна не огорчилась.

* * *

Дана Карелла смотрела в окно.

За ним разгорался рассвет.

– Больно...

Разговора двух лекарей она не слышала.

– Больно... за что?!

Ответ она знала. Но разве был у нее выбор? Она просто делала то, что ей приказали. Она не задумывалась, она искренне старалась быть хорошей и послушной. За что ее наказали?

Она же не хотела... такого? Нет, не хотела...

Рассвет разгорался перьями громадной птицы. Огненными, яркими, чистыми...

Лекари отошли куда-то в сторону, и до Алесандры доносились их слова. Не все, обрывки...

– Слабеет... Спасти...

Наверное, говорили о ней. Ей было просто больно. Больно, темно, страшно...

Под пологом кровати сгущались тени. Почему так? Там светло, а здесь темнеет, темнеет...

Из полумрака выступило женское лицо. Четкое, чеканное, невероятно красивое, с громадными синими глазами.

– Глупышка...

И как-то так это прозвучало... и снисходительно, и успокаивающе, и Алесандра вдруг поверила, что все будет... если и не хорошо, то уж и не окончательно плохо, наверное?

Правда же?

Женщина клонила к ней, провела рукой по волосам.

– Я не могу отменить свои слова, детка. Пролитое не поднимешь, мертвое не оживишь.

– Больно, – прохрипела Алесандра пересохшим ртом.

– Знаю. Я могу дать тебе и твоему ребенку другой шанс. Если ты согласишься...

– Больно...

– Знаю. Сейчас этого не избежать. Ты согласна?

– Да.

– Повтори за мной. *Аэлене севра Моргана.*

– *Аэ... лене севра Мор... гана.*

Глаза женщины вспыхнули яркими сапфировыми огнями. Она коснулась руки Алессандры – и девушка вдруг почувствовала себя как воздушный змей. Легкой, летучей... она и летела. Все выше, и выше...

Она не слышала, как над ее бездыханным телом засуетились в панике лекари.

Не видела, как самый смелый из них, схватив ножи, рассек ее вздувшийся живот – спасти хотя бы ребенка.

Не видела, как выворачивало их при виде того уродства, что покоилось в ее чреве – сиамских близнецов естественным путем родить было попросту невозможно.

Она летела наперегонки с ветром – и ветер пел в ее крыльях.

* * *

Моргана улыбнулась – и растворилась в полумраке.

Кто-то скажет, это плохо. Но... здесь и сейчас она не могла отменить свое проклятье. Слово было сказано, слово было исполнено. Признав этот плод своим, его высочество Филиппо фактически подписал ему приговор. Кричи не кричи, ругайся не ругайся...

Бесполезно.

Единственное, что она могла, – это помочь несчастной девочке. Отпустить ее душу на волю.

Аэлене севра Моргана.

Язык Высокого Рода. Моргана была властна там, где ей дали эту власть. И Алессандра вверила душу Моргане. И та ее просто отпустила.

Она точно знала, что сейчас Алессандре хорошо.

Она-то знала... она ведь тоже умерла. Просто не ушла еще... окончательно. Пока она здесь. И сегодня ей стало чуточку тяжелее.

Она не хотела такого для несчастной дурочки, но и сделать что-то другое...

Только отпустить ее.

И точно быть уверенной, что скоро, очень скоро этот огонек зажжется вновь. Моргана не знала, в какой семье, не знала точной даты... скоро.

Сорок дней душа Алессандры будет летать. А потом вернется на землю. И будет уже крылатой.

Может, она будет писать музыку, может, стихи...

Моргана не знала. Но тот, кто познал свободу полета, никогда не станет ползать, как случилось с бедолагой в этой жизни.

Ее величество улыбнулась – и растворилась в полумраке опочивальни.

Никто ее не заметил...

* * *

И снова королевский кабинет. И снова двое...

– Проблевался? Или еще тазик приказать?

Его величество смотрел на сына сочувственно. Но... а как тут еще скажешь? Даже ему стало плохо, когда он увидел, ЧТО пыталась родить несчастная. Чудовище, не иначе.

Хорошо, что оно погибло в утробе матери. Если бы оно выжило... да нет! Не могло это существо выжить, никак не могло. Но разве от этого легче?

– Не надо, – хмуро пробормотал принц.

– Ну как? Теперь поверил?

– Поверил...

Филиппо Третий хмыкнул, глядя на сына.

А то не знает он, о чем эта молодежь думает, как же! Они же самые умные и во всем разбираются, и с ними никогда ничего такого не случится. Это отцы-деды... старье! И пора им в лавку или на помойку...

А тут вдруг оказалось, что чудес не бывает. А если и бывают, это очень злые чудеса. Болезненные такие... страшноватые.

Филиппо попросту заблевал всю комнату с роженицей. Когда увидел, когда осознал... и сейчас сидел бледный, несчастный, весь словно выжатый лимон. И причиной этому была вовсе не страсть эданны Франчески.

– Отец... с Ческой такое тоже могло бы... да?

– Или такое, или выкидыш, или... думаешь, это самое страшное? – криво усмехнулся Филиппо. – Молод ты, вот и не понимаешь пока. Страшнее, чем своего мертвого ребенка на руках подержать, может, и нет ничего. Или думаешь, твоя мать от радости умерла так рано? Она ведь не знала, что я причиной... от горя умерла. Считай, я ее в могилу свел. Не любил, но уважал. А тут вот...

Сын понурился, глядя в пол.

– А сейчас – не то?

– Сейчас ты этого монстра видел. Ты его на руки не брал, колыбельные ему не пел, не любил, не надеялся... понимаешь?

Его высочество Филиппо откровенно всхлипнул.

– И все это... за ТО?!

– А что тебя так удивляет? Что за подлость надо платить? Что за власть, за корону есть своя цена?

– Ну...

Его высочество сформулировать это просто не мог. Для него-то все было просто!

Власть была всегда. И принцем он был всегда, и королевство у него было достойное, крепкое, сильное, и отец – умный и строгий, который защитит и укроет от любой беды. И гулять можно в темную голову... отец поймет. Поругает, конечно, но поймет, и прикроет, и... и проблемы любые решит, и вообще...

Правда же?

А теперь оказывалось, что нет.

Что на свете существует нечто, неподвластное никому.

– Закон равновесия, Филиппо, – тихо произнес его отец. – Закон равновесия...

– Но почему именно ТАК?! Почему?!

– Потому что наш предок не задумывался ни о чем, когда отдавал приказ бить в спину. Не сражаться, не выйти честно, а вот так. По-подлому ударить – и победить. Одним предательством.

– Но он же людей берег...

– Он мог вовсе не воевать. Понимаешь? Женился бы на сестре Сибеллина... у него была сестра.

– И что с ней стало?

– Умерла. Сейчас это уже не столь важно. Ты ведь никогда не бывал на Черном поле?

– Н-нет...

– Хочешь? Прокатись туда летом. Сейчас ты просто ничего не поймешь, не увидишь...

– А что там будет летом?

– Ничего.

– К-как?

– А вот так. Черная, словно выжженная плешь. И не растет на ней ничего, и тишина, и пустота. Я там бывал... Один раз съездил, больше не хочу.

– Расскажи, отец...

Филиппо Третий помолчал пару минут. А потом махнул рукой. Авось сын что и поймет? Если повезет...

– Пока ты туда едешь – все нормально. Не хорошо, не плохо, именно нормально. Самые обычные деревни, холмы, долины, ты не увидишь ничего нового или неожиданного. А вот когда ты подъезжаешь вплотную... тебя поражает тишина.

Рядом с этим полем тихо. Звери стараются держаться от него подальше, птицы, даже мухи там не пролетают! Да что там! Лес – и тот не шумит. Там нет подлеска, стоят вековые сосны, и шевельнуть их ветвями даже ветер боится. И ты выезжаешь из-под них, и тебе открывается это черное пространство.

Сразу же. И сразу ты попадаешь на само поле.

А вокруг него даже травинки не растет. И иглы на него не падают. И ты идешь по черному пеплу... или праху, что ли... он сыплется у тебя из рук, словно черный песок. И становится жутко. А потом тишину нарушает крик. Один-единственный. Крик гибнущей птицы.

– Отец...

– Ты думаешь – я из ума выжил? Нет. Ты поднимаешь глаза, ты ищешь птицу – и видишь ее... она запуталась в вихре, она рвется к солнцу, она не может никуда улететь и погибает. И кричит. Мне потом долго это снилось. Черное поле, синее небо, черная птица...

– Адриенна СибЛевран...

– Моргана Чернокрылая.
– Моргана?
– Та самая, кем проклят наш род, Филиппо. Та самая, кровь которой в династии Сибеллинов. Высокий Род.
– Я...
– Я потом тебе дам почитать записи. Хоть знать будешь, с чем дело имеешь.
– Почему...
– Почему сейчас? А все просто, раньше ты и о проклятии всерьез не говорил. И не думал. А сейчас вот... получил – понял.
– Понял, – кивнул принц. – Но это все равно несправедливо.
– Так же, как и убивать в спину.
Его высочеству оставалось только скрипнуть зубами. И тихо уточнить:
– Адриенна?
– Да. Кстати, она очень похожа на Моргану.
– И выбора у меня нет...
– Выбор, сынок, это иллюзия. К сожалению. Потому что ты уже выбрал.
– Разве?
– Власть. Корону. Трон.
– Ну...
– Откажись и отправляйся пасти свиней. Скажи, что ты не Эрвлин, что в тебе нет моей крови...
– Так можно?
– Отречение по всей форме. Смена фамилии, смена всего... был и такой случай.
– И?
– Девушка из нашего рода, узнав о поступке своего отца, назвала его в глаза подлецом. Сказала, что отрекается от своей крови и ей не нужна такая власть.
– Она бы ее и так не получила.
– Ее высочество Изабелла ушла из дворца. Сменила имя, сменила род... все сменила.
– И в результате?
– Мой отец приглядывал за ее потомками. Они даже не даны – ньюры. Но их род процветает.

– Ты назовешь мне их имена?

– Нет.

– Отец?

– Не назову, и не рассчитывай. Хотя бы потому, что сам не знаю, – честно сознался Филиппо. – Отец и мне не говорил. Единственный раз, когда он попытался встретиться с кузиной... та умерла. И он понял – это конец. Как только он признает их принадлежность к королевской семье... все. Приговор.

– И он скрыл имя?

– Даже от меня. Сказал, что если я им и помогу, то по доброй воле. Вне зависимости от происхождения. А признавать их или помогать им потому, что они нашего рода... а кто его знает, как будет действовать проклятье?

– Плохо...

– Ты еще не до конца это осознал. А еще... скорее всего, я не увижу следующей зимы.

– ОТЕЦ?!

Филиппо аж шарахнулся, едва со стула не упал.

Как так-то?!

Отец был всегда! Вот вообще всегда! И чтобы его не стало...

Такого – не бывает!

– Не удивляйся. Я разговаривал с лекарями. Не только с придворными, эти за свой чин боятся. С другими тоже.

– Что они сказали?

– Что мне недолго осталось. Якобы у меня какой-то червь в печени... не знаю точнее^[21]. – Но как же...

– Лекари и сами точнее не знают. С печенью сходятся. И говорят, что у меня в брюхе скапливается вода... якобы ее этот червь извергает.

– И ничего нельзя сделать?

– Можно. Умереть.

– Отец!

– Увы, Филиппо. Я ведь не просто так заговорил с тобой об этом. Нам предстоит серьезно готовить тебя к коронации. Я буду постепенно передавать тебе дела, буду помогать, но решения ты должен будешь принимать уже сам.

– Да, отец...

– А еще – у меня к тебе будет просьба.

– Какая?

– Адриенна СибЛевран.

– И?

– Мы говорили о семнадцати годах. Но ради такого... осенью ей будет шестнадцать. Вы можете заключить брак сейчас, а консумировать его потом.

– Я и так сдержу свое слово.

Филиппо Третий не улыбнулся. Хотя и очень хотелось.

Слово-слово... а где же дело? Ты же, сынок, словно флюгер, тобой эданна Ческа вертит, как подолом юбки! Сам не заметишь, как с прямого пути свернешь. И тогда Эрвлинов уже ничто не спасет. Вряд ли представится еще один такой случай...

Нет уж.

Пока Филиппо жив, он все сам проконтролирует.

– Знаю. Это чтобы я умер спокойно.

Сын заскрипел зубами, но спорить не стал.

– Я... хорошо. Осенью?

– Да.

– Так тому и быть. С твоего позволения, отец... Мне надо это обдумать...

Филиппо Третий кивнул, и будущий Филиппо Четвертый покинул королевский кабинет. Увы, последующие действия его показали, что отец претотлично знает своего сына. Обдумывать ситуацию Филиппо направился к эданне Ческе.

* * *

– НЕНАВИЖУ!!!

Бутылка ударилась в стену, разлетелась на осколки, заляпала дорожную обивку вином. Алым, словно кровь.

Бабах!!!

И снова – БАХ!!!

Три бутылки легли в одно и то же место, глазомер у принца был хороший. А напиться не выходило. Вино лилось как вода.

Оказывается, и так бывает.

Когда умирает отец.

Когда все плохо. Очень плохо...

Когда ничего нельзя исправить. Просто – ничего.

– Кого, любовь моя?

Естественно, не прадеда-подлеца. Не себя дурака, нет... такие никогда не бывают виноватыми. Поэтому Филиппо выбрал самый лучший вариант.

– Адриенну СибЛевран! Мою невесту, мать ее... гадюку в перьях!

– Почему в перьях? – удивилась Ческа.

– Потому что летает. – Вино все же брало свое. И Филиппо нес откровенную чушь, которая казалась ему жутко глубокомысленной.

– Адриенна летает? – удивилась Ческа.

– Нет. Она не летает... она просто приедет.

– К-куда?

– С-сюда, – как ему показалось, очень смешно спародировал любовницу принц. – К-ко мне!

И прибавил несколько соленых морских словечек.

– Зачем?

– Жениться буду. – Филиппо мрачно влил в себя остатки шестой бутылки. – Отец сказал... Дану Алессандру жалко.

– Бедненький мой... ты так страдаешь!

– Я... да, я страдаю!

Филиппо в этом и не сомневался. А что – у него нет повода для страдания?! Да у него вся жизнь – одно сплошное страдание! Поворачиваться не успеваешь!

На любимой женщине жениться нельзя, с проклятием разбирайся, корона вот еще...

Ладно. Корона – это хорошо. И трон тоже. Но ведь остальное-то вообще жуть жуткая... И в церковь с этим не пойдешь!

Предки вот попробовали, теперь расхлебываем всем потомством. Интересно, правда, кем стали потомки принцессы?

Хотя – нет. Не интересно. И не важно, и не нужно... к чему? Они от своей крови отказались, и ничего им не надо. И они никому не нужны... в глубине души принц очень завидовал той девушке.

Это надо иметь мужество... он бы не смог. Уйти из рода, отказаться, вот так поступить... неприятно осознавать, что у нее мужества было намного больше. Ведь наверняка... зная отца, Филиппо ушел бы с пустыми руками, в неизвестность... если он правильно

понял, та принцесса уходила к любимому человеку. Но это как же доверять надо!

А вот он никому довериться не может, даже любимой женщине.

Нельзя-а-а-а-а-а-а-а...

Это ее попросту ломает. Или его ломает, или их отношения... власть в качестве клейстера Филиппо недооценивал, а Ческа не спешила его просвещать. Ни к чему.

Ну почему вот так?! Так несправедливо, жестоко, горько, омерзительно?!

Почему?!

За что?!

Как же он сейчас ненавидел – всех!

Сибеллинов, СибЛевранов... просто – всех! Чтоб вы, сволочи, попередохли! Мучительно! Как Алессандра! Она-то точно ни в чем не повинна, а вот...

Как же больно.

Как тоскливо...

Эданна Ческа сапоги с любовника лично стягивать не стала. Позвала лакеев, те и перетащили его высочество на кровать, и сапоги сняли, и часть одежды. Ческа укрыла его одеялом, морщась от запаха вина, и улеглась рядом.

А что поделать?

Надо вытирать сопли, утешать... вот зачем ей еще один ребенок? Ей-ей, иногда и этого не знаешь, куда бы засунуть... И вдобавок Адриенна СибЛевран.

Вот не было печали...

Ческа и своему отражению не призналась бы, но девушку она боялась. Только вот и у нее тоже выбора не было.

Глава 12

Лоренцо

Динч волновалась.

Лоренцо... ее личный персональный Ангел – пропал. О его выступлении на арене она была наслышана, а вот потом...

Потом он ушел – и пропал. То есть никто не знал, ни где он, ни что с ним...

Никто.

Ничего.

Бема-фрайя тоже не знала и откровенно бесилась. Но если у Зеки-фрайя можно было что-то спросить, он-то старался поддерживать хорошие отношения с жителями Ваффы, особенно с теми, от которых многое зависело, то Кемаль-бей...

Динч знала, что он в бешенстве.

Что он проиграл рабу. Причем проиграл и его свободу, и свободу своих жертв...

Что Ангел выстоял три боя на арене.

Три. Боя. Подряд!

Это может понять только тот, кто сталкивался с подобным. Даже один бой – уже тяжело, особенно если противник...

Собака, лев, берсерк...

Кому-то и одного льва хватило бы. Да и собака не самый легкий противник, особенно такая, бойцовская.

Так что к Кемаль-бею никто с расспросами не лез – себе дороже. А вот куда делся Ангел?

Вроде как последний бой он выстоял, он победил, а потом... потом Кемаль-бей приказал его убить.

И Ангел убил два десятка его людей, а потом сам ушел с арены. На своих ногах.

Ваффа гудела.

Ваффа шумела.

Ангел прочно стал героем Ваффы и, если бы захотел, смог претендовать на звание почетного гражданина... ладно, такого здесь не было, но что-то близкое по смыслу – вполне. Гладиаторов ценили,

любили, изображали на вазах и даже на стенах домов... а уж таких гладиаторов!

Но Ангел не находился, и Динч нервничала.

Допустим, с ним что-то случилось... его ранили, он где-то отлеживается, он умирает, он мечется в горячке... а она даже помочь никак не сможет!

Вообще никак!

Вот ведь где ужас!

Почему ужас, почему ее трогает судьба гладиатора, почему она переживает? Динч не хотела себе отвечать и на половину этих вопросов.

Ни к чему.

Если признаваться самой себе, она прекрасно могла и уехать одна, и договориться с кем-то... выкупиться у Бемы-фрайи... или не выкупиться, а просто сбежать.

Динч и это могла.

Она была некрасива, но ума ее это не лишало, даже наоборот. Она много чего видела, слышала, запоминала, она преотлично могла справиться и без Лоренцо.

Да, ей пришлось бы сложнее.

Да, она бы дольше возилась. Но – могла.

А почему она решилась заговорить с Ангелом, то есть с даном Феретти? Да потому, что мужчина показался ей умным, серьезным, потому что... Динч не хотела признаваться даже самой себе, но она ведь женщина!

Она самая обыкновенная женщина, и ничто женское ей не чуждо!

Пусть слуги-мужчины смеются за ее спиной, называя ее страшилкой и «стерлядь», пусть на нее никто не обращает внимания – зачем, если есть множество хорошеньких, молоденьких, кокетливых, – пусть служанки хихикают в кулачок, называя ее «наша рыбина» и намекая на ее холодную кровь.

Пусть!

Динч, то есть ньора Дженнара Маньяни, и так все отлично знала! И в себе не сомневалась! Она достойна лучшего! Спутаться с грязным стражником или другим рабом? Признать, что она такая же, как и все?!

Да вы что – издеваетесь?! Это она-то?!

Она?!

Никогда она себя так не уронит! И с надеждой на свободу тоже прощаться не будет. Вот эти дурехи с кухни... ну что с них взять? Сегодня глазки строят, завтра с мужиками обжимаются, послезавтра с пузом. И все. Прощай, свобода. Куда ж ты побежишь-то, дуреха, с ребенком, да еще если у того отец есть...

Тоже, кстати, свои сложности.

Если рабыня рождает ребенка от свободного человека, тот его может признать и забрать, выплатив определенную, хотя и небольшую сумму хозяйке. Может и рабыню выкупить. Только вот случилось такое два два за все время, пока Динч жила в Ваффе.

Два. Раза.

А рожали-то бабы намного чаще...

Потом же... потом эти дети тоже становились рабами. Их можно было продать, отдать, подарить, можно вообще взять и выкинуть в мусорную кучу, если хозяйке приспичит! Ладно, Бема-фрайя так не делала, но это же не из-за доброты! Просто раб – ценное имущество, и если оно размножается самостоятельно... это хорошо! Пусть плодятся! Ей прибыток будет.

Заботиться о детях рабов тоже особенно не заботились.

А зачем?

Выживут? Хорошо! Нет? Ну и так тоже неплохо, подумаешь, проблема...

И что, вот такое – для себя? Для своего ребенка?

Перебьетесь! Всей Ваффой!

Так что Динч заговорила с Ангелом не просто так. Ей хотелось и отплатить Беме-фрайе, уведя у нее любовника, и доказать всем, что она чего-то да стоит... пусть даже никто в доме об этом не узнает – не важно!

Для триумфа не надо орать о нем на площади. Вот совершенно ни к чему! Достаточно того, что она будет обо всем знать. А другим?

А зачем это кому-то еще?

Успех, равно как и счастье, любит тишину. Кричи о себе меньше – будешь целее. Это Динч отлично знала еще от отца. Молчи, дурак, умнее будешь. Молчи, умный, не промахнешься...

Ну и, конечно, были прочие соображения. Арайя – мужское государство. При необходимости Динч могла заgrimироваться под

мужчину, хотя и молодого, но зачем? Проще изображать семейную пару. Так, для виду... а там – кто знает?

Да, и такие планы у нее тоже были. Динч планировала наперед.

Она возвращается домой. А дальше – что?!

Вот куда она пойдет после рабства, кому она будет нужна? Она-то знает ответ. В монастырь.

В лучшем случае. Если семья ей приданое для монастыря даст. А если нет... на панель и в канаву. Ладно, не все так страшно, ремесло у нее в руках есть, прокормится, но зачем же такие трудности себе создавать? Лучше она попробует нечто другое...

Определенный опыт у Динч есть, а мальчик юный, практически неопытный, судя по рассказам Бемы-фрайи... ну и почему не приехать в Эрвлин уже эданной Феретти? Почему нет?

И все это может рассыпаться, словно карточный домик в руках неумелого шулера. Просто потому, что кто-то... кого-то, чего-то...

Просто потому, что с ее ставкой случилось – что?!

Неизвестность убивала. Бесила, раздражала, а тут еще масла закончились, в лавку надо...

Вот и еще один признак рабства. Свободные женщины в Ваффе закрывали лица. Впрочем, как и рабыни, которые делили ложе с хозяином. Тот мог приказать, чтобы на его женщину не пялились кому не лень. А вот такие, как она...

Открытое лицо?

Рабыня. И никому за нее ничего не будет. Если, конечно, ее не убьют и не попортят слишком сильно, да и тогда – договорятся с хозяйкой.

Обычно женщина держала себя в руках, но всякому ж терпению есть предел, на мальчишку, который протянул руку, прося монетку, Динч вообще рыкнула, как тот лев.

Мальчишка не отскочил, а наоборот, сделал шаг поближе.

– Фрайя, а я вам могу корзину отнести! Или чего помочь...

И на его ладони сверкнула золотом прядь волос, которые Динч мгновенно узнала.

Конечно, Лоренцо Феретти!

Секунда на принятие решения. А потом...

– Ладно. Неси корзину, да не вздумай удрать! Моя хозяйка потом тебя из-под земли достанет и запороть прикажет!

– Не надо, фрайя! Я не воровать, я честно заработать хочу! – занял Салих.

– Хм... все равно. Иди рядом со мной, чтобы я тебя видела. А то сейчас дашь деру... ищи тебя потом...

– Хорошо, фрайя.

Динч решительно направилась к лавке с маслами, а по дороге принялась расспрашивать мальчишку. Картина обыкновенная, идут двое, мальчик несет корзину... Все в порядке, это обыденность.

– Ты кто?

– Сын ланисты. – Салиха предупредили об этом вопросе.

Динч кивнула.

О том, что Ангел дрался не только за свою, но и за его свободу, она знала. Хотя и зря... мог бы и собой ограничиться. Ну и ей...

Ладно, всего не предугадаешь, и так неплохо сложилось. Выиграл же?

Вот. Остальное уже мелочи...

– Что с Ангелом?

– Ранен, ослаб, пока лежит...

– Так...

– Он просил вас подумать еще о лошадях. Или хотя бы осликах... штуки три.

– Зачем?

– Отец, я и брат. Ангел-фрай сказал, что не бросит нас в Ваффе. Отец подумал и решил, что поедет с ним... пока.

Динч серьезно задумалась.

В ее тщательно выстроенную и вылизанную систему добавлялись новые, неизвестные факторы. Неприятные, надо сказать.

Вы пробовали соблазнять мужчину, когда рядом еще второй трется? И двое его детей?

С другой стороны... на детях всегда можно показать, как она их любит. Ну вот до слез и по самые уши! И наших так же любить буду, даже не сомневайся... правда-правда!

А Зеки-фрай... а он не помешает! Сильно, во всяком случае. Найдет Динч, как с ним договориться, а еще одни руки в пути лишними не будут. Дело в том, что из Арайи им предстояло выбираться по суше. И лучше – через горы. Дольше, конечно, и через пустыню там идти, но недолго. Можно вдоль морского берега, по

караванной тропе... ее все знали. Можно вообще присоединиться к каравану, Динч так и планировала сделать изначально, а потом просто отделиться в нужный момент...

Карта у нее была.

Не так чтобы идеально точная, но когда нет выбора? Вот и об этом можно поговорить с ланистой.

Но сначала – дело.

Масла, и побольше... Бема-фрайя любит запах сирени...

* * *

Когда на пороге комнаты появилась Динч, Лоренцо только присвистнул.

Женщина явно была взволнована, она покраснела и выглядела почти симпатичной. Ну... хотя бы не слишком страшной.

– Лоренцо!

Виснуть у раненого героя на шее она не стала – не дура. Обошлась тем, что коснулась руки, пощупала лоб и деловым тоном поинтересовалась:

– Что именно у тебя повреждено?

– Если сверху вниз, – хмыкнул Лоренцо, – то у меня здоровущая шишка, кто-то меня все же треснул по голове. Потом сломано несколько ребер, но это не страшно: их перебинтовали. Левая рука почти не действует, проклятая шавка мне ее дней на десять вывела из строя. Ну а мелкие царапины, синяки и ссадины попросту не учитываем. У меня их столько, что на десяток гладиаторов хватит.

– И это чудо. Мог бы и вообще не встать. – В комнату вошел Зеки-фрай. – Здравствуйте, фрайя.

– Можете называть меня Динч, – не стала чиниться женщина. – Так нас теперь пятеро?

– Зеки-фрай? – посмотрел Лоренцо.

– Я говорил с Ромео. Он не поедет.

– Жаль, – коротко сказал Лоренцо. Но и только.

Да, Ромео был его... нет, не другом, скорее приятелем. Да, он помог в трудную минуту. Но в таких делах каждый должен решать за себя и для себя.

Хочется Ромео здесь оставаться?

Отлично!

– Он говорит, что после вчерашнего выступления к нему подошла одна вдовушка... похоже, он осядет в Ваффе. Может, и будет изредка выступать, а может, и нет...

Энцо хмыкнул:

– Его воля, его право. Я ему не указ...

Зеки-фрай кивнул.

Да, Ромео не оказался бы лишним, но зачем человеку жизнь ломать? Пусть живет, радуется, пусть делает, что пожелает... у них своя дорога, у него своя. О его участии Кемаль-бей не знает, да и не узнает никогда. Ромео тут никто свою жизнь строить не помешает.

Это Зеки-фраю надо бежать из Арайи и детей с собой прихватить. Кемаль-бей никогда ему не простит проигрыша, рано или поздно достанет. Скорее рано, чем поздно.

И Лоренцо тут больше не судьба. Какая там арена?!

Какие выступления?!

Да Кемаль-бей из шкуры вон вылезет, лишь бы прибить такое доказательство своего позора... может, и не на первом выступлении, но на втором-то точно Лоренцо конец придет. Так что ему тоже надо уезжать.

Почему бы и не на родину? Там Кемаль-бей хоть до позеленения орать может, результата не будет. А убийц посылать в другую страну...

Смешно даже.

Нет, тут скорее будет: с глаз долой – и все забыто.

А если эта девица способна им достать все необходимое... Уже часть достала, ну так почему нет? Выглядит она, конечно, неприятно, но с лица воду не пить. Пусть страшная, лишь бы не дура.

Динч быстро расспросила, что еще нужно достать, и объяснила, что она планировала сделать. Ваффа – город прибрежный, каждые десять-двадцать дней из нее уходят караваны, один, кстати, ушел, пока Лоренцо отлеживался. Им, конечно, с караваном идти сразу нельзя, если на воротах проверят, их мигом опознают, но тут Динч может помочь. Знает она несколько потайных тропок из города.

Или, к примеру, сейчас они могут переодеться. Скорбящая вдова с детьми, в сопровождении слуги, которая едет к родным... что может быть проще?

Лоренцо придется перебираться через стену, очень уж он приметный. И двигается так...

Нет, его в женщину переодеть не получится.

Зеки-фрай окинул взглядом лежащего гладиатора и кивнул.

Да, уже не получится.

Лоренцо Феретти сильно вытянулся, раздался в плечах и выглядел не на свои пятнадцать лет. Старше, опаснее, серьезнее. Такого не переоденешь в бабу. Нереально. И двигается он тоже совсем иначе. Мягко, плавно, но не так, как женщины...

Так что только потайными тропками.

А вот потом, на первой-второй стоянке можно и присоединиться к каравану. И идти с ним вдоль побережья.

Да, это дольше, скучнее, тяжелее. Но... выбора нет. Идти самим слишком опасно, Динч не затем вырвалась из рабства у хорошей хозяйки, чтобы попасть к плохой. Или того веселее... поймают их разбойники и развлекутся с ней на свой лад. По кругу пропустят, к примеру...

Эти мрази везде одинаковы.

Рисковать Динч совершенно не хотела. А было и еще одно соображение.

Палатку она взяла только одну. А дальше...

Одна палатка, холодные ночи... кто-то не понял? Объяснять надо?

Сейчас этот элемент плана пришлось подкорректировать. Надо еще как минимум две палатки. Одну для нее, одну для детей, одну для мужчин... ну а та, что для нее... посмотрим, посмотрим...

Динч сдаваться не собиралась, тем более даже не начала еще схватку. Вот кого бы на арену, да столько львов и не напасешься!

Когда появятся горы, к ним, конечно, караван не пойдет, точнее, в сами горы. Но в предгорья караваны заходят. Поторговать, дело житейское. Вот там и можно попробовать найти проводника через горы.

Заплатить, пригрозить...

Это уже надо решать на месте.

Зеки-фрай был согласен с планом. Только заметил, что тогда надо покупать не лошадей, а осликов или мулов. Ему с детьми – точно.

Караван идет медленно, устать они сильно не устанут, справятся, а в горах лошадь... нет, это совершенно не то, что нужно. Есть

специальные лошади, у горцев, но их на равнинах и не найти, и не купить. Они и по скалам прыгают, что те горные козы, они и траву сами себе копытят чуть не из-под снега... А равнинные кони...

Разве что на конскую отбивную. Потому как сорвется несчастное животное на первой же горной тропе. И останется только мяса с собой нарезать из нее, чтобы не пропадало.

Мулы и ослики в этом отношении намного удобнее.

Динч согласилась. Получила от Зеки-фрая деньги и вежливо попрощалась.

Ей сегодня еще предстояло многое сделать... и завтра тоже... а как? Надо же незаметно...

И никого ни о чем не попросишь, ни на кого не переложить... Ничего! Она справится!

На кону серьезный куш – ее свобода и ее обеспеченная семейная жизнь!

Надо, надо поработать!

* * *

Когда Динч ушла, Зеки-фрай присел на край ложа Лоренцо.

– Ты планировал побег.

– Да, – не стал отпираться бывший гладиатор.

– Ты умен, Ангел. Но эта баба тоже неглупа.

– Зачем связываться с дурой? Мне хочется свободы, ей хочется свободы...

– Ей хочется еще и тебя. В придачу к свободе. Она на тебя смотрит, как кошка на сало.

Энцо пожал плечами.

– У меня невеста есть.

– Это там, далеко. А Динч – здесь. И женщина она явно предприимчивая.

Энцо опять пожал плечами:

– Я постараюсь быть осторожнее.

Зеки-фрай кивнул. Ладно, он свое дело сделал, человека предупредил, не внял – так кто тебе лекарь? Опять же... умная жена –

великое благо. А невеста... какая она еще там, и будет ли она ждать, и как дело сложится? Зеки-фрай о ней точно думать не обязан.

А эта...

Да, страшная. Но еще Пророк сказал, что красота проходит, а душа остается. И смотреть надо глубже... он мудрый был, он не просто так слова складывал.

Зеки-фрай решил, что мешать Динч не будет. Даже поможет, но так, чтобы она заметила, а Лоренцо – нет. У них же странные порядки, можно только одну жену иметь... а вот любовниц – много. Глупо, правда?

Заведи ты себе гарем, да и прекрасно все сложится! Ты же все равно подарки даришь, ты все равно деньги даешь, содержишь любовницу, дом ей снимаешь, а что взамен? Захочет – и уйдет. И все твои вложения прахом.

Нет, с наложницей намного проще.

Купил, продал, отдал... да что хочешь, то и сделай!

Странные все же у них законы. Глупые. Но учиться придется. И расспрашивать о вере, и даже креститься... Зеки-фрай был практичен. Если, чтобы выжить, ему надо отринуть веру предков... ладно, что касается лично его, он бы еще подумал. А его дети?

Они должны не выживать, а жить. Хорошо, спокойно, достойно, богато... если на то пошло, он потому и приворовывал.

Не сильно, нет.

Там десять золотых, тут двадцать... так многие делают! Просто он попался. Но капиталец у него скопился неплохой, а поскольку Зеки-фрай не был уверен в своей судьбе, он все вкладывал в дело. Был у него небольшой запас, на всякий случай, но основные суммы он отдавал знакомому купцу.

Конечно, не просто так.

Расписки, счета, доля в прибыли...

Сейчас придется к нему наведаться и поговорить. С Эрвлином он торгует, так что... темы для разговора найдутся. А может, Зеки и приработок будет. Если он там будет жить...

Надо попробовать.

Но придется отлучиться. Об этом Зеки-фрай и сказал Лоренцо. Потом переоделся в женскую одежду, занавесил лицо чадрой и вышел. Из него как раз женщина получилась очень убедительная. Не слишком

высокая, толстенькая... тут главное – следить, чтобы накладная грудь набок не съехала.

И лишний раз Зеки-фрай порадовался, что поделился своими планами с Лоренцо Феретти.

Торговый дом Лаццо?

Да кто ж его не знает... знают! Если будет возможность наладить с ними дела, Рашид-фрай, его компаньон, весьма и весьма обрадуется. И... тогда точно не продаст по дешевке.

Ради своей прибыли купец, конечно, кого хочешь и продаст, и сожрет. Но с Кемаль-бея получишь один раз. И что именно, и сколько – неизвестно. Может, и вовсе ничего не даст, попробует услугой откупиться, а получить с него что-то сложно. А вот с торговли с Лаццо...

Это вкусный кусочек. Так что стоило рискнуть.

Зеки-фрай улыбался под чадрой. Жизнь продолжалась, вопреки Кемаль-бею. Его жизнь, жизнь его детей...

Он не забыл, как Ангел рванулся наперерез страже, защищая их. Как вышел на арену – единственный из всех. Да, он и за себя тоже дрался, но ведь и за него! А среди гладиаторов и свободные были... и никто! Никто даже пальцем не шевельнул!

Что ж.

Зеки-фрай запомнит. И будет благодарен.

Адриенна

Письмо Адриенна вскрывала в присутствии дана Рокко.

И читала тоже в его присутствии.

И...

– Дан Рокко, ну как же так?! Почему?!

В письме, черным по белому, было написано, что дане Адриенне СибЛевран летом предписывается явиться ко двору для заключения брака.

– Значит, так надо, дана...

– У меня помолвка заключена до семнадцати лет. – Адриенна провела руками по лицу, словно стирая липкую и гадкую паутину. – Мне только шестнадцать будет!

– Дана, спорить с королем нет смысла.

– Это несправедливо. – Адриенна всхлипнула. – Нечестно, подло, гадко!

– Дана...

– Простите, дан Рокко...

Адриенна вылетела за дверь кабинета. Дан Рокко только головой покачал.

Вот к чему такая спешка? Или... не к чему, а почему? Должна быть причина, обязана, и хорошо бы ее знать... кому бы написать в первую очередь? Для начала, кстати, его величеству. Разрешат ли дану Рокко поехать с даной СибЛевран – или предпишут оставаться в поместье? Дан Рокко поехал бы, хоть на свадьбу. Не то чтобы он жаждал принять в ней участие, хотя королевская свадьба – это Событие. Да-да, именно так, с большой буквы, о нем и детям рассказывают, и внукам...

Он рассказать внукам вряд ли успеет, не то у него состояние. Может, еще зиму-другую проживет, и только. Хорошо хоть Джас пристроена, он и второго внука повидал... приятно.

Но это сейчас не о том.

Просто Адриенне будет легче, если рядом окажется кто-то родной и близкий. Даже ее отец подошел бы. Может быть...

А может, и нет.

Если дан Рокко правильно понимал, дан Марк не поедет. Не захочет. Что ему там делать? СибЛевран он не получит, при дворе веса никакого иметь не будет...

Вот, кстати. Надо поговорить об этом с Адриенной. Что она думает по поводу поместья? Дан Рокко с радостью дожил бы здесь свои дни, если хозяйка позволит.

Ладно!

Для начала – пишем его величеству и ждем распоряжений. А заодно пишем всем знакомым. От королевского лекаря, дана Виталиса, до простого стражника Марко, с которым дан Рокко, так уж вышло, тоже в хороших отношениях.

Кто-то что-то услышал, кто-то что-то скажет... а дан Рокко потом и поблагодарит. И расплатится, чем надо будет.

Тоже словечко шепнет или маленький подарочек пришлет к празднику...

Отплатит добром за добро, дело житейское.

Надо писать...

* * *

Адриенна сидела на голубятне.

Птицы вились вокруг, но чувствовали настроение девушки и близко не подлетали.

Адриенне хотелось плакать. Она и плакала, просто сама этого не понимала. Так, катились слезы, да и спрыгивали со щек, терялись в плотном сукне платья. А то и вовсе высыхали.

Любопытный ветерок крутился рядом, слизывал их с лица, высушивал на лету...

Странно.

Откуда у людей столько соли?

Девушке было откровенно тоскливо и больно. Одной рукой она опиралась о стену, второй сжимала простенький медный крестик. Да, она понимала, что с Лоренцо у нее ничего не будет. Она знала, что ей придется выйти замуж за принца, придется потому, что так сказала Моргана.

Какая мать пожелает смерти своим детям?

Какая мать обречет их на мучения?

Да и... мать ли это, если детям она предпочтет мужчину? Может, она будет хорошей хозяйкой, может, прекрасным человеком... только не матерью. Для матери всегда, везде, в любых обстоятельствах на первом месте были, есть и будут ее дети. Даже если они еще не родились.

Но пока...

Еще год Адриенна могла жить спокойно и свободно.

Мечтать, надеяться, любить, носиться по полям и лесам СибЛеврана... Она – могла. А теперь ее этого лишили.

Она приедет в столицу, она выйдет замуж, она...

А ведь замуж – это не только совместные молитвы, это и кое-что еще. Да, консумация брака, и дети, и... Адриенна вспомнила потные лапы Леонардо, запах вина из его пасти, и девушку затрясло.

Дрянь!

И принц...

У него же эта есть... его шлюха! Адриенна даже не сомневалась, эданна Франческа сделает все, чтобы жене любовника жизнь медом не казалась. Историю она теперь знала, дан Рокко и читал, и рассказывал, и ее приохотил... Адриенна и сама не заметила, как стала неплохо разбираться в происходящем.

Все ведь уже было. И до нас, и после нас будет...

Законная жена – нелюбимая.

Любовница – обожаемая.

Дальше? Тут многое зависит и от жены, и от любовницы, но Адриенна ни на что хорошее не рассчитывала. В лучшем случае ее поселят в каком-нибудь замке, будут наезжать, делать детей и уезжать.

В худшем...

А о худшем и думать не хочется. Варианты возможны разные, а Адриенна допускала все.

Эх, Моргана, завязала ты веревочку... и как теперь этот узелок развязать? Разрубить, как один глупец попробовал?

Оно можно, конечно. Но боги не любят тех, кто идет к цели кривыми дорогами. И рано или поздно за кажущуюся легкость придется платить.

Кому и чем?

Как повезет...

Слезы капали и капали.

Прощай, свобода...

* * *

В это же самое время эданна Франческа стояла в комнате старой ведьмы.

– Все отлично. Шлюха умерла, ее ублюдок тоже сдох.

– Рада услужить эданне, – съехидничала ведьма.

Франческа приняла это за чистую монету.

– За такие-то деньги? Несомненно!

Ведьма прищурилась, но промолчала. Сама сейчас разъяснит, зачем пожаловала.

– Мне нужно еще приворотное. У меня закончилось.

– Уже?

– Какое твое дело? Мне нужно – и ты для меня его приготовишь!
– Ритуал ты знаешь, эданна, – безразлично отозвалась ведьма. –
Можем послезавтра провести. Придешь?

Франческа кивнула.

– Да, приду.

– Вот и ладненько. Что и сколько стоит, ты знаешь, объяснять не
надо.

Эданна тряхнула головой.

– Знаю. Послезавтра?

– Да.

– Там же?

– Да...

– Я буду.

Эданна хлопнула дверью и вылетела вон. Занавеска шевельнулась,
и жрец, как обычно в маске, вошел в комнату.

– Отлично! Она уже ни о чем не думает...

– Куда ей думать? Она то ревнует, то истерит... было бы для чего!

– Есть для чего. И мне нужен твой совет, ведьма.

– Слушаю, дан?

– Его величество вызывает в столицу дану СибЛевран. Он
собирается ускорить свадьбу.

– Та-ак... и что с этим надо от меня?

– Я нашел кое-какие сведения о Моргане. Говорят, она была
солнцем и светом земли.

– И что тут непонятного? Это даже я знаю: плодородие, изобилие,
отсутствие болезней... пока она или ее потомки на троне, земля будет
счастлива. Можно забыть о неурожайных годах или буйстве природы.
Эпидемии, голод, мор... это все будет обходить ее землю стороной.

– Но есть и еще кое-что.

– Слушаю?

– Говорили, что она властна над тварями земными и небесными...

Ведьма пожала плечами.

– Тоже возможно. Что в этом странного? Она солнце своей земли,
любая тварь к ней потянется...

Мужчина подумал, что это тоже логично. И задал последний
вопрос:

– В одной из книг ее называли демоном войны. И упомянули, что она сражалась наравне с мужчинами. Это так?

Ведьма только хмыкнула.

– Сомневаюсь, что дану СибЛевран этому учили. А вот Моргану – могли. Высокий Род...

– Ты это так произносишь...

– Никто не знает, чему их обучают. Никто не знает, чем они владеют. Но то, что связываться с ними смертельно опасно, а злоумышлять против них не следует, знают все.

Мужчина тихо выругался. Ведьма ухмыльнулась.

– Откуда мне знать больше, дан? Ты нашел знания, ты их принес. Что должна добавить к ним я, не зная и этого?

– Вы, ведьмы, всегда что-то да знаете...

Допустим, ведьма знала. Но говорить об этом не собиралась, перебьется. А вот кое о чем другом...

– Я знаю старое проклятие, дан.

– Которое наложила Моргана?

– Да. И ты его тоже читал, дан...

– Пока на троне не окажутся ее потомки...

– Ее. Потомки, – подтвердила ведьма.

Мужчина открыл рот. Закрыл...

– Минутку...

– Не обязательно ее потомки с Эрвлинами. – Ведьма мило улыбнулась. Получилось так жутко, что лошади бы шарахнулись. Мужчина оказался покрепче.

– Хм... это надо обдумать.

Ведьма проводила его насмешливым взглядом.

– Думай-думай... не обляпайся.

Она свое дело сделала, она «ежа» подбросила. А вот что будет дальше...

Посмотрим. Ежики – они колючие и стимулирующие. Так-то...

Мия

Серена медленно шла в храм.

Дана Оливия Дилореццо сопровождала свою подопечную. И даже немножко любовалась ею.

Симпатичная малышка. Умненькая, обаятельная... а сейчас почти красавица... да что там! Без всяких почти!

Пусть у нее нет такого очарования, как у Мии, пусть у нее темные волосы и темные глаза, но сейчас она словно светится. И есть повод.

Потому что у храма стоит дан Эмилио. Может, он и страшный, и некрасивый, и шрамами обезображен. Но Серене это не важно. Она видит только этого мужчину. И смотрит... так...

Она сияет и светится!

А потом дана Оливия вдруг почувствовала... словно холод. И страх.

Кто-то смотрел на девушку. Так смотрел...

Жадно.

С плохой, недоброй жадностью, с которой не просто присваивают и запирают – рвут на части, чтобы, не дай бог, сокровище другому не досталось. Но отследить, кто это, дане Дилореццо не удалось.

В храме?

Вот ведь засада... нельзя оглядываться как хочется. А взгляд чувствуется, взгляд свербит, взгляд морозит спину... Надо поговорить с даном Джакомо. Надо рассказать ему.

Дана Оливия была чуточку несправедлива к подопечной.

Да, ей не досталось тех свойств, которые были у Мии и Лоренцо, но кровь-то одна! И эта кровь придавала нечто притягательное Серене. Мужчины чувствовали – не глазами, не нюхом, они просто реагировали на привлекательную девушку.

Женщины не осознавали, что происходит... на них это просто не действовало. И, скорее всего, у Джулии будет так же.

Та же неизъяснимая притягательность. Обаяние, которое не потеряется с возрастом, которое не зависит от красоты или ума, почти животная притягательность...

Поэтому дана Оливия и не могла понять, что происходит.

Но...

Выходя из церкви, Серена коснулась руки Эмилио, принимая святую воду. И в толпе людей один задохнулся от гнева.

Его!

Эта – ЕГО!!!

Надо только узнать, кто она. А дальше... а дальше все и так ясно.

Ровно через два дня Джакомо был сильно удивлен.

– Дан?

Дан Густаво Бьяджи улыбнулся хозяину дома.

– Дан Феретти. Рад вас видеть.

– Прошу вас, дан, – опомнился Джакомо. Конечно, сам он гостю дверь не открывал, но так уж получилось, дан Бьяджи просто подгадал, когда Джакомо подошел к дому. – Мы знакомы?

– Полагаю, вы слышали обо мне. Дан Густаво Бьяджи.

– Эм-мм... рад знакомству, – пробормотал Джакомо.

Слышал?

Это мягко сказано.

Король драгоценных камней. Ему принадлежат несколько шахт, в которых добывают рубины и сапфиры. И род у него серьезный... разрослись, разбогатели...

Мысли не мешали Джакомо проводить гостя в залу и достать бутылку с вином и кубки. Самостоятельно, не привлекая слуг.

Мало ли что?

– Я хочу с вами поговорить о вашей племяннице.

– Мие? – удивился Джакомо.

– Нет. Меня интересует дана Серена Феретти.

– Я вас внимательно слушаю, – согласился Джакомо.

– Я хочу на ней жениться.

– ЧТО?!

Джакомо ожидал многого, но чтобы так?! Позвольте! Серена?! Их Серена?!

– Дан, вы... это такая честь...

Дан Бьяджи снисходительно улыбнулся. Честь, безусловно.

– Но... наша Серена еще молода. Нет ли ошибки?

– Я видел ее два дня назад, в храме, – спокойно сообщил дан Густаво. – С сопровождающей ее даной Дилореццо.

– Дан... – Джакомо замялся на секунду, а потом рассудил, что такая удача не каждый день выпадает. – Я согласен.

– Замечательно. Тогда прошу вас позвать сюда мою невесту.

Джакомо кивнул и коснулся колокольчика.

Серена Феретти ждала чего угодно, когда ее вызвал дядя. Но...

Дядя Джакомо был не один. Рядом с ним в кресле сидел пожилой человек, даже чуть постарше дяди на вид. Сухопарый, выглядящий так, словно он что-то острое проглотил, с темными волосами и жестокими темными глазами.

И выражение лица у него было весьма неприятным.

Он ее так разглядывал... словно Серена была чем-то неодушевленным. Его... собственностью?

Серена кое-как собралась и поклонилась.

– Дядя, вы меня звали?

– Да, дорогая Рени. Знакомься, это дан Густаво Бьяджи. Твой будущий муж.

Серена никогда не падала в обморок, но сейчас ощутила, что близка к этому.

– Что?! Кто?!

Опасно шатнулась под ногами комната...

– Дан Густаво Бьяджи. Твой будущий муж, – терпеливо повторил Джакомо.

– Но я же...

– Можешь не благодарить меня. Подойди ближе.

Словно птичка, зачарованная повелительным тоном, Серена сделала два шага вперед.

Мужчина поднялся из кресла, ловко поймал ее за руку – и на палец скользнуло нечто ледяное.

Рени скосила глаза.

Рубин... и огромный.

– Я...

– Отвернитесь, Феретти, – скомандовал дан Густаво.

Джакомо послушно отвернулся к камину. И в следующую секунду...

Серена не успела ни увернуться, ни возразить, ни...

Жесткие мужские руки легли на плечи, холодные и почему-то скользкие губы коснулись губ... и в ее рот полез чужой язык.

Это оказалось последней каплей. Девочка упала в обморок.

Мия вернулась домой поздно.

Сегодня она была в своем доме на Приречной. Проверила слуг, выдала им зарплату за несколько месяцев, сходила к стражникам, отнесла туда несколько лоринов...

Все было просто отлично.

Ньора Анджели с сыновьями содержали дом в чистоте и порядке, если ньора и приворовывала, то не больше нормы... это не страшно. Сад был ухожен, дом побелен, стража регулярно проходила мимо... Отлично!

Все просто отлично!

А вот дома...

– Дана Мия...

Барбара манила девушку откуда-то из-под куста. Мия еще и в дом зайти не успела... и теперь послушно шагнула в сторону. Ньора Барбара ее устраивала.

Ей нравилось, как она приглядывала за малышками, женщина была, может, и не сильно грамотной, но душевного тепла она детям отсыпала с избытком. И потискать, и погладить, и сладенького дать... Рени и Джу к ней очень привязались.

А сейчас она даже не в доме?

Что происходит?!

Мия послушно пошла за ньорой... недалеко, до беседки, которая сейчас просматривалась насквозь. Но зато и подслушать разговор возможности ни у кого не было.

– Ньора Барбара?

– Дана Мия, все плохо, – не стала терять время на разговоры нянька. – Сегодня приходил дан Бьяджи, сватался к нашей Рени.

– Кто?!

Мие это имя ни о чем и не говорило. Вообще... не настолько она знала жителей столицы.

Барбара стиснула перед собой руки.

– Дана, он ее погубит! Умоляю!!!

– Подробности, – резко бросила Мия, понимая, что, если начнет вытирать слезы и сочувствовать, они тут до послезавтра провозятся. А так... подействовало. Ньора Барбара вытерла слезы и заговорила.

Да. Приходил. Сделал предложение. Дан Джакомо согласился. Дана Серена с тех пор так и рыдает... не заболела бы. Но это еще полбеда.

А вот другое...

Когда у тебя есть деньги, проблем становится намного меньше.

И даже жениться можно... в четвертый раз подряд. Хотя церковь и относится с неодобрением уже к третьему браку. Но тут – четвертый.

Не живут у дана жены. А почему?

Ньора Барбара рыдала, размазывая слезы... Мия слушала.

Вот напрасно, совершенно напрасно недооценивают слуг. Кто, как не они, может рассказать обо всем, что в доме творится? И еще о чем-нибудь сверху?

Именно они, всеведущие и вездесущие. А иногда и всемогущие заодно.

Двоюродная сестра ньоры Барбары, Лидия, как раз прислуживала третьей жене дана Бьяджи. Так что была в курсе дела. А заодно и Барбара, с которой (по очень большому секрету) поделилась сестричка. На исповеди и то такое не расскажешь, а и в себе держать...

Дан Бьяджи оказался садистом обыкновенным, вульгарным.

Да-да, нормальные люди предпочитают любить женщин так, чтобы удовольствие получали обе стороны. Дан Бьяджи предпочитал плетки, хлысты, веревки, иглы и кучу разных приспособлений, о которых и слышать-то неприятно! А уж испытывать на своей шкуре?

Брр!

Мия вообще сильно подозревала, что любого садиста надо этим методом и воспитывать. Ну, то есть сначала плеткой, потом иголками, потом раскаленным железом, а если не раскается... а там еще что-то осталось?

Ну-ну...

Сейчас добавим!

Так что жены у дана попросту не выживали. Рано или поздно он перегибал палку. С первой женой это случилось во время ее беременности, вторая таки родила ему двоих детей, повезло... но потом все равно погибла. Третья продержалась долго, но потом тоже умерла, когда в порыве сладострастия Густаво немного не рассчитал сил.

Убивать он не хотел, но душить надо было как-то аккуратнее... увлекся.

Мия скрипнула зубами.

Она еще проверит информацию, конечно, но...

И дядя согласился?

Так...

Разум заработал холодно и равнодушно, отсчитывая действия, словно клепсиэдра водяные капли.

Если сейчас она ворвется в дом, устроит скандал... что будет дальше?

Начнем с того, что она тоже подопечная Джакомо.

Лоренцо пока не приехал. И где он сейчас – неизвестно.

Даже если Мия устроит скандал... это невыгодно прежде всего ей самой.

А что тогда делать?

Мия серьезно посмотрела на Барбару.

– Барба, ты чудо. А сейчас, пожалуйста, помоги мне.

– Дана Мия? – Барбара успокоилась и посмотрела уже иначе. Как-то...

Она не рассчитывала, что дана Мия поможет. Но вдруг?

Дана Оливия вот уже ее по щекам отхлестала, чтобы не выла, дура!

Рубиновый король! Это ж такая добыча, ТАКАЯ добыча! И плевать, что он на тридцать лет невесты старше! А Барбара-то девочек действительно любит... почти как своих. Кто ж родное чадо на поругание отдаст? Да какое поругание? Считай, верная гибель...

– Я сейчас пойду домой. И если нас кто-то видел... я сейчас начну ругаться... ты меня прости. Завтра ты пойдешь на рынок?

– Да, дана. Дана Джулия просила ленты...

– К тебе подойдет человек. Он сам тебя узнает, скажет, что от меня. Извинится еще раз, чтобы ты точно уверилась. И ты его познакомишь со своей сестрой, поняла?

– Да, дана.

– Он узнает все точно. Сама понимаешь, это очень серьезный вопрос. Считай, жизни и смерти.

Барбара кивнула.

– Я познакомлю. И попрошу Лидию... она с и другими слугами сведет.

– Вообще отлично. Сейчас мы отправимся в дом, и ты будешь лить слезы и клясть меня. Поняла?

– Да.

– А теперь прости!

Пощечины, хоть и были легкими, но звучали громко.

– Ты что себе воображаешь?! Ты куда лезешь?!

Орала Мия тоже от души. Только вот при этом стояла спиной к дому и делала большие глаза, умоляя Барбару простить ее.

И та поняла. Потому что на миг прикрыла ресницы, а потом разрыдалась и убежала куда-то, комкая передник.

А Мия ворвалась в дом.

– Миечка!

Джакомо, как дана и предполагала, все видел из окна. Не дурак же он!

Ему сказали, что Мия вернулась, а в дом не идет... тут другого выхода и нет.

– Дядя, что за глупости?!

– Мия? – искренне удивился Джакомо.

– Какая еще трагедия?! Какая разница в возрасте?! Это же Рубиновый король! Я надеюсь, вы все объяснили Рени?

Джакомо аж собственным светом засиял.

– МИЯ!!!

– Дядя? – Девушка аж шарахнулась... ишь ты, как лучится! А вдруг радиоактивный? Или обжигающий?

– Детка, ты у меня чудо! Вот ей-ей, чудо! И как ты все правильно понимаешь!

– Сложно не понять, – фыркнула Мия. – Так что происходит-то?! Чего все рыдают?

– Да знать бы... Серена как завелась, так и продолжает... Джулия ее поддерживает, дана Оливия с ног сбилась, а эту дуру... может, ее вообще уволить?

– И искать новую? Дядя, это нелогично, – нахмурилась Мия. – И... сами понимаете, нам в дом человек проверенный нужен.

– Ты права, детка. Миечка, а ты можешь поговорить с Сереной? Тут же радоваться надо! Такие связи, такие перспективы...

Мия пожала плечами.

– Могу попробовать. Но лучше... Если она в истерике, мне бы снотворное. Вы не хотите за нъором Рефелли послать? Пусть придет, даст ей чего... баба в таком состоянии все равно никого не услышит. Только головную боль наживем. И я заодно с ним поговорю, мне тоже кое-что нужно... по женской части. Не переживайте, дядя, Серена все поймет. Такие предложения раз в сто лет бывают!

Джакомо молча поцеловал Мие руку.

* * *

Нъор Рефелли прибыл достаточно быстро. Мия встретила его на лестнице.

– Нъор Марио, я так рада вас видеть! ТАК рада! Вы не представляете, что устраивает моя сестра! Ей сделали такое предложение, ну просто прелесть какое предложение! А она в истерику впала!

– От истерик могу рекомендовать настойку валерианы, – согласился нъор Марио. – Давайте я осмотрю больную...

В спальню он поднялся вместе с Мией. И истошные рыдания услышал уже с лестницы...

– Нет!!! Он старый, он страшный, я его боюсь...

Серена рыдала. Истерически и истошно.

Джулия сидела рядом с сестрой, но что сделать – не знала. Разве что по руке ее гладить.

Нъора Барбара куда-то делась, дана Оливия держала кувшин с водой и всем своим видом выражала неодобрение... Нъор Марио быстро навел порядок в спальне.

Дана Оливия была отправлена за теплым молоком, Джулии досталась первая ложка настоя валерьянки, после чего девочка вылетела из комнаты рысью. Вкус у настойки был ужасным.

Нъор Рефелли присел рядом с девочкой на кровать.

– Ну-ка, ложечку...

– Я... н-не... хоч-чу...

– Никто не хочет...

Мия сморщила нос. Она даже не сомневалась, что дядя сейчас подслушивает, а может, и подглядывает. Джакомо напрасно думал, что смотровые глазки останутся незамеченными его племянницей.

Джулия и Серена действительно ничего не замечали.

Но Мия, с ее обонянием, могла унюхать что угодно. В том числе и дядю. Даже за стенкой... глазок-то открыт. Звуки и запахи идут в обе стороны... и вообще, не надо было вино пить! Тем более такое, выдержанное, с сильным ароматом. Она просто его учуяла и решила быть осторожнее.

Ньор Рефелли тем временем напоил измученную девочку, и Серена постепенно уснула.

– Дана Мия, я могу помочь, если буду знать... ну хотя бы причину истерики.

– Причина – дан Густаво Бьяджи. – Мия всем видом изображала презрение к сопливой дурочке Серене. – Другая бы бегом побежала, а Рени вот что-то не по нраву! Хотя что ее не устраивает? Богат, немолод, на руках носить будет...

Ньор Рефелли изменился в лице.

– Дан Бьяджи? А вы знаете...

Мия ловко наступила ему на ногу, еще и каблукочком как следует придавила.

– Что он прозван Рубиновым королем? О да! Такая партия, с ума сойти... Рени пойдут рубины! Вы бы видели, какое кольцо он ей подарил!

И наступить на ногу еще раз. Авось дойдет.

Ньор Марио взглянул в глаза Мии – и заткнулся. Может, и правда что-то понял?

– Вот это, дана Мия?

– О да! Роскошно, просто потрясающе! – восхитилась девушка, хотя и подумала, что таким кастетом в висок – мгновенная гибель. – Впрочем, об этом потом! Ньор Марио, посоветуйте мне что-нибудь подходящее? У меня во время женских дней такие головные боли... с ума сойти!

Дан Джакомо, который действительно подслушивал, выдохнул и расслабился.

Мия молодец. И полностью на его стороне. А девочки...

Ну, положи руку на сердце такими, как старшая сестра, им не стать. Он за ними наблюдал. Неглупые, конечно, но без ТЕХ способностей, без особенных талантов, без... просто обычные девчушки. Вот и все...

Он все равно собирался выдать их замуж, и если уж такое предложение поступило, глупо отказываться! Хорошо, что Мия это понимает...

Через десять минут лекарь засобирился обратно, и Мия зашла к дяде.

– Я съезжу к ньору Рефелли, хорошо, дядя?

– Да, конечно. А зачем?

– Он мне обещал настойку...

– Ну и пусть ее сам привезет? – удивился Джакомо. – Заодно и Серену еще раз посмотрит.

Мия сморщила нос.

– Дядя, мне тоже отдохнуть надо. И чуть-чуть воздухом подышать после таких новостей. Я скоро вернусь, хорошо?

– Конечно, – отступил Джакомо. Что ж, это понятно, и Мия соединяет приятное с полезным. Все правильно, все хорошо.

* * *

Ньор Рефелли хотел было поговорить в паланкине, но Мия сверкнула на него глазами и защебетала о своих дамских неприятностях. Громко, уверенно и препротивно. Так, что лекаря едва не укачало.

Успокоилась Мия, только когда они подъехали к его дому. Выбралась из паланкина, прошла вслед за ньором в его лабораторию, в которой он и готовил лекарства. И только там выдохнула, расслабилась.

– Рассказывайте, ньор.

– Что?! – искренне удивился ньор Марио.

– То, что вы хотели. Что вы знаете о дане Бьяджи? Извините, что не дала вам высказаться раньше – мой дядя сильно бы этого не одобрил.

– Ваш дядя... – догадался ньор Марио.

– Пока мой брат несовершеннолетний, дядя наш опекун, – спокойно подтвердила Мия. – И... он принял такое решение. О замужестве.

– Хм...

– Поэтому я должна знать, что с ним не так. С даном Густаво. Рени – моя сестра, и если что-то... я себе не прощу.

Кажется, Мия нашла и нужные слова, и нужные интонации. Потому что ньор Марио чуточку расслабился.

– Вы замечательно играли, дана.

– В присутствии слуг, которые донесут дяде, носильщиков, которые разносят не только паланкины... вы меня понимаете, ньор?

– О да! И... дана Мия, если у вас есть возможность расстроить этот брак – воспользуйтесь ею! Умоляю! Ваша сестра этого не выдержит, она погибнет!

– Подробности, – бросила Мия.

Ньор Марио опустил глаза.

А потом поведал то, что знал.

У дана Бьяджи было три жены.

Же-ны.

А кто-то считал количество служанок, с которыми развлекается знатный дан? Пока жена беременна, пока она лежит и мучается кровотечением, пока... да мало ли есть случайностей? Много...

И служанок ньор Марио лечил... много.

Кого-то ему вылечить удавалось. Две сошли с ума, одна утопилась, еще четыре остались калеками. На всю жизнь. Остальные... так, ерунда, увечья разной степени тяжести. От шрамов до вынутого глаза или выбитых зубов...

Денежная компенсация?

О да! Она очень утешит, если девушке пришлось отнять руку или ногу! Или если она не может больше иметь детей!

Просто восхитительно, правда?

Мия молча слушала.

Дан Рефелли называл имена, семьи, примерные даты... она не записывала. Память у Мии и так была великолепная.

Наконец ньор иссяк, и Мия медленно кивнула.

– Я... расскажу дяде.

– Полагаю, его вы этим не убедите, – вздохнул ньор.

– Правильно полагаете, – кивнула Мия. – Но я справлюсь с этим вопросом. Обещаю.

И ньор Рефелли поверил.

Было нечто такое в хрупкой девушке... он помнил ее во время эпидемии. Ее хладнокровную решимость, ее спокойствие, ее улыбку...

Она выжила.

И у него было подозрение, что это не просто так. От такой – даже болезнь убежит, сломя голову.

Стальной клинок...

– Ньор, у вас есть знакомый юрист? Который сможет дать мне консультацию по вопросам опеки?

– Да, дана Мия.

– Когда...

– Приходите завтра ко мне. К вечеру. Я попрошу друга зайти в гости.

– Благодарю.

Мия оплатила услуги лекаря, распрощалась и ушла.

Итак, уже два источника информации говорят об одном и том же. Барбара, Марио... завтра Мия еще поговорит с Лидией для очистки совести, но...

Тут не совесть чистить надо, а дана Бьяджи. Как нарыв вскрывать. И ладно! Не впервые!

* * *

Дома, не успела Мия переодеться, к ней ворвалась Джулия.

– Мия! Ты пришла!

– Тебя это удивляет? – подняла брови Мия.

– Н-нет... Миечка, это кошмар! Просто кошмар!

– Неужели?

– Серена любит Эмилио! А этот ужасный старик... он ее вообще поцеловал! Представляешь?!

Мия сверкнула глазами.

Еще и руки распускать? К ее сестре лапы тянуть?

Обор-р-р-рву!

В горле заклокотало глухое жестокое рычание, но пришлось его подавить. Ни к чему сестре такое...

– Джулия, я правильно поняла, что дядя уже подписал документы о помолвке?

– Н-не знаю...

– Если у Рени на руке кольцо?

– Н-наверное...

– Джулия, помолвка – это почти как свадьба. Поэтому ничего страшного не произошло... репутации Серены не будет никакого ущерба.

– Но она любит другого!

– Джу, ну подумай сама... любит не любит... что может дать ей Эмилио?

– Себя...

– Он страшный. Нищий, всего лишь второй сын, к тому же охотник... куда он приведет жену?

Джулия растерялась.

– Я думала, Феретти...

– Во-первых, я не сомневаюсь, что Лоренцо жив. Во-вторых, даже если он умер, никто не говорит, что одну из вас признают наследницей, – хмыкнула Мия. – До этого еще далеко, прошение пока в канцелярии и может там еще год пролежать. Итак, повторяю вопрос, что Эмилио может дать Серене?

– Любовь...

– Тебе нравилось, как жили наши родители?

– Н-нет...

– Зато в любви, дорогуша. По уши в любви... и с тростником на полу.

– Ты... ты...

– Я просто хочу для вас самого лучшего. А не такого вот... как у нашей мамы. Я люблю дядю, ведь если бы не он, мы бы сдохли с голоду той же зимой...

– Я думала, ты поможешь! А ты...

Джулия всхлипнула и вылетела из комнаты Мии.

Мия пожала плечами.

Думала она, гадала, да хоть бы и попу чесала! Это не важно!

А вот то, что Джакомо, который опять подслушивал, будет доволен – это уж несомненно!

Разум Мии работал, словно часы. Итак – первый шаг.

* * *

Поздно вечером дан Феретти сидел в кресле у камина. Напротив сидела Мия. Он потягивал вино, она – молоко. Оба размышляли... правда, совсем о разных вещах.

Дан Джакомо думал, что ему сильно повезло с Мией. Умничка племянница... они еще поработают вместе. Ей-ей, Пьетро хоть одну достойную дочь сделал.

А быть бы Мие мальчиком... она бы род Феретти на весь мир прославила! Жаль, не судьба.

Ничего, им и так, в неизвестности, неплохо. Главное, чтобы с деньгами.

Мия в это время думала совсем о другом.

Как-то рывком, жестко, она поняла, насколько они зависимы от дяди.

Деньги?

Да, у Серены есть приданое. Но вот сегодня Джакомо заключил ее помолвку, и что может сделать Мия? Протестовать?

Смешно...

Нет, сделать-то она может многое. Но именно как Мия Феретти, метаморф, а не как дана Мия, воспитанница дана Феретти.

Ладно...

Завтра надо поговорить с Лидией, кухней Барбары. Если она подтвердит то, что уже знала Мия... это сигнал к действию.

И завтра же надо поговорить с юристом.

Есть у них лазейка – или нет?

Кое-что Мия знала, все же она жила не в стеклянной башне, и с людьми разговаривала, и многое другое...

Проблема имела решение, но узел придется рубить жестко. Даже жестоко. И не подставить под удар ни девочек, ни Лаццо... к ним-то у Мии претензий не было. Паскуале и так весь черный ходил из-за Лоренцо, да и Мария, и Фредо, и Кати...

Мия будет осторожна.

А пока...

– Дядя, я надеюсь, свадьба будет достаточно быстро?

– Не меньше трех месяцев помолвки, Мия. А что?

– Рени нас истериками изведет. У нее же эта... первая любовь, чтоб ей провалиться...

– Попробуем переубедить. Или поможем провалиться, – пожал плечами Джакомо.

– Тоже вариант. Второй мне даже больше нравится, – кивнула Мия.

Джакомо поднял кубок.

– Я горжусь тобой, детка.

– Ученик достоин учителя, дядя?

– Когда-нибудь ты меня превзойдешь, Змейка.

Мия покрутила в руках свой кубок – и лукаво улыбнулась:

– Я постараюсь, дядя. Я очень постараюсь.

Только вот значения у этих слов и обещаний, были совершенно разные.

* * *

Ньора Лидия была худой, сутулой и длинноносой. Идеальная служанка – страшна ровно настолько, чтобы ни один хозяин не позарился.

Двух других слуг Мия не знала.

– Ньор Эрико Джусто и ньор Саверио Мели, – представила их Лидия.

Мия вежливо кивнула и улыбнулась.

– Рада вас видеть ньоры. А это маленький задаток.

Кошелечки мелькнули в ловких пальцах девушки, но...

Но там и остались. Мужчины спрятали руки за спины, почти синхронно. Да и ньора Лидия тоже.

– Нет, – четко сказала она. – Дана Мия, Барба сказала, вы добрая. Вы сможете помочь сестре... Мы с данной Марчеллой, женой хозяина, росли вместе! Я ее как сестру любила, я видела, как она умирает... это существо в образе человека убивало ее медленно. Сломало, измучило,

заставило мечтать о смерти. Если вы сможете помочь сестре – помогите. Я своей не помогла. Не сумела. Не спасла... – голос служанки дрогнул, изломался.

Мужчины кивнули, не сговариваясь.

– Подробности, – ровным тоном попросила Мия.

Она их получила.

Столько и такие, что, выходя из неприметного дома, скрежетала зубами.

Ее сестра – и это... ЭТО?!

И ведь дядя не мог не знать... Мия не интересовалась аристократическими кругами, а дядя каждую сплетню в гнездо тащил. Одно слово – удав.

За рию удавится... или кого другого удавит.

Мия даже не сомневалась, дядя хотя и не обо всем осведомлен, но должен быть в курсе дела... ладно же!

Она еще разберется с этим вопросом!

Она еще всех разъяснит!

Чтобы ее сестру – и вот это...

Убить. И точка! Но для начала – юрист.

* * *

От ответственности избавляет знание закона.

Ньор Бенвенуто Мацца был рыжеволосым и молодым, но явно толковым. Мия задала ему для проверки несколько вопросов, на которые знала ответы, кивнула – и перешла к делу.

Она спрашивала, ньор отвечал.

Потом Мия записывала.

Со ссылками на параграфы права, на его статьи...

Право, как известно, бывает прецедентным и беспрецедентным. Первое – это когда один раз сказали, что черное будет белым, и его таковым объявляют из раза в раз. И хоть ты лоб себе разбей. А чего? Один раз прокатило, прокатит и каждый раз!

И есть право беспрецедентное, или законодательное ^[22]. Как легко догадаться, тут уже на каждый чох требуется свое обоснование. А

вариант: так оно же уже того-сь... нет, не прокатит. Поэтому его так не любят лентяи и безответственные типы.

А что?

Удобно же... не надо учить законы, правила, просто выучил десяток случаев – и ссылайся каждый раз, и радуйся жизни...

У Мии так не получилось бы. Поэтому она писала названия законов. И думала, что может, может выйти.

Только вот...

Ей придется на время... ох...

Проблем возникало много. Но результат будет, а остальное...

Разве остальное важно?

Мама доверила ей девочек. И пока Серена и Джулия жили спокойно, в комфорте и сытости, Мия не злилась. Да, она не ласковая коровка, которая всех накормит и обогреет, как в детской сказочке. Она просто работала и зарабатывала, и приданое у малышей вполне достойное. Кстати, надо бы в банк зайти... будет еще лучше.

Даже если Рени решит выйти замуж за Эмилио, ничего страшного не произойдет. Голодать не будут, прикупят себе домик в столице, Эмилио охотиться будет, Рени жить на проценты с приданого... это вполне реально. Но не сейчас.

Девочке двенадцать лет.

Всего двенадцать...

Джакомо серьезно перегнул палку и даже сам этого не понял. А с чего ему было понять?

Мию он воспитывал под себя, лепил под себя, затачивал, как клинок...

Не учел он только одного.

Клинки тоже умеют любить. Они показывать этого не умеют, а вот любить...

Искренне, неистово, до последней капли крови... крови врага. Своей-то у холодного железа нет.

А вот острие – есть. И разить оно умеет преотлично.

* * *

Когда дан Бьяджи получил письмо от дана Феретти, он не удивился. И не разозлился, чего тут злиться?

Его честь по чести приглашали в гости, намекая, что с невестой надо бы почаще встречаться, она же привыкнуть должна... Приезжайте вечером, дан. Мы все будем очень рады вас видеть!

Дан подумал, да и черкнул записочку.
Коротенькую.

«Приеду вечером, буду рад повидаться с невестой».

Какие-то любезности? Ваше письмо получил, спасибо за приглашение...

Он и в лучшие-то времена таким не грешил! А Феретти...

Ладно уж!

Если вконец честно, они ему никак не ровня! Его предложение громадная честь, и Феретти это понимают, хоть это радует. При других условиях ни за что бы он не женился. Но там, в церкви...

Пришел он встретиться с любовницей.

А увидел...

Солнце осветило Серену, и смотрела она... так, и глаза у нее светились, и волосы, словно нимб... маленькая святая.

Или просто – чудо?

Воплощенная чистота, невинность и в то же время притягательность... и он не смог противостоять. Ушел из церкви, не повидавшись с любовницей, приказал слуге проследить за даной... и плюнул!

Посватался!

Мог бы позвать и в любовницы, но... это – не то!

Любовница все же вольна располагать собой, вольна уйти... а ему хотелось не этого. Ему хотелось, чтобы сияющее солнечное чудо принадлежало ему и только ему. Навсегда ему...

Жениться?

Почему бы и нет... может, он даже детей еще заведет... лет через несколько. Когда насытится хрупкой красотой жены...

В свою очередь, дан Джакомо, получив записку, тоже не удивился.

Слуги действительно хорошо знали своего хозяина, тот не утруждал себя вежливостью, а Джакомо... Джакомо готовился к визиту.

Мия только головой покачала.

– Дядя, Рени пока еще... я поговорю с ней, и настойку дам, но, наверное, лучше, чтобы сначала я прислуживала, а потом уж пригласим ее повидаться с женихом?

Джакомо кивнул.

Действительно, Серена пока еще была не слишком спокойна. Даже та убойная доза лекарства, которую ей скармливали, не действовала. Девушка то рыдала, то истерически смеялась, то просто спала...

Нет, так дело не пойдет.

Еще передумает жениться-то...

Так что Джакомо без рассуждений согласился.

* * *

– Моя старшая племянница, дана Мия.

– Я рада знакомству, дан. Я старшая сестра вашей будущей супруги. – Мия улыбнулась в меру скромно. Мол, я тебя не очаровываю, но рада знакомству. А поскольку она все же была прехорошенькой, дан Густаво улыбнулся в ответ и приложился к ручке.

– Странно, что такая очаровательная дана до сих пор не замужем...

– Я бесплодна, – спокойно ответила Мия. Эту версию они с дядей разработали уже давно. – И приданого у меня не так много, поэтому приходится выбирать.

Дан Густаво кивнул.

Что ж, это он мог понять и принять.

– Ваша красота сама по себе приданое.

– Вы мне льстите дан Бьяджи.

– Дан Густаво, дана Мия. Мы ведь скоро будем родственниками...

– Вы так добры, дан...

Гостиная.

Вино из запыленной бутылки.

Потрясающий аромат лета, солнца, винограда, который разливается по комнате... Мия прислуживает мужчинам.

– Рени скоро придет. Она так готовится, глупышка, так наряжается...

Густаво расплылся в улыбке.

Ну вот! Разумная семья, все всё правильно поняли...

Мия улыбалась.

Она вступила в сговор с Барбарой. И точно знала, что наверх уже понесли малиновый ликер – для храбрости. Если дана Оливия его не попробует, будет вовсе даже удивительно...

Джулия?

Девочка сидит у себя в комнатах.

Остальные слуги?

Они не помешают.

И Мия улыбалась. Очаровательно и радушно, пока не...

* * *

Первым умер Густаво.

Схватился за горло, побледнел, покраснел... глаза его выкатились из орбит. Мужчина попробовал выбраться из кресла, но – увы.

Не смог.

Джакомо посмотрел на него. Потом на Мию...

Он все понял. Но сделать уже не успевал ничего. Яд работал. Просто Джакомо был крупнее, но спасти его уже не смогла бы и рвота. Всасывалось снадобье мгновенно...

– За... чем?!

Кажется, это было важно для него.

Мия пожала плечами.

– Мать завещала мне позаботиться о младших, – просто сказала она.

Слышал ее Джакомо или не слышал... кто знает? У него тоже началась агония. Мужчины корчились. Девушка наблюдала, не трогаясь с места.

Когда два тела затихли и в комнате запахло нечистотами, Мия словно отмерла. Подошла к одному, ко второму... хладнокровно проверила пульс... Мертвы.

Отлично. Правки и доводки не требуется.

Мия спокойно обшарила тела, забрала печатки, деньги, кое-что еще... и поднялась наверх.

Барбара сидела с девочками. Мия кивнула ей.

– Все будет в порядке. А теперь иди к Джулии. Дай ей ликера и выпей сама, поняла? Спать должны все, чтобы вас не заподозрили.

– П-правда?

– Конечно. Завтра все образуется. Ты только говори, что ничего не знала и не подозревала, и вообще... Вот смотри. Письмо я кладу сюда, на стол. И вот еще одна копия, на всякий случай. Мало ли потеряется или украдут. Поняла?

– Да. А...

Мия улыбнулась.

– Я решила проблему. Скажешь Рени, что через три года она сможет выйти замуж за своего Эмилио. А пока могут заключить помолвку, если хотят.

– Дана... храни вас Бог!

Мия усмехнулась, горько и в то же время с грустью.

– До свидания, Барбара. Я вернусь. Пей ликер и не ходи вниз... Это гадкое зрелище.

– До свидания, дана.

Барбара послушалась.

И ликер выпила, и никуда не пошла... и спали они все до утра. А утром...

Утром было много интересного. Но и ночью – тоже.

* * *

Фредо Лаццо разбудил скрип окна.

Мария тоже шевельнулась рядом.

– Фредо?

На подоконнике сидела девушка. Потом она прыгнула внутрь и оказалась Мией Феретти.

– Доброй ночи, дядя Фредо, – сказала она как ни в чем не бывало. – Простите за поздний визит... нет-нет, не вставайте. Я сейчас уйду, просто расскажу вам о последних событиях. Джакомо уже делился с вами новостью? О дане Бьяджи?

– Да, – кивнул Фредо, решив послушаться девушку.

Как-то так она выглядела... мужская одежда, волосы стянуты в косу, у пояса... клинок?

С ума сойти можно!

И выражение лица... словно не Мия, а кто-то незнакомый в ее теле. Чужой, жестокий, рассудочный...

– Вы его одобрили?

– Нет. – Мария решила взять слово. – Но время же еще есть его переубедить?

– Нет, – коротко отмахнулась Мия. – Этой ночью дана Мия Феретти из зависти к младшей сестре отравила и дядю, и ее жениха.

– ЧТО?!

Взвыли супруги в унисон. Во дворе аж собаки зашлись.

Мия покачала головой.

– Дядя-дядя... ну зачем так громко?! Сейчас слуги прибегут... ладно. Я все равно ненадолго. Итак, вот документы для следствия. Показания слуг... это, конечно, не даны, но рассказывают они о развлечениях своего господина весьма подробно. Прелесть просто! Вот это мое признание. Письма я написала, там тоже созналась, но вот еще одна копия... так, на всякий случай.

Вот бумаги на опеку.

Поскольку Лоренцо пока не признан умершим, а четырнадцать лет ему уже исполнилось, опекуном сестер признается именно он. И подписывать брачные договоры без его одобрения нельзя. Вот одобрение помолвки между данной Сереной Феретти и даном Эмилио Делука. Но только помолвки, не свадьбы. На ближайшие года три этого хватит, а потом я вернусь. Под другим именем. Деньги присылать сестрам буду, заодно убедитесь, что я жива. Буду писать, что от даны Леоноры Белло.

Фредо и Мария слушали молча, будто оцепенев.

Слов не было.

Это – Мия?!

Вот ЭТО – Мия?!

Не верилось. Просто не верилось...

В дверь застучали.

Мия хмыкнула.

– Ладно, самое главное я сказала, если что забыла – напишу с дороги. Дана Леонора Белло. Всего хорошего, дядя, тетя. Дяде Паскуале привет, Кати за меня поцелуйте.

И только занавеска на окне колыхнулась.

Если бы не бумаги на кровати... точно бы решили, что сон такой приснился. Кошмарный.

Мужчина и женщина переглянулись.

– Надо ехать к Джакомо?

Фредо подорвался на кровати. И чуть не снес слуг дверью.

Надо?!

НАДО!!!

Только вот есть подозрения, что поздно.

* * *

Комар не спал.

Ночь – самое то время... когда в дверь поскреблись, он даже не сильно удивился.

– Что случилось?

– Письмо, мальчишка принес. От Удава.

– Хм? Давай сюда...

Перчатки Комар надел автоматически. Но – не понадобились. Письмо было без сюрпризов. То есть – без яда. Но...

Дана Мия Феретти решила не слишком-то разглагольствовать.

«Здравствуйте, Комар.

Или лучше написать «ньор Фабрицио Маркеше»?

Сейчас это не важно. Уже ничего не важно, потому что сегодня ночью Джакомо умер. Я его убила.

Когда он сделал из меня чудовище – я не возражала.

Когда натаскивал на кровь – что ж. За все надо платить. Я считала, что оплачиваю свободу и спокойную жизнь сестер и брата своей жизнью и свободой. Это было справедливо.

Два дня назад Джакомо принял предложение дана Бьяджи и решил отдать ему на смерть и мучения мою младшую сестру. Серену.

Отказаться он мне не дал бы.

Расстроить свадьбу – тоже.

Мне жаль, что пришлось так поступить. Как-то Джакомо сказал, он надеется, что ученик превзошел учителя. Так и получилось, ведь я отправила Вам это письмо.

И ухожу.

Не стоит меня искать. Хотя бы потому, что второй лист в конверте – список наших скромных совместных дел. С именами, доказательствами... Если со мной что-то случится, копия попадет в королевскую канцелярию. Три копии – я подстраховалась. А может, и побольше.

Придумайте любую версию, ньор Фабрицио. Скажите, что я сошла с ума, что вы меня убили, что... да что угодно. И оставьте в покое мою семью.

Они все равно ничего не знают... а сегодня я просто опоила всех снотворным.

Я искренне сожалею о случившемся.

Желаю вам закончить свои дни не на эшафоте.

Дана Мия Феретти».

Комар медленно развернул второй лист.

Что ж.

Память у Мии действительно была идеальной. Она потратила на эти документы больше шести часов, но...

Полное описание всех ее дел. От и до.

Всех людей, всех случаев, деталей...

Тут любой поверит. Вообще – любой.

Комар выронил пергамент и застонал.

Джакомо, брат...

Удав, друг мой...

Как же ты так просчитался?!

Как ты вырастил это чудовище... нет, не так!

Как ты повернулся к ней спиной?!

И в то же время...

Боль, восхищение и уважение сплелись в тугой клубок в душе мужчины.

Дракон – тоже чудовище. Но какое же восхитительное чудовище вырастили они с Джакомо! Больно за брата... да. Но почему-то Комару

казалось, что Удав был бы... доволен.

Действительно. Ученица превзошла своего учителя. И зная и Удава, и Змейку...

Спешить было уже некуда.

* * *

Падре Ваккаро проснулся от стука в дверь кельи.

– Что случилось?

– Откройте, падре.

– Д-дана? Но КАК?!

Падре натянул рясу – и распахнул дверь.

Действительно, перед ним стояла дана Мия. Непривычная, в мужской одежде, но спокойная и решительная.

– Падре Ваккаро... это вам. И у меня к вам есть две просьбы.

– Слушаю, дитя мое.

– Первая – прошу вас потратить эти деньги на благотворительность. И вторая – помолитесь за меня, падре. И за Лоренцо Феретти...

– Хорошо, дитя. Но что...

Мия подняла руку.

– Не надо, падре. Завтра вы все сами узнаете. И поверьте, другого выхода у меня не было. Этот самый человечный. А мне... я монстр и чудовище, падре, но я хочу быть монстром, а не мразью.

Она развернулась – и растаяла в темноте.

Падре долго смотрел ей вслед, а потом вернулся в келью.

Открыл мешочек с деньгами.

Сверху лежал, поблескивая алым камнем, перстень с громадным рубином. Это не считая крупной суммы денег... хотя и не круглой.

Падре вздохнул и опустил на колени.

Завтра он все узнает.

Завтра вздрогнет столица.

А сегодня и сейчас...

Господи, воля твоя... помилуй эту мятежную душу...

* * *

Из столицы Мия вышла спокойно. Через главные ворота.

А чего ей?

Любое лицо, любое тело к ее услугам. Что захочет, то и изобразит.
Кто ее задержит? Кто ее вообще узнает?

Никто...

Так что Мия шагала по дороге и насвистывала песенку.

Лютня за спиной, мужская одежда, удобная обувь... идет бродяга-менестрель. Они как раз начинают появляться на дорогах.

Куда?

У Мии было направление. Она шла не просто так.

Она собиралась разузнать тайну мастера Сальвадори и его зеркал.
Там ее точно искать не будут. Письма она уже отправила, оставила, в банке побывала, со всеми попрощалась...

Дорога весело постукивала под грубыми на вид башмаками.

Светили с неба звезды, скользил по щекам ветер.

Впервые за последние несколько лет Мия была свободна и счастлива. Все было хорошо.

notes

Примечания

1

За основу взята система Древнего Рима. Но упрощенная. (*Прим. авт.*)

Развлечение древних римлян: травля животных на арене. (*Прим. авт.*)

3

Тоже римская классификация, в зависимости от типа оружия.
(Прим. авт.)

4

Знакомый лесник рассказывал. Правда или нет – не знаю. (*Прим. авт.*)

Гепатит А. Болезнь грязных рук. *(Прим. авт.)*

6

Опытом делился один друг. *(Прим. авт.)*

7

С помощью системы блоков Архимед спокойно вытащил на берег корабль. (*Прим. авт.*)

В наше время это называется полиспагст. Людей нам на опыты не дали, но папину гирю на 16 кг мы с подругой на второй этаж через окно затащили. Будучи в возрасте ДО 7 лет. *(Прим. авт.)*

Примерно так это и было организовано. Стража следила за порядком, а расследования ложились на плечи сеньоров. И Холмсов с Пуаро среди них не было. Первым, кто создал полицию, как таковую, был Людовик 14-й, а ее первым шефом де ла Рейни. *(Прим. авт.)*

Легкие домашние туфли без задника. *(Прим. авт.)*

Этот предмет еще носит название рубель, или ребрак. У кого в хозяйстве сохранился – можете поверить, штука конкретная, не хуже скалки для разъяснительной работы. *(Прим. авт.)*

Если кто удивится, советую перечитать «Трех мушкетеров». Вполне себе благородный д'Артаньян не побрезговал после бурной ночи взять у миледи в подарок колечко приличной стоимости. *(Прим. авт.)*

Не ирония. Миртовый венок давали за бескровную победу. (*Прим. авт.*)

Начало классической католической молитвы от нечисти «Vade retro, Satana». Автор заранее извиняется, если, приведя эти строчки, оскорбила чьи-то чувства. (*Прим. авт.*)

Реальный святой не тем занимался, но кто-то же должен. (*Прим. авт.*)

Автор извиняется за оскорбление чувств верующих и рекомендует почитать хроники тех времен. Бывало и поинтереснее, да и потом тоже. *(Прим. авт.)*

Алтарь – сакральное помещение. Оно располагается в восточной части здания и бывает отделено от основной части храма [иконостасом](#) и солей. В архитектурном плане алтарь, как правило, представляет собой абсиду – полукруглую пристройку к основному зданию. *(Прим. авт.)*

Полный текст молитвы Сатане не привожу, но есть и такое.
(Прим. авт.)

Автор еще весьма сдержан в описаниях. От римских «зрелищ» стошнило бы любого современного человека, а доктор Лектер и Чикатило наперегонки помчались бы перенимать у них опыт. (*Прим. авт.*)

В венацио входили равно как травля животных, охота на них, так и сексуальные сцены с животными. В Риме это было популярно, вспомнить только древних богов, которые регулярно совокуплялись со смертными в образе то лебедя, то быка, то еще кого. *(Прим. авт.)*

Цирроз печени. Как осложнение перенесенного гепатита. (*Прим. авт.*)

Вообще, там куча подвидов, но это уже не фэнтези, а юриспруденция получится. *(Прим. авт.)*